

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

The Journal
is published
by Moscow State
University of Education

Журнал издаётся
Московским педагогическим
государственным
университетом

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Moscow State
University of Education

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Московский педагогический
государственный университет

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

Fjodor B. Uspenskij

The Editorial Board

Iskra Hristova-Shomova, Angel
Nikolov, Maria Yovcheva (*Bulgaria*);
Milan Mihaljević, Mate Kapović
(*Croatia*); Václav Čermák (*Czech
Republic*); Roland Marti, Björn
Wiemer (*Germany*); András Zoltán
(*Hungary*); Marcello Garzaniti
(*Italy*); Jos Schaecken (*Netherlands*);
Alexander I. Grishchenko,
Ekaterina I. Kislova, Roman N.
Krivko, Sergey L. Nikolaev, Maxim
M. Makartsev, Philip R. Minlos,
Alexander M. Moldovan, Tatiana
V. Rozhdestvenskaya, Alexei
D. Shmelev, Anatolij A. Turilov,
Boris A. Uspenskij, Rev. Mikhail
Zheltoy (*Russia*); Jasmina Grković-
Major, Tatjana Subotin-Golubović
(*Serbia*); Robert Romanchuk, Alan
Timberlake, William Veder,
Alexander Zholkovsky (*USA*)

Главный редактор

Фёдор Б. Успенский

Редакционная коллегия

Мария Йовчева, Ангел Николов,
Искра Христова-Шомова (*Болгария*);
Андраш Золтан (*Венгрия*); Бьёрн
Вимер, Роланд Марти (*Германия*);
Марчелло Гардзанити (*Италия*);
Йос Схакен (*Нидерланды*); Александр
И. Грищенко, свящ. Михаил Желтов,
Екатерина И. Кислова, Роман Н.
Кривко, Максим М. Макарец,
Филипп Р. Минлос, Александр М.
Молдован, Сергей Л. Николаев,
Татьяна В. Рождественская,
Анатолий А. Турилов, Борис А.
Успенский, А. Д. Шмелев (*Россия*);
Ясмينا Грекович-Мейджор, Татьяна
Суботин-Голубович (*Сербия*);
Александр Жолковский, Роберт
Романчук, Алан Тимберлейк,
Уильям Федер (*США*); Милан
Михалевич, Мате Капович
(*Хорватия*); Вацлав Чермак (*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Moscow State
University of Education

Московский педагогический
государственный университет

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 5

№ 1

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Included in / Журнал включён в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Linguistic Bibliography Online
Slavic Humanities Index
Ulrich's Periodicals Directory
Directory of Open Access Journals
EBSCOhost
Index Copernicus
ERIH PLUS
MLA International Bibliography,
MLA Directory of Periodicals
Linguistics Abstracts Online

Academic Editors

Fjodor B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Institute for Slavic Studies, Moscow
Alexander I. Grishchenko (Executive Editor),
Moscow State University of Education

Ekaterina I. Kislova, Lomonosov Moscow State
University
Roman N. Krivko, National Research University
Higher School of Economics, Moscow
Philip R. Minlos, Yandex N. V., Moscow
Roland Marti, Saarland University,
Saarbrücken

Managing Editors

Alexander I. Grishchenko, Ekaterina I. Kislova,
Roland Marti

Technical Copy Editors

Ekaterina Z. Vologina,
Alexander I. Grishchenko

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

Ekaterina I. Kislova, Maria S. Yakovleva

English Language Copy Editor, Proofreader

Claudia R. Jensen

Layout Editors Svetlana V. Lebedeva,

Natalya M. Leonova

Design (2012)

Igor' N. Ermolaev

Журнал включён в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК РФ

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>
<http://bibliographies.brillonline.com/>
<http://slavus.ca>
<http://ulrichsweb.serialssolutions.com>
<https://doaj.org>
<http://www.ebscohost.com>
<http://www.indexcopernicus.com>
<https://erihplus.nsd.no>

<https://www.mla.org/>
<http://www.linguisticsabstracts.com/>

Научная редакция

Фёдор Б. Успенский (главный редактор),
Институт славяноведения РАН, Москва
Александр И. Грищенко (ответственный
редактор), Московский педагогический
государственный университет
Ekaterina I. Kislova, Московский государ-
ственный университет им. М. В. Ломоносова
Roman N. Krivko, НИУ Высшая школа
экономики, Москва
Филипп Р. Минлос, ООО "Яндекс", Москва
Roland Marti, Университет земли Саар,
Саарбрюкен

Редакторы выпуска

Александр И. Грищенко, Ekaterina I. Kislova,
Roland Marti

Технические редакторы

Ekaterina Z. Vologina,
Александр И. Грищенко

Литературные редакторы, корректоры

(русский язык) Ekaterina I. Kislova,
Мария С. Яковлева

Литературный редактор, корректор

(английский язык) Клаудиа Р. Дженсен

Вёрстка Светлана В. Лебедева,

Наталья М. Леонова

Дизайн (2012)

Игорь Н. Ермолаев

Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 5. № 1. — Москва:
Московский педагогический государственный университет, 2016. — 300 с.

© Moscow State University
of Education, 2016
© Authors, 2016
© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Articles / Статьи

- 7 Vittorio Springfield Tomelleri (Macerata). *Zu den Theotokia im Wenzelskanon*
Vittorio Springfield Tomelleri (Macerata). *On the Theotokia in the Canon for St. Wenceslas*
Витторио Спрингфилд Томеллери (Мачерата). *Богородичны в каноне Св. Вячеславу*
- 70 Борис А. Успенский (Москва). *Антоний Печерский и начальная история русского монашества (Рясофор в Древней Руси)*
Boris A. Uspenskij (Moscow). *St. Anthony of Kiev and the Earliest History of Russian Monasticism (Novitiates in Old Rus')*
- 114 Олег Ф. Жолобов (Казань). *Заметки о словоформе е 'естъ' в древнерусской и старославянской письменности*
Oleg F. Zholobov (Kazan). *Notes on the Word Form Je 'Is' in Old Russian and Old Church Slavonic Literature*
- 126 Александр М. Гордин, Татьяна В. Рождественская (С.-Петербург). *"Идя ко святому Иакову": древнерусское граффито XII в. в Аквитании*
Alexander M. Gordin, Tatiana V. Rozhdestvenskaya (St. Petersburg). *'When Going to Saint James': An Old Russian Graffito from the 12th Century in Aquitania*
- 148 Александра Е. Соболева (Москва). *Проложное Житие Александра Свирского: реконструкция ранних этапов истории текста*
Alexandra E. Soboleva (Moscow). *The Synaxarion Redaction of the Life of St. Alexander Svirsky: A Reconstruction of the Early Stages of the Text History*
- 184 Яков А. Лазарев (Екатеринбург). *Идейное поле "национального" интеллектуала имперского периода: взгляды Г. А. Полетики (1725–1784) на "украинскую государственность"*
Yakov A. Lazarev (Yekaterinburg). *The Ideological Basis of the "National" Intellectuals of the Imperial Period: The Views of G. A. Poletika (1725–1784) on "Ukrainian Statehood"*
- 203 Кристина Ю. Андерс (Новосибирск). *О судьбе самого раннего русского перевода Ветхого Завета*
Kristina Ju. Anders (Novosibirsk). *History of the Earliest Russian Old Testament Translation*
- 218 Werner Lehfeldt (Göttingen). *Ein russischer Schatten auf dem Attentat von Sarajevo*
Werner Lehfeldt (Göttingen). *A Russian Shadow over the Assassination in Sarajevo*
Вернер Лефельдт (Гёттинген). *Русская тень над Сараевским убийством*

- 226 Anastasia V. Urzha (Moscow). *The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th Century)*
Анастасия В. Уржа (Москва). *Выдвижение как функция настоящего исторического в русских переводах приключенческой литературы (XX век)*
- 249 Кирилл А. Кожанов (Москва). *Аналитическое будущее время в языке русских цыган как калька с восточнославянских языков*
Kirill A. Kozhanov (Moscow). *Analytic Future Tense in Russian Romani as a Calque from Eastern Slavic*

Discussions / Полемика

- 263 Андрей А. Костин (С.-Петербург). *Акрибия и амелейя, или Где быть доброй земле? (грамматика В. Е. Адодурова в контексте и без)*
Andrei A. Kostin (St. Petersburg). *Acribia and Ameleia: The Context (or Lack Thereof) for Vasily Adodurov's Grammar*

Zu den Theotokia im Wenzelskanon*

**Vittorio Springfield
Tomelleri**

Universität Macerata, Italien

Богородичны в каноне Св. Вячеславу

**Витторио Спрингфилд
Томеллери**

Университет Мачераты, Мачерата,
Италия

Zusammenfassung

Vorliegender Aufsatz betrachtet die im kirchenslavischen Kanon auf den heiligen Wenzel enthaltenen Gottesmutterhymnen (Theotokia) aus einer zweifachen Perspektive: Der slavische Text wird mit der bis auf die erste Ode ermittelten griechischen Vorlage einerseits und mit anderen slavischen Übersetzungen andererseits verglichen. Die Theotokia des Wenzelskanons weisen frappante Ähnlichkeiten mit der Oktoechos und dem Kliment von Ohrid zugeschriebenen *Commune Sanctorum* auf; die festgestellten textuellen Übereinstimmungen legen die Vermutung nahe, dass es sich beim Wenzelskanon um die Übernahme bereits vorhandener Übersetzungen handeln könnte. Das im Aufsatz zusammengestellte Material soll der weiteren Vertiefung der angesprochenen oder nur angedeuteten Fragen dienen.

Schlüsselwörter

Kanon auf Wenzel, Theotokia, griechische Hymnographie, kirchenslavische Übersetzung, Kliment von Ohrid

* Diese Arbeit erfolgte im Rahmen des unter der Leitung von Prof. Dr. Hans Rothe durchgeführten DFG Projektes RO 123/54-2 – „Philologischer, historischer und theologischer Kommentar zu Ausgaben der Gottesdienstmenäen“ (Bonn, Institut für Geschichtswissenschaft, Abteilung für Osteuropäische Geschichte).

Резюме

Статья содержит первые результаты исследования церковнославянского канона святому Вячеславу (чеш. Вацлаву), который сохранился в восточно-славянских рукописях с кон. XI в. Особое внимание уделено анализу богородичных, чей греческий оригинал известен для всех песен канона, кроме первой. Славянский перевод был тщательно сопоставлен с греческим оригиналом и другими богородичными из различных канонов. Критическое издание каждого отдельного фрагмента славянского текста сопровождается разночтениями, что позволяет сразу же выявить общие чтения, ошибки и пропуски. Богородичны, содержащиеся в каноне Св. Вячеславу, демонстрируют интересное сходство с традициями Октоиха и литургической Общей службы святым (*Commune Sanctorum*), которая обычно связывается с Климентом Охридским. Возможным объяснением данного факта может быть то, что эти тексты не были напрямую переведены с греческого, а заимствовались из уже существующих гимнографических источников. Безусловно, для того чтобы полностью установить историю этих текстов, необходим куда более глубокий анализ, однако уже собранный здесь материал служит хорошей отправной точкой для дальнейших исследований.

Ключевые слова

канон Св. Вячеславу, богородичны, греческая гимнография, церковнославянский перевод, Климент Охридский

1. Einleitung. Neue Übersetzung, redaktionelle oder bloße Kopiertätigkeit?

Mit dieser Frage befasst sich vorliegender Beitrag, in welchem die der Gottesgebälerin gewidmeten Tropare des Kanons für den heiligen Wenzel unter die Lupe genommen werden. In einer im Druck befindlichen und unter Zeitdruck entstandenen Arbeit wies der Verfasser dieser Zeilen bereits auf frappante textuelle Ähnlichkeiten hin, die zwischen einigen dieser Tropare und der Überlieferung des keinem geringeren als Kliment von Ochrid zugeschriebenen *Commune sanctorum* bestehen [TOMELLERI 2016]. Die folgenden Ausführungen sollen die dort etwas plakativ und provokativ formulierte Hypothese eingehender nachprüfen und des Weiteren dem Problem nachgehen, inwieweit die Gottesmutterhymnen (im Folgenden als Theotokia bezeichnet), die in der griechischen und demzufolge auch slavischen Tradition oft in mehreren Kanones vorzufinden sind, eine aussichtsreiche vergleichende Analyse unterschiedlicher Übersetzungen ermöglichen.

Unabhängig davon, ob sich tatsächlich Zusammenhänge werden aufdecken lassen oder die festgestellten Übereinstimmungen nicht unmittelbar miteinander verbunden, sondern nur übersetzungstechnisch bedingt sind, scheint der Versuch lohnenswert, die im Wenzelskanon auftretenden Theotokia einer philologisch-linguistischen Prüfung zu unterziehen mit dem zweifachen Ziel, einerseits die Überlagerung und Vermischung textueller Schich-

ten aufzuzeigen und womöglich zu entwirren, andererseits die verschiedenen Übersetzungsstrategien zu beschreiben. Wichtiger Ausgangspunkt für die nachstehenden Überlegungen sind die Forschungsergebnisse von Dieter STERN [2002] und Dagmar CHRISTIANS [2004]; ihre Aufsätze enthalten nämlich sowohl wertvolles Material als auch inspirierende Gedanken, die hier aufgegriffen und weiterentwickelt werden sollen.

Es stellt sich eingangs die Frage, warum bei dieser Untersuchung gerade vom Wenzelskanon ausgegangen wird. Diese auf den ersten Blick etwas abwegig erscheinende Wahl erklärt sich in erster Linie durch die kulturhistorischen Begebenheiten, unter denen dieser in vielerlei Hinsicht rätselhafte Text entstanden ist.

Eine südslavische Herkunft des Wenzelsoffiziums kann man aufgrund der historischen Tatsache ausschließen, dass der Kult des tschechischen Fürsten unter den Südslaven nicht bezeugt ist [ROGOV 1970: 20]. Die von den Forschern festgestellte südslavische Prägung des Textes, wie etwa das häufige Auftreten des klitischen Dativpronomens in adnominaler Stellung, die maskuline Form des Ortsnamens *Празъ* statt *Праса* und weitere lexikalische Besonderheiten beeinträchtigen die Möglichkeit einer nordslavischen Herkunft des Wenzelsoffiziums kaum; das Altkirchenslavische erfuhr bekanntlich eine über die ethnisch-nationalen Grenzen hinausgehende Verbreitung und wies in den verschiedenen Gebieten eine ziemlich einheitliche Sprachstruktur auf, was sehr oft die geographische und chronologische Zuordnung von Texten wesentlich verkompliziert.

Somit stehen sich zwei (Hypo)Thesen gegenüber, nämlich die west- und die ostslavische.

Während der Austragungsort der geschilderten Ereignisse die Verortung des Wenzelskanons in Böhmen, dem Heimatland des Heiligen, nahelegt, lässt sich doch ein ostslavischer Ursprung nicht ganz von der Hand weisen; die ältesten erhaltenen Belege der slavischen Wenzelsverehrung stammen nämlich aus ostslavischem Gebiet, was wiederum zu der daraus nicht zwangsläufig resultierenden Ansicht verleitet hat, das Wenzelsoffizium sei ein Produkt des frühen Kiever Schrifttums.

Der bemerkenswerte Umstand, dass die Theotokia des Wenzelskanons sowohl in der Textauswahl als auch in der Übersetzungstechnik deutliche Gemeinsamkeiten mit dem Kliment von Ochrid zugeschriebenen gemeinsamen Offizium für die Propheten aufweisen, erschwert zusätzlich die Beantwortung der Frage, wann und vor allem wo der Text angefertigt wurde, und birgt in sich methodische, beide Überlieferungen betreffende Schwierigkeiten.

Unsere Aufgabe wird in dieser ersten Sondierungsphase nicht darin bestehen, endgültige Antworten zu geben, sondern vorläufige Fragen aufzuwerfen und die zu deren Lösung notwendige, aber vielleicht nicht hinreichende Vorarbeit zu leisten. Ziel dieser Studie ist es folglich, die Theotokia des Wen-

zelskanons mit anderen slavischen Übersetzungen, die in Kanones auf nicht-slavische Heilige enthalten sind, und mit deren griechischen Vorlage, falls bekannt, zu vergleichen.

Darüber hinaus soll anhand des Wenzelskanons die schon früher geäußerte Meinung nachgeprüft werden, wonach die Theotokia in Kanones auf slavische Heilige keine neuen Übersetzungen, sondern Übernahmen aus vorhandenen Quellen darstellen (vgl. etwa [STERN 2002: 174] zum Theotokion der vierten Ode des Kanons auf Kyrill und Method).

Die hier vorgenommene Untersuchung ist bei den Theotokia der ersten und neunten Ode dadurch erschwert, dass die slavische Tradition kein Vergleichsmaterial bietet; darüber hinaus konnte leider im ersten Fall auch die griechische Vorlage nicht nachgewiesen werden.

Zunächst sollen sämtliche im Wenzelskanon und in anderen Kanones vorhandene Theotokia einzeln dargestellt werden, und zwar textkritisch nach einer als Grundtext dienenden Handschrift unter Angabe aller (oder bei bereits edierten nur der bedeutsamen) Varianten im kritischen Apparat; danach wird der auf diese Weise gewonnene „Urtext“ aus jeder einzelnen Fassung noch einmal zusammen mit der griechischen Vorlage interlinear dargeboten, damit Ähnlichkeiten und Unterschiede sofort sichtbar und dadurch nachvollziehbare Rückschlüsse ermöglicht werden. Es folgt schließlich ein knapper philologisch-sprachlicher Kommentar zu einzelnen Stellen und/oder Lexemen.

Bevor wir uns der Analyse zuwenden, sei zunächst eine kurze Übersicht über den Ausgangstext und dessen Hauptperson, den tschechischen Fürsten und Märtyrer Wenzel, vorausgeschickt.

2. Gegenstand der Untersuchung

2.1. Der heilige Wenzel . . .

In der slavischen orthodoxen Kirche wird des heiligen Märtyrers Wenzel am 28. September gedacht. An diesem Tag, im Jahre 929 oder 934,¹ soll er von seinem Bruder Boleslav in dessen Burg Stará Boleslav (Alt Bunzlau) ermordet worden sein,

¹ Die Historiker sind sich darüber nicht einig. Jedenfalls fand im Jahr 1929 eine groß angelegte Millenniumsfeier staatlich-klerikaler Ausprägung statt [PACES 2001: 221], womit die katholische Kirche auf den vier Jahre zuvor gefassten Beschluss reagierte, den Todestag des Jan Hus zum nationalen Feiertag zu erheben [SCHULZE WESSEL 2004: 190, DABROWSKI, TROEBST 2014: 46]. Diese letzte Entscheidung, welcher der Heilige Stuhl mit großer Empörung begegnet war, hatte die sogenannte Marmaggi-Affäre zur Folge [HUBER 2005: 274], als der päpstliche Botschafter Francesco Marmaggi das Land demonstrativ verließ und damit einen „Gegenangriff auf die überwiegend hussitisch ausgerichtete nationale Überlieferung“ vollzog [GRAUS 1975: 332]. Auch der speziell zur Millenniumsfeier gedrehte Film ist in ideologischer Hinsicht durchaus bemerkenswert [RYCHTEROVÁ 2009].

wobei diese grauenhafte Tat² innere Auseinandersetzungen politischer und religiöser Natur widerspiegelte [SAMERSKI 2007: 99, VODRÁŽKOVÁ, BOK 2013: 426].

Dreißig Kilometer nordöstlich von Prag gelegen, blieb Stará Boleslav über die Jahrhunderte eine wichtige Wenzel-Gedächtnisstätte, auch nachdem der Mörder den Leichnam des Herzogs auf die Prager Burg überführen ließ [SAMERSKI 2006: 355]. Nach der Schlacht am Weißen Berg (1620) wurde es sogar zum „symbolischen Zentrum habsburgischer Rekatholisierungspolitik in Böhmen“ [BURSCHEL 1999: 540] und zu einem „Knotenpunkt der tschechischen Gegenreformation“ [DUCREUX 1999: 597] (vgl. auch [EADEM 2007: 103–104]).

Der heilige Wenzel nimmt einen außerordentlich wichtigen Platz in der tschechischen Nationalgeschichte ein. Bereits im 10. Jahrhundert, kurz nach seinem Tod, galt er als christlicher Märtyrer; im Laufe der Zeit „avancierte“ er zum Inbegriff des tapferen Kämpfers [BLÁHOVÁ 1999: 228]³ und wurde schließlich zum Patron seines Landes erkoren; seine in Prag aufbewahrten Reliquien „gehören zum Kern des Heiligtumschatzes“ der Veitskathedrale [VELEK 2008: 37]. Von Anfang an zeichnete sich seine Verehrung dadurch aus, dass sie mit der „Staatsideologie“ sehr eng verzahnt war und früh institutionalisiert wurde [GRAUS 1975: 159]; sie blickt auf eine mehr als tausend Jahre lange Geschichte zurück, welche aber durch erhebliche Schwankungen in der politischen, historischen und konfessionellen Wahrnehmung des Heiligen gekennzeichnet ist und oft zum Gegenstand höchst interessanter Auseinandersetzungen wurde⁴. Der kulturhistorische Stellenwert der Wenzelsverehrung kann hier leider aus Platz- und vor allem Kompetenzgründen nicht vertieft werden (vgl. dazu etwa [BARTOŠ 1929: 40–62; GRAUS 1980; SAMERSKI 2007]).

2.2. . . . und sein Gedenktag in der slavischen Liturgie

Der im sechsten Ton verfasste Kanon für Wenzel ist in drei ostslavischen Textzeugen erhalten:

2.2.1. in einer Handschrift Novgoroder Herkunft vom Ende des 11. Jahrhunderts, welche Jagićs Ausgabe zugrunde lag [JAGIČ 1886: 0213–0222]:

² Dafür erntete Wenzels Bruder und Mörder, Boleslav I., den Tadel des Geschichtsschreibers Cosmas von Prag (1045–1125): „... si dicendus est dux, qui fuit impius atque tyrannus, sevir Herode, truculentior Nerone, Decium superans scelerum inmanitate, Dioclecianum crudelitate, unde sibi agnomen ascivit ‘sevus Bolezlaus’ ut diceretur“ (Cosmae Pragensis chronica Boemorum I, 19, zit. nach [BRETHOLZ 1923: 38]); vgl. dazu auch [PLASSMANN 2006: 330]; tschechische Übersetzung in KOSMA [1972: 37–38], russische Übersetzung in Kosma [1962: 61].

³ Vgl. auch [BARTOŠ 1929: 42]: „Z církevního světe vyrostl v rytíře“.

⁴ Im Laufe der Jahrhunderte unterlag Wenzel nämlich völlig entgegengesetzten Beurteilungen: Ihm wurden zum Beispiel eine allzu starke Anhänglichkeit an Deutschland und staatsmännische Untauglichkeit vorgeworfen. Ambivalent ist auch das Verhältnis der tschechischen Historiographie, welche Wenzel manchmal sogar als Mithelfer der deutschen Aggression betrachtet hat, so zum Beispiel in einem gymnasialen Geschichtslehrbuch, das 1972 erschienen ist [HILSCH 1980: 106].

Moskau, Russisches Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Fond 381, Nr. 294, 1095-1096 г. [ŽUKOVSKAJA 1984: 46–47, № 7], Bl. 161r–163r (Kathisma und Stichiren), 165v–168v (Kanon).

Diese Handschrift ist jetzt auch in digitalisierter Form zugänglich: <http://rgada.info/> (15.07.2015).

Editionen: [JAGIČ 1886: 0213–0222; Vondrák 1910: 170–175; 1925: 211–217]; [VAJS 1929: 139–145] mit tschechischer Übersetzung; [GRUZÍN 1929: 126–133] mit tschechischer Übersetzung; [MAREŠ 1979: 45–49] (= [VAJS 1929: 139–145] ohne Übersetzung); [ROGOV 1970: 119–125] mit russischer Übersetzung – Siglum: **T**;

2.2.2. in einem späteren, ebenfalls im Novgoroder Raum angefertigten Textzeugen aus dem 12. Jhdt.; dieser Codex gehört zu einer Gruppe neumierter, d.h. mit musikalischer Notation versehener Gottesdienstmenäen, welche sich mit Ausnahme der Monate März und Juli vollständig erhalten haben:

Moskau, Staatliches Historisches Museum (GIM), Synodalsammlung, Nr. 159, 12. Jhdt. [ŽUKOVSKAJA 1984: 119, № 78], Bl. 242r–247r.

Editionen: [NEVOSTRUJEV 1872: 166–169], [KOLÁŘ 1873] mit tschechischer Übersetzung (letzte ist zum Teil bei [KOŠNÁŘ 1912: 28–29] nachgedruckt), [GORSKIJ, NEVOSTRUEV 1917: 2–16] – nur Kanon, [ANGELOV 1967: 72–74] – nur Kanon; Siglum: **C**;

2.2.3. in einer Handschrift vom Anfang des 12. Jhdts. aus der Sammlung der Novgoroder Sophienkathedrale:

Sankt-Petersburg, Russische Nationalbibliothek (RNB), Sophiensammlung Nr. 188 [KUPRIJANOV 1858: 45–46, ŽUKOVSKAJA 1984: 105–106, № 63].

Edition: [SREZNEVSKIJ 1863: 189–191]; Siglum: Соф.

2.2.4. Textstruktur

Das Wenzelsoffizium besteht aus den folgenden Texteinheiten (vgl. dazu auch [VELEK 2008: 47]):

- 1) Kathisma im vierten Ton, Automelon;
- 2) Kontaktion im ersten Ton, nach: $\lambda\iota\kappa\acute{\iota}\zeta\ \alpha\eta\hat{\gamma}\lambda\acute{\iota}\kappa\langle\zeta\mu\iota\rangle$ (fehlt in der Handschrift **T**);
- 3–4) Zwei Stichera im achten Ton, nach: $\omega\ \pi\rho\upsilon\sigma\lambda\alpha\beta\upsilon\kappa\langle\sigma\eta\ \nu\iota\delta\sigma\rangle - \text{'}\Omega\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\eta\varsigma\ \pi\alpha\rho\alpha\delta\acute{\omicron}\xi\omicron\upsilon\ \theta\alpha\lambda\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$;
- 5–6) Zwei weitere Stichera im achten Ton, nach: $\rho\lambda\iota\ \langle\mu\iota\rangle\zeta\epsilon\ \beta\zeta\ \eta\delta\omicron\mu\epsilon\beta - \text{'}\text{O}\ \acute{\epsilon}\nu\ \text{'E}\delta\acute{\epsilon}\nu\ \pi\alpha\rho\acute{\alpha}\delta\epsilon\iota\sigma\omicron\varsigma$;⁵

⁵ Im Wenzelskanon wurde der Buchstabe μ wegen Haplographie ausgelassen.

- 7) Sticheron im vierten Ton, nach: $\text{Ἦλκο Δοβλα <ВЪ МОУЧЕНИЦЪХЪ> – Ὡς γενναῖον ἐν μάρτυσιν};$
 8–39) Kanon im sechsten Ton (ohne 2. Ode);
 40) Exapostilarion.

2.3. Abfassungszeit und -ort des Wenzelsoffiziums

2.3.1. Abfassungszeit

Die Entstehungszeit des Wenzelsoffiziums liegt in der ungefähr anderthalb Jahrhunderte umfassenden Zeitspanne zwischen dem Tod des tschechischen Fürsten (929 oder 934) und der Abfassungszeit des ältesten Textzeugen (**T**), der auf das Ende des 11. Jhdts. datiert wird.

In der Literatur werden vor allem die intertextuellen Verbindungen des Offiziums zur ersten und zur zweiten kirchenslavischen Wenzelslegende hervorgehoben, die in viel späteren Handschriften aus dem 16. Jahrhundert überliefert sind. Das Vorhandensein eines so früh belegten Offiziums auf den heiligen Wenzel diene unter anderem als Beweis für ein hohes Alter der ersten Wenzelsvita, von welcher der Verfasser des Kanons offensichtlich ausging [PRAŽÁK 1972: 217] (vgl. auch [BLÁHOVÁ, KONZAL 1976: 220–221]).

Der Text des Wenzelsoffiziums enthalte ferner deutliche Anklänge an die zweite Vita, die darauf hinweisen, dass schon im 11. Jhd. die ostslavischen Abschreiber [sic! – „Russian scribes“] deren Text kannten und verwendeten [MATĚJKA 1968A: 269] (vgl. auch [IDEM 1968B: 1039]: Wenzel wird nämlich in beiden Texten als heilig bezeichnet, während in der ersten Vita lediglich von einem frommen und edlen Mann – $\text{БЛАГОВЕРНАГО И ДОБРАГО МЖА}$ – die Rede ist [IDEM 1968A: 269]; auch die wundersame Befreiung der Gefesselten wird im Kanon wie auch in der zweiten Vita an mehreren Stellen thematisiert [IDEM 1968b: 1039]. Außerdem spielen sich die in der ersten Vita geschilderten Ereignisse um den Fürsten-Märtyrer in den tschechischen Landen ab; die zweite Vita und der Kanon berichten dagegen von Böhmen [IDEM 1968A: 270; 1968B: 1039–1040].

Die relative Chronologie hilft uns jedenfalls bei der Datierung des Wenzelsoffiziums nicht weiter, da die erste sowie die zweite Legende in der handschriftlichen Überlieferung wesentlich später belegt sind. Die im Prolog zur sogenannten Christianslegende von deren Verfasser als schmerzhaft und dringend empfundene Notwendigkeit, versifizierte liturgische Texte auf Latein anzufertigen, kann nicht unbedingt als Beweis gegen die damalige Existenz des kirchenslavischen Offiziums geltend gemacht werden [KØLLN 1996: 34–36].

2.3.2. Abfassungsort

Noch unklarer ist die räumliche Lokalisierung dieses Denkmals. Da die Überführung der Gebeine eines Heiligen damals einer formalen Kanonisation gleich-

kam [DVORNÍK 1968: 44, GRAUS 1975: 161–162], könnte man für das Offizium ein ziemlich frühes Entstehungsdatum ansetzen; dort wird nämlich auf die laut Cosmas Tschechischer Chronik im Jahr 932 von Boleslav veranlasste *translatio reliquiarum* und die darauf folgende Verlagerung der Wenzelsverehrung von Alt-Bunzlau, Ort des Martyriums, zur Prager Burg Bezug genommen (*terminus post quem*). Es wird daher behauptet, das Offizium sei auf westslavischem Gebiet um die Mitte des 10. Jahrhunderts verfasst worden [VAŠICA 1966: 522–523].

Daraus, dass im zweiten Tropar der achten Ode die Übertragung der Reliquien erwähnt wird, wurde der wohl gewagte Rückschluss gezogen, dass das Wenzelsoffizium auch für dieses Ereignis, welches am 4. März stattfand, verwendet worden sei [VAŠICA 1942: 73, 263–264]. Pražák ging in seiner Interpretation so weit anzunehmen, dass die endgültige Textfassung, wie sie heute in der ostslavisches handschriftlichen Überlieferung vorliegt, erst in der Kiever Rus' zusammengestellt worden sei. Aufgrund der Erwähnung des Todes des Heiligen im vierten Sticheron hielt er das Wenzelsoffizium für das Ergebnis einer Kontamination: Auf ostslavischem Boden seien zwei ursprünglich voneinander unabhängige Offizien ineinander verschmolzen worden [PRAŽÁK 1972: 219] (vgl. auch [VELEK 2008: 47–48]).⁶

Sollte das Wenzelsoffizium tatsächlich das Ergebnis einer späteren Kompilation darstellen, könnte es mit der tschechischen Tradition nur bedingt und „mit gewissem Vorbehalt verknüpft werden“ [KALHOUS 2010: 388] (vgl. auch [IDEM 2012: 218]), nicht aber zur altkirchenslavischen Literatur tschechischer Herkunft zählen.

Daran, ob die sprachlich eindeutige südslavische Prägung des Wenzelsoffiziums als überzeugendes Argument für eine bulgarische Herkunft des Textes angesehen werden darf, kann man ernsthafte Zweifel hegen. Vondrák führte einige lexikalische und morphologische Eigentümlichkeiten zugunsten dieser These an:

привѣти – *visita* vs. das in den älteren Denkmälern bezeugte поѣтити,
 баграницею – *πορφύρα* vs. прапръдъ,
 жизнь,
 крѣмление vs. пица,
 страны vs. ѡзъикъ,
 дѣвице [sic!] neben дѣва,
 вѣрзи радъма (als eklatanter Bulgarismus eingestuft),

⁶ In diesem Zusammenhang hebt Pražák (ebenda) den aus seiner Sicht besonderen Charakter der siebten und achten Ode hervor und erachtet den dort am Ende jedes Tropars enthaltenen biblischen Refrain als einen textuellen Fremdkörper und daher ursprünglich als Bestandteil des am 4. März zelebrierten Offiziums für die *translatio*: „7. a 8. píseň se tak odlišují od ostatních a jejich důsledný refrén se zdá svědčit o tom, že představují v dochovaném útvaru neporušené celky, převzaté odjinud, tj. (vzhledem k translačnímu troparu v 8. písni) ze služby k 4. březnu“; das von ihm vorgebrachte Argument bedarf offensichtlich einer Korrektur. Zur slavischen Wiedergabe dieser Ephemnia vgl. [CHRISTIANS 2010].

Verwendung von klitischen Pronominalformen im Dativ zum Ausdruck der Possessivität (ПАМАТЬ ТИ, КРЪВЕ ТИ, СІА СИ, ТВОРЬЦЮ СИ usw.).

Aufgrund dieser sprachlichen Besonderheiten zog er den alles andere als zwingenden und überzeugenden Schluss, dass der Wenzelskanon gleichzeitig mit der Übersetzung der übrigen Texte aus dem Gottesdienstmenäum für September angefertigt worden sei [VONDRÁK 1892: 27]. Von bulgarischer Vermittlung gingen auch VAJS [1929: 137] und WYTRZENS [1985: 425, Anm. 1] aus; letzterer untermauerte seine Äußerung („jedenfalls über Bulgarien“) durch ähnliche sprachliche Merkmale, wie z. B. die Verwendung der klitischen Pronominalformen zum Ausdruck der Possessivität (ГРАДЪ ТИ), die bereits angesprochene maskuline Form des Stadtnamens Prag (ПРАГЪ) und die seiner Meinung nach „fremde“ Bezeichnung ВЪ ЗЕМЛИ БОЕМЪЦЪ.⁷

Für eine westslavische Herkunft sprach sich dagegen ein bulgarischer Forscher aus, dem wir die dritte Edition des Wenzelskanons (ohne Kathisma, Stichiren und Exapostilarion) nach der Handschrift C verdanken; dabei stellte er im Text die Lebendigkeit der kyrillo-methodianischen Tradition in Mähren und Böhmen sowie eine beeindruckende stilistische Nähe zu den Werken des Kliment von Ochrid fest [ANGELOV 1967: 71].

Außerdem scheinen einige Textpassagen darauf hinzudeuten, dass der Verfasser des Wenzelskanons den wohl auf Methods Tätigkeit zurückgehenden Kanon für Demetrius kannte und zum Teil auch nachahmte [VAŠICA 1966: 521–523]. Die vom tschechischen Forscher gezogenen Parallelen bestehen jedoch aus schablonenhaften Formeln der byzantinisch-slavischen Hagiographie und können nicht als unwiderlegbares Beweismaterial dienen; auch der auf S. 523 angeführte Ausdruck ЗЛОЛЮТЬНО СЪМОУЩЕНИЕ stellt eine ziemlich problematische Übersetzung aus dem Griechischen dar (vgl. dazu unten § 3.6.). Als recht fragwürdig erweist sich schließlich die Behauptung, dass die bereits erwähnte äußerst häufige Verwendung der kurzen adnominalen Pronomina ми, ти, си in possessivischer Bedeutung dem Einfluss des Kanons für Demetrius zuzuschreiben sei [IBID.: 522].

Die westslavische Provenienz dieses Textes wurde erwartungsgemäß von zahlreichen tschechischen Wissenschaftlern vertreten, zu denen sich Roman Osipovič Jakobson gesellte, der vor seiner letzten Flucht über Schweden in die USA zwei Jahrzehnte als ostslavischer Emigrant in Böhmen tätig war und eine ganze Reihe interessanter und ideologisch nicht ganz unumstrittener Beiträge (vgl. dazu [LEHÁR 1995]) zu den mittelalterlichen russisch-tschechischen Wechselbeziehungen und zur „übernationalen“, die gesamte Slavia verbindenden Rolle der altkirchenslavischen Tradition verfasste (z. B. [JAKOBSON 1953/1985]). In diesem weiteren Kontext lege das textgattungsmäßig der

⁷ Vgl. auch [SREZNEVSKIJ 1856: 192]: „Эти оба обстоятельства, повидимому очень не важные, стоят внимания в отношении к вопросу о сочинителе канона“.

byzantinischen Tradition angehörende Wenzelsoffizium ein deutliches Zeugnis für das Vorhandensein kyrillio-methodianischer Spuren in Böhmen noch in der ersten Hälfte des 10. Jahrhunderts ab [BLÁHOVÁ, KONZAL 1976: 220–221]; auf diese Weise lasse sich die Kontinuität der mährischen Mission in Böhmen des 10. und 11. Jahrhunderts unzweideutig bestätigen [VAŠICA 1966: 522–523].⁸ Somit wird dieser Text gleichzeitig als „nationales“ Kulturerbe und wichtiger Nachfolger der mährischen Tradition in Böhmen angesehen; aus diesem Grund wurde sein lexikalischer Bestand, zusammen mit dem anderer westslavischer Texte,⁹ in das sonst das Textkorpus sehr streng und einschränkend auffassende Prager Wörterbuch aufgenommen, wo das Wenzelsoffizium als einziger Vertreter der (alt)kirchenslavischen Hymnographie auftritt [MUR'JANOV 1981: 94].

Man hat dementsprechend nach lexikalischen Bohemismen im Wenzelsoffizium gesucht: Zum westslavischen Sprachgut dürften das abgeleitete Substantiv *кѣнажнѣ* und der Ausdruck *старъши зълоудѣи* zur Bezeichnung des Teufels gehören [BLÁHOVÁ, KONZAL 1976: 219–220]; zu den phonetisch-morphologischen Bohemismen zählen außerdem der Nom. Pl. und Gen. Sg. der Neutra, *o*-Stämme, auf *-нѣ* statt *-нѣа*.¹⁰ man denke an die Formen *оубыѣннѣ* im ersten Tropar der dritten Ode nach dem Textzeugen *Соф* und *исцѣленнѣ* im vierten Tropar der ersten Ode nach der Handschrift *С* [BLÁHOVÁ, KONZAL 1976: 220]. Das eher zufällige Vorkommen solcher Fälle bei einer beträchtlichen Anzahl „korrekter“ kirchenslavischer Endungen schränkt aber die phonetische Aussagekraft dieser Beispiele ein.

Dazu könnte ferner das im Wenzelskontakion und sonst nur noch in den Kiever Blättern belegte Substantiv *рѡванинѣ* als Wiedergabe des lateinischen Wortes *munus* zählen (vgl. dazu [TOMELLERI in Vorb.] und dort angegebene Literatur).¹¹ Für dieses durchaus unklare und rätselhafte Lexem wurde eine ziemlich wackelige germanische Etymologie vorgeschlagen, wonach *рѡванинѣ* als Entlehnung von einem im Althochdeutschen nicht belegten und nur durch den innergermanischen Vergleich zu erschließenden **arvani* zu deuten sei

⁸ Vgl. auch Mareš kursivierte Schlußworte in der Einleitung zur Anthologie kirchenslavischer Texte westlicher Herkunft: „Czech CS literature was the product of a specific cultural zone that integrated its own cultural values with inherited values and assumed ones (received from both East and West), forming a new organic whole. This is its main contribution to European and human culture“ [MAREŠ 1979: 16]. Entschieden gegen diese Auffassung wendet sich FROS [1999: 100], der den Standpunkt von GRAUS [1963] und [1966] vertritt: „... nous n'avons aucun vestige de leur culte permanent et de la continuité de la tradition initiée par eux (i.e. Kyrill und Method, VST)“.

⁹ Für eine zusammenfassende Darstellung sei auf MAREŠ [1979] verwiesen; zum Westkirchenslavischen vgl. auch BIRNBAUM [1985].

¹⁰ Zum tschechischen Umlaut *a > e* in kirchenslavischen Texten vgl. [MAREŠ 1959]; [VEČERKA 1961: 420] erwähnt unter den Bohemismen der ersten Wenzelslegende einige Fälle, bei denen die *-ijo*-Stämme im Genitiv Singular oder aber Nominativ-Akkusativ Plural die Endung *-e* statt *-a* aufweisen.

¹¹ Die lexikalische Nähe des Wenzelsoffiziums zu den Kiever Blättern beweise laut PRAŽÁK [1972: 215] dessen tschechische Entstehung.

[НАИГИГАЛ 1936: 21–31]; da in der kroatischen Überlieferung an der gleichen Stelle die Form *дари* belegt ist, haben andere, Jagićs Intuition folgend, den Wegfall der ersten Silbe *да* aus der ursprünglichen Form *дарованине* für Lat. *munera* angenommen [МАТЉКА 1968а: 260–261]. Wie dem auch sei: es scheint ziemlich riskant, die Kiever Blätter für die Entstehung und Etablierung dieses möglichen „Phantomlexems“ im kirchenslavischen Wortschatz und im Wenzelskontakion verantwortlich machen zu wollen.¹²

Ostslavische Herkunft wird gelegentlich in Erwägung gezogen oder sogar behauptet,¹³ ohne allerdings eindeutig begründet zu werden. Der Umstand, dass das Offizium lediglich in frühen ostslavischen Handschriften überliefert ist, zeugt nämlich von dessen Textrezeption, sagt aber kaum etwas über die Entstehung aus:

... славянская свято-вацлавская литература, являющаяся в основном продуктом чешского творчества, сохранилась наиболее полно и прочно именно на Руси, сама же чешская среда очень рано утратила почти совершенно эту церковно-славянскую традицию о св. Вячеславе [FLOROVSKIJ 1935: 101].¹⁴

Die offenkundige Verbindung zwischen dem westslavischen Märtyrer und den ersten in der Rus' heilig gesprochenen Boris und Gleb gilt in erster Linie als sicherer Beleg dafür, welcher Popularität sich der Wenzelskult unter den Herrschern im ostslavischen Raum erfreut hat;¹⁵ in der ostslavischen Variante *Vjačeslav* tauchte sein Name immer wieder in der Fürstenfamilie auf.¹⁶ Matějka bezeichnet den nicht nur ihm unbekanntem Verfasser des Wenzelsoffiziums als in der byzantinischen Kunst erfahren und im schöpferischen Gebrauch des Kirchenslavischen bewandert:

It is therefore quite possible that the eulogy was composed either in Russia or, perhaps, in Bohemia by a writer who was well-trained on the Byzantine models and was capable of using Church Slavonic in a creative manner [МАТЉКА 1968b: 1038].

¹² „The occurrence of the word in the Novgorod manuscript (*scilicet* im Wenzelsoffizium, VST) would, of course, mean that the distorted form became a part of the Church Slavonic vocabulary“ [МАТЉКА 1968b: 1038].

¹³ Vgl. etwa [KALHOUS 2012: 217]: „The fate of the so-called canons of St. Wenceslas, preserved in a manuscript dating to 1095–1097, is also rather unclear. The final version of this compilation of canons was only composed in Kievan Rus“.

¹⁴ Im Archiv der Russischen Akademie der Wissenschaften werden Florovskij's handschriftlich geschriebene Notizen aus dem Jahr 1929 aufbewahrt, in denen die Wenzelsverehrung bei den Ostslaven behandelt wird [FLOROVSKIJ 1929].

¹⁵ Zur Figur des Fürsten und Märtyrers im slavischen Mittelalter vgl. [INGHAM 1984].

¹⁶ Zum ausgesprochen herrschaftlichen Charakter der Wenzelsverehrung in Böhmen und in der Kiever Rus' vgl. [VELEK 2008: 42]. Der typologischen Affinität der Wenzelsverehrung mit dem Kult von Boris und Gleb hat Marina Jur'evna Paramonova einen in einem „grauerregenden Deutsch“ (so SIGNORI [2001: 163]) verfassten Aufsatz gewidmet [PARAMONOVA 1999], dem eine ausführliche Monographie auf Russisch [EADEM 2003] und ein englischsprachiger kurzer Beitrag folgten [EADEM 2010].

Seine unentschlossene Formulierung scheint doch der Kiever Rus' die Vorrangstellung vor Böhmen zu überlassen.

3. Edition und Kommentar zu den einzelnen Theotokia

In diesem Abschnitt sollen alle acht im Kanon überlieferten Theotokia kritisch ediert und vergleichend analysiert werden. Als Grundhandschrift wurde der Textzeuge **C** ausgewählt, dessen musikalische Notation die Versstruktur erkennbar macht; offenkundige Überlieferungsfehler wurden korrigiert, mit Angabe der in der Handschrift tatsächlich belegten Lesart im kritischen Apparat.

3.1. Theotokion der ersten Ode

Hirmos: **҃Ако по соухоу х<оДивъ>** (Han S α'1; Ermittlung der Versstruktur nach N 79) – **ᾠς ἐν ἡπείρω περζεύσας** (EE 224).¹⁷

3.1.1. Text

Dieses Theotokion ist sonst in der slavischen Überlieferung nirgends belegt [STERN 2008, 1: 288, Nr. 3117]:

- (1) ВЪПАДЪША МА¹ ВЪ РАЗВОА ·
- (2) ДОУШЕГОУБЪНЪИ | ИМИ² ДЪВЪИ ·
- (3) И СЪМЪРТИНО³ ПОТОПЛЕНА ·
- (4) ВЪЗДАВИ | ГНИ⁴ МОЛОУ ТИ СІА⁵ ГОСПОЖЕ⁶ СЪИНА⁷ СИ⁵ И БОГА⁸ ·
- (5) ЗА | МЕНЕ ПОМОЛАЦИ⁹ ꙗꙋꙋ

C 243^v, 19 – 244^r, 1-3 (sub neum.), herausgegeben von NEVOSTRUEV [1872: 167], GORSKIJ, NEVOSTRUEV [1917: 13] und ANGELOV [1969: 72]; T 166^r, 4-6, herausgegeben von JAGIĆ [1886: 0219], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0167.jpg (15.07.2016); Соф, herausgegeben von SREZNEVSKIJ [1863: 189b–190a] ■ 1: ТСоф ма; 2: Т дшѣ-, -зим-, Соф дшѣ-; 3: Т -рът-, Соф -тъю; 4: ТСоф -виг-; 5: Т add. ·; 6: ТСоф гж-, Т add. ·; 7: ТСоф сн-; 8: ТСоф бд; 9: Т помолн сд.

Die bisherigen Deutungsversuche gingen nicht von der Kernbedeutung „Mord“ (gr. φόνος) des (alt)kirchenslavischen Lexems развои aus (spärlich belegt ist übrigens auch die Entsprechung zu gr. φονεύς „Mörder“). In Anbetracht der historischen Tatsachen und der in § 3.1.3. angeführten Evangelienstelle wäre auch

¹⁷ Hier und im Folgenden werden bei der Angabe der Hirmoi folgende Abkürzungen verwendet: EE = [EUSTRATIADIS 1932], Han = [HANNICK 2006], K = [KOSCHMIEDER 1952], N = [CHRISTIANS 2001b].

die von Sreznevskij [1906/1956, 3: 21] ausgesonderte semantische Schattierung „Hinterhalt“ (*zacaða – ἐνέδρα*) nicht unwahrscheinlich.¹⁸

Versucht man eine Rückübersetzung ins Griechische zu bewerkstelligen, ergibt sich als möglicher Textanfang *Τὸν ἐμπεσόντα με εἰς ληστὰς*, der mit dem von Follieri [1963: 199] verzeichneten Incipit aus der 1738 in Rom herausgegebenen Oktoechos vergleichbar zu sein schien: *Τὸν ἐμπεσόντα με ληστῶν*;¹⁹ ein Blick in diese Ausgabe [PARAKLĒTIKĒ 1738: φλγ'] brachte aber die ernüchternde Erkenntnis, dass die zu ermittelnde griechische Vorlage anderswo zu suchen ist.

Interessantere lexikalische Parallelen mit dem Theotokion bietet dagegen das erste Tropar der ersten Ode aus dem *Κανὼν κατανυκτικὸς* (sechster Ton, Hirmos: Ὁ αἰσθητὸς Φαραῶ):

Τὸν ἐμπεσόντα, Χριστέ, ληστῶν εἰς χεῖρας πονηρῶν καὶ πληγαῖς ψυχοφθόροις ἡμιθανῆ γενόμενον συμπαθείας ἐλαίῳ θεραπεύσας οἰκτείρησον, ἵνα δοξάζω σε [PARAKLĒTIKĒ 1871: 231A].

Es sei aber darauf aufmerksam gemacht, dass im Prager Teil des Sticherarions von Hilandar durch die slavische Konstruktion *взпацти вз* mit dem Akkusativ das den Dativ regierende Verb *ἐμπίπτω* wiedergegeben wird:

вз неприязниъ взпощъниъ взпадъши – πονηροῖς ὀδοστάταις ἐμπεσοῦσα [MAREŠ 1958: 550] (= [IDEM 1978: 136]).

Die noch zu ermittelnde griechische Vorlage müsste jedenfalls folgende Silbenanzahl aufweisen: 12-7-7-9-7-6 [Christians 2001b: 79].

3.1.2. Textologischer Kommentar

Die einzige bedeutsame Variante befindet sich im fünften und letzten Vers. Dem in der Grundhandschrift und im Textzeugen **Соф** vorkommenden präfigierten (!) Partizip Präsens *помолаци*,²⁰ von dem die Genitiv/Akkusativformen *сѣина си и вога* als direktes Objekt syntaktisch abhängen, steht in der Handschrift **T** eine weniger befriedigende intransitive Imperativform *помоли сѣ* gegenüber. Demzufolge müsste man die letzte Zeile als „Bete für mich“ wiedergeben und die oben erwähnten Genitiv/Akkusativformen

¹⁸ Vgl. auch SDJA [2013, 10: 17]: „Разбой, вооруженное нападение с целью грабежа, убийства“.

¹⁹ Bekanntlich verweist Follieri nur auf gedruckte Ausgaben und Seitenzahl, ohne nähere Auskunft über Textgattung, Tonart und Sonstiges anzugeben.

²⁰ Zur inneren funktionalen Doppeldeutigkeit solcher Formen vgl. KOSCHMIEDER [1987: 143–147].

сѢНА СИ И БОГА als direktes Objekt zu въздвигни auslegen, was semantisch und auch theologisch mehr als bedenklich wäre. Der gesamte Kontext spricht eindeutig für das transitive Verb.

3.1.3. Lexikalischer Kommentar

Die im Textanfang enthaltene lexikalische Kollokation, die auf das Gleichnis vom barmherzigen Samariter anspielt (Lk 10:25–37),²¹ kehrt fast wortwörtlich in einem Gebet aus dem *Euchologium Sinaiticum* wieder, dessen slavischer Text übrigens auch keine gr. Entsprechung hat:

ВЪПАДЪ ВЪ РАЗБОЯ Д<ог>ШЕГОУБЪНЪИНА – tombé dans les embuscades de la perdition [FRČEK 1939: 78a₂₀].

Ansonsten ist das adjektivische Kompositum δουσηουβνηζιη als Entsprechung zu gr. ψυχοφθόρος an einer Stelle des *Codex Suprasliensis* belegt [SJS 1966, 1: 528], und zwar in der Homilie des Johannes Chrysostomos zum Palmsonntag:

ρΑΖΟΥΜΒΗΖΙΗΜΖ | И ΔΟΥΣΗΟУΒНЪИМЪ ВЪКОМЪ – τοῖς νοητοῖς καὶ ψυχοφόροις λύκοις [ZAIMOV, KARALDO 1983: 328, 24–25].

Aus dem Gottesdienstmenäum führt Sreznevskij in seinen *Materialien für ein Wörterbuch der altostslavischen Sprache* ein weiteres hymnographisches Beispiel dieses Lexems an, nämlich das Kathisma im vierten Ton (Proshomoion: Скорο варн – Ταχὺ προκατάλαβε) aus der Akoluthie für Gregorios Dekapolites (797–842):

ТЪМЪ РАЗГЪНАЛЪ ЈЕСИ ДШЕГОУБЪНЪИХЪ СТЪДИ [SREZNEVSKIJ 1893/1955, 1: 752].²²

Die griechische Vorlage ist im Römischen Menäum zu lesen:

Τῆ θεία λαμπρότητι καταυγαζόμενος, τὸ σκότος ἐδίωξας τῶν ψυχοφθόρων παθῶν, Γρηγόριε ἀοίδιμε · ἠρθης πρὸς ἀπαθείας καθαρώτατον ὕψος, ἤστραψας παραδόξως ἱαμάτων ἀκτῖνας, σκηνώσας εἰς ἄδυτον φῶς τῆς βασιλείας Χριστοῦ (20. November) [MR, 2: 205].²³

²¹ „Ein Mann auf dem Weg von Jerusalem hinab nach Jericho geriet unter die Räuber, die ihn ausplünderten und schwerverletzt liegen ließen“. Im Triodion ist am Sonntag der vierten Fastenwoche ein Kanon für den unter die Räuber Gefallenen enthalten: ΚΑΝΟ · Ε · ΗΕ · Ο ΒЪПАДЪШИМЪ ВЪ РАЗВОНΙΚЪ · ΓΛΑ · Ε · [TR, 2: 538] – Κανὼν εἰς τὸν ἐμπεσόντα εἰς τοὺς ληστὰς [KOLLYROPULU 2012: 213, Nr. 440]; vgl. auch das Triodion des Moisej Kijanin (http://rgada.info/kueh/1/381_1_137/0116.jpg, 15.07.2016).

²² Der slavische Text ist in der Ausgabe JAGIČS [1886: 407] vollständig abgedruckt; vgl. auch <http://www.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus/index2.html>, Bl. 113a (15.07.2016).

²³ Vgl. auch <http://www.glt.xyz/texts/Nov/20.uni.htm> (15.07.2016); in [AHG, 3: 484] wird nur das Incipit Τῆ θεία λαμπρότητι angegeben, weil in den dort berücksichtigten Handschriften keine Abweichungen von der gedruckten Ausgabe vorlagen.

Man ist geneigt, in diesem Wortgebrauch einen Verweis auf das 29. Kapitel der Vita zu erkennen, in dem Gregorios' Rolle als Seelenretter unter Beweis gestellt wird. Im Hafen von Syrakus vermochte er eine erfolgreich tätige Hure zu bekehren und somit die dort verweilenden Seeleute von jeglicher Versuchung zu befreien, wobei an dieser Stelle das synonymische Adjektivkompositum *ψυχολέτειρος* benutzt wird:

Ταύτην οὖν τὴν ψυχολέτειραν τοῦ πάθους ἀφορμὴν κατασβέσαι βουληθεὶς ὁ ὁσῖος πρὸς ἑαυτὸν τοὺς ναυτιλλομένους ἐκάλει καὶ τῆς αἰσχρᾶς ἐκείνης παγίδος πανάγνοις νουθεσίαις ἐξείλκυε τὸν νοῦν αὐτῶν ἐκκαθαίρων καὶ σωφροσύνην πείθων ἀσπάζεσθαι [ΜΑΚΡΙΣ 1997: 94] (vgl. auch das Kap. 13 auf S. 57 der anhand einer kleineren Anzahl von Textzeugen angefertigten Ausgabe DVORNÍKS [1926]).

Da er nun diesen seelenverderbenden Anlaß zur Leidenschaft auslöschen wollte, rief der Heilige die Seeleute zu sich und zog sie durch Ermahnungen zur Keuschheit aus jener schändlichen Schlinge, indem er ihren Sinn reinigte und sie dazu bewegte, Selbstbeherrschung anzunehmen [ΜΑΚΡΙΣ 1997: 95] (vgl. auch PRATSCH [2005: 266]).

Im Wörterbuch der altostslavischen Sprache (11.–14. Jhdt.)²⁴ wird als ältester Beleg des Adjektivs *доушеоубънзи* eine Stelle aus dem Menäum für Juli (Bl. 111v) angeführt, in der die gleiche lexikalische Verbindung mit dem Substantiv *страсть* „Leidenschaft“ besondere Beachtung verdient:

Цѣломоудрие изволиста. и пощение ѿ страсти дѣшеоубънзихъ. тѣмь [. . .] исцѣляета боляща [SDJA 1990, 3: 108].

Die Verwendung der verbalen Dualisformen *изволиста* und *исцѣляета* erlaubt auch ohne Einsichtnahme des Abkürzungsverzeichnisses im ersten Band die Identifizierung des Kathismas im ersten Ton aus der am 24. Juli gesungenen Akoluthie für die russischen heiligen Boris und Gleb [ABRAMOVIČ 1916: 136]. Ein Blick in die lexikographisch leider immer noch zu wenig berücksichtigte hymnographische Tradition zeigt, dass das griechische Adjektiv *ψυχοφθόρος* und seine slavische Entsprechung *доушеоубънзи* eben in dieser von zahlreichen dichterischen Zusammensetzungen durchdrungenen „Textgattung“ häufiger und früher vorkommen, als die Wörterbücher vermuten lassen; im Dezembermenäum bietet das Sticheron zur Vorfeier von Christi Geburt in der Akoluthie für die heilige Juliana (21.12.) einen weiteren Beleg, in dem vom Heiland die Rede ist, der die Menschheit vom seelenverderbenden Hunger erlösen wird:

- (9) *χοταща питаги благодаѣно* μέλλοντα θρέψειν ἐν χάριτι
 (10) *и глѣда ѡлоубѣство* καὶ λιμοῦ τὸ ἀνθρώπινον

²⁴ Das Wörterbuch der altostslavischen Sprache vom 11.–17. Jhdt. bietet dagegen wesentlich spätere, nicht aus dem hymnographischen Bereich stammende Belege [SL-RJA 1977, 4: 389].

(11) ΔΟΥΣΗΓΟΥΡΒΗΝΔΑΓΟ ΙΖΒΑΒΙΤΗ ψυχοφθόρου λυτρώσεσθαι [GMD, 3: 307].²⁵

Die gleiche Lexemkombination taucht auch im zweiten Tropar der achten Ode des Kanons auf Demes und Protion auf: *στραστι ΔΟΥΣΗΓΟΥΡΒΗΝΔΗΑ – ΠΑΘΗ ψυχοφθόρα* [GMA, 2: 139].

3.3. Theotokion der dritten Ode²⁶

Hirmos: *НѢСТЬ С҃ТѦ ІАКОЖЕ <҃҃҃> (Han. S γ'1, Ermittlung der Versstruktur nach N 91) – Οὐκ ἔστιν ἅγιος ὡς σὺ (EE 224).*

3.3.1. Texte

Dieses Theotokion ist in den Kanones auf folgende Heilige belegt [CHRISTIANS 2004: 87; STERN 2008, 1: 118, Nr. 1260]:

1) *Wenzel* (28.9.) **Wen**

- (1) Божно¹ рожьствоу ти чиста² ·
- (2) всака³ соу | цьства чинъ ·
- (3) приходитъ⁴ чюдеси⁵ ·
- (4) бога⁶ бо | прѣсоуцьно⁷ ·
- (5) зачатъ въ чрѣвѣ⁸ ·
- (6) и рожьши |
- (7) прѣвзвѣиши⁹ приснодѣвою¹⁰ ·

C 244^f, 16–19 (sub neum.), herausgegeben von NEVOSTRUEV [1872: 167], GORSKIJ, NEVOSTRUEV [1917: 13] und ANGELOV [1969: 72]; T 166^f, 17–20, herausgegeben von JAGIĆ [1886: 0219], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0167.jpg (15.07.2016); **Соф**, herausgegeben von SREZNEVSKIJ [1863: 190a] ■ 1: **ТСоф** Бж-; 2: **ТСоф** чѣт-; 3: **Т** вс-, **Соф** -сѣа-; 4: **Соф** прех-; 5: **Т** чюдесъ, **Соф** чюдесе; 6: **ТСоф** бѣ; 7: **Т** пресоуцьна, **Соф** прес-; 8: **Соф** -рев-; 9: **Т** привзвѣиши, **Соф** прев-; 10: **Соф** присно дѣо.

Τοῦ θείου τόκου σου, Ἄγνή,
 πᾶσαν φύσεως τάξιν
 ὑπερβαίνει τὸ θαῦμα ·

²⁵ Die meines Erachtens als Zukunftsumschreibung zu interpretierende Verbindung *ΧΟΥΤΑΜΑ [. . .] ΙΖΒΑΒΙΤΗ*, welche auf das gesprochene wie auch literarische Griechisch zurückgeht [BIRNBAUM 1996: 42], wurde in der Ausgabe im Deutschen mit „erlösen will“ wiedergegeben [GMD, 3: 308]; auch eine mir nur über Internet auszugsweise zugängliche deutsche Übersetzung des griechischen Textes gibt die periphrastische Verbform (*μέλλοντα λυτρώσεσθαι*) folgendermaßen wieder: „und die Menschheit will erlösen von seelenverderbendem Hunger“ (<http://www.michael-pfeifer.de/verlag/maltzew/Minaen/Min04-12WEB.pdf>, 15.07.2016).

²⁶ Die Nummerierung der Absätze wird hier dem Wenzelskanon angepasst, für den keine zweite Ode überliefert ist.

Θεὸν γὰρ ὑπερφυῶς
 συνέλαβες ἐν γαστρὶ
 καὶ τεκοῦσα
 μένεις ἀειπάρθενος.

[MR, 3: 657] (Auffindung des Hauptes Johannes' des Täufers – 24.2.), [MR, 6: 507] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.), [MV, 6: 121] (Auffindung des Hauptes Johannes' des Täufers – 24.2.), [MV, 8: 21] (Eutychius – 6.4.), [MV, 12: 130] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.), [AHG, 12: 197] (Elias der Jüngere – 17.8), [IBID.: 321] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.), [AHG, 4: 232] (Menas und Leidensgefährten – 10.12.), [AHG, 10: 53] (Methodius der Bekenner – 14.6. – App.), [PARAKLÉTIKE 1871: 225a] (Τῆς κυριακῆς πρωτῆ, κανὼν ὁ ἀναστάσιμος), [PENTEKOSTARION 1872: 167a] (Κυριακῆ τῶν ἀγίων τηγ'. θεοφύρων πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ, κανὼν ἀναστάσιμος, vgl. auch <http://www.glt.xyz/texts/Pen/Fathers.uni.htm>, abgerufen am 15.07.2016), [PENTEKOSTARION 1883: 346] (Τῆς κυριακῆς τῶν ἀγίων τηγ'. θεοφύρων πατέρων τῶν ἐν τῇ Νικαίᾳ, κανὼν ἀναστάσιμος), [PARAKLÉTIKE 1885: 459] (Κανὼν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου), [TR 1738: χμθ'].

2) *Babylas* (4.9.)

Bab

- (1) Бжѣвнаго ти ржѣва чѣта |
- (2) всакъ естѣства чинъ.
- (3) пре|ходитъ чюдесе. |
- (4) ба во паче оума. |
- (5) зачала еси въ | чревѣ.
- (6) и рожши |
- (7) пребываеши | придѣла ꝛ

GIM Sin 159, 35v (am Rande als späterer Zusatz und ohne Neumierung); RGADA 381-84, 24v, 9–12, herausgegeben von ЈАГИЌ [1886: 035], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0026.jpg (15.07.2016) ■ 1: Бжѣвнаго RGADA 381-84 Бжѣвнаго; ржѣва] RGADA 381-84 рождѣства; чѣта] RGADA 381-84 чѣта. 2: всакъ] RGADA 381-84 всако. 3: пре|ходитъ] RGADA 381-84 приходитъ; чюдесе] RGADA 381-84 чюдеса. 4: ба] RGADA 381-84 бѣа. 5: чревѣ] RGADA 381-84 -рѣв-. 7: пребываеши] RGADA 381-84 привываеши; придѣла] RGADA 381-84 присно дѣла (so in Jagićs Ausgabe).

3) *Eutychius* (6.4.)

Eut

- (1) Божина рождѣства твоего ·
- (2) всакъ | чинъ естѣства ·
- (3) преходитъ¹ чюде|си ·
- (4) бога во паче естѣства ·
- (5) зачатъ | въ чревѣ ·
- (6) и рожши
- (7) пребываеши² | присно дѣла ꝛ—

GIM Sin. 165, 54r, 1–5 (sub neum.); RGADA 381-110, 20r, 9–12 (beide Textzeugen herangezogen in [GMA, 1: 394]) ■ 1: Т приходитъ; 2: прї|бываеши.

4) *Adrianus et socii martyres* (26.8.) **Adr**

- (1) Божию рожьствоу ти чистага ·
- (2) всака соуць | ства чинъ ·
- (3) приходитъ чюдеси ·
- (4) бога во прѣ | соуцьно
- (5) <Textlücke>
- (6) рожьши ·
- (7) прѣзвиваеши присно | д'воо :-

GIM Sin. 168, 156r, 17–20 (sub neum.); RGADA 381-125, 90v, 2–4; GIM Sin. 895, 197v, 12–15 ■ 1: Божию] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 Бж-; рожьствоу] RGADA 381-125 ржѣтвоу, GIM Sin. 895 ржѣтвоу; чистага] RGADA 381-125 чѣтага, GIM Sin. 895 чѣ-. 2: всака] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 всак-. 3: приходитъ] RGADA 381-125 recte → прѣходитъ, GIM Sin. 895 егг. прѣходи; чюдеси] RGADA 381-125 чюдесе. 4: бога] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 ба; прѣ | соуцьно] Sin 168. егг. прѣ | соуцьно, ет. RGADA 381-125, GIM Sin. 895. 7: прѣзвиваеши] RGADA 381-125 -деш-; присно | д'воо] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 -д'во.

5) *Oktoechos*, Кѧ възскръ г'ла · а · **Okt**

- (1) Бжтвѧнаго ти ржѣва ·
- (2) всака соуць | ства чинъ
- (3) приходитъ чюдеси ·
- (4) ба во | паге нестьства
- (5) зачатъ въ чрѣвѣ ·
- (6) и | рожьши
- (7) прѣзвиваеши приснодѣла :-

RNB Sof 122, 34^v, 13–16.

6) *Commune prophetarum*²⁷ **Pro**

- (1) Бїю рожьствоу ти чи | стага ·
- (2) всака соуць | ства чинъ ·
- (3) прѣходитъ | чюдеси
- (4) ба во пресоу | цьна
- (5) зачатъ въ чре | вѣ ·
- (6) и рожьши |
- (7) прѣзвива | еши приснодѣоо :-

Codex Vindobonensis Slavicus 37, 243v, 5–12, herausgegeben von STANČEV, РОПОВ [1988: 190] und КАМР [2010: 12].

²⁷ Bei der Ermittlung der Verse wird zum Teil auf die Punkte in der Edition Kamps zurückgegriffen.

- (1) Бѣжию рожѣтвому ти ѣтѣа
- (2) всѣака соуцьства ѣины
- (3) прѣхѣдетъ ѣдсы
- (4) бѣ во прѣсоуцьствѣннаѣ
- (5) зачетъ въ ѣрѣ
- (6) и рожѣши
- (7) прививши прѣно дѣвою.

NBKM 122, herausgegeben von ANGELOV [1969: 246] (= [IDEM 1969/1978: 25]). Der von NBKM 122 überlieferte Text ist an mehreren Stellen verderbt. Hier lassen sich offenkundige orthographische und morphologische Varianten mechanischer Natur feststellen, „wie sie durch Kopistenfehler beim Abschreiben von Texten entstehen können“ [КАМР 2010: 336]; von zwei verschiedenen Übersetzungen kann nicht die Rede sein.

3.3.2. Theotokion der dritten Ode. Synoptische interlineare Ausgabe

Vorbemerkung: Soweit sie keine Variation aufweisen, werden die Textzeugen nach dem jeweils zugehörigen Heiligen gruppiert und mit der entsprechenden Abkürzung bezeichnet, wobei die in der Grundhandschrift belegte Lesart wiedergegeben wird.

1.	Τοῦ θεοῦ	τόκου	σου,	Ἀγνή,	2.	πᾶσαν	φύσεως	τάξιν
Bab	Бѣтвенѣаго	ти	рѣтѣа	ѣтѣа		всѣакѣ	естѣства	ѣинѣ
Okt	Бѣтѣвѣнаго	ти	рѣтѣа			всѣака	соуць стѣа	ѣинѣ
Eut	Божина	рожѣства	твоѣго			всѣакѣ	ѣинѣ	ѣстѣства
Adr	Божню	рожѣтвому	ти	ѣистѣаѣ		всѣакѣ	соуць стѣа	ѣинѣ
Wen	Божню	рожѣтвому	ти	ѣистѣаѣ		всѣака	соу ѣѣства	ѣинѣ
Pro	Бѣю	рожѣтвому	ти	ѣи стѣаѣ		всѣака	соуць стѣа	ѣинѣ

3.	ὑπερβαίνει	τὸ θαῦμα·	4.	Θεὸν	γὰρ	ὑπερφῶς	5.	συνέλαβες
Bab	прѣ ходитъ	ѣюдесе ²⁸		бѣ	во	паѣе оѣма		ѣѣѣѣ еси
Okt	приходитъ	ѣюдеси		бѣ	во	паѣе ѣстѣства		ѣѣѣѣ
Eut	прѣхѣдитъ	ѣюдѣ си		вога	во	паѣе ѣстѣства		ѣѣѣѣ
Adr	прѣхѣдитъ ²⁹	ѣюдеси ³⁰		вога	во	прѣ соуцьѣно ³¹		
Wen	приходитъ	ѣюдеси		вога	во	прѣсоуцьѣно ³²		ѣѣѣѣ
Pro	прѣхѣдитъ	ѣюдеси		бѣ	во	прѣсоу ѣѣна		ѣѣѣѣ

²⁸ RGADA 381-84 ѣюдеса.

²⁹ GIM Sin 168 приходитъ, GIM Sin 895 прѣхѣди, corr. RGADA 381-125.

³⁰ RGADA 381-125 ѣюдесе.

³¹ GIM Sin 168 егг. прѣ | соуцьѣна.

³² T егг. прѣсоуцьѣна.

	ἐν γαστρὶ	6.	καὶ	τεκοῦσα	7.	μένεις	ἄειτάρθενος.
Bab	вѣ ѣреѣѣ		и	рожши		прѣвѣидѣши	прѣдѣла ³³
Okt	вѣ ѣреѣѣ		и	рожши		прѣвѣидѣши	приснодѣла
Eut	вѣ ѣреѣѣ		и	рожши		прѣвѣидѣши	приснодѣла
Adr				рожши		прѣвѣидѣши	присно дѣво
Wen	вѣ ѣреѣѣ		и	рожши		прѣвѣидѣши	приснодѣвою
Pro	вѣ ѣре вѣ		и	рожши		прѣвѣидѣ ши	приснодѣво

3.3.3. Textologisch-linguistischer Kommentar

Adr weist eine bemerkenswerte Textlücke auf: Der Vers 5 fehlt gänzlich samt der dadurch sinn- und nutzlos gewordenen koordinierenden Konjunktion и im folgenden Vers. Diesen Umstand kann man dahingehend interpretieren, dass alle drei Textzeugen des Kanons für Adrianus und Leidensgefährten auf eine gemeinsame Vorlage zurückgehen, in welcher die Lücke entstand oder aber bereits vorhanden war; wie der Text in der „Urfassung“ ausgesehen hat, kann man leider nur raten.

Im Vers 1 tritt bei **Bab**, **Eut** und **Okt** ein adnominaler Genitiv auf, dem in den anderen Textfassungen ein Dativ gegenübersteht; außerdem findet in **Bab** und **Okt** die zum griechischen Adjektiv θεῖος „göttlich“ besser passende Form БОЖЬСТВОМЪЗИ Anwendung, wie auch das Wörterbuch zum Dezembermenäum suggeriert [CHRISTIANS 2001a: 19]. Nur in **Eut** ist die Form des Possessivadjektivs ТВОЕГО belegt, während in den anderen Theotokia die klitische Kurzform ти verwendet wird; ob dort das Fehlen der übrigens auch in **Okt** nicht vorhandenen Vokativform ЧИСТАТА mit der erhöhten Anzahl der Silben zusammenhängt, ist fraglich, zumal solche Anredeformen durch ihren syntaktisch etwas lockeren, vom Satz unabhängigen Status ziemlich instabil sind.

Bab und **Okt** weichen zwar im Wortlaut ziemlich stark voneinander ab, teilen aber im ersten Vers die archaische Wackernagelstellung des klitischen Pronomens ти, welches in das aus Attribut und dazugehörigem Substantiv bestehende Nominalsyntaxma hineingeschoben wurde.³⁴

Im vierten Vers ist in **Pro** und in einem Textzeugen von **Adr** und **Wen** aus dem Adverb прѣвоуцъно für griechisch ὑπερφῶς die Lesart прѣвоуцъна entstanden, die wohl als adjektivische Form in attributiver Stellung zum Genitiv-Akkusativ БОГА aufzufassen ist: „denn Du hast den übernatürlichen Gott empfangen“; eben so wurde die Stelle ins Bulgarische [KLIMENT 2008: 379] und Deutsche [КАМР 2010: 13] übertragen. Anstatt des Adverbs tritt in **Bab**, **Okt** und **Eut** ein Präpositionalgefüge auf, wobei **Okt** und **Eut** lexikalisch

³³ RGADA 381-84 присно дѣа.

³⁴ Vgl. zum Altostslavischen ZALIZNJAK [2008: 25] und zu den modernen slavischen Sprachen FRANKS [2009: 728–729]; mit generativistischer Terminologie bezeichnet man die Distanzstellung zusammengehöriger Satzglieder als „Verletzung des Projektionsprinzips“ (nach Zaliznjak „нарушение принципа проективности“).

einander sowie der griechischen Vorlage entsprechen, während der Übersetzer von **Bab** semantisch etwas freier mit dem griechischen Text umgegangen zu sein scheint, weil $\mu\alpha\tau\epsilon\ \sigma\upsilon\mu\mu\alpha$ die herkömmliche Wiedergabe von $\upsilon\pi\epsilon\rho\ \nu\omicron\upsilon\upsilon$ oder $\upsilon\pi\epsilon\rho\ \epsilon\tilde{\nu}\nu\omicron\iota\alpha\nu$ darstellt [CHRISTIANS 2001a: 220–221].

Im fünften Vers hebt sich das Perfekt in **Bab** von den erweiterten Aoristformen ab; ob hier ein Unterschied morphologischer, semantischer oder pragmatischer Natur eine Rolle spielt (vgl. dazu [MACROBERT 2013]), ist schwer zu sagen.

Im siebten und letzten Vers stellt man schließlich eine beträchtliche Kasusvariation fest: Neben der Alternanz zwischen Nominativ (**Bab, Okt, Eut**) und Instrumentalis (**Wen, Pro**) in prädikativer Stellung verdient besondere Beachtung das fehlerhafte Auftreten der Vokativform in **Adr**, wobei hier der Wegfall des letzten Buchstabens aus früherem $\mu\upsilon\sigma\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\delta\epsilon\upsilon\omicron$ nicht ganz ausgeschlossen werden kann; man darf aber auch nicht vergessen, dass die Theotokia oft mit dieser oder aber einer ähnlichen an die Gottesgebälerin gerichteten Anredeform schließen.

Als außerordentlich merkwürdig und erklärungsbedürftig erweist sich die allen Fassungen gemeinsame irrtümliche Übersetzung des auch im gr. Original etwas verworrenen ersten Satzes (Verse 1 bis 3):

Божію рожьствоу ти чистага всьакъ/д соу|щьства чинъ приходитъ чюдеси
 Τοῦ θείου τόχου σου, Ἄγνή, πᾶσαν φύσεως τάξιν ὑπερβαίνει τὸ θαῦμα

Anhand der abgedruckten griechischen Vorlage würden wir folgende slavisches wortwörtliche Wiedergabe erwarten:

*Божію рожьствоу ти, чистага, всьакъ соущьства чинъ прѣходитъ чюдо

Die in den verschiedenen Kanones zu beobachtende Variation in der Kongruenz („jede Ordnung der Natur“ in **Bab** und **Eut**³⁵ vs. „Die Ordnung jeglicher Natur“ in **Adr, Okt, Wen,** und **Pro**) erklärt sich offensichtlich durch die Verlegenheit der einzelnen Kopisten bei der Interpretation dieser wohl wegen eines (einzigen?) und desselben Übersetzungsfehlers verderbten Stelle. Der ursprüngliche Sinn des griechischen Textes wurde damit völlig entstellt, die slavisches Übersetzung erweist sich daher als unverständlich,³⁶ da die syntaktischen Beziehungen auf den Kopf gestellt wurden.

³⁵ In **Eut** wird die Reihenfolge der griechischen Vorlage (Indefinitpronomen – Genitivattribut – Substantiv) dem „Geiste“ der slavisches Syntax angepasst: $\text{всьакъ чинъ кѣтъства}$.

³⁶ Vgl. auch die resignierte Feststellung des Herausgebers von **Pro**: „Allein aus sich heraus ist der slavisches Satz kaum verständlich“ [KAMP 2010: 13, Anm. 13]; Kamp will außerdem die Lösung in der nach dem Wörterbuch von Liddell und Scott ermittelten lexikalischen Bedeutung des griechischen Verbs $\upsilon\pi\epsilon\rho\beta\alpha\iota\omega$ („overstep, transgress“) gefunden haben, aber seine Übertragung ins Deutsche ist m. E. unbefriedigend: „Das Wunder Deines Gebärens Gottes, o Reine, überstrahlt die Ordnung der ganzen Natur“. Die bulgarische Übersetzung ist völlig irreführend: „Божіето Рождество, о, чиста, прѣвзхожда всяко чудо на битието“ [KLIMENT 2008: 379].

Anhand der bisherigen Beobachtungen wäre es kaum berechtigt anzunehmen, dass all diese Texte auf eine gemeinsame Übersetzung zurückgehen, welche lediglich einer lexikalischen und syntaktischen Revision unterlag. Es bleibt jedoch ziemlich merkwürdig, dass in allen slavischen Fassungen derselbe Fehler vorliegt. Den Ausweg aus dem Impasse bietet vielleicht die griechische Überlieferung: Dass die etwas ungewöhnliche Reihenfolge der Satzglieder (auf das Subjekt bezogenes Genitivattribut – Vokativ – direktes Objekt – Prädikat – Subjekt) auch den griechischen Lesern und Kopisten einiges Kopfzerbrechen bereitet hat, bezeugt die in einer Sammelhandschrift aus der Vatikanbibliothek belegte Lesart $\pi \tilde{\alpha} \sigma \alpha \varphi \acute{\upsilon} \sigma \epsilon \omega \varsigma \tau \acute{\alpha} \xi \iota \varsigma$ (Vaticanus graecus 2110, hier zit. nach dem kritischen Apparat von [AHG, 12: 197]); darüber hinaus könnte die Homonymie von Nominativ und Akkusativ bei den griechischen Neutra ($\tau \delta \theta \alpha \tilde{\upsilon} \mu \alpha$) die Fehlinterpretation dieser Stelle begünstigt haben.

Insgesamt weisen **Wen**, **Adr** und **Pro** bei geringen Unterschieden unbestreitbare und wohl nicht zufällige textuelle Ähnlichkeiten auf.

3.4. Theotokion der vierten Ode

Hirmos: $\chi \acute{\epsilon} \tau \zeta \mu \tilde{\epsilon} \nu \eta \tau \epsilon \varsigma \sigma \iota \lambda \lambda$ (Han. S δ '1, Ermittlung der Versstruktur nach N 102) – $\chi \rho \iota \sigma \tau \acute{\omicron} \varsigma \mu \omicron \upsilon \delta \acute{\upsilon} \nu \alpha \mu \iota \varsigma$ (EE 224).

3.4.1. Texte

Dieser Text ist in den Kanones auf die folgenden Heiligen belegt [CHRISTIANS 2004: 87; STERN 2008, 3: 710–711, Nr. 24282]:

1) *Wenzel* (28.9.) **Wen**

- (1) ¹Неизгладѣнъ и ¹непостижимъ³.
- (2) тво | немю⁴ вогородице⁵.
- (3) богоподобъ⁶ въ исти | ноу сзсудъ⁷ рожьствоу⁸.
- (4) земьнъимъ⁹ и не | бвсьнъимъ¹⁰.
- (5) приснодѣвѣна¹¹ танизи :-

C 244^v, 14–17 (sub neum.), herausgegeben von NEVOSTRUJEV [1872: 168], GORSKIJ, NEVOSTRUEV [1917: 14] und ANGELOV [1969: 72]; T 166^v, 8–11, herausgegeben von JAGIĆ [1886: 0220], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0168.jpg (15.07.2016); **Соф**, herausgegeben von SREZNEVSKIJ [1863: 190a] ■ 1-1: **Соф** Неизгладѣнъ; 2: **Т** Неизгладѣнъ; 3: **Т** непо | стижимъ; 4: **Т** → твоєго; 5: **ТСоф** вѣ-; 6: **Т** бо · подобно, **Соф** бо подобно; 7: **ТСоф** → recte соудъ; 8: **Т** → рожьства; 9: **Т** -нъим-; 10: **Т** небесънъ | мъ, **Соф** нбс-; 11: **ТСоф** приснодѣла.

Ἦς ὄντως ἀφθεγκτα καὶ ἀκατάληπτα
τὰ τῆς σῆς, Θεοτόχε,
θεοπρεποῦς¹ πέφυκε² κηήσεως
τοῖς ἐπὶ γῆς καὶ οὐρανοῦ,
ἀειπάρθενε, μυστήρια.

[MR, 3: 501] (Isidorus – 4.2.), [MR, 4: 259] (Eutychius – 6.4.), [MR, 6: 508] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.), [IBID.: 23] (Isidorus – 4.2.), [MV, 8: 21] (Eutychius – 6.4.), [MV, 12: 131] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.), [AHG, 10: 55] (Methodius der Bekenner – 14.6.), [AHG, 12: 199] (Elias der Jüngere – 17.8.), [IBID.: 322] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.), [PARAKLÉTIKE 1871: 225b] (Τῆς κυριακῆς πρωῒ, κανὼν ὁ ἀναστάσιμος), [PENTEKOSTARION 1872: 168a] (Κυριακῆ τῶν ἁγίων τηγ. θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν Νικαία, κανὼν ἀναστάσιμος); [PARAKLÉTIKE 1885: 460] (Κανὼν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου); [PENTEKOSTARION 1883: 348] (Τῆς κυριακῆς τῶν ἁγίων τηγ. θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν τῇ Νικαία, κανὼν ἀναστάσιμος), [TR 1738: χμθ³]; gr. Handschrift Ck 140^v [GMA, 1: 398] ■ 1: Ck θεοπρεπῶς, fortasse sicut sl.; 2: Ck rump. πέφ.

2) *Babylas* (4.9.) **Bab**

- (1) Ъко въ истинѹ неиꙗглаголанзи ·
- (2) не | постижимзи ·
- (3) твоє богородице во | голѣпно възистъ рожество ·
- (4) на небеси | и на земли ·
- (5) приснодѣвѣа тѣньства :—

GIM, Sin 159, 35^v, 19 – 36^r, 1–3 (sub neum.); RGADA 381-84, 25^r, 1–3, herausgegeben von JAGIČ [1886: 035], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0026.jpg (15.07.2016) ■ 1: неиꙗглаголанзи] RGADA 381-84 неиꙗꙗнзи и. 2: не | постижимзи] RGADA 381-84 непостꙗжимзи. 3: твоє] RGADA 381-84 твоє; богородице] RGADA 381-84 бѣе; во | голѣпно] RGADA 381-84 бѣо-; възистъ] RGADA 381-84 възѣ. 4: небеси] RGADA 381-84 нѣси. 5: приснодѣвѣа] RGADA 381-84 -дѣ-

3) *Adrianus et socii martyres* (26.8.) **Adr**

- (1) Неиꙗглаголанзи и непостꙗжкнзи · |
- (2) твоємоу богородице ·
- (3) боголѣпно въз | истинѹ соутъ рожествоу ·
- (4) земнзи | мꙗ и небеснзи мꙗ ·
- (5) приснодѣвѣа тѣ | инзи :—

GIM Sin 168, 156^r, 14–17 (sub neum.); RGADA 381-125, 90^v, 15–18; GIM Sin. 895, 198^r, 10–14 ■ 1: Неиꙗглаголанзи] Sin. 895 Неиꙗꙗглаголанзи; непостꙗжкнзи] RGADA 381-125 → непостижимзи, Sin. 895 → егг. постижи | нзи. 2: твоємоу] RGADA 381-125 -о|ем-;

вогородице] RGADA 381-125, Sin. 895 вѣ-. 3: во҃голѣпно] RGADA 381-125 → болѣпноѡ, Sin. 895 бол-; ро҃жествѡу] RGADA 381-125 -жѣѣ-, Sin. 895 рѣѣ-. 4: зѣмьнѣимъ | мъ] Sin. 895 зѣ | мьнѣимъ [sic!]; небѣснѣимъ] RGADA 381-125 нѣсн-. 5: приснодѣвѣна] RGADA 381-125 → приснодѣла, Sin. 895 → приснодѣла.

4) *Isidorus* (4.2.) **Is**

- (1) ꙗко въ истинуѡ неизвѣстнѣна ·
- (2) и не | оскоуднѣна ·
- (3) твоѣго во҃городице | благолѣпнаго възѣтъ ро҃жества · |
- (4) на небеси и на зѣмли ·
- (5) тѣинѣи присно | дѣвѣна ☩

GIM Sin. 165, 33^v, 9–13; RGADA 381-103, 28^v, 16–19, beide herausgegeben in [GMF, 1: 283] ■ 1: благолѣпнаго; recte → RGADA 381-103 болѣпнаго.

5) *Eutychius* (6.4.) **Eut**

- (1) ꙗко¹ въ истинуѡ неиздречѣна | ꙗ² и непостижна³ ·
- (2) твоѣмоу⁴ бо | городице⁵ ·
- (3) во҃голѣпно⁶ въ истинѣ | соутъ ро҃жествѡу ·
- (4) зѣмьнѣимъ | и небѣснѣимъ⁷ ·
- (5) приснодѣво⁸ | тѣинѣи ☩

Sin 165, 54^v, 4–9 (sub neum.); T 20^v 3–6, beide herausgegeben in GMA I: 398 ■ 1: T ак-; 2: T -аа; 3: T ег. не | постижныа; 4: T -оем-; 5: T вѣ-; 6: T вѣ-; 7: T нѣс-; 8: T -дѣла.

6) *Commune prophetarum* **Pro**

- (1) Неизгладнѣи ·
- (2) непостѣи | жнѣи твоѣмоу вѣѣ · |
- (3) бо҃подобно въ исти | ноу ·
- (4) сѣтъ ро҃жествѡу · |
- (5) зѣмьнѣимъ [sic! – *V. S. T.*] и нѣснѣи | мъ приснодѣла тѣи | нѣи ☩

Codex Vindobonensis Slavicus 37, 244^v, 5-11, herausgegeben von STANČEV, POPOV [1988: 190] und КАМР [2010: 16].

- (1) Неизгладнѣи и непостижни
- (2) твоѣмоу ро҃жествѡу прѣѣ
- (3) бо҃гоподобно въ истинуѡ трѣѣствѡу
- (4) зѣмьнѣимъ [sic! – *V. S. T.*] и нѣснѣи
- (5) прѣно дѣво тѣинѣство.

NBKM 122, herausgegeben von ANGELOV [1969: 246] (= [IDEM 1978: 26]).

7) *Oktoechos izbornyj*, Кѡ възѣѣръ глѣ · ѣ · ; 13. Jahrhundert **Okt**

- (1) Неизгладнѣи и непостѣижнѣна
- (2) твоѣмоу, вѣѣ ·

- (3) β̄з подобно в̄з истинοῡ | соӯть р̄ж̄твоӯ
 (4) ζ̄ем̄н̄з̄им̄з̄ и н̄б̄н̄з̄ | им̄з̄ ·
 (5) π̄ρισνο̄δ̄β̄ο τ̄αιν̄ζ̄ι :-

RNB Sof. 122, 35^r, 20–23 (unterstrichen wurden die in der Handschrift unlesbaren Stellen).

3.4.2. Theotokion der vierten Ode. Synoptische interlineare Ausgabe

1.	Ὡς	ὄντως	ἄφθεγκτα	καὶ	ἀκατάληπτα	2.	τὰ τῆς σῆς,
Adr			Неизглаголанзи	и	непостъжыжнзи ³⁷		твоѣмоӯ
Bab	Ἰακο	в̄з истинοῡ	неизглаголанзи	и	не постижимзи<и> ³⁸		твоѣ
Eut	Ἰακο	в̄з истинοῡ	неиздреченьна та	и	непостижньна		твоѣмоӯ
Is	Ἰακο	в̄з истинοῡ	неизвѣстънъна	и	неоскоудънъна		твоѣго
Wen			Неизглаголанзи ³⁹	и	непостижимзи ⁴⁰		тво моӯ ⁴¹
Pro			Неизгланзи		непостъз̄и жьнзи		твоѣмоӯ
Okt			Неизгланзи	и	непостъжыжнъна		тво моӯ

	Θεοτόκε,	3.	θεοπρεπούς ⁴²		πέφυκε	κυήσεως
Adr	богородице		богολѣпно ⁴³	в̄з истинοῡ	соӯть	рожьствоӯ
Bab	богородице		бо голѣпно		в̄зистъ	рожьство
Eut	богородице		богολѣпно	в̄з истинοῡ	соӯть	рожьствоӯ
Is	богородице		богολѣпнадо ⁴⁴		в̄зистъ	рожьства
Wen	богородице		богоподобно ⁴⁵	в̄з исти ноӯ	соӯть ⁴⁶	рожьствоӯ ⁴⁷
Pro	в̄ще,		б̄о̄подобно	в̄з исти ноӯ	с̄ӯть	рожьствоӯ
Okt	в̄ще		β̄з̄ подобно	в̄з истинοῡ	соӯть	р̄ж̄твоӯ

4.	τοῖς ἐπὶ γῆς	καὶ	οὐρανοῦ.	5.	Ἀειπάρθενε,	μυστήρια.
Adr	земьнзи м̄з̄	и	небесънзим̄з̄		приснод̄вѣна ⁴⁸	та инзи
Bab	на небеси	и	на земли		приснод̄вѣна	таиньства
Eut	земьнзим̄з̄	и	небесънзим̄з̄		приснод̄вѣо	таинзи
Is	на небеси	и	на земли		таинзи	приснод̄вѣна
Wen	земьнзим̄з̄	и	не б̄в̄с̄н̄зим̄з̄		приснод̄вѣна ⁴⁹	таинзи
Pro	земьнзим̄з̄	и	н̄б̄н̄з̄ м̄з̄		приснод̄вѣна	таи нзи
Okt	земьнзим̄з̄	и	н̄б̄н̄з̄ им̄з̄		приснод̄вѣо	таинзи

³⁷ RGADA 381-125 непостижимзи, Sin. 895 егг. постижи | нзи.

³⁸ RGADA 381-84 егг. непостъжыжнънъ.

³⁹ C und CoФ неизглаголанзи, согг. T неизгланзи.

⁴⁰ C und CoФ непостижимзи, согг. T.

⁴¹ T твоѣго.

⁴² Griechische Handschrift θεοπρεπούς.

⁴³ RGADA 381-125 → болѣпно̄.

⁴⁴ GIM Sin 164 егг. боголѣпнадо, согг. RGADA 381-103 б̄о̄лѣпнадо.

⁴⁵ C егг. богоподобънъ, согг. (T)CoФ.

⁴⁶ C егг. с̄соудъ, согг. TCoФ.

⁴⁷ T рожьства.

⁴⁸ Fortasse recte RGADA 381-125 приснод̄вѣа, Sin. 895 приснод̄вѣа.

⁴⁹ C егг. приснод̄вѣа, согг. TCoФ приснод̄вѣа.

3.4.3. Textologisch-linguistischer Kommentar

Wegen der Distanzstellung zum Bezugswort (ТЪИИЪИ) wurde in **Wen** die Pluralform der Adjektive in prädikativer Stellung (НЕИЗГЛАГОЛАНЪИ und НЕПОСТИЖИМЪИ) vom Abschreiber verkannt und als Nominativ Singular Maskulinum aufgefasst; eine ähnliche Situation stellen wir in **Adr** fest, wobei auch die Rolle der Dittographie beachtet werden muss: НЕИЗГЛАГОЛАНЪИ И → НЕИЗГЛАГОЛАНЪИИ И. Ein solcher Kongruenzfehler könnte im **Wen** auch durch die Entstellung der Kopula (СОУТЬ → СЪСОУДЪ) bedingt worden sein; durch den offenkundigen Überlieferungsfehler СЪСОУДЪ für СОУТЬ ist wohl auch die Entstehung der damit kongruierenden Adjektivform БОГОПОДОВЬНЪЗУ zu erklären. Auf diese Weise erweist sich der Text nach der Grundhandschrift **C** als äußerst unzuverlässig und verderbt.

Um die syntaktischen Beziehungen ist es in **Bab** nicht wesentlich besser bestellt; neben der mehrmals ausbleibenden Kongruenz zwischen Prädikatsnomen, Kopula und Attribut zeichnet sich **Bab** dadurch aus, dass es an zwei Stellen die gleiche idiosynkratische und unglückliche Übersetzungslösung mit **Is** teilt: Zum ersten wird das Zustandsperfekt πέφυκε mit dem Aorist von БЪИТИ wiedergegeben (Vers 3.), zum zweiten blieb der das Präpositionalgefüge τοῖς ἐπὶ γῆς καὶ οὐρανοῦ zum Substantiv machende Artikel bei der Übertragung ins Slavische unberücksichtigt, es sei denn, er war bereits in der griechischen Vorlage abhanden gekommen (Vers 4.).

Im Vers 3. weicht **Is** von der adverbialen Form ab, was auf eine andere, tatsächlich bezeugte griechische Vorlage zurückzuführen ist. Lexikalisch fallen **Wen**, **Okt** und **Pro** einerseits und **Adr**, **Bab**, **Eut** und **Is** andererseits zusammen, was natürlich nicht heissen soll, dass sie überlieferungsgeschichtlich einer einzigen Fassung angehören. Im Wörterbuch zum Dezembermenäum erweist sich die in letzteren enthaltene Form БОГОПОВЬНЪИИ als Äquivalent zum griechischen Lexem θεοπρεπέης, wobei im letzten Tropar der sechsten Ode des Kanons für den Heiligen Stephan (Dezember XXVII-32 [GMD, 4: 322]) die Variante ПОДОВЬНО für gr. θεοπρεπεῖς belegt ist [CHRISTIANS 2001A: 136, 292].

Wohl aussagekräftiger ist der akephalische Textanfang in **Wen** sowie **Adr**, **Okt** und **Pro**: Die erste Adverbform Ὡς findet dort keine Entsprechung, während das zweite ὁνωτως an späterer Stelle (Vers. 3) erscheint. Dies stellt unter Umständen einen wichtigen textologischen Hinweis auf die Herkunft dieser Texte dar, welche wohl auf eine und dieselbe Übersetzung oder aber lückenhafte griechische Vorlage zurückgehen. Durch die zweifache Präsenz der slavischen Entsprechung въ истинноу lässt **Eut** eine Kontamination mit der Überlieferung vermuten, wie sie in den oben genannten Kanones zutage tritt.

Die lexikalische Variation (НЕПОСТИЖИМЪИИ vs. НЕПОСТЪИЖЪИИ) ist auch in anderen Texten aus dem Dezembermenäum belegt [CHRISTIANS 2001A: 246] (s.v. ἀκατάληπτος): Im Sticheron Idiomelon für den Orthros bieten die

herangezogenen Textzeugen bei der Wiedergabe der Vokativform ἀκατάληπτε Κύριε ein breites Spektrum an Möglichkeiten:

С непостъжъне, П непостижъне, Т непостижъне,⁵⁰ М непостъжънѣ (Dezember XXV-12, *In nativitatem Iesu Christi* [GMD, 4: 32; KRYS'KO 2005: 394]).

Allem Anschein nach ist eine solche Vielfalt an konkurrierenden Formen im Abschreibprozess entstanden. Im Kanon auf Ambrosius (drittes Tropar der siebten Ode) wird dagegen nur die (spätere?) Partizipform verwendet: славоу непостижимоу – τὴν δόξαν τὴν ἀκατάληπτον [GMD, 1: 518]. Dasselbe erfolgt im Theotokion der fünften Ode des Kanons für den Sonntag nach Christi Geburt:

божине во рождество непостижимо – „Die Geburt Gottes ist unfassbar“ (*Dominica post Nativitatem*-62 [GMD, 4: 803]).⁵¹

Es ist gar nicht leicht zu entscheiden, welche Form im Wenzelstext als die ursprüngliche zu gelten hat. Im *Euchologium Sinaiticum* ist die Form непостъжънъи bezeugt [SJS 1973, 2: 387], wobei dort auch die Formen непостижъмъ und непостижънъ belegt sind.

Alles in allem hat man bei **Bab** und noch mehr bei **Eut** und **Is** den Eindruck, dass die Abweichungen bedeutsamer sind als die Ähnlichkeiten und daher von einer selbständigen Übersetzungsleistung zeugen; vor allem fällt hier das Vorhandensein der Anfangswörter **Ѳ**ко **в**з **и**стиноу auf. Sieht man von dem vierten Vers ab (**на небеси и на земли**), der schwerlich als Ergebnis einer redaktionellen Arbeit angesehen werden kann, ließe sich die Lesart **т**аинства im fünften und letzten Vers als lexikalische Ersetzung erklären; dort wird übrigens die Kongruenz mit den Adjektiven im ersten Vers, im Gegensatz zum Femininum **т**аинъи, nicht hergestellt. Auch der dritte Vers, mit einem Nominativ statt des zu erwartenden Genitivs, ist als Überlieferungsfehler zu werten.

Stark abweichend von den anderen ist dagegen **Is**: Die zahlreichen Varianten deuten auf eine von der Technik her ganz andere Übersetzung. Die mit der griechischen Vorlage lexikalisch nicht ganz übereinstimmenden Adjektivformen **неизвѣстънъи** und **неоскоудънъи** kommen trotz ihrer prädikativen Funktion in der Langform vor. Die falsche Lesart von GIM Sin 165, **благотъпънаго**, ist offenkundig durch die falsche Auflösung einer ursprünglich abgekürzten Form entstanden, wie die der griechischen Vorlage entsprechende Lesart von RGADA 381-103 (**бѡлтъпънаго**) unmittelbar beweist; diese und ähnliche Überlieferungsfehler zeigen, dass die neumierte Handschriften von einer Vorlage abgeschrieben wurden, die abgekürzte Wörter enthielt.⁵²

⁵⁰ Neben dem zweifelhaften, im Wortregister mit Fragezeichen versehenen Beispiel непостъжънъимъ bietet die *Il'ina kniga* insgesamt vier Belege von непостъжънъи [KRYS'KO 2005: 766].

⁵¹ Die griechische Vorlage ist unbekannt.

⁵² Für ähnliche Fälle im Dezembermenäum vgl. [TOMELLERI 2007: 125].

Wen teilt mit **Adr, Pro** und **Okt** die Lücke am Textanfang sowie die Umstellung des Adverbs **въ истинѡу**.

3.5. Theotokion der fünften Ode

Hirmos: БЖИЊЕМЪ СВѢТЪЗМЪ (Han S ε'1, K 186, Ermittlung der Versstruktur nach N 114) – Τῷ θεῖῳ φέγγει σου (EE 224).

3.5.1. Texte

Dieser Text ist in den Kanones auf die folgenden Heiligen belegt [CHRISTIANS 2004: 87; STERN 2008, 1: 99, Nr. 1067]:

1) *Wenzel* (28.9.) **Wen**

- (1) Богородицю¹ тѧ² вѣтъ³ доуша⁴ · 5
- (2) владычице⁶ | мироу блага⁷ · 5
- (3) исповѣдаица⁸ тѧ съпа | сѧи⁹ ·
- (4) тѧ во застоупление ·
- (5) непорочно¹⁰ и | мамѧ ·
- (6) соуцию¹¹ въ истинѡу богородицю¹² :—

C 245^r, 14–17, herausgegeben von NEVOSTRUEV [1872: 168], GORSKIJ, NEVOSTRUEV [1917: 14] und ANGELOV [1967: 73]; T 167^r, 2–5, herausgegeben von JAGIĆ [1886: 0220], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0168.jpg (15.07.2016); **Соф**, herausgegeben von SREZNEVSKIJ [1863: 190b] ■ 1: T Бѣѡу, **Соф** Бѣ-; 2: **Соф** тѧ; 3: T ѡ, **Соф** стѧ; 4: T**Соф** дѣи-; 5: T om.; 6: T влѧдц-, **Соф** влѧдц-; 7: **Соф** влѧг-; 8: **Соф** -вѧд-; 9: T**Соф** сѣе-; 10: T етт. непорочно; 11: T -циѡу; 12: T бѣѡу, **Соф** бѣ-.

Τοὺς Θεοτόκον σε ἐκ ψυχῆς,
 Δέσποινα τοῦ κόσμου ἀγαθῆ,
 ὁμολογοῦντας¹ διάσωσον·
 σὲ γὰρ προστασίαν [5] ἀκαταμάχητον
 κекτήμεθα
 τὴν ὄντως θεογενήτριαν.

[MR, 2: 492] (Thyrsis – 14.12.), [MR, 4: 259] (6.4. – Eutychius), [MR, 6: 508] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.), [MV, 4: 98] (Thyrsis – 14.12.), [MV, 8: 21] (Eutychius – 6.4.), [MV, 12: 131] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.); [AHG, 10: 56] (Methodius der Bekenner – 14.6.), [AHG, 12: 200] (Elias der Jüngere – 17.8.), [IBID.: 323] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.), [AHG, 4: 234] (Menas und Leidensgefährten – 10.12. – App.), [PARAKLETIKE 1871: 226a] (Τῆ κυριακῆ πρωῆ, κανὼν ὁ ἀναστάσιμος), [PARAKLETIKE 1885: 461] (Κανὼν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου); [PENTEKOSTARION 1872: 168b] (Κυριακῆ τῶν ἀγίων τηγ'. θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ, κανὼν ἀναστάσιμος), [PENTEKOSTARION 1883: 349] (Τῆ κυριακῆ τῶν ἀγίων τηγ'. θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν

τῆς Νικαίας, κανὼν ἀναστάσιμος), [TR 1738: χμθ'] ■ 1: [MR, 6: 508; MV, 12] ὑμνολο-
γούοντας.

2) *Babylas* (4.9.) **Bab**

- (1) Богородицю та отъ доуша ·
- (2) владъгги|це мироу блага ·
- (3) исповѣдаюца | та съпаси ·
- (4) та бо застоупницю ·
- (5) не|поворимоу сътажахомъ ·
- (6) въ исти|ноу божию родительницю :-

GIM Sin 159, Bl. 36^v, 1–5 (sub neum.); RGADA 381-84, 25^r, 19–22, herausgegeben von JAGIČ [1886: 036], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0026.jpg (15.07.2016)
■ 1: Богородицю] RGADA 381-84 БЦ-; доуша] RGADA 381-84 дш-; 2: владъгги|це] RGADA 381-84 влѣгг-; блага] RGADA 381-84 блг-; 3: съпаси] RGADA 381-84 сѣси; 4: застоупницю] RGADA 381-84 -ичю; 5: не|поворимоу] RGADA 381-84 неоворимоу; 6: божию] RGADA 381-84 бж-; родительницю] RGADA 381-84 -ичю.

3) *Conceptio S. Ioannis Baptistae* (23.9.) **Ioh**

- (1) Бѣю та ѿ дѣша
- (2) влѣггце мирж блга | га
- (3) исповѣдаюца та сѣсан
- (4) та | бо застоупление
- (5) непорочно има | мъ
- (6) сжчно въ истиноу бѣю.

RGADA 381-131, 15^v, 13–16, herausgegeben von KRYS'KO [2005: 90].

4) *Euty chius* (6.4.) **Eut**

- (1) Богородицю та отъ доуша ·
- (2) владъгг|ггице мироу блага ·
- (3) исповѣда | юца та съпаси ·
- (4) та бо¹ застоу | пление неповѣдьно² ·
- (5) сътажа | хомъ ·
- (6) въ истиноу богородицю :-

GIM Sin 165, 55^r, 9–13 (sub neum.); T 20^v 22–23 – 21^r 1–2, beide herausgegeben in [GMA, 1: 402] ■ 1: T om.; 2: T err. неповѣдь.

5) *Adrianus et socii martyres* (26.8.) **Adr**

- (1) Богородицю та отъ доуша ·
- (2) владъггггице ми | роу блага ·
- (3) исповѣдаюца та съпаса | и ·

- (4) тѧ бо зѧстоупленіе
- (5) неповѣдно има | мѧ ·
- (6) соуцно въ истиноу богородицю ꙗ—

GIM Sin 168, 157^r, 12–15 (sub neum.); RGADA 381-125, 91^r, 10–12; GIM Sin. 895, 198^v, 10–14 ■ 1: Богородицю] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 бѣ-; тѧ] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 тѧ; стѧ] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 ѿ; доуша] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 дѣ-
2: владѣице] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 влѣиц-; блага] RGADA 381-125 вала [sic!].
3: исповѣдающа] RGADA 381-125 -аа; съпаса | и] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 сѣс-. 4: зѧстоупленіе] RGADA 381-125 -не. 5: неповѣдно] RGADA 381-125 → не | порочна, GIM Sin. 895 → непо | рочно. 6: соуцно] GIM Sin. 895 -цоу; истиноу] GIM Sin. 895 -тѧ | н-; богородицю] RGADA 381-125, GIM Sin. 895 бѣ-.

6) *Commune prophetarum* **Pro**

- (1) бѣю тѧ ѿ дѣла ·
- (2) влѣице | мироу блага ·
- (3) испо | вѣдающа тѧ сѣса | и ·
- (4) тѧ бо зѧстоупле | ние
- (5) неповѣдимѧ | стѧжахомѧ
- (6) въ исти | ноу бѣю ꙗ—

Codex Vindobonensis Slavicus 37, 245^v, 5–11, herausgegeben von STANČEV, РОПОВ [1988: 191] und КАМР [2010: 20].

- (1) бѣю те ѿ дѣле **Ang**
- (2) исповѣдающѧ сѣса
- (3) влѣице мироу блага
- (4) тебе бо зѧстоупленіе
- (5) непо рона стѧжахомѧ
- (6) въ истиноу бѣю.

NBKM 122, herausgegeben von ANGELOV [1969: 247] (= [IDEM 1978: 26]).

7) *Oktoechos izbornyj* **Okt**

- (1) бѣю тѧ ѿ дѣла ·
- (2) мироу блага ·
- (3) исповѣда | юща тѧ сѣса ·
- (4) тѧ зѧстоупленіе ·
- (5) не | повѣдимо стѧжахомѧ
- (6) въ истину бѣю ꙗ—

RNB Sof. 122, 36^r, 12–14, in den kritischen Apparat von КАМР [2010: 20] aufgenommen.

3.5.2. Theotokion der fünften Ode. Synoptische interlineare Ausgabe

1.	Τοὺς	Θεοτόκον	σε	ἐκ ψυχῆς,	2.	Δέσποινα	τοῦ κόσμου	ἀγαθῆ,
Adr		Богородицю	τηα	отъ душиа		ВЛАДЪИЦЕ	ми роу	БЛАΓΙΑ
Ioh		Βίῃο	τΑ	ῶ δία		ВЛДЦЕ	мироѡ	БЛГА ѡ
Wen		Богородицю	τΑ	отъ душиа		ВЛАДЪИЦЕ	мироу	БЛАΓΙΑ
Bab		Богородицю	τΑ	отъ душиа		ВЛАДЪИЦЕ	мироу	БЛАΓΙΑ
Eut		Богородицю	τΑ	отъ душиа		ВЛАДЪИ ЦИ	мироу	БЛАΓΙΑ
Okt		Βίῃο	τΑ	ῶ δία			мироу	БЛГА
Pro		Βίῃο	τΑ	ῶ δία		ВЛДЦЕ	мироу	БЛАΓΙΑ
Ang		Βίῃο	τΑ	ω δία				

3.	ὁμολογοῦντας			διάσωσον*	
Adr	исповѣдающиа			τΑ	съпаца и
Ioh	исповѣдающиа			τΑ	сѣсаи
Wen	исповѣдающиа			τΑ	съпа сани
Bab	исповѣдающиа			τΑ	съпаци ⁵³
Eut	исповѣд ющиа			τΑ	съпаци
Okt	исповѣд ющиа			τΑ	сѣсаи
Pro	испо вѣдающиа			τΑ	сѣса и
Ang	исповѣдаючи				сѣса
					ВЛЦЕ мироу БЛГА

4.	σὲ	γάρ	προστασίαν	5.	ἀκαταμάχητον	κεκτήμεθα
Adr	τΑ	βο	заступление		неповѣдно ⁵⁴	има мъ
Ioh	τΑ	βο	заступление		непорочьно	има мъ
Wen	τΑ	βο	заступление		непорочьно ⁵⁵	и мамъ
Bab	τΑ	βο	заступьницю		не поворимую ⁵⁶	сѣтажа хомъ
Eut	τΑ	βο	застоу пление		неповѣдно	сѣтажа хомъ
Okt	τΑ		заступление		не повѣдно	сѣтажа хомъ
Pro	τΑ	βο	заступление		неповѣдимъ	сѣтажа хомъ
Ang	тебе	βο	заступление		непорѣна	

6.	τὴν	ὄντως	Θεογενήτριαν.
Adr	соуцию	въ истинюу	Богородицю
Ioh	сѣцию	въ истинюу	βίῃο
Wen	соуцию	въ истинюу	Богородицю
Bab		въ исти ноу	вожино родительницю
Eut		въ истинюу	Богородицю
Okt		въ истинюу	βίῃο
Pro		въ истинюу	βίῃο

⁵³ RGADA 381-84 сѣсан.

⁵⁴ RGADA 381-125 егг. не | порочьна, GIM Sin. 895 непо | рочьно.

⁵⁵ Т егг. непорочьна.

⁵⁶ RGADA 381-84 неоворимуюу.

3.5.3. Textologisch-linguistischer Kommentar

In der späteren Handschrift des allgemeinen Kanons für die Propheten weist **Ang** den Genitiv-Akkusativ *исповѣдаючи* auf, der zusammen mit dem vollen Pronomen *тѣбѣ* gegenüber der klitischen Form der anderen Fassung als sprachliche Neuerung gelten kann. Zu den starken Veränderungen in der Geschichte der Textüberlieferung zählt ferner die Umstellung der Anredeform, die somit den Satz abschließt. Die „protoaspektuelle“ Alternanz der Imperativformen vermag ich nicht zu erklären.

Als lexikalisch und textologisch vielfältig erweisen sich die letzten Verse. Im Kommentar zum fünften Vers von **Ioh** hat Krys'ko eine griechische Variante *τὴν παναμώμητον* hinter der slavischen Wiedergabe *непорочно* vermutet, wobei der wohl metrisch bedingte Artikel in prädikativer Stellung einige Schwierigkeiten bereitet. Jedenfalls kann der Umstand nicht unbeachtet bleiben, dass dieselbe Lesart auch in **Wen** und zum Teil **Adr** vorzufinden ist; hinzu kommt die wohl dem „gottesmütterlichen“ (*sit venia verbo*) Kontext entsprungene Vokativform von **Ang** *непорѣна*, die auch in der Überlieferung von **Wen** und **Adr** belegt ist. **Ioh**, **Wen** und **Adr** stimmen auch in der richtigen Übersetzung des griechischen Zustandsperfekts *κέκτημαι* durch die Präsensform des athematischen Verbs *имѣти* überein, die der morphologischen Lehnübersetzung *сѣтаждѣхомъ* von **Bab**, **Eut**, **Okt** und **Pro** vorzuziehen ist.

Neben der auch in der Analyse des vorherigen Theotokions beobachteten Alternanz zwischen dem Adjektiv *неповѣдно* (**Eut** und zum Teil **Adr**) und dem Partizip Präsens Passiv *неповѣдимо* (**Okt** und **Pro**) geht **Bab** einen eigenen Weg, wie auch in der sonst in Menäentexten nicht unüblichen Wiedergabe des griechischen Lexems *Θεογεννήτρια* durch *божию родительницу* vs. *вгородицию* [CHRISTIANS 2001A: 178] (s. v. *родительница*).

Zur Partizipform *соучию* im sechsten und letzten Versmerkt Krys'ko an, dass in der griechischen Vorlage keine Entsprechung dazu vorliege [KRYŠ'KO 2005: 91]. Aufgrund des in **Adr** und **Wen** festzustellenden gleichen übersetzungstechnischen Verhaltens könnte man die Vermutung hegen, dass damit versucht wurde, die vom griechischen Artikel ausgedrückte attributive Funktion slavisch wiederzugeben. Schon in den ältesten Evangelienübersetzungen war die durch die strenge Beibehaltung der Wortfolge bedingte Wiedergabe eines nachgestellten Attributs anhand des Relativpronomens *иже, еже* nicht unüblich [TROST 1978: 54–55]; in der späteren Geschichte des Kirchenslavischen artete dieses anfänglich mit semantisch disambiguierender Funktion versehene Mittel zu einem mechanisch eingesetzten formal-künstlichen Äquivalent aus [SELS 2009: 40–43] (vgl. auch [FAHL, Fahl 2004: 292–293] und [SLRJA 2011, 29: 90]). Größere Aufmerksamkeit erheischt für unser Anliegen der in der altbulgarischen Tradition belegte Gebrauch des Präsenspartizips von *бъ-*

ти zur Wiedergabe des griechischen Artikels, wie der *Izbornik* 1073 an fünf Stellen belegt [WEINER 1972: 147]:

90d 16: да с оу ш т е ѣ | тѣхъ довроплодыѣмъ | мольбами полоучиши [SS 1073: 376];

91d 4: нзинѣ | же видимъ въ бжѣствѣ | нѣмъ писаниѣ вѣа [sic! – *V. S. T.*] | съпроста с оу ш т а іа | бжѣна другъи въ ми | роу ѣ бѣтѣствѣ [IBID.: 378];

92b 7: и с оу ш т а ѡ г о по | добиа къ стѣиимъ | ниже соу въ женитва | хъ ѣ въ дѣтокърѣме | ниихъ [IBID.: 379];

92c 3–4: въ | проситъ во са оубо отъ | вѣакого плодъ с оу ци а | іа къ бѡу лѡбъве [IBID.: 380];

177b 28: по бжѣ | скоуоумоу ѣ прѣсла | въноуоумоу бесѣдо | ваше соуштинимъ | же въ законѣ [IBID.: 547].

Wen, Adr und **Ioh** sind durch zwei bedeutsame Lesarten gekennzeichnet, welche die Wiedergabe der griechischen Vorlage betreffen.

3.6. Theotokion der sechsten Ode

Hirmos: Житинскаго моря (Han. S џ'1, K 192, Ermittlung der Versstruktur nach N 125) – Τοῦ βίου τῆν θάλασσαν (EE 224).

3.6.1. Texte

Dieser Text ist in den Kanones auf folgende Heilige belegt [STERN 2008, 2: 712, Nr. 16366]:

1) *Wenzel* (28.9.) **Wen**

- (1) Прѣсватаѣ¹ владзѣице² ·
- (2) рожьшина³ земь | нзинимъ⁴ кърмьчию⁵ и господѣ⁶ ·
- (3) ⁷похотъмъ | ми⁷ зълолютьное⁸ ·⁹
- (4) оустрой сьмоуцение · |
- (5) и тишиноу подажъ¹⁰ сьрдыцю¹¹ моемоу :-—

C 245^v, 12–15 (sub neum.), herausgegeben von NEVOSTRUEV [1872: 168], GORSKIJ, NEVOSTRUEV [1917: 14] und ANGELOV [1969: 73]; T 167^r, 17–20, herausgegeben von JAGIĆ [1886: 0221], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0168.jpg (15.07.2016); **Соф**, herausgegeben von SREZNEVSKIJ [1863: 190b] ■ 1: Т Прѣтѣа, **Соф** Прѣтѣа; 2: Т влѣѣц-, **Соф** влѣѣц-; 3: Т add. ·; 4: Т -зим-, **Соф** земьномъ; 5: Т къръ |м-; 6: Т**Соф** ꙗ; 7-7: **Соф** похотъмъ мзи; 8: Т**Соф** зѣ-, -но; 9: Т om.; 10: **Соф** -ждъ; 11: Т**Соф** ѣддоу.

Ἡ πάναγνος Δέσποινα
ἡ τεκοῦσα τοῖς βροτοῖς τὸν κυβερνήτην Κύριον,

τῶν παθῶν μου τὸν ἄστατον καὶ δεινὸν
κατεύνασον¹ [5] τάραχον,
καὶ γαλήνην παράσχου τῇ καρδίᾳ μου.

[MR, 2: 500] (Eleutherios – 15.12.), [MR, 3: 344] (Klemens von Ankyra – 23.1.), [MR, 4: 259] (Eutychius – 6.4.), [MR, 6: 508] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.); [MV, 4: 103] (Eleutherios – 15.12.), [MV, 5: 177] (Klemens von Ankyra – 23.1.), [MV, 8: 22] (Eutychius – 6.4.), [MV, 12: 131] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.); [AHG, 10: 58] (Methodius der Bekenner – 14.6.), [IBID.: 79] (Veit – 15.6.), [AHG, 12: 201] (Elias der Jüngere – 17.8.), [IBID.: 323–324] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.), [AHG, 4: 236] (Menas und Leidensgefährten – 10.12. – App.); [PARAKLETIKE 1871: 226b] (Τῇ κυριακῇ πρωΐ, κανὼν ὁ ἀναστάσιμος); [PARAKLETIKE 1885: 462] (Κανὼν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου); [PENTEKOSTARION 1872: 169a–b] (Κυριακῇ τῶν ἁγίων τιη΄. Θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ, κανὼν ἀναστάσιμος) und [IBID.: 185b] (ψυχασάββατον); [PENTEKOSTARION 1883: 350] (Τῇ κυριακῇ τῶν ἁγίων τιη΄. Θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν τῇ Νικαίᾳ, κανὼν ἀναστάσιμος), [IBID.: 383] (Τῷ σαββάτῳ τῆς ζ΄. ἐβδομάδος ἤτοι τῷ πρὸ τῆς πεντηχοστῆς), [TR 1738: γν΄] ■ 1: [MR, 6: 508] κατέσασον.

2) *Babylas* (4.9.) **Bab**

- (1) Прѣвѣстѣа владѣицие ·
- (2) рожьшиѣ | ѡловѣкомѣ направитела господа · |
- (3) страстии моихѣ непостояннѣю | ю
- (4) и зѣлоую направи матежь ·
- (5) и ти | шиноу подажь сѣрдѣцю моемоу :—

GIM Sin 159, 37^r, 3–7 (sub neum.); RGADA 381-84, 25^v, herausgegeben von JAGIĆ [1886: 036], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0027.jpg (15.07.2016) ■ 1: Прѣвѣстѣа] RGADA 381-84 Прѣс-; владѣицие] RGADA 381-84 влѣцие. 2: ѡловѣкомѣ] RGADA 381-84 егг. → мѣнкомѣ; направитела] RGADA 381-84 -вѣт-; господа] RGADA 381-84 ꙗ. 3: страстии] RGADA 381-84 страѣи; непостояннѣю | ю] RGADA 381-84 -оан-. 4: зѣлоую] RGADA 381-84 зл-. 5: сѣрдѣцю] RGADA 381-84 срдѣц-; моемоу] RGADA 381-84 -оем-.

3) *Eutychius* (6.4.) **Eut**

- (1) Прѣвѣстѣа владѣицие ·
- (2) рожьши | ѣ ѡловѣкомѣ крѣмъчью и го | спода ·
- (3) страстии | ми боурьноне | оукроти ·
- (4) сѣмоуцение
- (5) и тиши | ноу подажь сѣрдѣцю моемоу :—

GIM Sin. 165, 55^v, 12–16 (sub neum.); RGADA 381-110, 21^r, 16–19, beide herausgegeben in [GMA, 1: 406] ■ 1: страстии] T var. страсти.

4) *Adrianus et socii martyres* (26.8.) **Adr**

- (1) Прѣвѣстѣа владѣице ·
- (2) рожьшина земльнзи | имъ кърмьчию и господа ·
- (3) похотьмъ ми зъ | лолютъно
- (4) оустрои съмоуцение ·
- (5) и тиши | ноу подажъ сръдцю моемоу :—

GIM Sin 168, 157^v, 10–13; RGADA 381-125, 91^v, 2–5; GIM Sin 895, 199^r, 10–14 ■ 1: Прѣвѣстѣа] RGADA 381-125 Прѣстѣа, GIM Sin 895 Прѣстѣа; владѣице] RGADA 381-125, GIM Sin 895 влѣице. 2: рожьшина] RGADA 381-125 -иа; земльнзи | имъ] RGADA 381-125, GIM Sin 895 земьнзимъ; кърмьчию] RGADA 381-125 крѣм-; господа] RGADA 381-125, GIM Sin 895 ѣа. 3: зъ | лолютъно] RGADA 381-125 злолутъно, GIM Sin 895 → зло и лютно. 4: оустрои] RGADA 381-125 жстрои; съмоуцение] RGADA 381-125 съмоуце | ние. 5: сръдцю] GIM Sin 895, RGADA 381-125 срѣцю; моемоу] RGADA 381-125 моемоу.

5) *Oktoechos izbornyj* **Okt**

- (1) Прѣстѣа влѣице ·
- (2) рожьшина земнзи | мъ правителя и ѣа ·
- (3) стѣти ми воурь | ное
- (4) оукроти исмоуцение ·
- (5) и тиши | ноу подажъ сръдцю моемоу :—

RNB Sof. 122, 36^v, 20–23.

6) *Blumentriodion, Dominica Patrum CCCXVIII Nicaenorum*, siebter Sonntag nach Ostern (96.–102.) **Pat**

- (1) Прѣстѣа влѣице ·
- (2) рожьшина земнзимъ къ | рмьчию и ѣа ·
- (3) похотьмъ ми злолютно ·
- (4) оу | строи съмоуцения ·
- (5) и тишиноу подажъ | сръдцю моемоу :—

RGADA 381-138, 154^r, 9–12, http://rgada.info/kueh/1/381_1_138/0155.jpg (15.07.2016), Handschrift des 12.–13. Jahrhunderts [ŽUKOVSKAJA 1984: 87–88, № 49], in der Edition von Momina als Π abgekürzt [TR, 1: *317].

3.6.2. Theotokion der sechsten Ode.

Synoptische interlineare Ausgabe

1.	Ἡ πάναγνος	Δέσποινα	2.	ἡ τεκοῦσα	τοῖς βροτοῖς	τὸν κυβερνέτην
Adr	Прѣвнстага	ВЛАДЪИЦЕ		рожьшина	ЗЕМЛЪИЗІ ИМЪ ⁵⁷	КЪРМЪЧЮ
Wen	Прѣсватага	ВЛАДЪИЦЕ		рожьшина	ЗЕМЬ НЪИМЪ	КЪРМЪЧЮ
Pat	Прѣстага	ВЛЪЦЕ		рожьшина	ЗЕМНЪИМЪ	КЪ РМЪЧЮ
Bab	Прѣвнстага	ВЛАДЪИЦЕ		рожьшина	ΥΛΟΒ'ΕΚΟΜЪ ⁵⁸	ΝΑΡΑΒΙΤΕΛΑ
Eut	Превнстага	ВЛАДЪИЦЕ		рожьши га	ΥΛΟΒ'ΕΚΟΜЪ	ΚΡЪМЪЧЪЮ
Okt	Прѣстага	ВЛАЪЦЕ		рожьшина	ΖΕΜΝΖΙ ΜЪ	ΠΡΑΒΙΤΕΛΑ

		Κύριον,	3.	τῶν παιδῶν	μου	τὸν ἄστατον	καί	δεινόν
Adr	и	господа		похотъмъ	ми	ΖΖ λο	и ⁵⁹	лютно
Wen	и	господа		похотъмъ	ми	ΖΖΛΟΛΟΤΗΝΟΕ		
Pat	и	҃га		похотъмъ	ми	ΖΛΟΛΟΤΗ		
Bab		господа		страстии	моиχъ	ΝΕΠΟΣΤΟΙΑΝΗΟΥ' Ю	и	ЗЪЛОУЮ
Eut	и	го спода		страстии ⁶⁰	ми	ΒΟΥΡΗΝΟΕ		
Okt	и	҃га		Стрѣти	ми	ΒΟΥΡЬ НΟΕ		

4.		κατεύνασον		τάραχον,	5.	καί	γαλήνην	παράσχου
Adr		оустрон		сѣмоуцение		и	тиши ноу	подажъ
Wen		оустрон		сѣмоуцение		и	тишиноу	подажъ
Pat		оу строн		сѣмоуцения		и	тишиноу	подажъ
Bab		направи		матежъ		и	ти шиноу	подажъ
Eut		оукроти		сѣмоуцение		и	тиши ноу	подажъ
Okt		оукроти	и	сѣмоуцение		и	тиши ноу	подажъ

5.		τῆ καρδίᾳ		μου.
Adr		сърдьцю		моиемоу
Wen		сърдьцю		моиемоу
Pat		сръцю		моиемоу
Bab		сърдьцю		моиемоу
Eut		сърдьцю		моиемоу
Okt		срѣцю		моиемоу

3.6.3. Textologisch-linguistischer Kommentar

Im ersten Vers weist **Wen** das Adjektiv Прѣсватага anstatt Прѣвнстага für gr. πάναγνος auf. Für eine solche mit dem griechischen Text nicht übereinstimmende Lesart, die übrigens auch im Theotokion der achten Ode des Kanons für Theodor den Bezeichneten zutage tritt (Dezember XXVIII.67 [GDM, 4: 442], vgl. auch [CHRISTIANS 2001a: 165]), gibt es drei mögliche Erklärungen:

⁵⁷ GIM Sin 895, RGADA 381-125 ζε | μνηζιμъ.

⁵⁸ RGADA 381-84 εγγ. μῆκομъ.

⁵⁹ Nur in GIM Sin 895.

⁶⁰ RGADA 381-110 στραсти.

1) beim Abschreiben wurde Πρεφισταία durch Πρεφσαταία ersetzt (slavischer Überlieferungsfehler),

2) das griechische Wort πάνταγνος wurde vom Übersetzer als das metrisch nicht passende πανάγιος verlesen (slavischer Übersetzungsfehler), oder, schließlich,

3) die in 2) genannte Verwechslung erfolgte bereits in der griechischen Vorlage (griechischer Überlieferungsfehler).

Einen wie immer besonderen Platz nimmt **Bab** ein. Im Vers 4 ist τάρραχος mit МАТЕЖЬ wie zweimal im Dezembermenäum übersetzt [Christians 2001a: 101], während alle anderen Fassungen die Lesart сѣмоуцѣннѣ bieten. **Bab** teilt übrigens mit **Eut** die Lesart ѿловѣкъ für das griechische substantivierte Adjektiv βροτός.

Im zweiten Vers steht etwas unerwartet das Substantiv НАПРАВИТЕЛЬ für gr. κυβερνήτης gegen κρῦμῦνι der restlichen Überlieferung mit Ausnahme von **Okt**. Man ist deshalb berechtigt eine Präfigierung der in **Okt** bezeugten Form правитель zu postulieren, welche durch Kontamination mit dem auch seltsamen Imperativ im vierten Vers zu erklären wäre. Letztere Form könnte wiederum auf einem Lesefehler (Verwechslung mit dem Verb κατευθύω) beruhen; an dieser Stelle bedarf die von **Adr**, **Wen** und **Pat** tradierte Lesart ουστροι einer Erklärung: Da die Wahrscheinlichkeit eines unabhängigen Abschreibefehlers (*lectio facilior*?) ziemlich gering ist, müssen wir entweder von einer schlechten Leseleistung ausgehen oder aber eine allen drei slavischen Übersetzungen zugrunde liegende Variante (κατασχεύσασον) in der griechischen Überlieferung postulieren.

Besondere Aufmerksamkeit gebührt dem Kompositum зѣлолютьное, welches der bisher ermittelten griechischen Vorlage weder semantisch noch quantitativ entspricht. Die in Bezug auf die Quelle (**C** oder **T**) nicht eindeutig nachgewiesene Fundstelle aus dem Wenzelskanon (*Мин. сент. Новг. XII в.*) ist in Sreznevskijs Wörterbuch aufgezeichnet [SREZNEVSKIJ 1893/1955, 1: 1003], und zwar s. v. зѣлолютьно (als Adverb aufgefaßt?):

Прѣстаѣ влѣдце (sic) ... похотѣмьми (sic) злолютьно оустрои сѣмоуцѣннѣ, и тишиноу подажь срдѣцу моему.⁶¹

Dieses Lexem wurde bereits von Vondrák dem Wortschatz des klassischen Altkirchenslavisch zugeordnet [VONDRÁK, BARTOŇ 2003: 31] (hier wird das Adjektiv mit *ukrutný* ins Tschechische übersetzt). Auch das Prager Wörterbuch des Altkirchenslavischen erweist dem nationalen Heiligen eine lexikalische Ehre,

⁶¹ Der gesamte Text des Theotokions nach der im Wenzelskanon bezeugten Fassung wird auch in dem *Slovar'-Spravočnik „Slova o polku Igoreve“* (s. v. *похоть*, semantisches Feld „2. Страсть, сильное влечение к чему-л.“) vollständig zitiert: Прѣстѣла владычице, рождшия зѣмьнымъ крѣмьѣно и господа, похотѣмъ ми злолютьно устрои сѣмоуцѣннѣ, и тишину подажь срдѣцу моему. *Мин. сент., 0221 (1095 г.)* [VINOGRADOVA 1973: 177].

nämlich das Hapax legomenon (eigentlich graphomenon) *зълѡютънъ* in der Bedeutung von „grausam“ mit Verweis auf dieselbe Stelle aus dem Wenzelskanon:

похотъмъ ми зълѡютъно оустрой сѣмоуцение [SJS 1966, 1: 687].

Hinzu kommt, dass das Adjektiv *зълѡютънъ* auch im Novgoroder Novembermenäum von 1097 vorkommt (видѣние зълѡютъное, *Мин. 1097 г. 30*),⁶² und zwar in einem Sticheron im vierten Ton (Proshomoion: Ἐδωκας σημείωσιν) auf Paulus den Bekenner (6.11.):63

Ариѣво ослѣпилъ еси злѡбынѣи, блѣжне, очи. оугаси(лъ) еси видѣние зълѡютъное твоихъ повелѣнии рѣзумънъими лѡучами, и блѣгочѣстивѣна свѣтъмъ истинънъимъ, пѡуле, наставилъ (є)си. тѣмъ просвѣтивѣшиоуѡу та блѣгодарѣце, зовемъ о весильне еѣсе дша [sic! – *V. S. T.*] нашихъ [JAGIĆ 1886: 307].⁶⁴

Das Adjektiv *зълѡютънъ* sowie die Adverbform *зълѡютънѣ* in der Bedeutung „жестокий, свирепый“ tauchen auch im Altkirchenslavischen Wörterbuch zum Ostromir-Evangelium von STARČEVSKIJ [1899: 250] auf. Vor ihm hatte bereits Miklosich das Adjektiv *зълѡютънъ* in der serbischen Überlieferung [MIKLOSICH 1858/1964: 332] nachgewiesen und in seinem *Lexicon* neben dem Adverb *зълѡютънѣ* (clim.)⁶⁵ und dem denominativen Abstraktum *зълѡютъство* (men.-mih.)⁶⁶ angeführt [MIKLOSICH 1862–1865: 228]. Nur in **Bab** begegnen wir der üblichen Wiedergabe der griechischen Adjektivformen ἄστατον καὶ δεινόν, nämlich *непостоянъноу|ю и зълѡую*.

Man kann sich des Eindrucks nicht erwehren, dass beim Abschreiben zwei ursprünglich getrennte Lexeme, die eventuell als Synonyme fungierten oder aber aufgefasst wurden (eine Art *Hendiadyoin*), zusammengesetzt wurden. Allerdings scheint die in GIM Sin 895 bezeugte Variante *зло и лютно*⁶⁷ eher auf

⁶² Nicht aber in der Synodalhandschrift Nr. 161, wie in [STERN 2008, 1: 24, Nr. 267] irrtümlich angegeben; vgl. dazu Jagićs Anmerkung 16 auf S. auf S. 306: „этой и следующих двух стихир в сд. нет, но они читаются в п.“. Mit der Abkürzung **п.** bezeichnete Jagić ein Festtagsmenäum aus dem 12. Jhd.: Трехмесячная служебная минея императорской публичной библиотеки, заключающая в себе службы на избранные дни (преимущественно праздники) месяцев сентября, октября и ноября, beschrieben auf den Seiten XLVII–XLVIII). Im Vorwort spricht Jagić von einer Lücke (*propusk*), meint wahrscheinlich damit lediglich die Tatsache, dass die von ihm gemeinten Stichiren in der Synodalhandschrift fehlen: „На стр. 306 строка 21–24 // пропущена стихира пѡуле и на стр. 307 1–8 две стихиры“ [JAGIĆ 1886: XLII–XLIII].

⁶³ Ариѣво ослѣпилъ еси зълѡбынѣи, блѣжне, очи – Ἀρείου ἐπήρωσας τοὺς τῆς κακίας, μακάριε, ὀφθαλμούς.

⁶⁴ Der sl. Text ist auch auf folgender Seite der norwegischen Universität zu Trondheim vorhanden: <http://www.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus/>, Bl. 30b (abgerufen am 15.07.2016).

⁶⁵ Ioannes Climacus (Иѡаннъ клѣстивъникъ), *Scala paradisi* (nach einem Moskauer Druck vom Jahre 1647).

⁶⁶ Mihanović-*Menaem* (Handschrift aus dem 16. Jahrhundert).

⁶⁷ Gemäß dem Wörterbuch zum Dezembermenäum sind sowohl *зълъ* als auch *лютъ*

einer später erfolgten Verbesserung zu beruhen, auch wenn man aufgrund der griechischen Vorlage eine Worttrennung vorzunehmen geneigt wäre (ausführlicher dazu s. [TOMELLERI in Vorb.]).

Wen, Adr und **Pat** scheinen nicht nur aufgrund des oben besprochenen Bindefehlers $\sigma\tau\rho\iota\omicron\iota$ zusammenzugehören.

3.7. Theotokion der siebten Ode

Hirmos: $\chi\lambda\alpha\delta\omicron\delta\alpha\upsilon\upsilon\iota\omicron\upsilon$ (Han S ζ'1, K 198, Ermittlung der Versstruktur nach N 137) – $\Delta\rho\omicron\sigma\sigma\omicron\beta\omicron\lambda\omicron\upsilon\omicron\mu\epsilon\acute{\nu}\nu$ (EE 224).

3.7.1. Texte

Dieser Text ist in den Kanones auf die folgenden Heiligen belegt [CHRISTIANS 2004: 87–88; STERN 2008, 3: 404, Nr. 21012]:

1) *Wenzel* (28.9.) **Wen**

- (1) Тобою намъ владъицице¹ свѣтъ · 2
- (2) въсиа³ ть | мьнзиимъ втѣпоустъ⁴ ·
- (3) тѣи бо роди⁵ · зжи | телѣ⁶ въсѣмъ⁷ и бога⁸ · 9
- (4) $\sigma\tau^{10}$ негоже проси¹¹ прѣ | чистѣ¹² присно ·
- (5) посылати намъ вѣрнзи | имъ¹³ вернзиимъ¹⁴ велию милость¹⁵ ∴—

C 246^r, 12–16 (sub neum.), herausgegeben von NEVOSTRUEV [1872: 169], GORSKIJ, NEVOSTRUEV [1917: 15] und ANGELOV [1969: 73]; T 167^v, 12–15, herausgegeben von JAGIĆ [1886: 0221], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0169.jpg (15.07.2016); **Соф**, herausgegeben von SREZNEVSKIJ [1863: 190b] ■ 1: T дѣце, **Соф** влѣуц-; 2-2: свѣтъ · T transp. · свѣтъ; 3: T -иа, **Соф** -сѣа; 4: T**Соф** ом.; 5: **Соф** радѣ; 6: **Соф** зиждитѣла, T add. · ; 7: T в-; 8: T**Соф** бѣ; 9: T om.; 10: T њ; 11: T add. · ; 12: T прѣ-, **Соф** прѣ-; 13: T вѣрнзиими, **Соф** вер-; 14: T**Соф** ом.; 15: T**Соф** мѣсть.

Διὰ σοῦ, Μῆτερ Παρθένε, φῶς ἀνέτειλε
πάση τῇ οἰκουμένη φαιδρόν·
ἰσὺ γὰρ τὸν κτίστην¹ τῶν ἀπάντων τέτοκας Θεὸν,
ὄν αἰτήσαι, Πάναγνε, ἡμῖν
καταπεμφθῆναι τοῖς πιστοῖς τὸ μέγα ἔλεος.

[JAGIĆ 1886: 521]; [MR, 3: 660] (Auffindung des Hauptes Johannes' des Täuflers – 24.2.); [MV, 6: 122] (Auffindung des Hauptes Johannes' des Täuflers – 24.2.); [AHG, 10: 59] (Methodius der Bekenner – 14.6. – App.); [PARAKLETIKE 1885: 463] (Κανὼν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου); [PARAKLETIKE 1871: 227a] (Τῆ κυριακῇ πρώτῃ, κανὼν ὁ ἀναστάσιμος);

Übersetzungäquivalente zu gr. $\delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\varsigma$ [CHRISTIANS 2001A: 267].

[PENTĒKOSTARION 1872: 171a] (Κυριακὴ τῶν ἁγίων τηγ'. Θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ, κανὼν ἀναστάσιμος); [PENTĒKOSTARION 1883: 353] (Τῆς κυριακῆς τῶν ἁγίων τηγ'. Θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν τῇ Νικαίᾳ, κανὼν ἀναστάσιμος) ■ 1-1: [MR, 3; MV, 6; PARAKLETIKE 1871; PENTĒKOSTARION 1883; PARAKLETIKE 1885] τὸν γὰρ Κτίστην σὺ [MV, 6] σὺν.

2) *Babylos* (4.9.) **Bab**

- (1) Тобою мати дѣво свѣтъ вѣснѣалъ естъ · ||
- (2) вьсеи вьселенѣи свѣтълъ ·
- (3) тзы во зи | житела вьсѣхъ родила еси бога ·
- (4) ѿ | гоже оумоли пречистаѣ намъ ·
- (5) посъ | лати вѣрнзимъ [sic! – *V. S. T.*] велию милость :-

GIM Sin 159, 37^r, 19–37^v, 1–4 (sub neum.); RGADA 381-84, 26^r, 4–7, herausgegeben von JAGIĆ [1886: 037], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0027.jpg (15.07.2016) ■ 1: мати дѣво] RGADA 381-84 → transp. дѣво мѣи. 2: свѣтълъ] RGADA 381-84 -тлъ. 3: зи | житела] RGADA 381-84 -лъ; еси] RGADA 381-84 ес-; бога] RGADA 381-84 бѣ. 4: ѿ | гоже] RGADA 381-84 ег-; оумоли] RGADA 381-84 → моли; пречистаѣ] RGADA 381-84 прѣта. 5: вѣрнзимъ] RGADA 381-84 -рнзим-; милость] RGADA 381-84 мѣс.

3) *Commune prophetarum* **Pro**

- (1) Тобою намъ дѣще ·
- (2) свѣ | тъ вьснѣ тьмнзимъ | ѿпоустъ ·
- (3) тзы во роди | вьсѣмъ зижитела и | бѣ ·
- (4) негоже моли прѣста | ѿ ·
- (5) присно послати на | мъ вѣрнзимъ вѣлию [sic! – *V. S. T.*] || мѣсть :-

Codex Vindobonensis Slavicus 37, 247^v, 10–16 – 248^r, 1, herausgegeben von STANČEV, РОРОВ [1988: 192] und КАМР [2010: 28–30].

- (1) То тобою дѣо
- (2) свѣ | намъ вьснѣ тьмнзимъ ѿпоустъ
- (3) Ти бо роди вьсѣ зижитѣла и бѣ
- (4) егоже роди прѣста
- (5) и присно посла ти [sic! – *V. S. T.*] вѣрнѣ велию мѣсть.

NBKM 122, herausgegeben von ANGELOV [1969: 247] (= [IDEM 1969/1978: 27]).

4) *Oktoechos izbornyj* **Okt**

- (1) Тобою, мѣи ·
- (2) свѣтъ вьснѣ тьмнзи | мъ ѿпоустъ ·
- (3) тзы во роди зижитела | вьсѣмъ и бѣ ·
- (4) негоже моли, прѣтаѣ при | сно ·
- (5) послати вѣрнзимъ · велию мѣт :-

RNB Sof 122, 38^r, 3–6.

3.7.2. Theotokion der siebten Ode. Synoptische interlineare Ausgabe

1.	Διὰ σοῦ,		Μῆτερ	Παρθένε,	2.	φῶς	ἀνέτειλε	πάσῃ
Bab	Тобою		МАТН	Д'Ѣво		СВ'ѢТЪ	ВЪСНІАЛЪ ЕСТЬ	ВЪСЕН
Wen	Тобою	НАМЪ		ВЛАДЫЧИЦЕ		СВ'ѢТЪ	ВЪСНІА	ТЪ МЪНЪИМЪ
Pro	Тобою	НАМЪ		Д'ѢЦЕ		СВ'Ѣ ТЪ	ВЪСНІА	ТЪМЪНЪИМЪ
Okt	Тобою		М'ТН			СВ'ѢТЪ	ВЪСНІА	ТЪМЪИИ МЪ

	τῆ οἰκουμένη	φαιδρόν	3.	σὺ	γάρ	κτίστην		τῶν ἀπάντων
Bab	ВЪСЕЛЕН'И	СВ'ѢТЪЛЪ		ТЪИ	БО	ЖИ ЖИТЕЛА		ВЪС'ѢХЪ
Wen	ВЪС'ѢЛЕНЪ			ТЪИ	БО		РОДИ	ЖИЖИ ТЕЛА
Pro	В'ΠΟΥС'ΤЪ			ТЪИ	БО		РОДИ	СВ'ѢМЪ
Okt	В'ΠΟΥС'ΤЪ			ТЪИ	БО		РОДИ	ЖИЖИТЕЛА

	τέτοκας		Θεόν	4.	ὄν	αἴτησαι,	Πάναγνε,	ἡμῖν
Bab	РОДИЛА ЕСИ		БОГА		НЕ ГОЖЕ	ΟΥМОЛИ	ПРЕЧ'ИСТАГА	НАМЪ
Wen	ВЪС'ѢМЪ	И	БОГА		ΟΥ НЕГОЖЕ	ПРОСИ	ПР'Ѣ Ч'ИСТАГА	ПРИСНО
Pro	ЖИЖИТЕЛА	И	Б'А		НЕГОЖЕ	МОЛИ	ПР'ѢСТА ГА	ПРИСНО
Okt	С'ѢМЪ	И	Б'А		НЕГОЖЕ	МОЛИ	ПР'ѢСТАГА	ПРИ СНО

5.	καταπεμφθῆναι		τοῖς πιστοῖς	τὸ μέγα	ἔλεος.
Bab	ПОСЪ ЛАТИ		В'ѢР'Ъ <Ъ> НЪИМЪ	ВЕЛИЮ	МИЛОСТЬ
Wen	ПОСЪЛАТИ	НАМЪ	В'ѢР'НЪИ ИМЪ	ВЕЛИЮ	МИЛОСТЬ
Pro	ПОСЛАТИ	НА МЪ	В'ѢР'НЪИМЪ	В'ЕЛИЮ	М'Л'СТЬ
Okt	ПОСЛАТИ		В'ѢР'НЪИМЪ	ВЕЛИЮ	М'Л'Т

3.7.3. Textologisch-linguistischer Kommentar

In **Bab** bietet der slavische Text eine durchaus genaue Wiedergabe des griechischen Originals; das Theotokion in **Wen**, **Pro** und zum Teil **Okt** enthält dagegen eine ganze Reihe von lexikalischen und syntaktischen Varianten, die nicht nur mit der Existenz einer anderen griechischen Vorlage in Verbindung gebracht werden können; ganz wichtig wäre es deshalb zu eruieren, inwieweit solche Übereinstimmungen auf eine gemeinsame Vorlage zurückgehen.

Im ersten und im letzten Vers wird in **Wen** und **Pro** das Personalpronomen **НАМЪ** eingeschoben; im zweiten Fall ist aber die Form auch in der griechischen Vorlage vorzufinden, wenn auch an anderer Stelle; dort lautet aber der slavische Text sowohl in **Wen** und **Pro** als auch in **Okt** **ПРИСНО** (für **ἀεί**). In **Wen** und **Pro** fehlt übrigens jegliche Entsprechung zum griechischen Vokativ **μητέρα** im ersten Vers.

Nicht zufällig und voneinander unabhängig scheint außerdem die etwas freie Wortstellung von **Wen**, **Pro** und **Okt** im dritten und vierten Vers, während **Bab** wie üblich der Vorlage getreu folgt. Auch die koordinierende Konjunktion zwischen den Substantiven **ЖИЖИТЕЛА** und **БОГА** im vierten Vers stellt einen weiteren Bindefehler dar.

Viel auffälliger ist im Vers 2 die Lesart **ТЪМЪНЪИМЪ УПЪΠΟΥΓΤЪ** und das Fehlen einer slavischen Entsprechung zum griechischen Adjektiv *φαιδρόν*; es fällt schwer, aufgrund dieser slavischen Übersetzung eine andere griechische Vorlage (*τοῖς ἐν σκότῳ ἄφρασις*) zu erschließen.

In **Wen** geht mit der Wahl des Verbs *прочити* statt *(συ)μολити* im vierten Vers auch die präpositionale Rektion einher.

Wen, Pro und **Okt** verbindet das Vorhandensein gemeinsamer Lesarten lexikalischer sowie syntaktischer Natur.

3.8. Theotokion der achten Ode

Hirmos: **Ис ПЛАМЕНЕ** (Han S η'1, Ermittlung der Versstruktur nach N 152) – **Ἐκ φλογός τοῖς ὁσίοις** (EE 224).

3.8.1. Texte

Das Theotokion ist in folgenden Kanones belegt [CHRISTIANS 2004: 88; STERN 2008, 2: 441, Nr. 13421]:

1) *Wenzel* (28.9.) **Wen**

- (1) **ОТЪ¹ СВѢТА СВѢТОДАВЬЦА² СЛОВЕСИ³ ЗАДАТЪ⁴**
 (2) **и | НЕИЗАРЕЧЕНО РОДИ ПРѢСОУЦЪИНАГО⁵**
 (3) **ДОУ | ХЪ⁶ БО⁷ БОЖИИ⁸ ДѢВИЦЕ⁹ ВЪ ТА¹⁰ ВЪСЕЛИ СА¹¹**
 (4) **ТЪМЪ¹² | ТА ПОЕМЪ УИСТА¹³ ВЪ ВЪКЪИ ВЪСА¹⁴ :-**

C 246^y, 11–14 (sub neum.), herausgegeben von NEVOSTRUEV [1872: 169], GORSKIJ, NEVOSTRUEV [1917: 15] und ANGELOV [1978: 74]; T 168^r, 6–9, herausgegeben von JAGIĆ [1886: 0221], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0169.jpg (15.07.2016); **Соф**, herausgegeben von SREZNEVSKIJ [1863: 191a] ■ 1: T **Ū**; 2: T add. ·; 3: **ТСоф** словесе; 4: T om.; 5: **ТСоф** прес-, T -наг-; 6: **ТСоф** дх̣-; 7: **Соф** om.; 8: T бни, **Соф** вж̣-; 9: **ТСоф** дѣи-; 10: **Соф** тѣа; 11: **ТСоф** сѣа; 12: **Соф** тем-; 13: **Соф** в̣-; 14: **ТСоф** -сѣа.

Ἐκ φωτός φωτοδότην λόγον συνέλαβες,
καὶ τεκοῖσα ἀφράστως² τὸν ὑπερούσιον^{2.1}.
³πνεῦμα γὰρ ἐν σοί, κόρη, θεῖον ἐσκήνωσεν³,
^{4.5}ἦθεν σε ὑμνοῦμεν⁵ εἰς πάντα τοὺς αἰῶνας⁴.

[MR, 6: 510] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8.); [AHG, 4: 239] (Menas und Leidensgefährten – 10.12. – vollständig im App., stark abweichend), [AHG, 10: 60] (Methodius der Bekenner – 14.6. – App.), [AHG, 12: 205] (Elias der Jüngere – 17.8.), [IBID.: 326] (Adrianus und Leidensgefährten – 26.8., stark abweichend), [IBID.: 326] (Adrianus und

Leidensgefährten – 26.8. – vollständig im App.), [PARAKLETIKE 1871: 227b] (Τῆς κυριακῆς πρώτῃ, κανὼν ὁ ἀναστάσιμος), [PARAKLETIKE 1885: 464] (Κανὼν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου), [PENTEKOSTARION 1872: 172a] (Κυριακῆ τῶν ἀγίων τηγ'. Θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ, κανὼν ἀναστάσιμος), [PENTEKOSTARION 1883: 354] (Τῆς κυριακῆς τῶν ἀγίων τηγ'. Θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν τῇ Νικαίᾳ, κανὼν ἀναστάσιμος) ■ 1-1: [AHG, 4: 239; 12: 326] τὸν φωτίσαντα κόσμον ἀγαῖς θεότητος; 2-2: [MR, 6; PARAKLETIKE 1871; 1885; PENTEKOSTARION 1883; 1872] τοῦτον δεδόξασαι; 3-3: [AHG, 4: 23; 12: 326] πλάνης δὲ ἀγλὸν παντελῶς ἐκμειώσαντα, [AHG, 12: 326] (App.) σάρκα δι' ἡμᾶς γεγονότα, πανάμωμε; 4-4: [AHG, 4: 239; 12: 326] πύλη φωτοφόρε, ἀγνή, εὐλογημένη; 5-5: [IBID.: 205, 326] (App.), [PARAKLETIKE 1871] ὄν ὑπερυψοῦμεν.

2) *Commune prophetarum* **Pro**

- (1) ОҢЪ СВѢТА СВѢТОДАВЬ | ЦА СЛОВА З҃А҃ҢАТЪ ·
- (2) и не | иЗдречѣньно роди прѣ | соуцънаго ·
- (3) Д҃Х҃Ъ БО Б҃ЖИ | И Д҃Б҃ | ЦЕ ВЪ ТА ВЪСЕЛИ | С҃А ·
- (4) и҃гоже прѣ[взъносимъ].

Codex Vindobonensis Slavicus 37, 248^v, 4–9, herausgegeben von STANČEV, POPOV [1988: 192] und KAMP [2010: 32].

3) *Oktoechos izbornyj* **Okt**

- (1) ОҢЪ СВѢТА СВѢТОДАВЦА СЛОВЕСИ (sic) З҃А҃ҢА | ТЪ ·
- (2) и неИЗдречѣньно роди присносу | цнаго ·
- (3) Д҃Х҃Ъ БО Б҃НИ Д҃Б҃ЦЕ ВЪ ТА ВЪСЕЛИ | С҃А ·
- (4) Т҃БМЪ ТА ПОИЕМЪ Т҃Г҃АИ ВЪ В҃ЪК :—

RNB Sof 122, Bl. 38^v, 16–19.

3.8.2. Theotokion der achten Ode. Synoptische interlineare Ausgabe

1.	Ἐκ	φωτός	φωτοδότην	Λόγον	συνέλαβες,	2.	καὶ	τεκοῦσα
Wen	ОҢЪ	СВѢТА	СВѢТОДАВЬЦА	СЛОВЕСИ	З҃А҃ҢАТЪ		и	неИЗдречѣньно
Com	ОҢЪ	СВѢТА	СВѢТАДАВЬ ЦА	СЛОВА	З҃А҃ҢАТЪ		и	не иЗдречѣньно
Okt	ОҢЪ	СВѢТА	СВѢТОДАВЦА	СЛОВЕСИ	З҃А҃ҢА ТЪ		и	неИЗдречѣньно

	ἀφράστως	τὸν ὑπερούσιον·	3.	Πνεῦμα	γὰρ	ἐν σοί,	Κόρη	θεῖον
Wen	роди	прѣсоуцънаго		доу хъ	бо	божни	д҃ѣнице	въ та
Com	роди	прѣ соуцънаго		д҃хъ	бо	б҃жи и	д҃ѣце	въ та
Okt	роди	присносу цнаго		д҃хъ	бо	б҃ни	д҃ѣце	въ та

	ἔσκηνωσεν·	4.	ὄθεν	σε	ὕμνοῦμεν		εἰς πάντας	τοὺς αἰῶνας.
Wen	ВЪСЕЛИ СА		ТЪМЬ	ТА	ПОЕМЪ	҃НСТА	ВЪ ВЪКЪИ	ВЪСА
Com	ВЪСЕЛИ СА		ІЕГОЖЕ		ПРЪ			
Okt	ВЪСЕЛИ СА		ТЪМЬ	ТА	ПОЕМЪ	҃ТІА	ВЪ ВЪК	

3.8.3. Textologisch-linguistischer Kommentar

Die drei Fassungen sind fast identisch; nur **Pro** unterscheidet sich im letzten Vers von den anderen Kanones und spiegelt hier offensichtlich eine andere griechische Überlieferung wider, die in der Variante ὃν ὑπερψοῦμεν für ὄθεν σε ὑμνοῦμεν tatsächlich bezeugt ist.

Die gleiche Anordnung der Satzglieder im dritten Vers der slavischen Textes (доу|хъ во божин, дѣвице, въ та въсели са), wo die Distanzstellung des appositiven Attributs vom Bezugswort vermieden wird, könnte auf eine gemeinsame slavische Übersetzung zurückzuführen sein, es sei denn, man stoße auf einen entstellten griechischen Text *Πνεῦμα γὰρ θεῖον, Κόρη, ἐν σοὶ ἐσκήνωσεν, der metrisch nicht ganz unproblematisch wäre.

3.9. Theotokion der neunten Ode

Hirmos: Приимъшиа ра<достъ ангеломъ> (Ἦαν Στ θ'7) – Ἦ τὸ χαῖρε δι' ἀγγέλου δεξαμένη (EE 235 – Ἀναστάσιμος Γερμανοῦ πατριάρχου, εἰρμὸς ἄλλος).

3.9.1. Text

Dieses Theotokion scheint, wie das der ersten Ode, sonst in der slavischen Überlieferung nirgends belegt zu sein [STERN 2008, 1: 98, Nr. 1056]:

- (1) Богородице¹ · рожышиа² словъмъ³ ·
- (2) па҃че са<о>ва⁴ · ⁵ |
- (3) зижитела⁶ своего ·
- (4) дѣво⁷ того о҃г҃моли · сѣпа | стн⁸ са⁹ доушамъ¹⁰ нашимъ :-—

C 247^e, 6–8 (sub neum.), herausgegeben von NEVOSTRUJEV [1872: 169], GORSKIJ, NEVOSTRUEV [1917: 15] und ANGELOV [1978: 74]; T 168^e, 17–19, herausgegeben von JAGIČ [1886: 0221], vgl. auch http://rgada.info/kueh/1/381_1_84/0169.jpg (15.07.2016); Соф, herausgegeben von SREZNEVSKIJ [1863: 191a] ■ 1: ТСоф Бї-; 2: ТСоф -иа; 3: Т zweites o verbessert zu ъ; 4: С ег. слава, ет. Т словеси, Соф словесе; 5: Т ом.; 6: Т -аиа, Соф зижитела [sic!]; 7: Т дѣ-, Соф дѣа; 8: ТСоф еѣс-; 9: ТСоф са; 10: ТСоф дїї-.

Die griechische Vorlage wurde bisher nicht ermittelt; einen identischen Anfang bietet das Theotokion der neunten Ode im Kanon für Rufin und Aquilina (8.4.), das nach demselben Hirmos gesungen wurde:

Θεοτόκε, ἡ τεκοῦσα διὰ λόγου ὑπὲρ λόγον τὸν Λόγον, πανύμνητε,
κινδύνων ῥῦσαι τοὺς σὲ μεγαλύνοντας [AHG, 8: 134].

Eine sich mit dem slavischen Text bis auf die Vokativform *дѣво* und auf die Verbdithese des Infinitivs *εὐχαῖται εἰ* vollständig deckende Vorlage haben wir im Triodion gefunden, am Abend des Gründonnerstages: Ἀκολουθία τῶν ἁγίων καὶ ἀχράντων παθῶν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης πέμπτης ἑσπέρας. Dort schließt das dreizehnte Antiphonon mit folgendem Theotokion ab:

¹Θεοτόκε, ἡ τεκοῦσα διὰ λόγου
ὑπὲρ λόγον¹ ²τὸν Κτίστην τὸν ἴδιον²,
αὐτὸν δυσώπει
σῶσαι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.

[TRIODION 1870: 377a] (Ἀκολουθία τῶν ἁγίων παθῶν); Varianten nach [PARAKLĒTIKĒ 1871: 250b] (Τῆς πέμπτης πρωῆς, κανὼν τῶν ἁγίων ἀποστόλων, ἕτερος τοῦ ἁγίου Νικολάου) ■ 1-1: [IBID.] Ἡ τεκοῦσα διὰ λόγου ὑπὲρ λόγον Θεοτόκε; 2-2: [IBID.] Πατρὶ τὸν Συνάναρχον.

3.9.2. Textologisch-linguistischer Kommentar

In der neuemierten Handschrift ist der zweite Vers verderbt: Aus der Genitivform *ελοβα des bereits zu den -*ō*-Stämmen übergegangenen Substantivs ελοβο ist der Feder eines wohl unaufmerksamen oder nur zu frommen Kopisten die syntaktisch inakzeptable Nominativform ελαβα entsprungen, während die anderen Textzeugen die ursprüngliche bzw. die lexikalisch und morphosyntaktisch korrekte Form bewahrt haben, wobei die jüngere Handschrift **Coφ** die archaischere Endung ελοβεε aufweist.⁶⁸

Vorläufiger Schluss

Mit Ausnahme der ersten und neunten Ode vermitteln die Theotokia aus dem Wenzelskanon ein in Bezug auf die slavische Tradition ziemlich einheitliches Bild: Es sind nämlich lexikalische und/oder syntaktische Varianten sowie Übersetzungs- oder aber Überlieferungsfehler vorhanden, die auch in anderen Kanones zutage treten. Dadurch bietet sich die Schlussfolgerung an, dass sie nicht neu übersetzt wurden, sondern aus einer im Augenblick nicht eindeutig identifizierbaren Quelle (oder aus mehreren) hervorgegangen sind.

⁶⁸ Für einen identischen Fehler (*lectio facilior*) im Aprilmenäum vgl. [TOMELLERI 2015: 333–334].

Auch im Fall unterschiedlicher Theotokia findet die Wahl der *Hirmoi* eine fast vollständige Entsprechung in den anderen zum Vergleich herangezogenen Kanones im sechsten Ton, wie aus der untenstehenden Tabelle ersichtlich wird (fett gedruckt sind die gleichen Theotokia, kursiv werden die „hapax“ im Wenzelskanon hervorgehoben).

Tabellarische Übersicht des Theotokienbestandes in den verschiedenen Kanones

	Wenzel (28..9)	Adrianus (26.8.)	Babyla (4.9.)	Eutychius (6.4.)	Isidorus (4.2.)	Oktoechos	Prophetae
1. Ode	<i>Въздъша ма въ разбоя</i>	Осѡудѣвъшемъ княземъ отъ колына и юдова	Своего принимши съдѣтеля	Своего принимши съдѣтеля	Иако на лъгъкъ облакъ	Своего принимши съдѣтеля	Своего приемши съдѣтеля
3. Ode	Божно рожествоу ти, чиста	Божно рожествоу ти, чиста	Бжѣвнаго ти ржѣва, чѣд	Божна рожества твоего	Законамаго иестъства кромѣ	Бжѣвнаго ти ржѣва	Бію рожествоу ти чиста
4. Ode	Неизглаголанзи и непостижимзи	Неизглаголанзи и непостижимзи	Иако въ истиную неизглаголанзи	Иако въ истиную неиздреченна	Иако въ истиную неизвѣстнзи	Неизгланзи и непостижнзи	Неизгланзи. непостижнзи
5. Ode	Богородицю та отъ доуша	Богородицю та отъ доуша	Богородицю та отъ доуша	Богородицю та отъ доуша	Въ истиную та оустъ и доушено	Бію та ѿ дша	Бію та ѿ дша
6. Ode	Прѣсвета владычице рожшина земьнзимъ	Прѣчиста владычице, рожшина земьнзимъ	Прѣчиста владычице рожшина чловекомъ	Прѣчиста владычице, рожшина чловекомъ	Неса высъскала силоу божие	Прѣта вадѣце	Оумьртви са смертъ
7. Ode	Товою намъ владычице свѣтъ въсна	Иако соуци, невѣсто, небо непорочна (Fehlerhaftes Incipit)	Товою, мати дѣво, свѣтъ въсналъ естъ	Та, богородице и матерь принодѣва	На недвижимь вървнъмъ степени стоице	Товою, мѣти, свѣтъ въсна	Товою намъ дѣце. свѣтъ въсна
8. Ode	Отъ свѣта свѣтодавца словеси зачатъ	Навѣзъше чюдо твоего рожства	Богъ родилъ еси платью	Вънгда роди оувѣжа болѣзни, чиста	Къ твоемоу привѣгало покровоу, непорочна	Отъ свѣта свѣтодавца словеси зачатъ	Отъ свѣта свѣтодавца слова зачатъ (248v, 4–9 = [KAMP 2010: 32] ≠ Іаков те проповѣда лествицъ [ANGELOV 1978: 27])
9. Ode	Богородице рожшина словемъ плаче слава	Иже въ рожствѣ ти, браконенкоусна	fehlt (?)	Съна бездѣтна отъ отъца всинавъша	Тъльнъмъ образъ примъ слово божие нетъльвнъно	Лици пррѣтни о тебе, прегѣта, прорицаша	Лици пррѣтни о тебе, чиста, прорицаша

Die Tabelle zeigt, dass der Wenzelskanon sechs von acht Theotokia mit der Oktoechos teilt, fünf mit dem allgemeinen Kanon für die Propheten und dem Kanon auf Babyla, vier mit den Kanones auf Eutychius und auf Adrianus und Leidensgefährten und eins mit dem Kanon auf Isidorus. Außerdem stellen wir

an einigen Stellen eine bemerkenswerte textuelle Nähe vor allem zur Oktoechos, zum Kanon auf Adrianus und seine Leidensgefährten und schließlich zum allgemeinen Kanon für die Propheten fest, die nicht dem Zufall zuzuschreiben ist. Es ist folglich legitim zu behaupten, dass die Oktoechos unter Umständen den Ausgangspunkt gebildet haben könnte, während das Verhältnis zwischen dem Wenzelskanon und dem allgemeinen Kanon für die Propheten noch unklar bleibt.

Da die Theotokia oft ein sowohl inhaltlich als auch textologisch selbständiges und von dem gefeierten Heiligen oder Ereignis unabhängiges Dasein führten, zeigen solche Übereinstimmungen, die auch von einigen Lesarten (Binde- und Trennfehler) bestätigt werden, dass bei der Übersetzung von Kanones aus dem Griechischen die Theotokia jedes Mal neu übersetzt wurden, während bei der Verfassung von slavischen „Originaltexten“ die Slaven nicht auf den griechischen Text zurückgriffen, sondern bereits bestehende slavische Vorlagen heranzogen; in dieser Hinsicht bot gerade die Oktoechos reichliches Textmaterial und eignete sich als unerschöpfliche Quelle. Man darf jedenfalls die mündliche Tradition, d. h. die regelmäßige Verwendung in der Liturgie, nicht außer Acht lassen, auch wenn diese auf keiner beobachtbaren textuellen Stütze beruht.

Darüber hinaus stellt man in der byzantinischen Tradition eine ziemlich konstante Verbindung von *Hirmoi* fest, die als Musterstrophen für neuere Kompositionen dienen. Bei der Arbeit an autochthonen Kanones scheinen sich bestimmte Reihenfolgen innerhalb eines und desselben Tons etabliert zu haben, so dass auch die gleichen Theotokia wiederholt werden.

Es bleiben noch viele und wichtige Fragen offen, aber das hier gesammelte Material liefert hoffentlich eine etwas sicherere Basis für die Vertiefung der hier nur angedeuteten Probleme.

Abkürzungen

GIM – Государственный Исторический Музей (Moskau)

NBKM – Национална Библиотека „Св. Св. Кирил и Методий“ (Sofia)

RGADA – Российский Государственный Архив Древних Актов (Moskau)

RNB – Российская Национальная Библиотека (St. Petersburg)

Sub neum. – sub neumatibus, i. e. mit musikalischen Zeichen versehen

Literaturverzeichnis

АВРАМОВИЋ 1916

АБРАМОВИЧ Д. И., *Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им* (= Памятники древнерусской литературы, 2), Петроград, 1916.

АНГ, 3

Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris, I. SCHIRÒ, cons. et ductu ed., 3: *Canones Novembris*, Roma, 1972.

—, 4

Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris, I. SCHIRÒ, cons. et ductu ed., 4: *Canones Decembris*, Roma, 1976.

—, 10

Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris, I. SCHIRÒ, cons. et ductu ed., 10: *Canones Iunii*, Roma, 1972.

—, 12

Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris, I. SCHIRÒ, cons. et ductu ed., 12: *Canones Augusti*, Roma, 1980.

ANGELOV 1967

АНГЕЛОВ Б. Ст., “Канон на Вячеслав”, в: ИДЕМ, *Из старата българска, руска и сръбска литература*, 2, София, 1967, 67–74.

— 1969

АНГЕЛОВ Б. Ст., “Климент Охридски — автор на общи служби”, в: *Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник*, София, 1969, 237–259 (Nachdruck: [ANGELOV 1978: 17–37]).

— 1978

АНГЕЛОВ Б. Ст., *Из старата българска, руска и сръбска литература*, 3, София, 1978.

BARTOŠ 1929

BARTOŠ FR. M., *Kniže Václav svatý v dějinách a v legendě*, Praha, 1929.

BIRNBAUM 1985

BIRNBAUM H., “Zur Problematik des Westkirchenslavischen,” in: J. REINHART, Hrsg., *Litterae slavicae medii aevi Francisco Venceslao Mareš sexagenario oblatae* (= Sagners slavistische Sammlung, 8), München, 1985, 53–65.

— 1996

BIRNBAUM H., “Language Contact and Language Interference: the Case of Greek and Church Slavonic,” *Suvremena lingvistika*, 41–42/1–2, 1996, 39–44.

BLÁHOVÁ 1999

BLÁHOVÁ E., “Der Kult des heiligen Wenzel in der Ideologie Karls IV.,” in: M. DERWICH, M. DMITRIEV, dir., *Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque moderne. Approche comparative* (= Opera ad historiam monasticam spectantia, 1/3), Wrocław, 1999, 227–236.

BLÁHOVÁ, KONZAL 1976

BLÁHOVÁ E., KONZAL V., red., *Staroslověnské legendy českého původu. Nejstarší kapitoly z dějin česko-ruských kulturních vztahů*, Praha, 1976.

BRETHOLZ 1923

BRETHOLZ B., *Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag* (= Scriptorum rerum germanicarum, nova series, 2), Berlin, 1923.

BURSCHEL 1999

BURSCHEL P., "Sektion VI: Verwandlung des Heiligen. Einführung," in: LEHMANN H., TREPP A.-CH., Hrsg., *Im Zeichen der Krise. Religiosität im Europa des 17. Jahrhunderts* (= Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, 152), Göttingen, 1999, 537–541.

CHRISTIANS 2001A

CHRISTIANS D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch-griechisch-deutsch, nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts, mit einem Glossar griechisch-slavisch* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 107; Patristica Slavica, 8), Wiesbaden, 2001.

——— 2001B

CHRISTIANS D., *Die Notation von Stichera und Kanones im Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach der Hs. GIM Sin. 162. Verzeichnis der Musterstrophen und ihrer Neumenstruktur* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 108; Patristica Slavica, 9), Opladen, 2001.

——— 2004

CHRISTIANS D., "Theotokia in Kanones altbulgarischer Provenienz," *Palaeobulgarica*, 28/1, 2004, 79–93.

——— 2010

CHRISTIANS D., "Дѣти благословите. Zur Adaption byzantinischer Ephymnia im ostslavischen Gottesdienstmenäum," in: G. GIESEMANN, H. ROTHE, Hrsg., *Schulbildung und ihre Weiterentwicklung. Gedenkband zum 100. Geburtstag von Alfred Rammelmeyer* (= Studies on language and culture in Central and Eastern Europe, 15), München, Berlin, 2010, 103–120.

DABROWSKI, TROEBST 2014

DABROWSKI P. M., TROEBST ST., *Vom Gebrauch und Missbrauch der Historie. Geschichtspolitik und Erinnerungskulturen in Ostmittel- und Südosteuropa (1791–1989)* (= Working paper series. Global and European Studies Institute at the University of Leipzig, 7), Leipzig, 2014.

DUCREUX 1999

DUCREUX M.-E., "Der heilige Wenzel als Begründer der *Pietas Austriaca*: Die Symbolik der Wallfahrt nach Stará Boleslav (Alt Bunzlau) im 17. Jahrhundert," in: LEHMANN H., TREPP A.-CH., Hrsg., *Im Zeichen der Krise. Religiosität im Europa des 17. Jahrhunderts* (= Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, 152), Göttingen, 1999, 597–636.

——— 2000

DUCREUX M.-E., "L'ordre symbolique d'un pèlerinage tchèque dans l'espace habsbourgeois au XVIIe siècle: Stará Boleslav," in: PH. BOUTRY, P.-A. FABRE, D. JULIA, éd., *Rendre ses vœux. Les identités pèlerines dans l'Europe moderne (XVIe–XVIIIe siècle)* (= Civilisations et sociétés, 100), Paris, 2000, 87–122.

——— 2007

DUCREUX M.-E., "Zum Thema Wallfahrt: das Beispiel Böhmens im 17. Jahrhundert," in: R. LEEB, S. CL. PILS, TH. WINKELBAUER, Hrsg., *Staatsmacht und Seelenheil. Gegenreformation und Geheimprotestantismus in der Habsburgermonarchie* (= Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, 47), Wien, München, 2007, 98–108.

DVORNÍK 1926

DVORNÍK FR., *La vie de saint Grégoire le Décapolite et les slaves macédoniens au IXe siècle* (= Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, 5), Paris, 1926.

——— 1968

DVORNÍK FR., *Svatý Václav, dědic České země*, Řím, 1968.

EUSTRATIADES 1932

EUSTRATIADES S., *Hirmologion* (= Hagioritiki vivliothiki, 9), Chennevières-sur-Marne, 1932.

FAHL, FAHL 2004

FAHL S., FAHL D., "Isaija Philologos – Der slavische Übersetzer des Corpus areopagiticum als Sprachpfleger," в: Л. ТАСЕВА, отг. ред., *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция София, 26–28 юни 2003*, София, 2004, 287–308.

FLOROVSKIJ 1929

ФЛОРОВСКИЙ А. В., *Почитание св. Вячеслава, князя чешского на Руси*, Прага (Autograph), Информационная система „Архив Российской академии наук“, Signatur: АРАН, Фонд 1609, Опись 1, Дело 30, jetzt auch online verfügbar: <http://isaran.ru/> (15.07.2016).

——— 1935

ФЛОРОВСКИЙ А. В., *Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)* (= *Práce Slovanského Ústavu v Praze*, 13), 1, Praha, 1935.

FOLLIERI 1963

FOLLIERI H., *Initia hymnorum ecclesiae graecae* (= *Studi e testi*, 214), 4: Т–Υ, Città del Vaticano, 1963.

FRANKS 2009

FRANKS ST., "Clitics in Slavic," in: S. KEMPGEN, P. KOSTA, T. BERGER, K. GUTSCHMIDT, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung = The Slavic Languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 1 (= *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*, 32, 1), Berlin, New York, 2009, 725–738.

FRČEK 1939

FRČEK J., *Euchologium Sinaiticum (Suite). Texte slave avec sources grecques et traduction française* (= *Patrologia orientalis*, 25, 3), Paris, 1939.

FROS 1999

FROS H., "Le culte des saints en Europe Centrale (Bohème, Pologne, Hongrie) et son rôle socio-politique du Xe au XIIIe siècles," in: M. DERWICH, M. DMITRIEV, dir., *Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque moderne. Approche comparative* (= *Opera ad historiam monasticam spectantia*, 1/3), Wrocław, 1999, 99–109.

GMA, 1

CHRISTIANS D., ROTHE H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition, 1: 1. bis 9. April* (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste*, 124; *Patristica Slavica*, 19), Paderborn et al., 2010.

———, 2

CHRISTIANS D., ROTHE H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition, 2: 10. bis 19. April* (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste*, 127; *Patristica Slavica*, 21), Paderborn et al., 2011.

GMD, 1

ROTHER H., VEREŠČAGIN E. M., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts*, 1: 1. bis 8. Dezember (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 98; *Patristica Slavica*, 2), Opladen, 1996.

———, 3

ROTHER H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, 3: 20. bis 24. Dezember einschließlich der Sonntage vor Christi Geburt (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 105; *Patristica Slavica*, 6), Opladen, 1999.

———, 4

ROTHER H., VEREŠČAGIN E. M., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, 4: 25. bis 31. Dezember einschließlich des Sonntags nach Christi Geburt (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 114; *Patristica Slavica*, 14), Paderborn et al., 2006.

GMF, 1

ROTHER H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, 1: 1. bis 9. Februar (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 109; *Patristica Slavica*, 10), Paderborn et al., 2003.

GORSKIJ, NEVOSTRUEV 1917

ГОРСКИЙ А. В., НЕВОСТРУЕВ К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*, 3: Книги богослужebные, 2 (= Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 4, 263), Москва, 1917.

GRAUS 1963

GRAUS FR., "Velkomoravská říše v české středověké tradici," *Československý časopis historický*, 11/3, 1963, 289–305.

——— 1966

GRAUS FR., "Slovenská liturgie a písemnictví v Přemyslovských Čechách 10. století," *Československý časopis historický*, 14/4, 1966, 473–495.

——— 1975

GRAUS FR., *Lebendige Vergangenheit. Überlieferung im Mittelalter und in den Vorstellungen vom Mittelalter*, Köln, Wien, 1975.

——— 1980

GRAUS FR., "St. Adalbert und St. Wenzel. Zur Funktion der mittelalterlichen Heiligenverehrung in Böhmen," in: KL.-D. GROTHUSEN, KL. ZERNACK, Hrsg., *Europa Slavica – Europa Orientalis. Festschrift für Herbert Laudat zum 70. Geburtstag* (= Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe I, Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, 100), Berlin, 1980, 205–231.

GRUZÍN 1929

GRUZÍN VL., *Slovanský svatý Václav 929–1929 = Славянский святой Вячеслав*, Praha, 1929.

HANNICK 2006

HANNICK CHR., *Das altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar* (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*, 50), Freiburg i. Br., 2006.

HILSCH 1980

HILSCH P., "Die böhmischen Länder und das Reich," in: H. LEMBERG, F. SEIBT, Hrsg., *Deutsch-tschechische Beziehungen in der Schulliteratur und im populären Geschichtsbild* (= Studien zur internationalen Schulbuchforschung, Schriftenreihe des Georg-Eckert-Instituts, 28), Braunschweig, 1980, 104–109.

HUBER 2005

HUBER K. A., "Die „Burg“ und die Kirchen," in: IDEM, *Katholische Kirche und Kultur in Böhmen. Ausgewählte Abhandlungen* (= Religions- und Kulturgeschichte in Ostmittel- und Südosteuropa, 5), J. BAHLCKE, R. GRULICH, Hrsg., Münster, 2005, 265–282.

INGHAM 1984

INGHAM N. W., "The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity in the Early Middle Ages," in: H. BIRNBAUM, M. S. FLIER, eds., *Medieval Russian Culture* (California Slavic Studies, 12), Los Angeles, London, 1984, 31–53.

ЈАГИЋ 1886

ЈАГИЋ И. В., *Службене минеи за септембар, октобар и новембар в црковнославјанском преводу по руским рукописим 1095–1097 г.*, С.-Петербург, 1886.

ЈАКОВСОН 1953/1985

ЈАКОВСОН R., "The Kernel of Comparative Slavic literature," in: IDEM, *Selected Writings, 6: Early Slavic Paths and Crossroads, 1: Comparative Slavic Studies, the Cyrillo-Methodian Tradition*, Berlin et al.: 1985, 1–64 (zuerst erschienen in der Zeitschrift *Harvard Slavic Studies*, 1, 1953, 1–71).

KALHOUS 2010

KALHOUS D., "Slawisches Schrifttum und Liturgie des 10. und 11. Jahrhunderts," in: L. POLÁČEK, J. MAŘÍKOVÁ-KUBKOVÁ, Hrsg., *Frühmittelalterliche Kirchen als archäologische und historische Quellen (Internationale Tagungen in Mikulčice 8)* (= Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno, 41), Brno, 2010, 385–402.

——— 2012

KALHOUS D., *Anatomy of a Duchy. The Political and Ecclesiastical Structures of Early Přemyslid Bohemia* (= East Central and Eastern Europe in the Middle Ages 450–1450, 19), Leiden, Boston, 2012.

КАМР 2010

КАМР А., *Kliment von Ohrid (Klemens von Achrída) – Kanones für das Commune Sanctorum. Studie und Text, Materialien* (= Münstersche Texte zur Slavistik, 5), Berlin, 2010.

КЛИМЕНТ 2008

СВЕТИ КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ, *Слова и служби. Посвещава се на 120-годишнината от основаването на Софийския университет „Св. Климент Охридски“*, София, 2008.

KOLÁŘ 1873

KOLÁŘ J., "Kanon sv. Václavu," v: *Prameny dějin českých, vydávané z nadání Palackého = Fontes rerum bohemicarum, 1: Životy svatých a některých jiných osob nábožných = Vitae sanctorum et aliorum quorundam pietate insignium*, V Praze, 1873, 136–139.

KØLLN 1996

KØLLN H., *Die Wenzelslegende des Mönchs Christian* (= Historisk-filosofiske Meddelelser, 73), Copenhagen, 1996.

KOLLYROPULU 2013

ΚΟΛΛΥΡΟΠΟΥΛΟΥ Θ. Α., *Περί του προβλήματος της Β' ωδής των κανόνων*, Πάτρα, 2013.

KOSMA 1962

КОЗЬМА ПРАЖСКИЙ, *Чешская хроника*, Г. Э. САНЧУК, вступ. ст., пер. и коммент., Москва, 1962.

——— 1972

KOSMA, *Kosmova kronika česká*, Praha, 1972.

KOSCHMIEDER 1934

KOSCHMIEDER E., *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy* (= Rozprawy i materiały wydziału I towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie, 5/2), Wilno, 1934.

——— 1952

KOSCHMIEDER E., *Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente* (= Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Neue Folge, 35), München, 1952.

——— 1987

KOSCHMIEDER E., *Aspektologie des Polnischen* (= Selecta Slavica, 11), Neuried, 1987 (deutsche Übersetzung von [KOSCHMIEDER 1934]).

KOŠNÁŘ 1912

KOŠNÁŘ J., sest., *Čítanka svatováclavská*, V Praze, 1912.

KRYS'KO 2005

КРЫСЬКО В. Б., *Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131*, Москва, 2005.

KUPRIJANOV 1858

КУПРИЯНОВ И. К., "Обозрение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки", *Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности*, 6, 1858, 34–66.

LENÁR 1995

LENÁR J., "Roman Jakobson: Moudrost starých Čechů (Nedokončená polemika o smysl českých dějin)", *Česká literatura*, 43, 1995, 39–56.

MACROBERT 2013

MACROBERT C. M., "The Competing Use of Perfect and Aorist Tense in Old Church Slavonic," *Slavia*, 82/4, 2013, 387–407.

MAKRIS 1997

MAKRIS G., Ed. und Komment., CHRONZ M., Übersetz., *Ignatios Diakonos und die Vita des hl. Gregorios Dekapolites* (= Byzantinisches Archiv, 17), Stuttgart, Leipzig, 1997.

MAREŠ 1958

MAREŠ FR. V., "Pražská část sticheraria Chilendarského," *Slavia*, 27/4, 1958, 538–555 (französische Übersetzung in [MAREŠ 1978]).

——— 1959

MAREŠ FR. V., "Domnělé doklady české přehlásky *a > e v* církevněslovanských textech (typ čelenije gen. Sg.)," *Slavia*, 28/2, 1959, 132–140.

——— 1978

MAREŠ FR. V., "Fragments du Sticherarion de Chilandar à Prague," in: CHR. HANNICK, ed., *Fundamental Problems of Early Slavic Music and Poetry. Studies on the Fragmenta Chilandarica Palaeoslavica* (= Monumenta musicae byzantinae, Subsidia, 6), Copenhagen, 1978, 121–141 (französische Übersetzung von [MAREŠ 1958]).

——— 1979

MAREŠ FR. W., *An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. With an Outline of Czech-Church Slavonic Language and Literature and with a Selected Bibliography* (= Slavische Propyläen. Texte in Neu- und Nachdrucken, 127), München, 1979.

MATĚJKA 1968A

MATĚJKA L., "On Translating from Latin into Church Slavonic," in: H. KUČERA, ed., *American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists (Prague, 1968, August 7–13)* (= Slavic Printings and Reprintings, 80), 1: *Linguistic Contributions*, The Hague, Paris, 1969, 247–274.

——— 1968B

MATĚJKA L., "The Bohemian School of Church Slavonic," in: M. RECHCIGL JR., ed., *Czechoslovakia, Past and Present, 2: Essays on the Arts and Sciences*, The Hague, Paris, 1968, 1035–1043.

MIKLOSICH 1858/1964

MIKLOSICH FR., *Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae Bosnae Ragusii*, Graz, 1964 (Unveränderter Abdruck der 1858 bei Wilhelm Braumüller in Wien erschienenen Ausgabe).

——— 1862–1865

MIKLOSICH FR., *Lexicon palaeoslovenicum-graeco-latinum emendatum auctum*, Vindobonae, 1862–1865.

MR, 1–6

Μηγαῖα τοῦ ἔλλου ἐνιασοῦ τοῦ, 1–6, Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.

MV, 1–12

Μηγαῖα διορθωθέντα ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιανοῦ τοῦ Ἰμβρίου, 1–12, Βενετία, 1895.

MUR'JANOV 1981

МУРЬЯНОВ М. Ф., "О работе И. В. Ягича над служебными минеями 1095–1097 гг.," *Вопросы языкознания*, 5, 1981, 93–105.

NAHTIGAL 1936

NAHTIGAL R., *Starocerkvenoslovenske študie* (= Razprave znanstvenega društva v Ljubljani, 15, Filološko-lingvistični odsek, 3), Ljubljana, 1936.

NEVOSTRUJEV 1872

NEVOSTRUJEV K., "Pogled na historiju istočne crkve u Češkoj i stara istočna služba sv. Večeslava," *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*, 21, 1872, 134–169.

PACES 2001

PACES C. J., "Religious Heroes for a Secular State. Commemorating Jan Hus and Saint Wenceslas in 1920s Czechoslovakia," in: M. BUCUR, N. M. WINGFIELD, eds., *Staging the Past: The Politics of Commemoration in Habsburg Central Europe, 1848 to the Present*, West Lafayette, Indiana, 2001, 209–235.

PARAKLĚTIKĚ 1738

VITALI PH., cur., *Παρακλητική σὺν Θεῷ ἀρίφ*, Romae, 1738.

——— 1871

ΒΕΛΟΥΑΩΝ Ἰ, ΒΕΛΟΥΑΩΝ Σ., *Παρακλητικὴ ἥτοι ὀκτώηχος ἡ μεγάλη περιέχουσα πᾶσαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῇ ἀκολουθίαν, μετὰ τῶν ἐν τῷ τέλει τριαδικῶν ὕμνων, φωταγωγικῶν, ἐξαποστειλαρίων, ἀπολυτικίων, θεοτοκίων, καὶ κανόνων δεσποτικῶν τε καὶ θεομητωρικῶν, ἐκδοσις νεοτάτη*, Ἐνετίησιν, 1871.

——— 1885

Παρακλητικὴ ἥτοι ὀκτώηχος ἡ μεγάλη περιέχουσα πᾶσαν τὴν ἀκολουθίαν μετὰ τῶν ἐν τῷ τέλει συνήθων προσθηκῶν, Ἐν Ῥώμῃ, 1885.

PARAMONOVA 1999

PARAMONOVA M. YU., "Heiligkeit und Verwandtschaft: Die dynastischen Motive in den lateinischen Wenzelslegenden und den Legenden der Boris und Gleb," in: M. DERWICH, M. DMITRIEV, dir., *Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque moderne. Approche comparative* (= Opera ad historiam monasticam spectantia, 1/3), Wrocław, 1999, 433–455.

— 2003

ΠΑΡΑΜΟΝΟΒΑ Μ. Ю., *Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: Сравнительный анализ Вацлавского и Борисоглебского культов*, Москва, 2003.

— 2010

PARAMONOVA M., "The Formation of the Cult of Boris and Gleb and the Problem of External Influences," in: H. ANTONSSON, I. H. GARIPZANOV, eds., *Saints and Their Lives on the Periphery. Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200)* (= *Cursor mundi*, 9), Turnhout, 2010, 259–282.

PENTĒKOSTARION 1872

Πεντηκοστάριον περιέχον τὴν ἀπὸ τοῦ Πάσχα μέχρι τῆς τῶν ἀγίων πάντων κυριακῆς ἀνήκουσαν αὐτῶ χαρμόσυνον ἀκολουθίαν διορθωθῆν ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιάνου τοῦ Ἰμβρίου, ἔκδ. γ', Ἐνετίησιν, 1872.

— 1883

Πεντηκοστάριον χαρμόσυνον τὴν ἀπὸ τοῦ Πάσχα μέχρι τῆς τῶν ἀγίων πάντων κυριακῆς ἀνήκουσαν αὐτῶ ἀκολουθίαν περιέχον ἐπὶ τέλους δὲ καὶ τὰ ἑωθινὰ εὐαγγέλια τὰ ἐν τῶ ὄρθρῳ ἐκάστης τῶν ἐν τῶ μεταξὺ τούτῳ ἑορτῶν ἀναγινωσκόμενα διορθωθῆν καὶ δι' ἐνόσ προλόγου πλουτισθῆν ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιάνου τοῦ Ἰμβρίου, ἐν Ῥώμῃ, 1883.

PLASSMANN 2006

PLASSMANN A., *Origo gentis. Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen* (= *Orbis mediaevalis. Vorstellungswelten des Mittelalters*, 7), Berlin, 2006.

PRATSCH 2005

PRATSCH TH., *Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit*, Berlin, 2005.

PRAŽÁK 1972

PRAŽÁK E., "K otázce původu a geneze slovanského václavského kánonu," *Listy filologické*, 95, 1972, 215–220 (Nachdruck in [PRAŽÁK 1996, 61–66]).

— 1996

PRAŽÁK E., *Stati o české středověkové literatuře*, Praha, 1996.

ROGOV 1970

РОГОВ А. И., *Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности*, Москва, 1970.

RYCHTEROVÁ 2009

RYCHTEROVÁ P., "Mittelalterliche Hagiographie auf der Leinwand: Der Film Svatý Václav (1929) als gescheiterter Versuch, ein Nationaldenkmal zu konstruieren," in: J. M. BAK, J. JARNUT, P. MONNET, B. SCHEIDMÜLLER, Hrsg., *Gebrauch und Missbrauch des Mittelalters, 19.-21. Jahrhundert* (MittelalterStudien, 17), München, 2009, 145–174.

SAMERSKI 2006

SAMERSKI ST., "Konfessionalisierung versus Volksfrömmigkeit: Die Funktionalisierung der Landespatrone der Böhmisches Krone (1580–1650)," in: J. BÄHLCKE, K. LAMBRECHT, H.-CHR. MANER, Hrsg., *Konfessionelle Pluralität als Herausforderung. Koexistenz und Konflikt in Spätmittelalter und Früher Neuzeit. Winfried Eberhard zum 65. Geburtstag*, Leipzig, 2006, 355–366.

— 2007

SAMERSKI ST., "Wenzel. Altes und neues Staatssymbol der Böhmisches Länder," in: IDEM, Hrsg., *Die Renaissance der Nationalpatrone. Erinnerungskulturen in Ostmitteleuropa im 20./21. Jahrhundert*, Köln et al., 2007, 99–115.

SCHULZE WESSEL 2004

SCHULZE WESSEL M., "Katholik und Staatsbürger? Zur republikanischen Loyalität der Katholiken in der Ersten Tschechoslowakischen Republik," in: IDEM, Hrsg., *Loyalitäten in der Tschechoslowakischen Republik 1918–1938. Politische, nationale und kulturelle Zugehörigkeiten* (= Veröffentlichungen des Collegium Carolinum, 101), München, 2004, 179–191.

SDJA 1988–2013–, 1–10–

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1–10–, Москва, 1988–2013–.

SELS 2009

SELS L., ed., *Gregory of Nyssa. De Hominis Opificio—О образъ чловѣка. The Fourteenth-century Slavonic Translation. A Critical Edition with Greek Parallel and Commentary* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B, Editionen, 21), Köln et al., 2009.

SIGNORI 2001

SIGNORI G., "Besprechung von Derwich, Dmitriev 1999," *Historische Zeitschrift*, 273/1, 2001, 162–163.

SJS 1966–1997, 1–4

Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1966–1997.

SREZNEVSKIJ 1856

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., "Известие о древнем каноне в честь св. Вячеслава Чешского", *Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности*, 5/3, 1856, 191–192.

——— 1863

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков*, С.-Петербург, 1863.

——— 1893–1906/1955–1956, 1–3

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1906 [Unveränderter photomechanischer Nachdruck der 1893 in Petersburg erschienenen Ausgabe, herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Graz, 1955–1956].

SLRJA 1975–2015–, 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII веков, 1–30–, Москва, 1975–2015–.

SS 1073

Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.), 1: *Изследвания и текст*, София, 1991.

STANČEV, PEROV 1988

СТАНЧЕВ Кр., ПОПОВ Г., *Климент Охридски. Живот и творчество*, София, 1988.

STARČEVSKIJ 1899

СТАРЧЕВСКИЙ А. В., *Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию*, С.-Петербург, 1899.

STERN 2002

STERN D., "Variation in Mehrfachübersetzungen von Theotokia in altrussischen Gottesdienstmenäen," in: B. SYMANZIK, G. BIRKFELLNER, A. SPROEDE, Hrsg., *Die Übersetzung als Problem sprach- und literaturwissenschaftlicher Forschung in Slavistik und Baltistik. Beiträge zu einem Symposium in Münster 10./11. Mai 2001* (= Studien zur Slavistik, 1), Hamburg, 2002, 167–184.

— 2008, 1–3

STERN D., *Incipitariusum liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*, 1: A–И, 2: К–П, 3: P–Θ (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 118, 1–3; *Patristica Slavica*, 16, 1–3), Paderborn et al., 2008.

ТОМЕЛЛЕРИ 2007

ТОМЕЛЛЕРИ В. С., “О рукописной традиции восточнославянской декабрьской минеи,” in: H. ROTHE, D. CHRISTIANS, Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung (Bonn, 7.–10. Juni 2005)* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 117; *Patristica Slavica*, 15), Paderborn et al., 2007, 116–134.

— 2015

ТОМЕЛЛЕРИ В. С., “«Восточнославянская» служебная минея. Проблемы изучения и издания”, *Euroa orientalis*, 34, 2015, 317–346.

— 2016

ТОМЕЛЛЕРИ В. С., “Церковнославянские перекрестки. Климент Охридский на стыке западного и восточного славянства”, in: A. KRETSCHMER, A. A. ALEKSEEV, N. P. ANTROPOV, F. B. POJAKOV, S. M. TOLSTAJA, Hrsg., *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Zum 90. Geburtstag von N. I. Tolstoj*, 2 (= *Philologica Slavica Vindobonensia*, 3), Frankfurt a. M. et al., 2016, 243–266.

— (in Vorb.)

ТОМЕЛЛЕРИ V. S., “Altkirchenslavische Westslavismen oder Ghostwords? Der Fall Wenzel,” *Wiener Slavistisches Jahrbuch*.

TR, 1

MOMINA M. A., TRUNTE N., Hrsg., *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts*, 1: *Vorfastenzeit, mit einer Einführung zur Geschichte des slavischen Triodions* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und Künste, 110; *Patristica Slavica*, 11), Paderborn et al., 2004.

TR, 2

MOMINA M. A., TRUNTE N., Hrsg., *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts*, 2: *1. bis 4. Fastenwoche* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und Künste, 125; *Patristica Slavica*, 20), Paderborn et al., 2010.

TR 1738

Τριώδιον σὺν Θεῷ Ἀγίῳ, περιέχων τὴν πρόπουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν νεωστὶ τυποθὲν, καὶ μετὰ πολλῆς ἐπιμελείας διορθωθὲν κατὰ τοὺς παλαιοὺς βιβλίους, sine loco, 1738.

TRIODION 1870

Τριώδιον κατανυκτικόν, περιέχον ἅπασαν τῆς ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν τὴν ἀγίας καὶ μεράλης Τεσσαρακοστῆς, Νέα ἔκδοσις, Ἐνετίησιν, 1870.

TROST 1978

TROST KL., *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexaemeronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469* (= *Forum slavicum*, 43), München, 1978.

VAJS 1929

VAJS J., “Kanon ke cti sv. Václava,” v: J. VAJS, usp., *Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile*, V Praze, 1929, 137–145.

VAŠICA 1942

VAŠICA J., “Staroslovanské liturgické zpěvy a kanon na svátek sv. Václava složené v Čechách v X. století přeložil Josef Vašica,” v: *Na úsvitu křesťanství. Z naší literární tvorby doby románské v století IX.–XIII.*, Praha, 1942, 73–77 und 263–264 (poznámky) (revidierte Übersetzung nach der Ausgabe Jagičs, nachgedruckt in [DVORNIK 1968, 91–95]).

——— 966

VAŠICA J., "Původní staroslověnský liturgický kánon o sv. Dimitrijovi Soluňském," *Slavia*, 25, 1966, 513–524.

VEČERKA 1961

VEČERKA R., "Bohemismy v první stsl. legendě Václavské," *Slavia*, 30, 1961, 417–422.

VELEK 2008

VELEK V., "Die St. Wenzelsche Musiktradition von ihrem Anfang bis 1848" (Dissertation, Wien, 2008).

VINOGRADOVA 1973

ВИНОГРАДОВА В. Л., сост., *Словарь-справочник "Слова о полку Игореве"*, 4: О–П, Ленинград, 1973.

VODRÁŽKOVÁ, BOK 2013

VODRÁŽKOVÁ L., BOK V., "Prag," in: M. SCHUBERT, Hrsg., *Schreiborte des deutschen Mittelalters. Skriptorien – Werke – Mäzene*, Berlin, Boston, 2013, 425–457.

VONDRÁK 1892

VONDRÁK V., *Zur Würdigung der altslowenischen Wenzelslegende und der Legende vom heil. Prokop* (= Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe, 127, 13), Wien, 1892.

——— 1910

VONDRÁK V., *Kirchenslavische Chrestomathie*, Göttingen, 1910.

——— 1925

VONDRÁK V., *Církevněslovanská chrestomatie* (= Píšovy vědecké příručky, 8), V Brně, 1925.

VONDRÁK, BARTOT 2003

VONDRÁK V., BARTOT J., *Vokabulář klasické staroslověňštiny*, Praha, 2003.

WEIHER 1972

WEIHER E., "Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen," *Anzeiger für slavische Philologie*, 6, 1972, 138–159.

WYTRZENS 1985

WYTRZENS G., "Zur Poetik des kirchenslavischen St. Wenzels-Offiziums," in: J. REINHART, Hrsg., *Litterae slavicae medii aevi Francisco Venceslao Mareš sexagenario oblatae* (= Sagners slavistische Sammlung, 8), München, 1985, 425–427.

ZAIMOV, KAPALDO 1983

ЗАИМОВ Й., КАПАЛДО М., увод, ком., *Супрасълски или Ретков сборник*, 1–2, София, 1983.

ZALIZNJAK 2008

ЗАЛИЗНЯК А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

ŽUKOVSKAJA 1984

ЖУКОВСКАЯ Л. П., отв. ред., *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII вв.)*, Москва, 1984.

Vittorio Springfield Tomelleri

University of Macerata, Macerata, Italia

On the Theotokia in the Canon for St. Wenceslas

Abstract

The present paper reports on the first results from the investigation of the Church Slavonic canon composed for the Czech saint Wenceslas (Václav, Viacheslav) and preserved in East Slavic manuscripts from the end of the 11th century. Particular attention has been given to the analysis of the Marian hymns (*theotokia*), whose Greek originals could be detected in all cases but one (the first ode). The Slavonic translation has been thoroughly compared with its Greek original and with other versions taken from different canons. Following the critical edition of each single Slavonic text, a synoptic inter-linear version is provided, which allows the immediate identification of common readings, errors, and omissions. The *theotokia* contained in the canon for Wenceslas show interesting similarities with the textual tradition documented in the Oktoechos and the Common of Saints, the latter being usually associated with Clement of Ohrid; a possible explanation of this fact could be that these texts were not newly translated from Greek, but taken from already existing hymnographic sources. Undoubtedly, much deeper analysis is required in order to disentangle the textual history of these texts; the collected material aims to provide a good starting point for further investigations.

Keywords

Canon for St. Wenceslas, theotokia, Greek hymnography, Church Slavonic translation, Clement of Ohrid

References

- Angelov B. St., *Iz starata búlgarska, ruska i srúbska literatura*, 2, Sofia, 1967.
- Angelov B. St., "Kliment Okhridski — avtor na obshti sluzhbi," in: *Konstantin-Kiril Filosof. Iubileen sbornik*, Sofia, 1969, 237–259.
- Angelov B. St., *Iz starata búlgarska, ruska i srúbska literatura*, 3, Sofia, 1978.
- Bartoš Fr. M., *Kníže Václav svatý v dějinách a v legendě*, Praha, 1929.
- Birnbaum H., "Zur Problematik des Westkirchenslavischen," in: J. Reinhart, Hrsg., *Litterae slavicae mediae aevi Francisco Venceslao Mareš sexagenario oblatae* (= Sagner slavistische Sammlung, 8), München, 1985, 53–65.
- Birnbaum H., "Language Contact and Language Interference: the Case of Greek and Church Slavonic," *Suvremena lingvistika*, 41–42/1–2, 1996, 39–44.
- Bláhová E., "Der Kult des heiligen Wenzel in der Ideologie Karls IV.," in: M. Derwich, M. Dmitriev, dir., *Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque moderne. Approche comparative* (= Opera ad historiam monasticam spectantia, 1/3), Wrocław, 1999, 227–236.
- Bláhová E., Konzal V., red., *Staroslověnské legendy českého původu. Nejstarší kapitoly z dějin československých kulturních vztahů*, Praha, 1976.
- Bretholz B., *Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag* (= Scriptores rerum germanicarum, nova series, 2), Berlin, 1923.
- Burschel P., "Sektion VI: Verwandlung des Heiligen. Einführung," in: Lehmann H., Trepp A.-Ch., Hrsg., *Im Zeichen der Krise. Religiosität im Europa des 17. Jahrhunderts* (= Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, 152), Göttingen, 1999, 537–541.

Christians D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch-griechisch-deutsch, nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts, mit einem Glossar griechisch-slavisch* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 107; Patristica Slavica, 8), Wiesbaden, 2001.

Christians D., *Die Notation von Stichera und Kanones im Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach der Hs. GIM Sin. 162. Verzeichnis der Musterstrophen und ihrer Neumenstruktur* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 108; Patristica Slavica, 9), Opladen, 2001.

Christians D., "Theotokia in Kanones altbulgarischer Provenienz," *Palaeobulgarica*, 28/1, 2004, 79–93.

Christians D., "Děti blagoslovite. Zur Adaption byzantinischer Ephyminia im ostslavischen Gottesdienstmenäum," in: G. Giesemann, H. Rothe, Hrsg., *Schulbildung und ihre Weiterentwicklung. Gedenkbund zum 100. Geburtstag von Alfred Rammelmeyer* (= Studies on language and culture in Central and Eastern Europe, 15), München, Berlin, 2010, 103–120.

Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition, 1: 1. bis 9. April* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 124; Patristica Slavica, 19), Paderborn et al., 2010.

Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition, 2: 10. bis 19. April* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 127; Patristica Slavica, 21), Paderborn et al., 2011.

Dabrowski P. M., Troebst St., *Vom Gebrauch und Missbrauch der Historie. Geschichtspolitik und Erinnerungskulturen in Ostmittel- und Südosteuropa (1791–1989)* (= Working paper series. Global and European Studies Institute at the University of Leipzig, 7), Leipzig, 2014.

Ducreux M.-E., "Der heilige Wenzel als Begründer der *Pietas Austriaca*: Die Symbolik der Wallfahrt nach Stará Boleslav (Alt Bunzlau) im 17. Jahrhundert," in: Lehmann H., Trepp A.-Ch., Hrsg., *Im Zeichen der Krise. Religiosität im Europa des 17. Jahrhunderts* (= Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte, 152), Göttingen, 1999, 597–636.

Ducreux M.-E., "L'ordre symbolique d'un pèlerinage tchèque dans l'espace habsbourgeois au XVIIe siècle: Stará Boleslav," in: Ph. Boutry, P.-A. Fabre, D. Julia, éd., *Rendre ses vœux. Les iden-*

tités pèlerines dans l'Europe moderne (XVIe–XVIIIe siècle) (= Civilisations et sociétés, 100), Paris, 2000, 87–122.

Ducreux M.-E., "Zum Thema Wallfahrt: das Beispiel Böhmens im 17. Jahrhundert," in: R. Leeb, S. Cl. Pils, Th. Winkelbauer, Hrsg., *Staatsmacht und Seelenheil. Gegenreformation und Geheimprotestantismus in der Habsburgermonarchie* (= Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, 47), Wien, München, 2007, 98–108.

Dvorník Fr., *La vie de saint Grégoire le Décapote et les slaves macédoniens au IXe siècle* (= Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, 5), Paris, 1926.

Dvorník Fr., *Svatý Václav, dědic České země*, Řím, 1968.

Eustratiades S., *Hirmologion* (= Hagioritiki vliio, 9), Chennevières-sur-Marne, 1932.

Fahl S., Fahl D., "Isaija Philologos – Der slavische Übersetzer des Corpus areopagiticum als Sprachpfleger," in: L. Taseva, ed., *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite. Dokladi ot mezhunarodnata konferentsiia Sofia, 26–28 iuni 2003*, Sofia, 2004, 287–308.

Florovsky A. V., *Chekhi i vostochnye slaviane. Ocherki po istorii chesko-russkikh otnoshenii (X–XVIII vv.)* (= Práce Slovanského Ústavu v Praze, 13), 1, Praha, 1935.

Follieri H., *Initia hymnorum ecclesiae graecae* (= Studi e testi, 214), 4: T–Ů, Città del Vaticano, 1963.

Franks St., "Clitics in Slavic," in: S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt, eds., *The Slavic Languages. An International Handbook of Their Structure, Their History and Their Investigation*, 1 (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, 32, 1), Berlin, New York, 2009, 725–738.

Frček J., *Euchologium Sinaiticum (Suite). Texte slave avec sources grecques et traduction française* (= Patrologia orientalis, 25, 3), Paris, 1939.

Fros H., "Le culte des saints en Europe Centrale (Bohème, Pologne, Hongrie) et son rôle socio-politique du Xe au XIIIe siècles," in: M. Derwich, M. Dmitriev, dir., *Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque moderne. Approche comparative* (= Opera ad historiam monasticam spectantia, 1/3), Wrocław, 1999, 99–109.

Graus Fr., "Velkomoravská říše v české středověké tradici," *Československý časopis historický*, 11/3, 1963, 289–305.

Graus Fr., "Slovenská liturgie a písemnictví v Přemyslovských Čechách 10. století," *Československý časopis historický*, 14/4, 1966, 473–495.

Graus Fr., *Lebendige Vergangenheit. Überlieferung im Mittelalter und in den Vorstellungen vom Mittelalter*, Köln, Wien, 1975.

Graus Fr., "St. Adalbert und St. Wenzel. Zur Funktion der mittelalterlichen Heiligenverehrung in Böhmen," in: Kl.-D. Grothusen, Kl. Zernack, Hrsg., *Europa Slavica – Europa Orientalis. Festschrift für Herbert Laudat zum 70. Geburtstag* (= Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe I, Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, 100), Berlin, 1980, 205–231.

Gruzín V., *Slovanský svatý Václav 929–1929*, Praha, 1929.

Hannick Chr., *Das altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar* (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 50), Freiburg i. Br., 2006.

Hilsch P., "Die böhmischen Länder und das Reich," in: H. Lemberg, F. Seibt, Hrsg., *Deutsch-tschechische Beziehungen in der Schulliteratur und im populären Geschichtsbild* (= Studien zur internationalen Schulbuchforschung, Schriftenreihe des Georg-Eckert-Instituts, 28), Braunschweig, 1980, 104–109.

Huber K. A., *Katholische Kirche und Kultur in Böhmen. Ausgewählte Abhandlungen* (= Religions- und Kulturgeschichte in Ostmittel- und Südosteuropa, 5), J. Bahlcke, R. Grulich, Hrsg., Münster, 2005.

Ingham N. W., "The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity in the Early Middle Ages," in: H. Birnbaum, M. S. Flier, eds., *Medieval Russian Culture* (California Slavic Studies, 12), Los Angeles, London, 1984, 31–53.

Jakobson R., "The Kernel of Comparative Slavic literature," *Harvard Slavic Studies*, 1, 1953, 1–71.

Kalhous D., "Slawisches Schrifttum und Liturgie des 10. und 11. Jahrhunderts," in: L. Poláček, J. Maříková-Kubková, Hrsg., *Frühmittelalterliche Kirchen als archäologische und historische Quellen (Internationale Tagungen in Mikulčice 8)* (= Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno, 41), Brno, 2010, 385–402.

Kalhous D., *Anatomy of a Duchy. The Political and Ecclesiastical Structures of Early Přemyslid Bohemia* (= East Central and Eastern Europe in the Middle Ages 450–1450, 19), Leiden, Boston, 2012.

Kamp A., *Kliment von Ohrid (Klemens von Achrida) – Kanones für das Commune Sanctorum. Studie und Text, Materialien* (= Münstersche Texte zur Slavistik, 5), Berlin, 2010.

Kölln H., *Die Wenzelslegende des Mönchs Christian* (= Historisk-filosofiske Meddelelser, 73), Copenhagen, 1996.

Kollyropoulou Th. L., *Peri tou provlēmatos tēs B' oδēs tōn kanonōn*, Patras, 2013.

Koschmieder E., *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy* (= Rozprawy i materiały wydziału I towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie, 5/2), Wilno, 1934.

Koschmieder E., *Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente* (= Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Neue Folge, 35), München, 1952.

Koschmieder E., *Aspektologie des Polnischen* (= Selecta Slavica, 11), Neuried, 1987

Krysko V. B., *Il'ina kniga. Rukopis' RGADA, Tip. 131*, Moscow, 2005.

Lehár J., "Roman Jakobson: Moudrost starých Čechů (Nedokončená polemika o smysl českých dějin)," *Česká literatura*, 43, 1995, 39–56.

MacRobert C. M., "The Competing Use of Perfect and Aorist Tense in Old Church Slavonic," *Slavia*, 82/4, 2013, 387–407.

Makris G., Ed. und Kommentar., Chronz M., Übersetz., *Ignatios Diakonos und die Vita des hl. Gregorios Dekapolites* (= Byzantinisches Archiv, 17), Stuttgart, Leipzig, 1997.

Mareš Fr. V., "Pražská část sticheraria Chilandarského," *Slavia*, 27/4, 1958, 538–555.

Mareš Fr. V., "Domnělé doklady české přehlásky a > e v církevněslovanských textech (typ čelenije gen. Sg.)," *Slavia*, 28/2, 1959, 132–140.

Mareš Fr. V., "Fragments du Sticherarion de Chilandar à Prague," in: Chr. Hannick, ed., *Fundamental Problems of Early Slavic Music and Poetry. Studies on the Fragmenta Chilandarica Palaeoslavica* (= Monumenta musicae byzantinae, Subsidia, 6), Copenhagen, 1978, 121–141.

Mareš Fr. W., *An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. With an Outline of Czech-Church Slavonic Language and Literature and with a Selected Bibliography* (= Slavische Propyläen. Texte in Neu- und Nachdrucken, 127), München, 1979.

Matějka L., "On Translating from Latin into Church Slavonic," in: H. Kučera, ed., *American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists (Prague, 1968, August 7–13)* (= Slavic Printings and Reprintings, 80), 1: *Linguistic Contributions*, The Hague, Paris, 1969, 247–274.

Matějka L., "The Bohemian School of Church Slavonic," in: M. Rechcigl Jr., ed., *Czechoslovakia, Past and Present, 2: Essays on the Arts and Sciences*, The Hague, Paris, 1968, 1035–1043.

Momina M. A., Trunte N., Hrsg., *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts, 1: Vorfastenzeit, mit einer Einführung zur Geschichte des slavischen Triodions* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und Künste, 110; Patristica Slavica, 11), Paderborn et al., 2004.

Momina M. A., Trunte N., Hrsg., *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts, 2: 1. bis 4. Fastenwoche* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und Künste, 125; Patristica Slavica, 20), Paderborn et al., 2010.

Murjanoff M. F., "O rabote I. V. Iagicha nad sluzhebnyimi mineiami 1095–1097 gg.," *Voprosy jazykoznanija*, 5, 1981, 93–105.

Nahtigal R., *Starocerkvenoslovske študie* (= Razprave znanstvenega društva v Ljubljani 15, Filološko-lingvistični odsek, 3), Ljubljana, 1936.

Paces C. J., "Religious Heroes for a Secular State. Commemorating Jan Hus and Saint Wenceslas in 1920s Czechoslovakia," in: M. Bucur, N. M. Wingfield, eds., *Staging the Past: The Politics of Commemoration in Habsburg Central Europe, 1848 to the Present*, West Lafayette, Indiana, 2001, 209–235.

Paramonova M. Yu., "Heiligkeit und Verwandtschaft: Die dynastischen Motive in den lateinischen Wenzelslegenden und den Legenden der Boris und Gleb," in: M. Derwich, M. Dmitriev, dir., *Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque moderne. Approche comparative* (= Opera ad historiam monasticam spectantia, 1/3), Wrocław, 1999, 433–455.

Paramonova M. Yu., *Sviatye praviteli Latinskoi Evropy i Drevnei Rusi: Sravnitel'nyi analiz Vatslavskogo i Borisoglebskogo kul'tov*, Moscow, 2003.

Paramonova M., "The Formation of the Cult of Boris and Gleb and the Problem of External Influences," in: H. Antonsson, I. H. Garipzanov, eds., *Saints and Their Lives on the Periphery. Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200)* (= Cursor mundi, 9), Turnhout, 2010, 259–282.

Plassmann A., *Origo gentis. Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen* (= Orbis mediaevalis. Vorstellungswelten des Mittelalters, 7), Berlin, 2006.

Pratsch Th., *Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit*, Berlin, 2005.

Pražák E., "K otázce původu a geneze slovanšského václavského kánonu," *Listy filologické*, 95, 1972, 215–220.

Pražák E., *Stati o české středověkové literatuře*, Praha, 1996.

Rogov A. I., *Skazaniia o nachale cheshskogo gosudarstva v drevnerusskoi pis'mennosti*, Moscow, 1970.

Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, 3: 20. bis 24. Dezember einschließlich der Sonntage vor Christi Geburt (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 105; Patristica Slavica, 6), Opladen, 1999.

Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, 1: 1. bis 9. Februar (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 109; Patristica Slavica, 10), Paderborn et al., 2003.

Rothe H., Vereščagin E. M., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts*, 1: 1. bis 8. Dezember (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 98; Patristica Slavica, 2), Opladen, 1996.

Rothe H., Vereščagin E. M., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, 4: 25. bis 31. Dezember einschließlich des Sonntags nach Christi Geburt (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 114; Patristica Slavica, 14), Paderborn et al., 2006.

Rychterová P., "Mittelalterliche Hagiographie auf der Leinwand: Der Film Svatý Václav (1929) als gescheiterter Versuch, ein Nationaldenkmal zu konstruieren," in: J. M. Bak, J. Jarnut, P. Monnet, B. Scheidmüller, Hrsg., *Gebrauch und Missbrauch des Mittelalters, 19.-21. Jahrhundert* (MittelalterStudien, 17), München, 2009, 145–174.

Samerski St., "Konfessionalisierung versus Volksfrömmigkeit: Die Funktionalisierung der Landespatrone der Böhmisches Krone (1580–1650)," in: J. Bahlcke, K. Lambrecht, H.-Chr. Maner, Hrsg., *Konfessionelle Pluralität als Herausforderung. Koexistenz und Konflikt in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*. Winfried Eberhard zum 65. Geburtstag, Leipzig, 2006, 355–366.

Samerski St., "Wenzel. Altes und neues Staatssymbol der Böhmisches Länder," in: IDEM, Hrsg., *Die Renaissance der Nationalpatrone. Erinnerungskulturen in Ostmitteleuropa im 20./21. Jahrhundert*, Köln et al., 2007, 99–115.

Sanchuk G. E., ed., *Koz'ma Prazhskii. Cheshskaia khronika*, Moscow, 1962.

Schulze Wessel M., "Katholik und Staatsbürger? Zur republikanischen Loyalität der Katholiken in der Ersten Tschechoslowakischen Republik," in: IDEM, Hrsg., *Loyalitäten in der Tschechoslowakischen Republik 1918–1938. Politische, nationale und kulturelle Zugehörigkeiten* (= Veröffentlichungen des Collegium Carolinum, 101), München, 2004, 179–191.

Sels L., ed., *Gregory of Nyssa. De Hominis Opificio—O obrazě chlověka. The Fourteenth-century Slavonic Translation. A Critical Edition with Greek Parallel and Commentary* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B, Editionen, 21), Köln et al., 2009.

Signori G., "Bespprechung von Derwich, Dmitriev 1999," *Historische Zeitschrift*, 273/1, 2001, 162–163.

Stanchev G., Popov G., *Kliment Okhridski. Zhivot i tvorchestvo*, Sofia, 1988.

Stern D., "Variation in Mehrfachübersetzungen von Theotokia in altrussischen Gottesdienstmenäen," in: B. Symanzik, G. Birkfellner, A. Sproede, Hrsg., *Die Übersetzung als Problem sprach- und literaturwissenschaftlicher Forschung in Slavistik und*

Baltistik. Beiträge zu einem Symposium in Münster 10./11. Mai 2001 (= Studien zur Slavistik, 1), Hamburg, 2002, 167–184.

Stern D., *Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*, 1–3 (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 118, 1–3; Patristica Slavica, 16, 1–3), Paderborn et al., 2008.

Tomelleri V. S., "O rukopisnoi traditsii vostochnoslavianskoi dekabr'skoi minei," in: H. Rothe, D. Christians, Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung (Bonn, 7.–10. Juni 2005)* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 117; Patristica Slavica, 15), Paderborn et al., 2007, 116–134.

Tomelleri V. S., "'Vostochnoslavianskaia' služebnaia mineia. Problemy izučeniia i izdaniia," *Europa orientalis*, 34, 2015, 317–346.

Tomelleri V. S., "Tserkovnoslavianskie perekrestki. Kliment Okhridskii na styke zapadnogo i vostochnogo slavianstva," in: A. Kretschmer, A. A. Alekseev, N. P. Antropov, F. B. Poljakov, S. M. Tolstaja, Hrsg., *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Zum 90. Geburtstag von N. I. Tolstoj*, 2 (= Philologica Slavica Vindobonensia, 3), Frankfurt a. M. et al., 2016, 243–266.

Trost Kl., *Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexaemeronübersetzung des Zageber Zbornik von 1469* (= Forum slavicum, 43), München, 1978.

Vajs J., "Kanon ke cti sv. Václava," v: J. Vajs, usp., *Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile*, V Praze, 1929, 137–145.

Vašica J., "Staroslovanské liturgické zpěvy a kanon na svátek sv. Václava složené v Čechách v X. století přeložil Josef Vašica," v: *Na úsvitu křesťanství. Z naší literární tvorby doby románské v století IX.–XIII.*, Praha, 1942, 73–77, 263–264.

Vašica J., "Původní staroslověnský liturgický kánon o sv. Dimitrijovi Soluňském," *Slavia*, 25, 1966, 513–524.

Večerka R., "Bohemismy v první stsl. legendě Václavské," *Slavia*, 30, 1961, 417–422.

Vodrážková L., Bok V., "Prag," in: M. Schubert, Hrsg., *Schreiborte des deutschen Mittelalters. Skriptorien – Werke – Mäzene*, Berlin, Boston, 2013, 425–457.

Vondrák V., *Církevňeslovanská chrestomatie* (= Píšovy vědecké příručky, 8), V Brně, 1925.

Vondrák V., Bartoň J., *Vokabulář klasické staroslověnštiny*, Praha, 2003.

Weiber E., "Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen," *Anzeiger für slavische Philologie*, 6, 1972, 138–159.

Wytrzens G., "Zur Poetik des kirchenslavischen St. Wenzels-Offiziums," in: J. Reinhart, Hrsg., *Litterae slavicae medii aevi Francisco Venceslao Mareš sexagenario oblatae* (= Sagners slavistische Sammlung, 8), München, 1985, 425–427.

Zaimov I., Kapaldo M., eds., *Suprasŭlski ili Retkov sbornik*, 1–2, Sofia, 1983.

Zalizniak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zhukovskaya L. P., ed., *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khroniashchikhsia v SSSR (XI–XIII vv.)*, Moscow, 1984.

Acknowledgements

DFG, German Research Foundation. Project No. RO 123/54-2.

Prof. Vittorio Springfield Tomelleri, PhD

Università degli Studi di Macerata, Dipartimento di Studi Umanistici

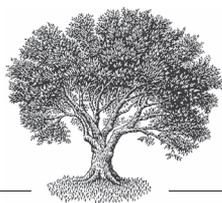
Via Illuminati 4

62100 Macerata

Italia/Italy

vittorio.tomelleri@unimc.it

Received March 6, 2016

Антоний
Печерский
и начальная
история русского
монашества
(Рясофор
в Древней Руси)

St. Anthony of Kiev
and the Earliest
History of Russian
Monasticism
(Novitiates
in Old Rus')

**Борис Андреевич
Успенский**

Национальный исследовательский
университет "Высшая школа
экономики", Москва, Россия

Boris A. Uspenskij

National Research University Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Резюме

Повесть временных лет рассказывает о том, как к Антонию, после того как он поселился в пещере близ Киева, стали приходить люди и он постригал их в монахи. Мы знаем, однако, что в некоторых случаях он не постригал приходящих к нему, а отсылал их для пострига к священнику (иеромонаху). Сам Антоний священником, очевидно, не был. Почему в одних случаях он сам совершал монашеский постриг, а в других поручал это священнику? Как он мог постригать в монахи, не будучи священником? Автор настоящей статьи пытается ответить на эти и подобные вопросы, привлекая исторические, филологические и литургические данные. Работа посвящена эволюции монашеской традиции на Руси в XI в.

Ключевые слова

Антоний Печерский, Феодосий Печерский, Иларион Киевский, Киево-Печерский монастырь, монашество, рясофор, малая схима, великая схима, Студийский устав

Abstract

According to the Russian Primary Chronicle, when St. Anthony settled in his cave near Kiev, people joined him and he tonsured them as monks. We know, however, that in certain cases he did not tonsure the newcomers but sent them to be tonsured by a priest (hieromonk). Obviously St. Anthony was not a priest. Why, then, in some cases did he do it himself and yet in other cases, he did not? If he was not a priest, how could he tonsure people? The author of the present article attempts to answer these and similar questions with reference to historical, philological, and liturgical data. The article is devoted to the evolution of the monastic tradition in Rus' of the 11th century.

Keywords

Anthony of Kiev, Theodosius of Kiev, Hilarion of Kiev, Monastery of the Kiev Caves, monasticism, novitiate, Little Schema, Great Schema, Studite Typikon

Манастиреве на горах сташа, черноризьци ѓвишасл.

Иларион. Слово о законе и благодати

И какие знаменательные имена основателей русского иночества. Антоний — основатель монашества, Феодосий — учредитель общежития иноческого, не приводят ли невольно на память — первый Великого Антония, основателя иночества в Египте, второй Феодосия, начальника общего жития в Палестине? И Печерская обитель при своем начале как будто усвоила себе и строгое подвижничество Египта, и добродетели общежития Палестинского.

П. С. Казанский. История православного русского монашества

— Вы иеромонах или иеродиакон?
 — Нет, я еще просто в рясофоре.
 — Все же ведь уже это значит, вы инок?
 — Н. . . да-с; вообще это так почитают.
 — Почитать-то почитают, — отозвался на это купец, — но только из рясофора-то еще можно и в солдаты лоб забрить.

Н. С. Лесков. Очарованный странник

1. В православной церкви различаются три разновидности монахов: новоначальные, или *рясофорные*, монахи (они обычно носят рясу и камилавку), *мантійные* монахи, принявшие малую схиму, или малый иноческий образ (они носят мантию и клобук), и, наконец, *великосхимные* монахи, принявшие великую схиму, или великий иноческий образ (их отличают куколь и нашитые кресты на мантии).¹ Каждый из этих видов предполагает особое посвящение, которое в принципе сопровождается пострижением (о некоторых исключениях см. ниже).

Соответственно, существуют три вида монашеского пострига (пострижение в рясофор, в малую и в великую схиму), которые мыслятся как ступени духовного совершенствования. Эта общая трехступенчатая схема на местах может сокращаться (редуцироваться или нивелироваться). Так, в греческих монастырях в XIX – нач. XX в. не было ни пострига в рясофор, ни пострига в малую схиму, при том что в греческих евхологиях² были представлены все три вида пострига: рясофорных

¹ Слово *мантия* может означать не только одежду монаха, но и соответствующую степень посвящения, т. е. малый иноческий образ, малую схиму (говорят *постричь в мантию, мантийный монах*). Точно так же слово *схима* может означать как степень посвящения (великий иноческий образ, великую схиму), так и облачение великосхимника [Срезневский, 3: 373–374; Горский, Невоструев, 3/1: 391, № 402]. Ср. в требнике XVI в.: “Послѣдованіе малаго вбраза, еже есть мантиа” и “Чин бываемыи велікаго аггельскаго вбраза, еже есть схіма” [ГИМ *Син898*, лл. 299, 310 об.].

Слово *схима* (в значении ‘степень посвящения’), не сопровождаемое определением, всегда означает великую схиму; то же относится и к производным словам, таким как *схимник, схимнический* и т. п. Схима, великая или малая, может именоваться “ангельским образом” (см. ниже, § 4), будучи противопоставлена при этом рясофору, который никогда так не называется. Иногда “ангельским образом” именуется только великая схима, в отличие от малой (см. цитату выше).

² Следуя сложившейся традиции, мы говорим о “евхологии”, если речь идет о греческой традиции, или “служебнике” или “требнике”, если речь идет о традиции русской. Понятие “евхологий” (*εὐχολόγιον* ‘молитвослов’) у греков объединяет понятия “служебник” и “требник”; особого названия для этих богослужебных книг у греков нет. Слово (*но*)-*требник* / (*но*)-*требник* как название книги отмечается со второй пол. XVI в. [СлРЯ XI–XVII вв., 18: 21; *ibid.* 30: 105]; оно не имеет ничего общего с омонимичным старославянским и церковнославянским словом *трьбъникъ* ‘жертвенник’, будучи образовано не от *трьба* ‘жертва’, а от (*но*)-*трьба* ‘нужда, необходимость, потребность’ (оба значения слова *трьба* известны уже в старославянском). Слово *служебник* как название книги впервые, по-видимому, встречается в служебнике митрополита Киприана кон. XIV в., дошедшем до нас в копии кон. XIV – нач. XV в.; ср. запись писца: “Сии служебникъ преписанъ ѿт грецкыхъ книгъ на рускыи языкъ рукою своею. Киприанъ смиренныи митрополитъ Кыевскыи всед Руси” [ГИМ *Син601*,

послушников (облеченных в монашескую одежду без пострижения) постригали прямо в великую схиму, минуя малую [ДМИТРИЕВСКИЙ 1891–1892: 144–146, 173–175; САМУИЛОВ 1905: 1786].³ В России пострижение

л. 72, ср. 132 об.; БУСЛАЕВ 1861: 135; СЛРЯ XI–XVII вв., 25: 126]; относительно датировки рукописи см.: [СОБОЛЕВСКИЙ 2004–2006, 2: 436, 627]. Служебник и требник архимандрита Дионисия Зобниновского 1630-х гг. носит характерное название “молитвенный потребникъ” [РГБ МДА183, лл. 5 об., 10], где определение *молитвенный* передает буквально значение слова *εὐχολόγιον*.

При каких обстоятельствах в русской традиции появилось разделение служебника и требника как отдельных книг, нам неясно.

- ³ “В современном Большом греческом евхологии, — писал А. А. Дмитриевский, — хотя и содержатся все три чина монашеского пострижения, но в действительности они не имеют никакого практического применения. На всем православном Востоке, не только в патриарших городах: в Константинополе, Дамаске, Александрии и Иерусалиме, — но даже в обителях св. Афонской горы, Синая, св. Саввы Освященного и других [. . .] деления монахов на три категории или класса не существует. Монастыри Востока знают только докимов (учеников), или рясофоров, и совершенных монахов, или же великосхимников наших; так называемых мантейных монахов, какими у нас считаются и все иерархи, на Востоке совершенно нет, и такого названия там никто не слышит. Что же касается чинов пострижения в монашество, то на Востоке ныне практикуется лишь чин пострижения в великую схиму, который совершается над рясофором спустя три года после поступления их в монастырь, после прохождения ими монашеского искуса. [. . .] Рясофоры на Востоке значительно отличаются от рясофоров наших русских обителей. Рясофорами обыкновенно делаются на Востоке просто, без всяких религиозных церемоний. Лица, желающие жить в монастыре в этом звании, в киновиях делают метание игумену в его келии, а в идиоритмах — главному проэстосу в синодиконе. [. . .] Рясофор на Востоке получает право носить рясу, наметку на камилавке и даже мантию, когда он, с благословения игумена, исполняет в монастыре за богослужением роль канонарха, ектлесарха или кандидата. Изредка и в исключительных случаях прочитываются над рясофорами и положенные в евхологии молитвы. Это делается в том, например, случае, когда рясофор, по воле игумена, назначается на послушание вне монастыря. [. . .] Чтением этих молитв игумен желает как бы закрепить посылаемого рясофорного монаха за монастырем и установить более тесную связь его со своею «метаниею» или обителью” [ДМИТРИЕВСКИЙ 1891–1892: 144–145].

По указанию А. А. Дмитриевского, в конце XIX в. на Афоне только в русском Пантелеймонове монастыре были все три вида пострига. Вместе с тем ранее дело, по-видимому, обстояло иначе: еще в XVI–XVII вв. в монастыре св. Павла на Афоне был особый постриг как в рясофор, так и в малую схиму. Ср. расспросные речи старца Макария (в миру Микулы), киевлянина, взятого в плен в Литве, 1623 г.: “И он шел [. . .] в Святую Гору в Павлов монастырь, и того де монастыря игумен Викентей постриг его в церкви в самой Велик день; а на постриганье давали ему евангилье держать и спрашивали: желает ли он иноческого чину? и он

в рясофор осуществлялось не всегда и не везде; и сейчас в одних монастырях постригают в рясофор, в других — нет. Таким образом, для многих монахов первым пострижением оказывалось, как оказывается и сейчас, пострижение в малый иноческий образ (в малую схиму).

Вопрос о том, является ли рясофорный монах полноценным монахом, издавна служит предметом полемики. Существенно, что при пострижении в рясофор не провозглашаются в церкви монашеские обеты (обеты послушания и отречения от мира), как это делается при пострижении в малую и великую схиму;⁴ поэтому возникает вопрос: могут ли рясофорные монахи снять с себя монашеское платье и вернуться в мир.⁵ Характерным образом в русских монастырях с относительно недавнего времени рясофорных принято называть “иноками”, отказывая им в наименовании “монах”, при том что эти слова связаны как по значению, так и по своему происхождению: если *монах* представляет собой прямое заимствование из греческого *μοναχός*, то *инок* — это калька с того же греческого слова [ФАСМЕР, 2: 135]; ср. также старосл. **ѣдинакъ* ‘монах’, *ѣдиначьнъ* ‘монашеский’ [SJS, 4: 968–969].⁶

сказал, что желает иночества; и постригли его в рясу да в комилавку, и ходил де он в том искусе 6 лет, а после того постригся в мантию и в парамант” [РИБ, 2: 630–631, № 166].

В настоящее время на Афоне в одних монастырях послушников постригают сразу в великую схиму (это соответствует тому, о чем писал А. А. Дмитриевский), в других — сначала в малую, а затем в великую схиму (это соответствует обычной русской практике), в третьих — сначала в рясофор, а потом в великую схиму [Хризостом 2002: 112, 193]. Обычай постригать сразу в великую схиму восстанавливает традицию Феодора Студита (ср. ниже, § 5), см. об этом в Пидалионе, греческой Кормчей книге кон. XVIII в. [Никольский 1888: 216–217]; ближайшее отношение к восстановлению этой традиции имел, видимо, Никодим Святогорец (1759–1809), один из составителей Пидалиона (ср. ниже, примеч. 30).

⁴ Сам факт вступления в монастырь трактуется как обещание непорочной жизни. Ср. начало чина одеяния в рясу в требнике XV в.: “Въходить хотаи придати расоу и творить метаніе игоуменуу, и въпроситсѧ от него, аще оубо съ всакым оусердіем и многуднѣвным смотрениемъ се хошеть. И егда обѣщастъ, въходитъ въ ц[е]рк[о]вь и творить поклоненіа предъ с[в]я[т]ыми дверьми. И изшедъ творить метаніе игоуменуу и братіамъ. И по съвершеніи час[о]въ починаемъ трис[в.]тоу” [РГБ *Тр.-Серг*230, л. 103].

⁵ Этот вопрос обсуждает в XII в. Вальсамон (см. ниже, примеч. 11). См. также: [Голубинский, 1/2: 671; Диодор 2013].

⁶ Это не отвечает общей языковой практике, как светской, так и церковной, будучи типично лишь для монастырского обихода. Таким образом, слова *инок* и *монах* могут противопоставляться по своему значению — при том, что в других контекстах они оказываются равнозначными. Указанное

Слово *рясофор* появляется на Руси в середине XVII в. и имеет два значения: ‘ношение рясы (означающее принадлежность к монашеству)’ и ‘тот, кто носит рясу’.⁷ В настоящей работе в авторском тексте (не в цитатах!) оно фигурирует всегда в первом значении.

2. Первое упоминание о рясофорных, т. е. новоначальных монахах (*ῥασοφόροι*) принадлежит Феодору Вальсамону, известному византий-

противопоставление основывается, по-видимому, на происхождении слова: слову греческого происхождения (*монах*) приписывается более высокий статус по сравнению с соответствующим славянским словом (*инок*). Такого рода словоупотребление наблюдается как в России, так и в русских зарубежных монастырях, находящихся или же находившихся вне юрисдикции Московского патриархата. Оно не принято у старообрядцев; следует полагать, таким образом, что оно появилось в синодальный период (не позднее XIX в.).

Словоупотребление это ограничивается монастырской традицией, представляя собой явление, типологически сходное с профессиональным жаргоном. Вне этой традиции слова *инок* и *монах* как в светской, так и в церковной литературе употребляются как синонимы; так же употребляются они и в настоящей работе.

⁷ Слово *расофор* или *расоносец* как обозначение рясофорного монаха фигурирует в Требнике Петра Могилы ([Требник 1646, 2: 897, 892]; см. здесь “Чинъ бываемый на одѣваніе расы и камылавхи” на сс. 891–897) и, видимо, появляется в Великой Руси после реформ патриарха Никона — в условиях украинского влияния на великорусскую церковную традицию (см. вообще в этой связи: [Харлампович 1914; Успенский 2002: 433–437, § 17.1]). Требник Петра Могилы лег в основу московского издания Требника 1658 г. (см. “ковычный” экземпляр Требника Петра Могилы, правленный московскими справщиками для издания 1658 г. [РГАДА Тип978]). В этом и последующих московских печатных требниках появляется соответствующий чин с названием, обличающим использование киевского издания: “Послѣдованіе во одѣваніе расы и камилавхи” [Требник 1658, л. 220–220 об.; Требник 1680, л. 101–101 об.; Требник 1688, л. 103–103 об.; Требник 1697, л. 90 об.–91]. Однако литургические указания здесь большей частью опущены, и слова *расофор*, *расоносец* в этих требниках не читаются. По-видимому, они пришли в Великую Русь устным путем, благодаря украинскому духовенству.

Вместе с тем по крайней мере с XVIII в. слово “рясофор” может означать ношение рясы, т. е. относится не к человеку, а к состоянию (степени посвящения). Ср. в “Церковном словаре” Петра Алексеева (1773 г.): *расоносец* ‘младший монах, который хотя и носит рясу, но не облечен еще в великий ангельский образ’, *расофор* ‘ношение рясы монашеской’ [АЛЕКСЕЕВ, 4: 16]. И в настоящее время это слово имеет два значения: оно может относиться как к степени посвящения (например, в выражении *постричь в рясофор*), так и к лицу, имеющему соответствующее посвящение (т. е. иноку или послушнику). В первом случае это слово не имеет формы множественного числа, во втором случае оно склоняется как одушевленное существительное мужского рода и обладает формами обоих чисел.

скому канонисту (ок. 1140 – ок. 1195 гг.): Вальсамон посвятил этой теме особый трактат “Послание к монаху Феодосию о рясофорах” [Ῥάλλαν, Ποτλίη, 4: 497–510; PG, 138: 1359–1382] и говорит об этом также в толковании на 5-е правило Двукратного Константинопольского собора 861 г. [Ῥάλλαν, Ποτλίη, 2: 665–666; PG, 137: 1028].⁸ Замечания Вальсамона относятся ко второй пол. XII в., но, несомненно, отражают более раннюю практику.

⁸ См. в связи с этим: [Пальмов 1914: 308–310; Wawryk 1968: 235–240]. Вальсамон, насколько известно, впервые называет новоначальных монахов “рясофорными” (ῤασοφόροι), ранее они именовались “начальными” (ἀρχάριοι) [Пальмов 1914: 308]. В названии чинопоследования это слово известно с XIV в. [Wawryk 1968: 238, прим. 47], а именно, в уставе Иерусалимской патриаршей библиотеки (собр. Крестного монастыря № 52, л. 299 об. [Дмитриевский 1917: 191]).

В свое время новоначальный монах (ἀρχάριος) мог, по-видимому, называться также “мантийным, одетым в мантию” (μανδύωτης; от μανδύας ‘мантия’); так, в Житии Лазаря Галисийского (†1053 г.) мантия как одежда новоначальных противопоставлена “апостольскому” и “ангельскому” одеянию монахов, соответственно, малой и великой схимы (гл. 228, 240, ср. гл. 130 [Deleurye 1910: 578, 583, 547; Greenfield 2000: 323, 340–341, 218, ср. 87, прим. 56; по рукописи XIV в. афонской Великой лавры I.127]). В дальнейшем *мантия* начинает выступать как символ малой схимы, подобно тому как *схима* (одеяние) выступает как образ схимы великой (ср. выше, примеч. 1). Последование малой схимы озаглавлено в греческих евхологиях XIV–XV вв.: Ἀκολουθία τοῦ μικροῦ σχήματος, ἤγουν τοῦ μανδύου (евхология афонского Ватопедского монастыря № 133/744, л. 228 [Дмитриевский 1901: 276]; евхология РГБ *Sevasm17/473*, л. 90 об. [Пальмов 1914, прилож.: 62]), а также Ἀκολουθία εἰς κοῦραν μανδύου (евхология афонского монастыря св. Дионисия (Дионисиата) № 450, л. 58 об. [Дмитриевский 1901: 384] или Εὐχὴ εἰς σχῆμα τοῦ μανδύου (схиматологий афонского Пантелеймонова монастыря № 604, л. 2 [Дмитриевский 1901: 558]) и т. п. Аналогично в славянских требниках XV–XVI вв., сербских и русских: “Послѣдованіе малаго вбраза, еже есть мантиа” (ГИМ *Син307*, л. 22 об.; ГИМ *Син324*, л. 113 об.; ГИМ *Син310*, л. 147 об.; ГИМ *Син898*, л. 299; и др.).

Таким образом, у греков слово μανδύωτης первоначально относилось к новоначальным монахам и впоследствии стало относиться к монахам малой схимы; это отражает эволюцию обрядов посвящения в монашество. Между тем соответствующее выражение у русских — *мантийный* или *мантейный монах* — выступает только как обозначение монаха-малосхимника (а не новоначального); вообще в русской традиции *мантия* изначально, видимо, ассоциируется именно с малой схимой (так, во всяком случае, уже у Нестора в Житии Феодосия Печерского, см. ниже, § 4). И в новое время в греческих монастырях мантию могут носить новоначальные монахи [Дмитриевский 1891–1892: 145–146; Хризостом 2002: 193]; возможно, это связано с тем, что у греков может отсутствовать пострижение в малую схиму (см. выше, примеч. 3).

Как указывает Вальсамон в толковании на правило Двукратного собора, облачение в рясу могло происходить в храме при провозглашении Трисвятого,⁹ причем имя вступающего в монастырь изменялось на монашеское (*καὶ ῥασοφορησάντων, ἴδος καὶ μετὰ τρισαγίου ἐν ναῶ, καὶ μετονομασθέντων* [ῬΑΛΛΗ, ΠΟΤΛΗ, 2: 665; PG, 137: 1028]).¹⁰ После этого, согласно Вальсамону, человек считался монахом, хотя бы он и не был еще пострижен [DE MEESTER 1940: 328–329]; таким образом, по Вальсамону, уже монашеская одежда делает человека монахом. Вальсамон, впрочем, сообщает и о других мнениях по этому поводу.¹¹

⁹ О том, что может означать в этом контексте упоминание Трисвятого, см.: [Павлов 1897: 209, прим. 1; Пальмов 1914: 309–310; WAWRUK 1968: 236–239]. Это начало особой службы, когда совершается облачение в рясу, или же часть литургии, во время которой это происходит.

¹⁰ В другом месте Вальсамон говорит о том, что настоятели монастырей облачают приходящих к ним в монашеские одежды и переименовывают, после чего уже окончательно постригают в полный монашеский образ (*μετασχηματίζουσι καὶ μετονομάζουσιν, ἀλλὰ καὶ τελειοποιοῦσι δι' ἀποκάρσεως* [ῬΑΛΛΗ, ΠΟΤΛΗ, 4: 507; PG, 138: 1376]).

¹¹ Пятое правило Двукратного собора говорит о том, что желающему стать монахом необходимо предварительно пройти трехлетнее испытание в мирском одеянии; в некоторых случаях этот срок может быть сокращен до полугода. Вот что говорит Вальсамон по этому поводу: “. . . так как некоторые вступают в монастыри, облачаются в рясу, может быть, даже с Трисвятым в храме, переменяют имя и вообще живут и внутри, и вне обители как монахи; но прежде чем принять полное монашеское пострижение, снимают с себя образ и обращаются в мирскую жизнь, а иногда и сопрягаются законным образом с женами; то некоторые утверждали, что таковые не делают ничего незаконного, но что они имеют право в течение установленного правилом трехлетия выходить из обители без предосуждения, слагать монашеские одежды и надевать мирские; потому что и правило дает предписание о постригаемых ранее трехлетия, а не о тех, которые еще находятся на испытании и суть рясофоры. А другие говорили, что правило называет монашеским образом пострижение; но не предписывает, чтобы испытание совершалось в монашеском одеянии и не предполагает того, чтобы кто-нибудь бросал это одеяние, надевал мирское и удалялся. Отсюда открывается, что несущий испытание должен нести оное в мирском одеянии; ибо кто однажды облечся в монашеское одеяние, тому не должно быть дозволено сегодня являться перед публикой монахом, а завтра выступать мирянином и как бы шутить, подобно актерам, над святым образом; поэтому правильнее было бы принуждать их к принятию пострижения. [. . .] Иные же высказывали, что сделавшись рясофорами с Трисвятым не должно быть дозволяемо обращаться в мирян; а которые приняли образ без этого, те бесспорно могут в течение трехлетия слагать с себя монашеские одеяния и надевать мирские [...]. Таковы были мнения некоторых. А большинство людей более благоговейных думают, что кто вошел в монастырь и, как бы то ни было, надел черное одеяние и живет подобно монахам, тот не имеет права сделаться опять мирянином; ибо, говорят, ему можно было в течение трехлетия вынести ис-

Вальсамон не говорит при этом о пострижении в рясофор. Вместе с тем уже в его время существовала, по-видимому, практика пострижения новоначальных монахов: она зафиксирована, в частности, в схиматологии Дмитриевского XI–XII в. [Пальмов 1914: 312–313, ср. 46, 269–270].¹² То же предполагается и в Уставе императрицы Ирины (Ирины Дукены) 1110-х гг. (гл. XXX, см.: [КАЗАНСКИЙ 1878: 68; GAUTIER 1985: 77; ГОЛУБИНСКИЙ, 1/2: 672, прим. 0; САМУИЛОВ 1905: 1785–1786]).¹³

пытание в мирской одежде. А так как он надел монашеское платье, то должен быть вынужден к выполнению своего предположения . . .” [Правила поместн. соборов, 2: 812–813].

Ср. в связи с этим в канонических ответах патриарха Луки Хризоверга (1157–1169/70): “Некто мирянин пришел в монастырь, желая сожительствовать с братиею, и надел рясу, при совершении, когда он принимал монашество, только одного Трисвятого, но без принятия пострижения. Затем, будучи в раскаянии, он сбросил то, что надел с Трисвятого, и снова облачился в свои одежды и отошел, и даже сочтается с женою; таковой может ли когда-нибудь быть принят во священство и остаться без епитимии ему, соответствующей такому деянию?” [Алмазов 1903а: 25].

¹² Схиматологий Дмитриевского (из собр. А. А. Дмитриевского) представляет собой сборник (конволют), состоящий из рукописей разного времени (XI–XIII вв.); частично опубликован Н. Н. Пальмовым [Пальмов 1914, прилож.: 25–36], изданием которого мы пользуемся. Ср. здесь “Молитву пострижения мирянина, приходящего в монастырь” (Εὐχὴ εἰς τὸ κουρεῖσθαι λαϊκόν, ἐρχόμενον εἰς τὸ μοναστήριον) (л. 82–82 об. [Ibid., прилож.: 25]). Это краткое чинопоследование, предшествующее посвящению в монашество, а именно, в просхиму (Τάξις ἐπὶ πρόσχημα μονάχου); последнее, в свою очередь, предусматривает новое пострижение [л. 83–83 об.; Ibid., прилож.: 26]. Таким образом, пострижение волос предполагается здесь как в предуготовительном, так и в основном обряде. *Просхима* (πρόσχημα) и *протосхима* (πρώτο σχήμα) — наименования малой схимы [Пальмов 1914: 84, 238, 246–247, 312]; выражение *протосхима* (πρώτο σχήμα) в этом значении появляется — наряду с выражением *малая схима* (μικρὸν σχήμα) — уже в Евхологии Барберини второй пол. VIII в. [Евх. Барб.: №№ 245, 248].

Показательно, что в позднейшей рукописи — евхологии XV в. Иерусалимской патриаршей библи. № 73/274 (лл. 1–2) — этот предуготовительный чин предстает как “Чинопоследование посвящения в рясофор” (Ἀκολουθία εἰς ῥασοφόρον μοναχόν) [Дмитриевский 1901: 505; Пальмов 1914: 46].

¹³ Здесь говорится о тех, кто после пострижения волос облачаются не в священную монашескую одежду (τὸ ἅγιον σχῆμα), а лишь в “одежду послушания” и в мантию (τὸ τῆς ὑποταγῆς ἱμάτιον καὶ τὸν μαυδύαν). Ср. выражение “одежда послушания” (ὑποταγῆς ἔνδυμα) по отношению к новоначальным монахам в Житии Лазаря Галисийского (гл. 130); “одежда послушания” противопоставляется при этом “апостольской” и “ангельской” одежде монахов малой и великой схимы [ДЕЛЕНАУЕ 1910: 547; GREENHELD 2000: 218]; это выражение отразилось и в русском сло-

Таким образом, новоначальные монахи уже в эту эпоху могли быть пострижены или не пострижены. В позднейшей перспективе это соответствует различению рясофорных послушников (у которых не было пострига) и рясофорных иноков (постриженных в рясофор).¹⁴ Но как обстояло дело в Древней Руси? Что имеется в виду в древних текстах, когда говорится о “чернецах” или “черноризцах”, — малая схима или же облачение в монашеские одежды, которое соответствует позднему наименованию “рясофор”? Был ли рясофор в Древней Руси; если был, с какого времени? Предполагал ли он пострижение? Попытаемся ответить на эти вопросы.

3. В Житии Феодосия, написанном Нестором, рассказывается, как Феодосий, спасаясь от своей матери (которая преследовала его, не желая, чтобы он стал монахом), пришел к Антонию, возглавлявшему Печерский монастырь, с просьбой принять его в свою обитель. Антоний благословил Феодосия и велел Никону постричь его. Никон был священником (иеромонахом), и это подчеркивается в рассказе об этом эпизоде; следует полагать при этом, что сам Антоний священником не был. Ср.:

ве *послушник* (ср. греч. ὑποταγῆτος [Du SANGE 1688: 1648]). В Житии Лазаря, как и в Уставе императрицы Ирины, упоминается и о мантии новоначальных (μανδύωτης, см. выше, примеч. 8).

¹⁴ Синодальный указ от 26 мая 1741 г., вошедший в “Полное собрание законов Российской империи”, запрещал рясофор для послушников, т. е. ношение монашеского платья до пострижения [САМУИЛОВ 1905: 1787]. Вместе с тем из синодальных определений мы узнаем, что послушники, налагая на себя монашескую одежду, могли принимать новые, монашеские имена. Так, в циркулярном указе от 21 июля 1804 г. говорилось: “Святейший Правительствующий Синод, усмотря из вступающих в оной от епархиальных преосвященных архиереев представлений о дозволении находящихся в монастырях послушников и девиц постричь в монашество, что некоторые из оных именуют и пишут по одному только рясофору иеромонахами, монахами, монахинями, с переменою уже прежних светских имен не подлежаще, потому что рясофор, яко самовластно учиненной, ни во что вмняем быть должен и в представлениях упоминать о нем не следует, ибо в монашество постригать без дозволения Святейшаго Синода Именными Высочайшими Указами строжайше воспрещено, и без пострижения никто в монашеском чине себя считать и называть не долженствует. [. . .] Приказали: [. . .] предписать, чтобы впредь непостриженных еще по указам из Святейшаго Синода в монашество послушников, как в мужских, так и в женских монастырях, никого не именовали и не писали монахами и монахинями, а означали в представлениях своих в Святейший Синод таковых о пострижении в монашество желающих прямо светскими именами. . .” [САМУИЛОВ 1905: 1787]. Ср. также определение Синода от 9 октября 1873 г.: “подтвердить всем послушникам и послушницам, чтобы они, впредь до пострижения их в монашество, не позволяли себе носить иноческие одеяния и принимать другия имена. . .” [ГВД.: 1789].

Таче бл[а]гослови ѝ старьць [Антоний] и повелѣ великому Никоноу острѣщи ѝ прозвутероу томоу соущо и чьрноризьцоу искоуьсноу, иже и поимѣ блаженана Феодосиа и по обычаю с[вѣ]тъихъ о[тъ]ць встригыи облече ѝ въ мнишьскоую одежу [Усп. сб., л. 31 в] (ср.: [ПАТЕРИК 1911: 21, 147]).

Заметим, что Феодосию не пришлось предварительно жить в монастыре (что могло бы предполагать предварительное пострижение в рясофор).

В тех же выражениях в Киево-Печерском патерике говорится о пострижении Варлаама, сына знатного боярина Иоанна, который (Варлаам) становится затем игуменом Печерского монастыря, и Ефрема каженика, приближенного к князю Изяславу (управляющего его делами), будущего митрополита Переяславского: Антоний также отсылает их к Никоноу, который их постригает и облачает в монашеские одежды; оба они получают монашеские имена (такowymi и являются имена Варлаам и Ефрем).¹⁵ Как и Феодосий, они не жили в монастыре до пострижения. Ср.:

Тогда повеле Антоніе великому Никоноу, да пострижеть его и облечеть въ мнишескую одѣжду. Онъ же, по обычаю, молитвою [вариант: молитвовавѣ] остриже его и в мнишескыя ризы облече его, Варлаамъ имя тому нарекъ. [. . .] Тогда же приде каженикъ нѣкто от княжа дому, иже бѣ любимъ княземъ и предръжа у него вся, и моляшеся старцю Антонію: и тѣй хотя быти чьрноризець. Егоже поучивъ старець, еже о спасеніи души, и предасть его Никоноу, да и того острижеть. Онъ же того остриже, облече его въ мнишескую одѣжду и Ефрѣмъ имя тому нарекъ [ПАТЕРИК 1911: 24, 149].¹⁶

Существует предположение, не лишенное вероятности, что Варлаам был пострижен 19 ноября 1055 г., а Ефрем — 28 января 1056 г.¹⁷

¹⁵ Феодосий же, если верить Житию, сохранил свое мирское имя, не поменяв его на монашеское [Успенский 1996б: 196, прим. 8; idem 2014: 192].

¹⁶ Этот фрагмент Жития Феодосия мы цитируем не по древнейшему списку Успенского сборника [Усп. сб.], а по Киево-Печерскому патерику, в состав которого оно вошло [ПАТЕРИК 1911: 14–58, ср. 142–174; слово 8-е]. В Успенском сборнике соответствующий лист утрачен (он должен был находиться между лл. 33 и 34 дошедшей до нас рукописи).

¹⁷ Ср.: “Видно, что вскоре после восшествия на престол Изяслава постриглись у преподобного Антония преподобные друзья Варлаам и Ефрем, что, судя по именам их при пострижении, должно было случиться 19 ноября 1055 г. и 28 января 1056 г., когда дни эти падали на воскресенье: известно ведь, что пострижения совершаются по праздникам, а имена давались по дню святого” [Шляков 1907: 371]. О том, что имена при пострижении давались в древности по календарю см.: [Успенский 2014: 196–197]. Ф. Томсон указывает, что 28 января 1056 г. приходилось на понедельник, а не на воскресенье [Томсон 1995: 639, прим. 17], но это ошибка: вычисляя дни недели, он не учитывает, что 1056 год был високосным, т. е. не вносит соответствующую коррективу в общую формулу вычисления (см.,

Необходимо отметить, что пострижение Феодосия, Варлаама и Ефрема было связано с конфликтной ситуацией. Ни мать Феодосия, ни отец Варлаама (боярин Иоанн) не хотели отдавать сына в монастырь. Равным образом и киевский князь Изяслав (княжил в Киеве в 1054–1068, 1069–1073, 1077–1078 гг.) был против того, чтобы Варлаам и Ефрем стали монахами.

С пострижения Варлаама и Ефрема, насколько известно, начинается разлад Антония с киевским князем Изяславом [ПАТЕРИК 1911: 24, 106, 149–150, 206].¹⁸ После этого в результате конфликта с князем Никон уезжает в Тмутаракань, а Ефрем оказывается в Константинополе [Усп. сб., л. 35 б; ПАТЕРИК 1911: 26, 151];¹⁹ Феодосия же по-

например: [Горбачевский 1869]). А. А. Шахматов предлагает другие, более поздние даты пострижения Варлаама и Ефрема – 19 ноября 1060 г. и 28 января 1061 г. [Шахматов 1908: 435]: эти дни также приходились на воскресенье.

Мы не знаем, всегда ли пострижение производилось по праздникам, но это представляется вероятным. При Феодоре Студите пострижение совершалось перед литургией либо во время литургии, на которой за постригаемого “заколался Агнец Божий” [Доброклонский 1913–1914, 1: 447]. В позднейшее время оно не обязательно было связано с литургией, а могло составлять отдельную службу, но и в этом случае из текста последования выясняется, что ранее оно должно было совершаться на литургии [Прилуцкий 1912: 189].

¹⁸ Ср. в Киево-Печерском патерике: “Егда изыгнанъ бысть святыи отецъ Антоніе княземъ Изяславомъ, Варлаама ради и Ефрѣма” [ПАТЕРИК 1911: 106, 206]. Антоний после случившегося должен был покинуть Киевскую землю, но Изяслава отговорила жена (Гертруда); об этом рассказывается в Житии Феодосия [ивд.: 24, 150] (в Успенском сборнике соответствующий лист утрачен, см. выше, примеч. 16).

Этот конфликт, видимо, оказывается затяжным: когда в 1068 г. Всеслав, князь полоцкий, противник Изяслава, завоевывает Киев, Антоний поддерживает Всеслава. В 1069 г. Изяслав возвращается в Киев, и Антонию с помощью черниговского князя Святослава (брата Изяслава) приходится бежать в Чернигов: “нача гнѣватиса Изаславъ на Антонѣа изъ Всеслава. И присла С[ва]тославъ в ночь поа Антонѣа Чернигову” [ПСРЛ, 1/1: 193].

¹⁹ Именно от Ефрема, как говорится в Житии Феодосия, был получен из Константинополя список Студийского устава, о котором мы говорим ниже (см. § 4). Возвращение Ефрема на Русь было связано, возможно, с учреждением Переяславской митрополии. В 1069–1070 гг. вследствие кризиса между правителями Руси – киевским князем Изяславом, переяславским Всеволодом и черниговским Святославом Ярославичами – были учреждены независимые от Киева Переяславская и Черниговская митрополии: они были выведены из юрисдикции Киева и подчинились, видимо, непосредственно Константинополю.

В Сказании о возникновении Киево-Печерского монастыря, вошедшем в Повесть временных лет под 1051 г. (см. о нем ниже, примеч. 37),

ставляют в священники, заменив таким образом уехавшего Никона (“поставленъ бысть презвутеръмъ повелѣникъмъ пр[ѣ]п[о]д[о]бнааго Антониа” [Усп. сб., л. 35 в]). Сам же Антоний уходит в затвор, поставив игуменом Варлаама “въ себе мѣсто” [Усп. сб., л. 35 г; ПАТЕРИК 1911: 26, 151].

Затем князь Изяслав (в крещении Димитрий), построивший монастырь в честь св. Димитрия Солунского, своего патрона, делает Варлаама игуменом этого монастыря [Усп. сб., л. 36 в; ПАТЕРИК 1911: 27, 152]. Тогда Антоний (не позднее 1062 г.) благословляет на игуменство Феодосия, который сменяет Варлаама в качестве игумена Печерского монастыря [Усп. сб., л. 37 а–37 б; ПАТЕРИК 1911: 27, 152].²⁰

говорится, что Феодосий получил Студийский устав в Киеве от чернеца Михаила, “иже бѣ пришелъ изъ Грекъ с митрополитомъ Гевргиемъ”, т. е. ок. 1065 г. [ПСРЛ, 1/1: 160]. Предполагается, что от Михаила было получено краткое изложение Устава, составленное Феодором Студитом (Ἰππολύτωσις) [PG, 99: 1703–1720; Феодор Студит, 2: 822–830], после чего Феодосий послал к Ефрему в Константинополь за полным списком Устава “да вьсь оуставъ Стоудиискааго монастыря испьсавъ, присълетъ кмоу” [Усп. сб., л. 37 б; ПАТЕРИК 1911: 28, 152]. Ефрем прислал Феодосию Устав патриарха Алексия Студита, принятый не в Студийском, а в константинопольском Успенском монастыре (см. § 4) [МАКАРИЙ, 2: 156; Голубинский, 2/2: 372–373].

М. А. Момина предположила, что ряд славянских богослужебных книг, старшие списки которых относятся ко второй пол. XI в., — дошедших до нас в русских рукописях и не находящихся соответствия в рукописях южнославянских, — появились на Руси в связи с принятием Студийского устава; к таким рукописям относятся, в частности, кондакари и стихирари [Момина 1992]. Вполне возможно, что эти тексты были получены от Ефрема и переведены в Киеве.

²⁰ В Житии Феодосия говорится, что Антоний ушел в затвор, “поставивъ въ себе мѣсто братии бл[а]женаго Варлаама” [Усп. сб., л. 35 г; ПАТЕРИК 1911, 26, 151]. Феодосий же не был поставлен Антонием, Нестор выражается иначе: когда Варлаам “изведенъ бысть княземъ повелѣникъмъ въ манастырь с[ва]т[о]го м[оу]ч[ени]ка Димитриа и тоу игуменъмъ поставленъ, тгда же братиа тоу соушала въ пещерѣ събравъшеся изволеникъмъ всѣхъ, възвѣстивше пр[ѣ]п[о]д[о]бноумоу Антонию, бл[а]женааго о[т]ца нашего Феодосиа игуменьмъ себе нарекоша” [Усп. сб., л. 36 в; ПАТЕРИК 1911: 27, 152]. Далее в Патерике сказано: “Преподобный же призвалъ святого Феодосіа, благословивъ его на игуменьство”. Этой фразы нет у Нестора.

Между тем в только что упомянутом Сказании о возникновении Киево-Печерского монастыря о поставлении Феодосия рассказывается более подробно: “Варламу же шедъшу к с[ва]т[о]му Дмитрию, свѣтъ створше братаа идоша к старцю Антонию и рекоша: «Постави намъ игумена». Ун же реч[е] имъ: «Кого хочете?». Уни же рѣша: «Кого хочеть Б[ог]ъ и ты». И реч[е] имъ: «Кто болии въ васъ

4. Житие Феодосия рассказывает о порядке монастырской жизни в Печерском монастыре после того, как Феодосий стал игуменом (как уже упоминалось, это случилось не позднее 1062 г.) и в монастыре принят был (между 1062 и 1074 гг.) Студийский устав в редакции патриарха Алексия Студита (1025–1043), бывшего игумена Студийского монастыря Иоанна Предтечи.²¹ Студийско-Алексиевский устав был создан патриархом Алексием для основанного им в 1034 г. в Константинополе Успенского монастыря.²² Таким образом, это был ктиторийский устав, но на Руси ему суждено было стать общемонастырским. Выбор этого устава, несомненно, определялся тем, что его связывали со студийской традицией, отражающей установления Феодора Студита; от самого Феодора подробного устава не осталось, и в Уставе Алексия Студита было естественно видеть отражение студийской традиции.²³ Для даль-

акъже Феодосий послушливыи кроткыи смѣренныи, да съ будеть вамъ игумень». Братыа же ради бывше поклонишася старцю. И поставиша Феодосыа игуменомъ братьѣ чѣслоуъ 20» [ПСРЛ, 1/1: 159]. Таким образом, согласно данному источнику, Феодосия поставили сами иноки по благословению Антония. О Варлааме же здесь было ранее сказано, что его поставил Антоний: «И постави имъ игуменомъ Варлаама» [ibid.: 158] (ср. ниже, примеч. 42).

Оба источника не противоречат друг другу: Антоний поставил Варлаама в игумены, Феодосия же благословил быть игуменом (и тот был поставлен братией монастыря). Эта разница в поведении объясняется изменением статуса Антония: когда он ставил Варлаама, он был действующим главой монастыря, но ко времени поставления Феодосия он ушел в затвор, оставаясь лишь духовным его (монастыря) руководителем.

²¹ Сообщая об этом, Нестор не упоминает о благословении Антония. Возможно, это случилось в 1069 г., когда Антоний перешел из Киева в Чернигов (см. выше, примеч. 18).

²² Киевский Печерский монастырь тоже был Успенским. Первая непещерная церковь этого монастыря («внѣ пещеры») посвящена была Успению Богоматери [ПСРЛ, 1/1: 158; Патерик 1911: 13, ср. 28, 151]. Позднее, в 1073 г., Феодосий Печерский закладывает Успенский собор (разрушенный в 1941 г.); он был окончен в 1075 или 1077 г. и освящен в 1089 г. [ПСРЛ, 1/1: 182, 198, 207; Патерик 1911: 7; Раппопорт 1982: 23]. Освящение Успенского собора в Печерском монастыре произошло 14 августа (1089 г.), в предпразднество Успения, как и в монастыре Алексия Студита [Мансветов 1878а: 732]. Характерным образом именно в этот день состоялось затем перенесение мощей Феодосия Печерского (14 августа 1091 г.) [ПСРЛ, 1/1: 211].

²³ Ср. запись, предваряющую вторую часть Устава: «Оуставникъ расматради о брашньѣ же и о питии мнихомъ, и о всацѣмъ иномъ чиноу, и о прѣбываниихъ и въ ц[р]кви и въсьде. Оуставленъ оубо не по писанию въ манастыри Студийстѣмъ пр[ѣ]п[о]д[о]бнымъ о[т]ц[у]мъ нашимъ исповѣдникымъ Феодо-

нейшего изложения важно отметить, что Студийский устав в различных его редакциях в X–XIII вв. был принят в афонских монастырях [Пентковский 2001а: 75–76; IDEM 2001б: 146–152].

По словам Нестора, Феодосий после принятия Студийского устава

всѣ съ радостию приходѣщаѣа приимаше, нѣ не тоу абикъ постригаше кго, нѣ повелѣваше кмоу въ своки одежи ходити, дондеже извыкнѣаше весь оустрой монастырьскыи. Таче по сихъ облечаше ти ѥ въ мнишьскоую одежду, и тако пакы въ всѣхъ службахъ искоушаше ти ѥ ти тѣгда остригыи оболочаше ти ѥ въ мантию, дондеже пакы боудаше чърныць искоусьнѣ, житиємъ чистѣмъ си, ти тѣгда сподобаше ти ѥ приати с[ва]-тоую скимоу [Усп. сб., л. 37 в–37 г; ср.: ПАТЕРИК 1911: 28, 153].²⁴

Из этого текста следует, что первым пострижением в Печерском монастыре при Феодосии было пострижение в малую схиму (в мантию): о постриге при облачении в монашеские одежды — иначе говоря, о пострижении в рясофор — здесь не говорится.

Существование в Печерском монастыре великого и малого монашеского образа (великой и малой схимы) отвечает именно Алексиевской редакции Студийского устава: в Студийском монастыре при Феодоре Студите и его ближайших преемниках не практиковалось постри-

рѣмъ, бывѣшимъ въ немъ игоуменѣмъ. Прѣданъ же писаникѣмъ ѡт Альѣѣа с[ва]т[а]го и вселеныя патриарха въ поставленѣмъ имъ монастыри въ има б[о]ж[е]ственыа м[а]т[е]ре” [ГИМ *Син330*, л. 196 об.; Пентковский 2001б: 368].

²⁴ Ср. описание приема в монастырь в Уставе Алексия Студита: “Елишьды же кѣто въ монастыри прихода молитъ са приатъ быти и съ с[ва]-тымъ съборѣмъ мнихъ причѣтенъ быти, подобакъ игоуменуу приати ѥ, и обаче съ опасьнымъ испытаникѣмъ, да не кто ѡт наказаныхъ, и тѣко се по полоучаю поживѣшимъ, оутаитъ са обльстивъ са самъ монастыреви и многъ съблазнъ виньнъ бывъ братии. По приати же того, аще знакъ кѣтъ моужъ, тѣгда кгда расмотритъ игоуменъ образъ кмоу подати, вьсе бо томоу того искоушеникъ и разоума повѣшакѣмъ. Аще ли ни ѡт кдиного же вѣдомъ боудеть, ни инако како образа того съподобити, прѣже аще не все лѣто въ хоужьшихъ службахъ монастыра испытанъ бывъ, оуединеникъ оума и помыслъ неоудержаникъ и д[оу]ша искоушеникъ всѣми ѣвѣ покажетъ. Тѣгда бо по прѣтечению лѣта остриѣщи того заповѣдакѣмъ съмотрѣшимъ словѣмъ. На таковыхъ ѡт ѡ[т]ѣць оуказанокъ трѣлѣтство съхраняюще не неискушакѣмъ, ни ѡт инѣхъ монастырь приходѣщихъ, нѣ аще опасно о нихъ истазавѣшю игоуменуу, ѣвитъ са и въ монастыри, въ немже испѣрва остригли са бѣша, подобни бывѣше и достоинны ради вини нѣкока ѡттоуды ошѣдѣше и всеѣа измѣнѣше са неприазнины мысли, приимати ѣа заповѣдакѣмъ” [ГИМ *Син330*, лл. 232 об.–233; Пентковский 2001б: 389–390]. Речь идет о постриге в малую схиму.

жение в малую схиму [МАКАРИЙ, 2: 157; ГОЛУБИНСКИЙ, 1/2: 670–671; ПАЛЬМОВ 1914: 58; ДОБРОКЛОНСКИЙ 1913–1914, 1: 444–451], тогда как в Успенском монастыре, основанном Алексием Студитом, различались два монашеских образа, малосхимнический и великосхимнический.²⁵ Это предполагало, можно думать, два пострижения [ЛИСИЦЫН 1911: 171–172] или, во всяком случае, два разных обряда: не исключено, что при посвящении в великую схиму малосхимника не постригали второй раз, но при этом облачали в великосхимнические одежды.²⁶

В древнейших дошедших до нас русских требниках (XIV в.) рассмотрены два пострижения, что в принципе отвечает порядку, принятому в Печерском монастыре после принятия Студийского устава в редакции Алексия Студита. Таковы Шереметевский требник [РГАДА ЦГАДА 819, лл. 1 об.–64 об.] (см. изд.: [ТРЕБНИК 1878–1879]), Чудовский требник [ГИМ Чуд5, лл. 1 об.–38], требник новгородского Антониева монастыря [РНБ Соф1056, лл. 14–48]. Чин пострижения в малую схиму озаглавлен здесь так: “Чин бываемыи перваго образа анг[е]льска” или “Чин и слоужьба малаго и перьваго образа анг[е]льскаго” и т. п., ср. начало: “По заоутрении хотаи пострищиса съвлечетса мирьскихъ портъ . . .” [РГАДА ЦГАДА 819, л. 1 об.] (ср.: [ГИМ Чуд5, л. 1 об.; РНБ Соф1056, л. 14–14 об.]).²⁷ Именно с этим чином (пострижением в малую схиму) связано в этих требниках облачение в монашеские одежды; до этого постригаемый носил мирское платье, т. е. здесь нет ничего похожего на рясофор.

5. Возникает вопрос: какой монашеский образ приняли Феодосий, Варлаам и Ефрем, когда Антоний отослал их для пострижения к Никону? Исходя из позднейшей практики естественно было бы думать, что Никон постриг их в малую схиму. Вместе с тем, как мы знаем, после принятия

²⁵ Ср. в Уставе Алексия Студита различие “великих” и “малых” схимников (*великыи скимьникъ, великыи образъ — малыи скимьникъ, малоскимьныи, малоскимьникъ, образъ*) [ГИМ Син330, лл. 214–215 об., 224, 232, 232 об., 240, 265 об., 266 об., 273 об., 277 об., 278; Пентковский 2001б: 379, 384, 389, 393, 411, 416, 418, 419]. Великие схимники носили куколь и одежду, украшенную иконописными изображениями, малые — клобук и соответствующую одежду без изображений такого рода.

²⁶ Такой порядок представлен в евхологии афонского монастыря св. Дионисия (Дионисиата) № 450, 1408 г. [Дмитриевский 1901: 387–388; Пальмов 1914: 184]; малосхимник не постригается второй раз, поскольку однажды уже принял постриг.

²⁷ То же в сербском требнике кон. XIII – нач. XIV в. [РНБ Гильф21, лл. 19 об.–20; Пальмов 1914: 35]. Выражение “первый образ” как обозначение малой схимы соответствует греческому *πρώτο σχήμα*. См. выше, примеч. 12.

устава Феодосий сначала постригал приходящих к нему монахов в малую схиму (в мантию), а затем по прошествии некоторого времени, если не встречалось никаких препятствий, они принимали и схиму великую (см. § 4). Трудно себе представить, чтобы сам Феодосий в этой ситуации был малосхимником.²⁸

Должны ли мы думать, что Феодосий со временем стал великосхимником, т. е. что он принял великую схиму после пострижения в схиму малую? Однако Житие Феодосия не упоминает о втором его пострижении либо каком-то другом заменяющем его обряде.

Мы могли бы предположить, что Феодосий как священник (иеромонах) и игумен монастыря был вне этого противопоставления, поскольку по своему положению он был приравнен к великосхимникам (что касается Варлаама и Ефрема, то их не было в монастыре, когда там был принят Устав Алексия Студита).²⁹

²⁸ Ср. ниже, примеч. 34. На иконе Печерской (Свенской) Божьей Матери из Третьяковской галереи (не позднее 1288 г.) Антоний изображен в схимнической одежде, а Феодосий — в мантии и епитрахили (т. е. в обычной одежде иеромонаха, не схимника). Иконографическая традиция, однако, не является надежным свидетельством при исторических реконструкциях.

²⁹ В Уставе Алексия Студита поставление монаха в священники предполагает принятие великой схимы — иначе говоря, иеромонахи должны быть великосхимниками; это в равной степени относится как к насельникам данного монастыря, так и к священникам, приходящим из других монастырей, не постриженным в великую схиму. Итак, поставить в священники (иеромонахи) можно было только того, кто сначала принял великий образ; если придет поп или дьякон из другого монастыря, он сначала должен принять великий образ и тогда может служить как священник. Ср.: «[Не] инако же комоу въ б[о]ж[ь]ствьнок поповство или въ дьяконство о Х[рист]ѣ причыеномъ быти, прѣже даже аще не възложилъ боудеть на са великаго образа. Нъ аще кого соущихъ въ манастыри поставити и игоумень въсхоцеть и пръвѣк въ великыи облѣчетъ ѿ образъ, по семь да поставити ѿ. Аще и из иного придеть манастыра попъ или дьяконъ, не абие на слоужьбоу того прииметь, нъ пръвѣк да прѣбоудеть до трии м[ѣ]с[а]цъ или боле и манастырьскок да выкнетъ оустрожник. По семь великыи образъ приимъ, аще не приалъ боудеть кто, тако съ прочими с[ва]щ[е]ньными моужи причыенъ боудеть и да слоужитъ». Равным образом здесь говорится, что игумен избирается предпочтительно из священников, но может избираться и из великих схимников: «Изъбраню же игоумену паче оубо ѿт с[ва]щ[е]ньныхъ хоцемъ съвършати. Аще ли кто ѿт другихъ великихъ скимьникъ достоинъ ксть, ни того не небережемъ, гако ни ѿт очистительскаго чина ксть образъ, нъ ѿт образа паче чьстьнъ бывакъть санъ» [ГИМ Син330, л. 232–232 об., 240; Пентковский 2001б: 389, 393]. Феодосий стал священником и игуменом Печерского монастыря до принятия Устава, и, возможно, на него не распространялись принятые правила.

Возможно, однако, и другое предположение. Не исключено, что Феодосий, Варлаам и Ефрем были пострижены (Никоном) сразу в великую схиму, минуя малый иноческий образ. Это отвечало традиции, восходящей к учению Феодора Студита. Как уже упоминалось, Феодор, в эпоху которого появилось разделение монашеского образа на великую и малую схиму, не признавал такого разделения и считал, что есть только один образ — совершенный, т. е. великосхимнический; соответственно, он и его ближайшие преемники постригали приходящих в монастырь прямо в великую схиму.³⁰ Особый интерес в этом отношении представляет старославянский (глаголический) Синайский евхологий XI в., где чин пострижения в великую схиму (“Чин слоуженью великоумоу вбразоу” [Син. евх., лл. 82–101 об.]) выступает как единственный чин монашеского посвящения, изложенный в полном виде — как последовательность не только молитв, но и обрядовых действий; другие чины отразились здесь в виде отдельных молитв.³¹

³⁰ В завещании своему преемнику (Николаю, будущему игумену Студийского монастыря) Феодор писал: “Не давай сначала ту схиму, которую называют малою, а затем великою: одна схима, как одно крещение, как это было у святых отцов” [PG, 99: 1820, 941; Феодор Студит, 2: 857; Пальмов 1914: 56; Голубинский, 1/2: 670–671; Доброклонский 1913–1914, 1: 450]. С его точки зрения, монашеский постриг есть таинство и, подобно крещению, не может повторяться [Родионов 2009: 405–409]. Он ссылается на авторитет святых отцов, признававших только практику однократного пострижения (имеется в виду Псевдо-Дионисий Ареопагит: в другом месте, говоря о том, что монашеский постриг есть таинство, Феодор прямо на него ссылается [PG, 99: 1524; Феодор Студит, 2: 555]).

То же говорит затем и Григорий Палама в послании Павлу Асеню и, вслед за ним, Никодим Святогорец [Родионов 2009: 405, 412–413].

³¹ Чину “слоуженью великоумоу вбразоу” в Синайском евхологии предшествует несколько молитв, взятых из чинопоследований, предваряющих принятие великой схимы [Мансветов 1883: 378; Wawryk 1986: 13–17].

Первая из них озаглавлена: “Мол[итва] над хотащиимъ приати вбразъ мьнишъскы. Молитва малаго вбраза чрѣн[ь]-цю” (“Г[оспод]і Б[ож]е нашъ, възаконеи достойныа себѣ сщца и оставльшаа всѣ житиискаа. . .”, л. 80 об.). Это древнейшая молитва для желающих принять монашество, которая фигурирует уже в Евхологии Барберини [Евх. Барь.: № 169]. Позднее она входит в чинопоследование малой схимы в качестве огласительной молитвы, читаемой перед пострижением волос. Это обстоятельство отразилось в Синайском евхологии в двойном названии этой молитвы: первое название соответствует ее исходной функции (молитва перед принятием монашества), второе — последующей (молитва из чинопоследования малой схимы) [Пальмов 1914: 32–38].

Есть основания видеть здесь отражение студийской практики [Пальмов 1914: 62–65].³²

Вторая молитва, с аналогичным названием — “Мол[итва] над хотащимъ прияти образъ единачьни” (“Г[оспод]и Б[о]же нашъ, възлюблеи тако дѣвѣство, ѣко матере съмотрениѣ твоего написати. . .”, лл. 80 об.–81) — предназначена для женщин (вопреки мужскому роду в названии молитвы) и также взята из древнего чина, предшествующего монашескому пострижению. И эта молитва, наряду с только что упомянутой, представлена в Евхологии Барберини [Евх. БАРЬ.: №№ 170, 258]. Как в Синайском евхологии, так и в Евхологии Барберини обе молитвы объединены друг с другом: в обоих памятниках они следуют одна за другой, имеют параллельные названия и выступают в одной и той же функции, представляя собой варианты службы для мужчин и для женщин.

Третья молитва Синайского евхологии — “Чин слоуженью вбраза чернечьска” (“Хвалимъ та Г[оспод]и избавльшааго по мнозѣи милости твоей раба твоего сего штѣ соуетьнааго житиѣ сего мира. . .”, л. 81–81 об.). Эта молитва, первоначально входящая в чинопоследование просхимы, позднее входит в чин пострижения в рясофор [Евх. Син 1943: 521; Ваврук 1986: 14–15]. О просхиме как наименовании малой схимы см. выше (примеч. 12).

Следующая затем молитва (четвертая), никак в Синайском евхологии не озаглавленная (“Г[оспод]и Б[о]же сп[асе]ниѣ нашего, бл[а]-г[осло]ви сего всѣмъ бл[а]госло[в]ениемъ д[о]уховьнымъ въ законѣ твоем. . .”, л. 81 об.), принадлежит уже чинопоследованию великой схимы, хотя и обнаруживает частичное сходство с чинопоследованием схимы малой [Ваврук 1986: 16–17]. В Евхологии Барберини эта молитва появляется после принятия малой схимы, т. е. перед принятием великой схимы [Евх. БАРЬ.: № 254]. После этих четырех молитв в Синайском евхологии и следует подробное описание пострижения в великую схиму.

Таким образом, в Синайском евхологии присутствуют молитвы, взятые из чинопоследования малой схимы. Тем не менее, единственный обряд монашеского пострижения, описанный в этом памятнике, — это пострижение в великую схиму. Указанные молитвы имеют, по-видимому, предуготовительный характер, т. е. читаются перед принятием великой схимы [Пальмов 1914: 246–247].

³² В оглашении великой схимы здесь говорится о монашеском постриге как таинстве, понимаемом как второе крещение: и то, и другое соответствует учению Феодора Студита (см. выше, примеч. 30). Ср.: “Ἐλε новое зѣвание. Ἐле дарование таиньца. Вѣторое крѣщение приемлеши днешь братре” [Син. евх., л. 90 об.]. Эти слова (которые встречаются и в более поздних рукописях), несомненно, отражают творчество Феодора Студита.

Феодору Студиту приписывается схиматологий афонского Пантелеймонова монастыря № 604, XV в.: Σχηματολόγιον Θεοδώρου ὁμολογητοῦ, ἡγουμένου τῶν Στουδίου [Дмитриевский 1901: 557–565; Пальмов 1914: 57–65]. Вопреки заветам Феодора здесь содержится не один, а три чина пострижения: в рясофор, в мантию (т. е. в малую

Такого рода рукопись и могла использоваться при пострижениях Феодосия, Варлаама и Ефрема.³³

Это предположение, как кажется, находит подтверждение в Житии Феодосия в описании монашеского облачения Варлаама. Нестор рассказывает, как отец Варлаама, боярин Иоанн, разгневанный его поступком, срывает с него монашеские одежды:

схиму) и в великую схиму, причем чин пострижения в великую схиму опять-таки носит имя Феодора Студита: *Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου καὶ ἀγγελικοῦ μεγάλου σχήματος, αὐτοῦ γινομένου τῶν Στουδίου* (л. 4) [Дмитриевский 1901: 560]. Н. Н. Пальмов считает, что этот схиматологический свидетельствует о развитии в Студийском монастыре трех чинов пострижения [Пальмов 1914: 58], однако нам казалось бы более правдоподобным и продуктивным другое объяснение: в этом схиматологии сохранилось последование пострижения в великую схиму, разработанное Феодором Студитом, и наличие этого текста определило название всего схиматологии. Иными словами, здесь сохранился, по-видимому, студийский чин пострижения в великую схиму, к которому впоследствии — не обязательно в самом Студийском монастыре, как полагал Н. Н. Пальмов, — были присоединены два другие чина.

Во всяком случае чин пострижения в великую схиму в этом схиматологии оказывается памятником, указывающем на авторство (или редакторскую деятельность) самого Феодора.

³³ Традиция монашеского пострига, так или иначе связанная с Синайским евхологием, могла быть известна в Печерском монастыре. Характерной особенностью чина великой схимы Синайского евхологии является указание в начале богослужения на восприемника или поручителя (“поржчника”, “подъемлящааго власы”), который должен принять волосы постригаемого [Син. евх., лл. 82–83 об., 87]; “подъемлющим власы” именуется в требниках восприемник при крещении [Мансветов 1883: 379]; в греческих чинопоследованиях великой схимы выражению *подъемлющий власы* могут соответствовать *ἀνάδοχος* ‘восприемник’ или *ἐγγυητής* ‘поручитель’ [Пальмов 1914, прилож.: 47, прим. 1; Wawruk 1986: 18, 24; idem 1968: 134, прилож., 83*, 88*]; аналогичным образом (“подъемлющим”) именуется в Синайском евхологии восприемник и в молитве “на пострижение власомъ штрочате” [Син. евх., лл. 7, 7 об., 8 об.; Мансветов 1883: 354–355; Пальмов 1914: 273–277]; то же в служебнике и требнике Дионисия Зобниновского, 1630-х гг. [РГБ МДА183, лл. 391 об.–392 об.]. Это заставляет вспомнить рассказ Киево-Печерского патерика о Пимене Многострадальном, которого родители принесли в Печерский монастырь для исцеления и которого чудесным образом ангелы постригли в великую схиму, волосы же его отнесли в церковь, положив их на гроб Феодосия Печерского [Патерик 1911: 125–126]. Кажется, что Феодосий выступает при этом как восприемник (поручитель); мы склонны видеть здесь отражение обряда, описанного в Синайском евхологии.

Таче сънъмъ съ него с[вѣ]тоую мантию и вѣврѣже ю въ дѣбрь. Тако же и шлѣмъ сп[а]сѣнѣа иже бѣ на главѣ юго сънъмъ завѣрѣже ѿ [Усп. сб., л. 34 б; ПАТЕРИК 1911: 25, 150].

“Шлемом спасения” (ср. Еф 6:17, 1 Фес 5:8) именуется обычно схимнический куколь, см., в частности, в Синайском ехнологии [Син. евх., лл. 97, 99], в Шереметевском требнике [РГАДА ЦГАДА 819, л. 52 об.], в Чудовском требнике [ГИМ Чуд5, л. 32] и т. п.

Если наше предположение верно, великосхимником, скорее всего, был и Никон, постригший Феодосия, Варлаама и Ефрема: в обычном (не экстремальном) случае только священник-великосхимник мог постригать в великую схиму.³⁴ Не это ли имеет в виду Нестор, когда в рассказе о пострижении Феодосия характеризует Никона как “искусного”, т. е. испытанного, искусенного монаха (“...прозвутероу томоу соущю и чьрноризьцю искусноу”) [Усп. сб., л. 31 в; ПАТЕРИК 1911: 21, 147]?³⁵

Феодосий, по его завещанию, был похоронен в пещере, куда он удалялся для молитвы и аскетических подвигов. В 1091 г. его мощи были перенесены в Успенский собор Печерского монастыря [ПСРЛ, 1/1: 188, 211–212], а во время татарского нашествия они были положены под спуд у западных дверей храма. Таким образом, рассказ о Пимене Многострадальном относится к периоду между 1091 и 1240 гг.

³⁴ О том, что монах-малосхимник (μικρόσχημος) не может постричь в великую схиму (μέγα σχήμα), говорится в правилах патриарха Никифора I Исповедника (806–815 гг.) [РГГА 1864–1868, 2: 346, прав. 197]. Ср. в ответах митрополита Киприана игумену Афанасию (1390–1405 гг.): “Не скимнику въ скиму стричи не годится, кромѣ аще нужда прилучится болѣзни и скимника попа не будетъ: тогда, нужи дѣля, стричи” [РИБ, 6: 256]. В Вопрошании Кирика Кирик спрашивает Нифонта, архиепископа новгородского (1130–1156 гг.), может ли он, не будучи схимником, постричь в схиму человека, которому грозит близкая кончина: “И се [. . .] чернецъ нѣколи покаалъса оу мене. — Аже боудеть, рече, вѣборзѣхъ, пострици ѿ въ скымоу, а ци негодно постригати бе-скымы боудючи? — Аже ми ты повелишь, то бы добро!” Нифонт отвечает утвердительно [РИБ, 6: 25–26, § 8]; это как раз то исключение, о котором говорит позднее митрополит Киприан. Заметим, что Нифонт был выходцем из Печерского монастыря [ПАТЕРИК 1911: 71, 72, 76]; Кирик был священником (иеромонахом) новгородского Антониева монастыря.

Ср., однако, противоположное мнение патриарха Луки Хризоверга (1157–1169/70): цитируя мнение Никифора Исповедника, он не соглашается с ним и заявляет, напротив, что священник-малосхимник (иеромонах) может дать великую схиму [Алмазов 1903а: 28]; аналогично в Пидалионе со ссылкой на Луку Хризоверга [Никольский 1888: 215]. Позднее Иоасаф, митрополит эфесский (XV в.), говорит, что любой малосхимник может это сделать, не обязательно иерей [Алмазов 1903б: 25 (отв. 19), 50].

³⁵ Ср. определение “искусный” в связи с принятием великой схимы в описании Печерского монастыря, которое мы цитировали выше (в § 4):

6. Как мы видели, Антоний не постриг Феодосия, Варлаама и Ефрема, а отослал их к Никону. Это принято интерпретировать в том смысле, что Никон, в отличие от Антония, был священником [Голубинский, 1/1: 572, прим. 2; Макарий, 2: 147, 465, прим. 82]. В самом деле, согласно традиции, только священник мог постригать в монашество (в схиму, малую или великую).³⁶ Антоний же, как уже говорилось, священником, по всей видимости, не был. Более того: если бы мы все же предположили, что он был священником, было бы непонятно, зачем нужно было отсылать для пострижения к Никону.

Вместе с тем в Сказании о возникновении Киево-Печерского монастыря (“что ради прозвася Печерский монастырь”), вошедшем в Повесть временных лет под 1051 г.,³⁷ определенно говорится, что Антоний п о с т р и г а л приходящих к нему:

И начаша приходити к нему [Антонию] брат[ь]я. И нача приимати и постригати я. И собраса братыи к нему числомъ 12 [. . .] Совъзупленѣ же братыи, реч[е] имъ Антоний: “Се Б[ог]ъ васъ братыа совъзупи, и ѡт бл[а]-г[o]с[ло]в[е]нья есте С[ва]тыа Горы, имже мене постриже игумень

Феодосий постригал монаха, облачая его в мантию (т. е. постригал в малую схиму), и когда тот становился “чернецом искусным”, сподоблял его принять великую схиму (“дондеже [. . .] боудаше чърньць искоусьнь [. . .], тгда сподобаше [. . .] и приати с[ва]тоую скимоу” [Усп. св., л. 37 г; ПАТЕРИК 1911: 28, 153]).

³⁶ См. об этом у Феодора Студита в письмах к монаху Мефодию [ФЕОДОР Студит, 2: 624, 626]. Нифонт в ответе Кирику, на который мы ссылались выше (см. примеч. 34), говорит: “А постригания дѣла чернець, попинъ кси [т. е.: для пострижения в чернецы ты и есть поп. – Б.У.] [. . .]; поповъство болѣ ксть всего на то дѣло, на осващеник” [РИБ, 6: 25–26, § 8; Алмазов 1903а: 30]. Ср. в ответах митрополита Киприана игумену Афанасию (1390–1405 гг.): “Мірянину попу не годится стричи в черньци: иже бо самъ не имѣеть, како можетъ иному дати?” [РИБ, 6: 257]. Киприан цитирует правило, приписываемое патриарху Никифору Исповеднику [РІТРА 1864–1868, 2: 341–342, прав. 156]; аналогичное правило встречается и у патриарха Николая Грамматика [РІТРА 1852–1858, 4: 475, прав. 27; Павлов 1897: 212–213]; см. также канонические ответы патриарха Луки Хризверга со ссылкой на правило патриарха Никифора [Алмазов 1903а: 28]. Цитируемое правило основывается на общей презумпции, что пострижение может совершаться только священником, но при этом подчеркивается, что это должен быть монашествующий священник. Другое правило патриарха Никифора говорит, напротив: “Всякий пресвитер имеет право давать схиму. . .” [РІТРА 1864–1868, 2: 334, прав. 66].

³⁷ Сказание “что ради прозвася Печерский монастырь” написано от первого лица неизвестным иноком Печерского монастыря, постриженным Феодосия Печерского; его продолжение читается под 1074 г. [ПСРЛ,

С[ва]тыя Горы, а ѡзъ васъ постригаль. Да буди бл[а]г[о]с[ло]в[е]нье на васъ перво ѡт Б[ог]а, а второе ѡт С[ва]тыя Горы” [ПСРЛ, 1/1: 157].

Ср. в Киево-Печерском патерике: “И начаша к нему [Антонию] приходи постричься боголюбивїи нѣщїи: онъ же принимаше ихъ и постризаше. И събрася братїи к нему яко числомъ 12” [ПАТЕРИК 1911: 12–13]. При этом о пострижении Феодосия в Патерике говорится иным образом, а именно, не сказано, от кого он принял постриг: “Къ нему же и Феодосїй пришедъ, пострижеся” [ивд.: 13]; в редакции Повести временных лет этой фразы нет.³⁸

Должны ли мы думать, что слово *постригати* употреблено в этих случаях не в собственном значении, означая, что Антоний постригал в монашество не непосредственно, а отсылая к Никону или другому священнику [МАКАРИЙ, 2: 147, 465, прим. 82; КАЗАНСКИЙ 1855: 19; ГОЛУБИНСКИЙ, 1/2: 572, прим. 2, 573, прим. 2; THOMSON 1995: 639]?³⁹ Словари не знают подобного употребления. Или все же Антоний был священником (иеромонахом) [ШАХМАТОВ 1908: 266; РОЗАНОВ 1914: 45; ПОППЕ 2008: 329; THOMSON 1995: 639, прим. 19]? Но и при таком допущении

1/1: 155–160, 183–198]. Оно отразилось в Киево-Печерском патерике (слово 7-е), где авторство приписывается Нестору [ПАТЕРИК 1911: 11–14]. Автор Сказания сообщает, что был принят в монастырь Феодосием, когда ему (автору) было 17 лет [ПСРЛ, 1/1: 160]. Он не может быть отождествлен с Нестором, автором Жития Феодосия, который пришел в монастырь при игумене Стефане, преемнике Феодосия (1074–1078), т. е. после смерти последнего [Яковлев 1875: 29].

³⁸ В одном случае действия Антония при принятии в монастырь описываются в Сказании иначе. В рассказе о блаженном Исакии читаем: “И помысли быти мнихъ [. . .]. И иде к великому Антонью в пещеру, моласа кму, да бы ѡ створилъ черноризцемъ. И приидъ ѡ Антонїи, и възложи на нь порты чернецьскыя, нарекъ има кму Исакии, бѣ бо има кму Чернь” [ПСРЛ, 1/1: 191–192; ПАТЕРИК 1911: 128–129]. В дальнейшем (уже после смерти Антония и Феодосия) Исакий стал юродствовать: он вселился в пещеру, в которой ранее жил Антоний, начал собирать детей и возлагать на них монашеское платье, за что претерпевал побои как от Никона, так и от родителей этих детей (“совъкупи к собѣ оуных, и вскладаше на нь [sic! – Б.У.] порты чернецьскыя” [ПСРЛ, 1/1: 196; ПАТЕРИК 1911: 130]). Такого рода поведение, вообще говоря, находит этнографические паралели [Успенский 1996в: 159–160, 170, прим. 22].

Выражение “възложить порты чернецьскыя” означает обычно монашеский постриг. Исакий, похоже, подражал в своих действиях Антонию. Надо ли думать, что он, подобно Антонию, постригал приходивших к нему детей?

³⁹ По классической формулировке Голубинского, “Антоний, не имея сана священства, постригал приходивших к нему учеников не сам, а руками пресвитера Никона” [Голубинский, 1/2: 572, прим. 2].

все же остается вопрос: почему в одних случаях он постригал сам, а в других — отсылал к Никону? Или же, наконец, Антоний постригал в монахи, несмотря на то что не был священником? Именно так затем понимали действия Антония поморские старообрядцы, обосновывая тем самым существование иночества у беспоповцев.⁴⁰

⁴⁰ Отсутствие священников у старообрядцев-беспоповцев ставило вопрос о возможности иночества. Этот вопрос по-разному решался в начале XVIII в. у поморцев Выговского общежития и у федосеевцев. Феодосий Васильев, основатель федосеевского согласия, писал в послании на Выг Андрею Денисову в 1703 г.: “Да от вас же прияты иноки, иже от простых старцев пострижены, а не от священников, и те старцы у вас начало соборное содержат и действуют, на трапезе хлебец богородичен вынимают, и духовное дело творят, крестят, и на покаяние приемлют, и воду богоявленскую раздают, а овы из них и постригают во иноки от своего образа. И о сих ищем мы от вашей любви в примирении, чтобы те иноки пеклись токмо о своих душах; а вышписанные действия творити отстали: понеже в прежния времена еще где смотрительныя вещи и обретаются, еже случилось быти постриженным и от простых иноков, но такова вышписанного действия, еже на трапезе хлебец богородичен вынимати, и крестити, и на покаяние приимати от такихв иноков творение не обретается. Бывшим же иноком, постриженным от священноиноков, еще и случилось кого где пострижи, а како и каковым чином постригали, и такова устава впредь во свидетельство иным постригати не обретается же. К тому же и смотрительных случаев во обдержный устав кому приимати такожде от божественнаго Писания возбраняется” [Смирнов 1909а: 61–62]. Андрей Денисов отвечал ему (1704 г.): “Мы же зело чудимся вашему мудрованию, яко святая церковь постриженных от иноков — не священников издревле приимала, когда и священноиноки были, якоже в житиях святых свидетельствуют. Преп. Антоний Великий пострижен от Павла препростаго, и преп. Паламон постриже пр. Пахомия Великаго, иже после же начальником бысть многим монастырем. И пр. Засима Соловецкий постриже Марка во иноки, и инии мнози подобни тем. И преп. Антоний Печерский приходящих ко иноческому житию приимаше и пострижаше, яко же в житии его пишет. Но и в поучении святаго к братьям, иже к ним глаголаше: «се Бог вас совокупи, братие, и от благословения есте Святыя Горы, ея же игумен постриже мя, аз же вас постригох» (ср. [ПСРЛ, 1/1: 157]. — Б. У.). И в послании Симона, епископа Владимирскаго, к Поликарпу черноризцу Печерскому сице пишет: Илариона митрополита, и сам чел еси в Житии св. Антония, яко от того пострижен бысть, и тако священства сподоблен (ср. [ПАТЕРИК 1911: 76]. — Б. У.). А вы ныне в такую нужду и то за смотрительные случаи оставиваете” [Смирнов 1909а: 183]. То же буквально Андрей Денисов повторяет в статье 1710 г. [ивид: 203–204]. Выражение *смотрительные случаи* означает здесь ‘исключительные случаи’, *обдержный устав* означает ‘общее правило’.

Позднее этот вопрос обсуждается в переписке Никифора Семенова (федосеевца) и Петра Прокопьева (поморца). Отвечая Никифору Семенову, Петр Прокопьев писал о “пострижении иноков, при нужде, от простых”: “сей обычай есть не нов некий мы восприяхом,

7. Полагаем, что Антоний, не будучи священником, постригал в рясофор (в новоначальный иноческий чин) по праву основателя монастыря и по благословию, полученному от игумена Святой Горы (Афона).

Мы знаем из того же Сказания, что Антоний принял постриг на Святой Горе, в одном из афонских монастырей, где и получил иноческое имя *Антоний* — по всей вероятности, в честь Антония Великого, — и что игумен этого монастыря, который постриг его в монахи, благословил его вернуться на Русь и создать там монашескую общину.

Унъ же оустремиса в С[ва]тую Гору и видѣ ту манастырь суци и вбиходивъ възлюбивъ чернецьскыи вбраз. Приде в манастырь ту и оумоли игумена того, дабы на нь възложилъ вбраз мнишьскыи. Ун же послушавъ юго, постриже ѿ, нарекъ има кму Антонию, наказавъ юго и наоучивъ чернецьскому вбразу. И реч[е] кму: “Иди в Русь впать, и буди бл[а]г[о]с[ло]вл[е]нье ут С[ва]тыа Горы”. И реч[е] кму: “Иако ут тебе мнози черныи [вариант: черноризци] быти имуть”. Бл[а]г[о]с[ло]ви ѿ и утпусти юго, рекъ кму: “Иди с миромъ” [ПСРЛ, 1/1: 156].

В дальнейшем Антоний, как мы уже видели, ссылается на это благословение. Вообще этот мотив настойчиво повторяется в Сказании: Антоний обращается к благословию, полученному на Святой Горе, когда выбирает место своего отшельничества, где возникает будущий

но от отец древнейших навькохом . . . О сем и писания многая божественная нам светле являют, яко и древнии святии отцы тако творяху” [Смирнов 1909б: 872–873]. В дальнейшем иноки появляются и у федосеевцев — видимо, под влиянием поморцев.

По словам П. С. Смирнова, “в поморских скитах [. . .] все пострижение состояло в возложении чернецкого платья. Явившиеся в 1721 г. в Приказ церковных дел раскольничьи «старицы» Меланья и Ирина показывали, что когда около 1708 года они поселились в беспоповщинском ските на реке Андоме, то, как не постриженные, были облечены в чернеческое платье матерью их «старицей» Ироидой, по приказу «учителя» их Андрея Денисова. При этом Меланья и Ирина добавили, что «и прочих де как старцов, так и стариц, там не постригают, а возлагают чернеческое платье так же, как и на оных стариц, просто» [Смирнов 1909б: 871]. П. С. Смирнов не совсем точен: из архивного дела, которое он цитирует [ОДДС, 1: 79–80, № 113/375], явствует, что в приказ явились из поморских скитов не две, а три старицы, Пелагея, Мелания и Ирина, причем две из них (родные сестры Мелания и Ирина) не были пострижены (они были облечены в чернеческое платье их родной матерью, старицей Ироидой); третья же (Пелагея) была, возможно, пострижена.

монастырь;⁴¹ когда основывает монашескую общину;⁴² когда, после того как число братии умножилось, он, поставив игумена (Варлаама) и отойдя от руководства общиной, разрешает инокам выйти из пещеры.⁴³ Согласно Сказанию, именно в результате этого благословения и возникает Печерский монастырь: «Есть же манастырь Печерскыи ѿ бл[а]г[о]с[лове]нья С[ва]тыя Горы пошелъ» [ПСРЛ, 1/1: 159].⁴⁴

⁴¹ «Антонии же приде Кыеву и мыслаше кдѣ бы жити. И ходи по манастыремъ, и не възлюбѣ, Б[ог]у ни хоташу. И поча ходити по дебремъ и по горамъ ища кдѣ бы ему Б[ог]ъ показалъ. И приде на холмъ, идѣ бѣ Ларионъ ископалъ печ[е]рку. И възлюбѣ мѣсто се и вселѣся в не. И нача молитиса Б[ог]у со слезами гл[агол]а: «Г[о]с[под]и оутверди ма в мѣстѣ семь. И да будетъ на мѣстѣ семь бл[а]г[о]с[лов]енья С[ва]тыя Горы и можего игумена, иже ма пострѣгалъ». И поча жити ту. . .» [ПСРЛ, 1/1: 156–157].

⁴² «И собраса братыи к нему числомъ 12 [. . .]. Совѣкупленъ же братыи, реч[е] имъ Антонии: «Се Б[ог]ъ васъ братыи совѣкупи, и ѿ бл[а]г[о]с[лов]ен[и]я есте С[ва]тыя Горы, имже мене постриже игумень С[ва]тыя Горы, а изъ васъ постригалъ. Да буди бл[а]г[о]с[лов]ен[и]я на васъ перво ѿ Б[ог]а, а второе ѿ С[ва]тыя Горы». И се рекъ имъ: «Живѣте же ѿ собѣ. И поставлю вы игумена, а самъ хочу въ вну гору ити единъ, яко ж[е] и преже бахъ ѿбыклъ оудинивъся жити». И постави имъ игуменомъ Варлаама, а самъ иде в гору и ископа пещеру. . .» [ПСРЛ, 1/1: 157–158].

Ср. в Житии Феодосия: «Бѣ бо оуже съвъкоупило ся братыиа ако до пяти на десате, пр[ѣ]п[од]обныи же Антонии, якоже бѣ обыклъ кдинъ жити и не трѣпа всакого матежа и мѣлвы, затвори-ся въ кдиной келии пещеры, поставивъ въ себе мѣсто братыи бл[а]женаго Варлаама с[ы]на болгарина Ивана» [Усп. св., л. 35 в–35 г; Патерик 1911: 26, 151].

⁴³ «И нача Б[ог]ъ оумножати черноризцѣ м[о]л[ит]в[а]ми с[ва]тыя Б[огороди]ца. И съвѣтъ створиша брат[ъ]иа со игуменомъ поставити манастырь. И идоша брат[ъ]иа ко Антонью и рѣша: «В[ѣ]че брат[ъ]иа оумножаются, а хотѣли быхомъ поставити манастырь». Антонии же радъ бывъ рече: «Бл[а]г[о]с[лове]нь Б[ог]ъ ѿ всемъ и м[о]л[ит]ва с[ва]тыя Б[огороди]ца и сущихъ ѿтець иже в С[ва]тѣи Горѣ да будетъ с вами». [. . .] И ѿтолѣ почаша Печерскыи манастырь, имъ же бѣша жили чернцыи преже в пещерѣ, а ѿ того прозваса Печерскыи манастырь» [ПСРЛ, 1/1: 158–159]. Нестор в Житии Феодосия говорит, что переселение братии в наземный монастырь произошло не при игумене Варлаама, а при его преемнике Феодосии, сообщая при этом дату: 1062 г. [Усп. св., л. 37 а–37 б; Патерик 1911: 28, 152].

⁴⁴ Тема преемственной связи печерских иноков со Святой Горой усматривается и в истории Моисея Угрина, рассказанной в Киево-Печерском патерике (слово 30-е): Моисей Угрин принял постриг от некоего иеромонаха «от Святыя Горы», неожиданного явившегося в Польшу (где Моисей был в плену), чтобы облечь его в «мнишеский образ», и после этого сразу исчезнувшим [Патерик 1911: 104]. Пострижение Моисея,

Выполняя возложенную на него миссию, Антоний приходит на Русь и создает там общину из новоначальных братьев. Он постригает их, но постригает именно в рясофор (в новоначальный иноческий чин).

8. Мы вправе полагать, что пострижение в рясофор (в новоначальный иноческий чин) не обязательно предполагало в то время, что постригающий является священником.

В славянских требниках, русских и сербских, где представлены все три чина пострижения — как чин пострижения в рясофор, так и чины пострижения в малую и великую схиму (такие требники дошли до нас с XIV в. и, несомненно, восходят к греческим евхологиям), — в рясофор постригает и г у м е н, тогда как пострижение в малую или великую схиму предполагает участие с в я щ е н н и к а.⁴⁵

При этом здесь предусматривается возможность того, что и г у м е н не является священником.⁴⁶ Речь идет о начале

как и самого Антония, оказывается таким образом связанным со Святой Горой.

⁴⁵ Так обстоит дело, например, в служебнике и требнике 1474 г. [РГБ *Тр.-Серг*224, лл. 218 об.-220], в требниках XV в. [РГБ *Тр.-Серг*230, лл. 103–104 об.; РГБ *Тр.-Серг*231, лл. 71–77], в требниках нач. XVI в. [РГБ *Иос.-Вол*333, лл. 47 об.-51; ГИМ *Син*310, лл. 147–147 об.], в требниках XVI в. [РГБ *Тр.-Серг*232, лл. 10–11; РГБ *Тр.-Серг*234, лл. 121–124 об.; РГБ *Тр.-Серг*235, лл. 1–2 об.; РГБ *Тр.-Серг*236, лл. 1–4 об.; ГИМ *Чуд*54, лл. 284 об.-287 об.; ГИМ *Син*898, лл. 286 об.-299], в сборнике XVI в. [ГИМ *Син*816, лл. 38–40], в служебнике и требнике Лаврентия, архиепископа Казанского, второй пол. XVI в. [РГБ *Иос.-Вол*87, лл. 310–313], в служебнике и требнике Дионисия Зобниновского, 1630-х гг. [РГБ *МДА*183, лл. 575–577], в требнике XVII в. [ГИМ *Хлуд*120, лл. 94–97 об.], а также в московских печатных требниках XVII в. [Требник 1625, лл. 268–271; Требник 1633, лл. 268–271; Требник 1639, лл. 1–4 об.; Требник 1651, лл. 243 об.-246]. Ср. аналогичный чин в сербских требниках кон. XIV в. [ГИМ *Хлуд*118, лл. 141 об.-143] и первой пол. XV в. [ГИМ *Син*324, лл. 110 об.-114 об., ГИМ *Син*307, лл. 21–22 об.], в сербском служебнике и требнике XV–XVI в. [ГИМ *Хлуд*114, лл. 125–126].

Чин пострижения в рясофор отсутствует в русских требниках XIV в., о которых мы упоминали выше, в § 4 (в Шереметевском, Чудовском, Антониева монастыря). Его нет также в требниках XV в. ГИМ *Енарх*733 (ср. здесь последования малой и великой схимы, лл. 71–105 об.) и РГБ *Иос.-Вол*77 (ср. здесь последования малой и великой схимы, лл. 1 об.-34 об.); в требнике XV – нач. XVI в. РГАДА *Маз*312 (ср. здесь последования малой и великой схимы, лл. 289–323); в служебнике и требнике XVI в. РГБ *Тр.-Серг*226 (ср. здесь последования малой и великой схимы, лл. 131 об.-168 об.); в требнике XVI в. ГИМ *Хлуд*119 (ср. здесь последования малой и великой схимы, лл. 167 об.-204).

⁴⁶ В Уставе Алексия Студита говорится, что игумен может избираться и из великих схимников, которые священниками не являются (см. выше,

чина пострижения в малую схиму, когда постригающийся входит в храм и ему задаются вопросы, ответы на которые являются произнесением монашеских обетов. Мы читаем, например, в требнике XV в.: “Подобаеть вѣд[а]ти ѿко аще ес[ть] игоумень иерѣи, въпрашивает сего. Аще ли же ни, въпрашаетсѧ ѿт с[вѧ]щ[е]нника” [РГБ *Тр.-Серг230*, л. 105–105 об.].⁴⁷ Такую же фразу находим в сербских требниках XIV–XVI вв.;⁴⁸ несомненно, она восходит к греческому источнику.

Участие священника, наряду с игуменом, в последовании малой или великой схимы предполагается в цитированных требниках (как русских, так и сербских) и при пострижении волос: священник предлагает постригаемому дать ему ножницы, тот дает их игумену, и священник берет их из рук игумена. Игумен выполняет при этом роль духовного восприемника (см. пояснения Си-

примеч. 29). О том, что игумен не обязательно является священником, прямо говорит Вальсамон в толкованиях на 14-е и 19-е правила Седьмого вселенского собора 787 г. По словам Вальсамона, “правильно производятся в игумены и лица, не имеющие священства, потому что игуменствуют и женщины”; “. . . игумены разделяются на два разряда: на посвященных [в священнический сан. – Б.У.] и на не имеющих священства [. . .] справедливо утверждаем, что в игумены производятся некоторые и не имеющие священства” [ῬΑΛΛΗ, ΠΟΤΑΪ, 2: 618, 633; Правила ВСЕЛ. СОБОРОВ, 2: 698, 718]. Ср. в Пидалионе, греческой Кормчей книге, составленной на Афоне в конце XVIII в.: “Игуменом монастыря может быть и не имеющий священного сана (ἀνίερος). . .” [Никольский 1888: 222]. См. также: [ТАЛВОТ, KAZHDAN 1991: 907].

⁴⁷ Аналогично: требник нач. XVI в. [ГИМ *Син310*, л. 148]; требник XVI в. [ГИМ *Чуд54*, лл. 287 об.–288]; служебник и требник XVI в. [РГБ *Тр.-Серг226*, л. 132 об.]; служебник и требник Лаврентия, архиепископа Казанского, второй пол. XVI в. [РГБ *Иос.-Вол87*, л. 314–314 об.]; служебник и требник Дионисия Зобниновского, 1630-х гг. [РГБ *МДА183*, л. 579 об.].

С определенного времени игумен на Руси всегда имеет священнический сан, т. е. является иеромонахом ([Успенские 2010: 9–10] (со ссылкой на Житие Сергия Радонежского); ср.: [Леонид 1885: 66; Клосс 1998–2001, 1: 323, 350, 385–386; ПСРЛ, 11: 136]); в последовании малой схимы, которое мы цитируем, отражается ситуация, когда дело обстояло иным образом. Иначе говоря, в XV–XVII вв. это правило оказывалось анахронизмом, не отвечая практике пострижения. Поэтому в рукописных и печатных требниках этого времени оно нередко предстает в искаженном виде. Ср., например, в требниках XV–XVI вв. [РГБ *Тр.-Серг231*, л. 79; РГБ *Тр.-Серг224*, л. 221; РГБ *Тр.-Серг232*, л. 37 об.; РГБ *Тр.-Серг234*, л. 126; РГБ *Тр.-Серг236*, л. 7; РГБ *Иос.-Вол331*, л. 1 об.; РГБ *Иос.-Вол333*, л. 52–52 об.], а также в печатном ТРЕБНИКЕ [1639, л. 9 об.].

⁴⁸ Например, в требниках кон. XIV в. [ГИМ *Хлуд118*, л. 143 об.–144] и первой пол. XV в. [ГИМ *Син307*, л. 23; ГИМ *Син324*, л. 114–114 об.], а также в служебнике и требнике XV–XVI в. [ГИМ *Хлуд114*, л. 127].

меона Солунского: [РГ, 155: 496, гл. 272; Симеон Солунский 1856: 342–343, гл. 237]).⁴⁹ Характерным образом в греческом чине малой схимы XIII в. мы находим замечание, вполне аналогичное только что приведенному, с совпадающим началом (Εἰ δ' οὐκ ἔστιν ὁ ἡγούμενος ὁ ἱερεύς. . .), т. е. указание на то, как должен действовать игумен, если он не является священником.⁵⁰

⁴⁹ См., например, описание пострижения волос в последовании малой схимы в требнике XV в.: “. . . гл[агол]ет к' немуу иереи: «Пріими ножица и даждь ми ѿ». И дает тѣи ножица игоумену. Гл[агол]еть к немуу и паки с[ва]щенникъ: «Се ѿт роуки Х[ри]с[то]вы взимаеши ѿ. Блюди комоу приходиши, кому ѡбѣщаваешиѿа и комоу ѡтрицаешиѿа». И вземъ с[ва]щенник ножица ѿт роуки игоумена, гл[агол]етъ: «Бл[аго]-с[ло]вень Богъ хотаи всѣм ч[е]л[овѣ]кѡмъ спастиѿа. . .» [РГБ *Тр.-Серп*230, л. 109]. Аналогично и в других требниках этого и более позднего времени. То же в греческом последовании малой схимы по рукописям XIII в. — схиматология Дмитриевского (л. 16 об.) и сборника [ГИМ *Син. гр*343, лл. 28 об.–29]; см.: [Пальмов 1914: 141 и прилож.: 32–33, 38].

В древнейших русских требниках (XIV в.), где нет чина пострижения в рясофор, а есть только чины пострижения в малую и великую схиму (см. выше, § 4), участие игумена в данном случае не предусмотрено, пострижение волос совершает один священник, который называется как “поп”, так и “оучитель”. Так, например, в Шереметевском требнике читаем: “Ведеть ѿ къ олтарю. И възмет поп с[ва]ток еоуа[н]геліе] и положит оу отларних [sic! — Б.У.] двѣрѣць. И на коуа[н]геліе] положит ножици. И пришедъ хотаи пострищиѿа], поклонитеѿа] с[ва]т[о]му коуа[н]гелію и цѣлуеть ѿ. И простеръ руку свою оуч[и]т[е]ль гл[аголе]тъ: «Се Х[ри]с[то]съ невидимо сдѣ стоитъ. Блюди ѿко никто никтоже [sic! — Б.У.] та нудитъ прити на сии образъ. Блюди ѿко ты ѿт приложениа свогю прикмлеши». Егда ѡбѣщаеѿа, р[е]к: «Еи бл[а]г[о]д[а]тъю Х[ри]с[то]вою». И гл[аголе]т кму поп: «Възми ножици и даждь ѿ мнѣ». Дающю кму ножици и гл[аголе]тъ к нему попъ: «Се ѿт роуки Х[ри]с[то]вы взимаеши. Блюди къ кому приходиши, и кому ѡбѣщакшиѿа, и кому ѡтрицакшиѿа». И вземъ ѿт роуку ко ножици и гл[аголе]т: «Бл[а]г[о]с[ло]вень Богъ. . .» [РГАДА *ЦГАДА* 819, лл. 10–11] (см. также: [ГИМ *Чуд*5, л. 5–5 об.; РНБ *Соф*1056, л. 17–17 об.; РНБ *Гильф*21, л. 22]). Такой же порядок (священник берет ножницы из рук постригаемого и стрижет его волосы без участия игумена) представлен в древнейших последованиях великой схимы: в старославянском Синайском евхологии XI в. [Син. евх., л. 96–96 об.] и в греческой евхологии — Парижском 1027 г. (Coislin № 213, л. 188 [Дмитриевский 1901: 1035]), Севастьяновском XI–XII в. [РГБ *Севаст*15/474, л. 160 об.; Пальмов 1914, прилож.: 17–18; Арранц 2003: 300], Синайском XIII–XIV в., л. 238 [Дмитриевский 1901: 259], а также в схиматологии афонского Пантелеймонова монастыря № 604, XV в., л. 4 [Дмитриевский 1901: 561]). О духовном восприемнике при пострижении см. выше, примеч. 33.

⁵⁰ См. в схиматологии Дмитриевского (в части конволюта, относящейся к XIII в.): Εἰ δ' οὐκ ἔστιν ὁ ἡγούμενος ὁ ἱερεύς, λαμβάνει ἐκ τῆς χειρὸς τοῦ

Таким образом, присутствие священника было необходимо при пострижении в малую или великую схиму, но не при пострижении в рясофор: пострижение в рясофор осуществлялось игуменом, который священником мог и не быть. Чин пострижения в рясофор, представленный в указанных славянских рукописях (“Чин бываемый на одеяние рясы”), появляется относительно поздно,⁵¹ но сама дифференциация функций священника и игумена, предполагающая обязательное участие священника при пострижении в малую или великую схиму, по всей вероятности, относится к более раннему времени; она восходит, видимо, к эпохе, когда оформляются отдельные чинопоследования великой и малой схимы (IX–X вв.). Ранее постриг совершал игумен, который мог не иметь священного сана [Пальмов 1914: 140–141]; это и отразилось в чине пострижения в рясофор. С оформлением чинопоследований великой и малой схимы эти функции переходят к священнику.

Антоний нигде не называется игуменом, но он был руководителем монастыря и действовал как игумен (и даже ставил игумена “въ себе мѣсто”, см. выше, § 3). Он был больше, чем игумен, исполняя одновременно функции игумена, ктитора и духовного старца.

9. Итак: Никон, как священник, мог постригать в схиму (малую или великую), Антоний же, не будучи священником, мог постригать в рясофор — в новоначальный иноческий чин, — что он, видимо, и делал. Когда созданная им община новоначальных братьев обретает свою форму,⁵² Антоний начинает посылать приходящих к Никону как к священнику для более полного или же совершенного монашеского по-

ἀδελφοῦ τὸ φαλλίδιον καὶ δίδωσι τῷ ἡγούμενῳ καὶ λέγει: Εὐλογητὸς ὁ Θεός [. . .] Εἶτα κουρεύει αὐτὸν σταυροειδῶς, λέγων· Ὁ ἀδελφός ἡμῶν ὁ δεῖνα κείρεται τὴν κόμη. . . (л. 16 об.) [Пальмов 1914: 141 и прилож.: 33], т. е.: “Если игумен не иерей, берет из рук брата ножницы, дает их иерею и говорит: «Благословен Бог. . .» Тот постригает крестообразно, говоря: «Брат наш, имярек, постригает власы. . .»”.

⁵¹ Соответствующее чинопоследование известно в греческих евхологиях с XIV в. [Пальмов 1914: 87, 308; Wawryk 1968: 241] (см. также об отдельных греческих соответствиях: [Дмитриевский 1882–1883: 471; Прилуцкий 1912: 183]). Указание В. А. Мошина [Мошин 1958: 412] на то, что чин одеяния рясы находится в сербском требнике кон. XIII – нач. XIV в. [РНБ Гильф22: лл. 1–5 об.], ошибочно: здесь не чин одеяния рясы, а чин пострижения в великую схиму.

⁵² Сказание о начале Печерского монастыря говорит о 12 братьях (“И собраса браты к нему числомъ 12. . .”) [ПСРЛ, 1/1: 157]), но это может быть данью агиографической традиции (по числу апостолов). Нестор в Житии Феодосия указывает другое число: не 12, а 15 братьев [Усп. св., л. 35 в; ПАТЕРИК 1911: 26, 151]. См. выше, примеч. 42.

стрига. После этого он ставит игумена (Варлаама) и уходит в затвор, продолжая руководить монастырем как духовный его начальник (так, по его благословию иноки выходят из пещеры, Феодосий становится игуменом; см. выше, § 3, 6).

Действия Антония ближайшим образом напоминают вообще деяния Антония Великого, его духовного патрона. Такого рода сходство типично вообще для агиографии; оно может объясняться как агиографическая тенденция или же как явление, относящееся к описываемой реальности. Полагаем, что в данном случае имело место последнее: наречение монашеского имени, наряду с благословением игумена Святой Горы, определило жизненный путь Антония (подобно Антонию Великому, Антоний Печерский живет в пещере и вместе с тем организует монашескую жизнь отшельников).⁵³

Почему же Антоний захотел постричь в схиму именно Феодосия, Варлаама и Ефрема? Может быть, потому, что во всех трех случаях была конфликтная ситуация, были противники ухода их в монастырь (мать Феодосия, отец Варлаама, князь Изяслав; см. выше, § 3). Пострижение в малую или в великую схиму связывало постригаемого более крепкими узами и в какой-то мере предотвращало возможность принудительного удаления его из монастыря,⁵⁴ тогда как при пострижении в новоначальный иноче-

⁵³ “Подобно тому, как Антоний Египетский стал основателем всей монашеской традиции, Антоний Печерский оказался у истоков этой традиции на Руси. При этом летописный рассказ об Антонии Печерском воспроизводит, в сущности, ту весьма своеобразную модель монашеского подвига, которая представлена в Житии Антония Великого: с определенного времени святой окружен учениками и последователями, он определяет жизненный уклад одной или нескольких монашеских общин и в то же время существует как бы вне этой общинной жизни, продолжая путь пустынножительства” [Литвина, Успенский 2004: 111]. Вообще о связи иноческого имени с иноческим подвигом (выбором пути) см.: [Федотов 1973: 39; Литвина, Успенский 2005: 33–35].

⁵⁴ Житие Феодосия рассказывает о гневе князя Изяслава, узнавшего о пострижении Варлаама и Ефрема; характерно, однако, что он, видимо, не пытается расстричь их, гнев его падает на Никона, осмелившегося их постричь [ПАТЕРИК 1911: 24, 149; Усп. св., л. 34 а] (в Успенском сборнике предшествующий лист утрачен, см. выше, примеч. 16). Вместе с тем боярин Иоанн, отец Варлаама, после пострижения своего сына забрал его из монастыря, снял с него монашеское платье и переодел в мирское. Варлаам же сбросил с себя мирское платье, перестал принимать пищу, и в конце концов отцу пришлось его отпустить, чтобы он не умер от голода и холода. “Бы же тъгда [. . .] плачь великъ, яко и по мрътвѣмъ”, — говорит Нестор [Усп. св., лл. 34 б–35 а; ПАТЕРИК 1911: 25, 150].

В 1205 г. галицкий князь Роман Мстиславич постриг в монахи своего тестя, киевского князя Рюрика Ростиславича, его жену Анну и их дочь Предславу (свою жену). Вскоре после этого Роман Мстиславич был убит. Уз-

ский чин такая возможность, видимо, не была исключена. Не исключено, вместе с тем, что пострижение такого рода не ограничивалось этими случаями: Нестор в Житии Феодосия упоминает лишь наиболее известных, прославившихся затем постриженников.⁵⁵

Но не связаны ли эти пострижения с появлением в монастыре Никона Великого? Мы не знаем, когда это случилось, но возникает вопрос: был ли в Печерском монастыре до Никона монах-священник (который мог постригать в малую или великую схиму)? Есть некоторые основания полагать, что был, хотя речь идет об относительно позднем источнике: другим иеромонахом Печерского монастыря

нав о его смерти, Рюрик Ростиславич сбросил монашеские одежды и вернулся на киевский стол; он предложил сделать то же своей жене, но та не только отказалась вернуться в мир, но для того, чтобы полностью исключить такую возможность, приняла великую схиму: “Рюрик же, слышавъ се, вже оубьенъ быс[ть] Романъ, иже бѣ ѿ постригль, и смета с себе чернечскыѣ порты и сѣде Къквѣ. И хоташеть и жену свою ростричи. Слышавши же се, жена кго и пострижеса в скьму” [ПСРЛ, 1/2: 425–426]; см. подробный анализ этого эпизода [Литвина, Успенский 2012]. Это, понятно, другой случай: речь идет о насильственном пострижении как средстве политической борьбы, и князь Рюрик, очевидно, воспринимает свой постриг как простую условность: он сбрасывает “чернеческие порты”, не боясь гнева Божия. Между тем жена Рюрика, княгиня Анна, насколько можно понять, воспринимает случившееся с ней иначе, а именно, как проявление Божьей воли: пострижение в великую схиму окончательно лишает возможности ее возвращения в мир. Кстати говоря, ее поведение показывает, по-видимому, что оба они были пострижены в малый иноческий образ (в малую схиму), а не в рясофор.

⁵⁵ Мы знаем еще об одном случае такого рода (более позднем). Симон, епископ Владимирский, в послании к Поликарпу говорит о св. Евстратии постнике (со ссылкой на недошедшее до нас Житие Антония): “Некіи человекъ приде ис Кіева в печеру, хотя быти черноризецъ. И повелѣ игумень его пострици, и нарече имя ему Еустратіе” [Патерик 1911: 78, 180]. По-видимому, игумен действует так же, как действовал Антоний, когда в монастырь пришли Феодосий, Варлаам и Ефрем, т. е. отсылает пришедшего для пострижения к священнику. Это едва ли может быть сам Антоний, который никогда не именуется игуменом. Евстратий приходит “в печеру”, т. е. речь идет о времени, предшествующем выходу монахов из пещеры. По одним сведениям, этот выход произошел при игуменстве Варлаама, по другим — Феодосия (см. выше, примеч. 43). Но Феодосий, судя по рассказу Нестора, стал священником до того, как стать игуменом, и даже до того, как игуменом стал Варлаам [Усп. св., лл. 35 в–35 г, 36 в–36 г]; в этом случае у него не было нужды повелеть кому-то постричь Евстратия. По всей вероятности, пострижение Евстратия произошло, когда игуменом был Варлаам, который велел Феодосию совершить постриг; Варлаам, таким образом, следует Антонию в своем поведении. Нестор так говорит о Варлааме: “Б[о]ж[е]-ствыныи Варлаамъ игоумень сы братии въ пещерѣ” [Усп. св., л. 36 в; Патерик 1911: 27, 152].

(поселившимся там, по-видимому, достаточно рано) был, возможно, св. Леонтий, будущий епископ Ростовский. Именно так, а не иначе, следует понимать слова Симона, епископа Владимирского и Суздальского, в послании к Поликарпу, иноку киевского Печерского монастыря, написанном между 1215 и 1226 гг. Говоря о печерских монахах, ставших затем епископами, Симон называет Леонтия “первым престольником”, т. е. первым святителем, вышедшим из Печерского монастыря, и “третьим граж(д)анином Руского мира”, принявшим мученический венец (после варягов Феодора и Иоанна), сообщая, что тот (Леонтий) был пострижен и рукоположен в священники Иларионом, митрополитом Киевским. Ср.:

Отъ того, брате, Печерьскаго монастыря Пречистыа Богоматере мнози епископи поставлени быша, яко же отъ самого Христа, Бога нашего, апостоли въ всю вселенную послани быша; и, яко свѣтила свѣтлаа, освѣтиша всю Русскую землю святымъ крещеніемъ. Пръвый — Леонтіи, епископъ Ростовскій, великій святитель, его же Богъ прослави нетлѣніемъ. И се бысть пръвый престолникъ, его же невѣрніи много мучивше и бивше; и се третій гражанинъ бысть Рускаго мира: съ онема Варягома вѣнчася отъ Христа, его же ради пострада. Илариона же митрополита и самъ чель еси в житіи святаго Антоніа, яко отъ того постриженъ бысть, тако священства сподобленъ [ПАТЕРИК 1911: 76].⁵⁶

Иларион мог рукоположить Леонтия в священники только после того, как он стал архиереем (митрополитом), т. е. между 1051 и 1055 гг.⁵⁷ По-видимому, Леонтий был в числе первых насельников Печерского монастыря.⁵⁸

⁵⁶ Иногда эти слова понимаются в том смысле, что Иларион принял постриг от Антония [Шахматов 1898: 113; Творогов 1987: 136] (так же понимал их и Андрей Денисов, см. выше, примеч. 40), иногда – что он был пострижен Леонтием [Тномсон 1995: 644–646], иногда, напротив, считается, что Иларион постриг Антония [Поппе 2008: 329]; все это не выдерживает критики [Турилов, Э. П. Р. 2009: 123; Русинов 2002]. О значении выражения “рус(с)кий мир” в этом контексте см.: [Успенский 1996а: 411, прим. 24].

⁵⁷ Иларион либо скончался еще при жизни Ярослава Мудрого (не позднее 20 февраля 1054 г.) либо оставил Киевскую кафедру (не позднее 1055 г.). Если Иларион оставил кафедру, он не мог действовать как архиерей, т. е. не мог рукополагать в священники (2-е правило Собора в храме Премудрости, 879 г. [Правила поместн. соборов, 2: 869–873; Голубинский, 2/2: 36]).

⁵⁸ По правдоподобной догадке Н. Н. Воронина, Леонтий погиб в 1071 г. во время языческого восстания в Ростовской земле [Воронин 1963: 23; ПСРЛ, 1/1: 174–181].

Сказание о возникновении Печерского монастыря начинается с рассказа о Иларионе, прямо связывая с ним историю монастыря: согласно этому рассказу, Антоний, вернувшись с Афона, нашел место, где Иларион, будучи священником в Берестове (еще до своего поставления на Киевскую кафедру), выкопал пещеру для молитвы, возлюбил это место и там поселился [ПСРЛ, 1/1: 156]. Упоминание Илариона в этом контексте едва ли может быть случайным: оно заставляет отнестись к позднему свидетельству Симона если не с абсолютным доверием, то во всяком случае со вниманием.

Библиография

Рукописи

Государственный исторический музей (ГИМ)

Епарх733

Епархиальное собрание, № 733, Требник, XV в.

Син307

Синодальное собрание, № 307, Требник сербский, пер. пол. XV в.

Син310

Синодальное собрание, № 310, Требник, XV–XVI вв.

Син324

Синодальное собрание, № 324, Требник сербский, перв. пол. XV в.

Син330

Синодальное собрание, № 330, Устав Алексия Студита, кон. XII в.

Син601

Синодальное собрание, № 601, Служебник митрополита Киприана, кон. XIV – нач. XV в.

Син816

Синодальное собрание, № 816, Сборник, XVI в.

Син898

Синодальное собрание, № 898, Требник, XVI в.

Син. гр343

Синодальное собрание (греческое), № 343, Сборник чинопоследований греческий, XIII в.

Хлуд114

Собрание А. И. Хлудова, № 114, Служебник и требник сербский, XV–XVI в.

Хлуд118

Собрание А. И. Хлудова, № 118, Требник сербский, XIV в.

Хлуд119

Собрание А. И. Хлудова, № 119, Требник, XVI в.

Хлуд120

Собрание А. И. Хлудова, № 120, Требник, XVI в.

Чуд5

Собрание Чудова монастыря, № 5, Требник, кон. XIV в.

Чуд54

Собрание Чудова монастыря, № 54, Требник, XVI в.

Российская государственная библиотека (РГБ)

Иос.-Вол77

ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря), № 77, Требник, XV в.

Иос.-Вол87

ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря), № 87, Служебник и требник Лаврентия, архиепископа Казанского, втор. пол. XVI в.

Иос.-Вол331

ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря), № 331, Требник, XV в.

Иос.-Вол333

ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря), № 333, Требник, нач. XVI в.

МДА183

ф. 173.I (Фундаментальное собрание Московской Духовной Академии), № 183, Служебник и требник архимандрита Дионисия Зобниновского, 1630-е гг.

Севаст15/474

ф. 270.Ia (Собрание греческих рукописей [Собрание П. И. Севастьянова]), № 15/474, Евхологий греческий, XI–XII в.

Севаст17/473

ф. 270.Ia (Собрание греческих рукописей [Собрание П. И. Севастьянова]), № 17/473, Евхологий греческий, XV в.

Тр.-Серг224

ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 224, Служебник и требник, 1474 г.

Тр.-Серг226

ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 226, Служебник и требник, сер. XVI в.

Тр.-Серг230

ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 230, Требник, XV в.

Тр.-Серг231

ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 231, Требник, XV в.

Тр.-Серг232

ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 232, Требник, XVI в.

Тр.-Серг234

РГБ, ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 234, Требник, сер. XVI в.

Тр.-Серг235

ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 235, Требник, XVI в.

*Тр.-Серг*236

ф. 304.1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры), № 236, Требник, кон. XVI в.

Российская национальная библиотека (РНБ)

*Гильф*21

Собрание А. Ф. Гильфердинга, № 21, Требник сербский, кон. XIII – нач. XIV в.

*Гильф*22

Собрание А. Ф. Гильфердинга, № 22, Требник сербский, кон. XIII – нач. XIV в.

*Соф*1056

Софийское собрание, № 1056, Требник новгородского Антониева монастыря, XIV в.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

*Маз*312

ф. 196 (Собрание Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 312, Требник, XV – нач. XVI в.

*Тин*978

ф. 1251 (Старопечатные книги Московской синодальной типографии), № 978, “Ковыч-ный” экземпляр Требника Петра Могилы, правленный московскими справщиками для издания 1658 г.

ЦГАДА 819

ф. 188 (Рукописное собрание Центрального государственного архива древних актов (коллекция), оп. 1, ч. 1, № 819, Требник иноческий, XIV в. См. изд.: Требник 1878–1879.

Цитируемые издания

АЛЕКСЕЕВ, 1–4

АЛЕКСЕЕВ П., *Церковный словарь*, 1–4, изд. 4-е, С.-Петербург, 1817–1819.

АЛМАЗОВ 1903А

АЛМАЗОВ А. И., *Канонические ответы Константинопольского патриарха Луки Хризостом-а и митрополита Родосского Нила*, Одесса, 1903.

— 1903Б

АЛМАЗОВ А. И., *Канонические ответы Иоасафа, митрополита Ефесского (Малоизвест-ный памятник права Греческой церкви): Текст и перевод с предварительным очерком и при-мечаниями*, Одесса, 1903.

АРРАНЦ 2003

АРРАНЦ М., *Византийский монашеский постриг: Исторический опыт*, Москва, Рим, 2003.

БУСЛАЕВ 1861

БУСЛАЕВ Ф., *Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков*, Москва, 1861.

ВОРОНИН 1963

ВОРОНИН Н. Н., “Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения вто-рой половины XII в.”, *Византийский временник*, 23, 1963, 23–46.

ГОЛУБИНСКИЙ, 1–2

ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е., *История русской церкви*, 1–2, изд. 2-е, Москва, 1901–1917.

ГОРБАЧЕВСКИЙ 1869

ГОРБАЧЕВСКИЙ Н. И., *Археографический календарь на две тысячи лет (325–2324) по юли-анскому счислению и на семьсот сорок два года (1583–2324) по грегорианскому счислению*, Вильна, 1869.

ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ, 1–3

[ГОРСКИЙ А. В., НЕВОСТРУЕВ К. И.], *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*, 1–3, Москва, 1855–1917.

ДИОДОР 2013

ДИОДОР (ЛАРИОНОВ), “О духовной и канонической ответственности рясофорных иноков”, *Журнал Московской Патриархии и Церковный вестник*, 21 сентября 2013 (удаленный ресурс; режим доступа: http://e-vestnik.ru/church/otvetstvennost_inokov_7324).

ДМИТРИЕВСКИЙ 1882–1883

ДМИТРИЕВСКИЙ А. А., “Богослужение в Русской церкви за первые пять веков”, *Православный собеседник*, 1882, № 2, 166–183; 1882, № 3, 252–296; 1882, № 9, 346–373; 1882, № 10, 149–167; 1882, № 12, 372–394; 1883, № 7–8, 345–374; 1883, № 10, 198–229; 1883, № 12, 470–485.

—1891–1892

ДМИТРИЕВСКИЙ А. А., “Недоумение по поводу недоумений (Ответ анонимному рецензенту)”, *Труды Киевской Духовной Академии*, 1891, № 9, 124–151; 1892, № 9, 163–178.

—1901

ДМИТРИЕВСКИЙ А. А., *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*, 2: *Εὐχολόγια*, Киев, 1901.

—1917

ДМИТРИЕВСКИЙ А. А., *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*, 3: *Τυπικά*, 2, Петроград, 1917.

ДОБРОКЛОНСКИЙ 1913–1914

ДОБРОКЛОНСКИЙ А. П., *Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский*, 1–2, Одесса, 1913–1914.

ЕВХ. БАРБ.

PARENTI S., VELKOVSKA E., *L'Eucologio Barberini gr. 336*, 2. ed. riveduta (= Bibliotheca “Ephemerides liturgicae.” Subsidia, 80), Roma, 2000. Ср.: ВЕЛКОВСКАЯ Е., ПАРЕНТИ С., изд. текста, предисл. и прим., *Евхологий Барберини гр. 336*, 3-е изд., Омск, 2011.

КАЗАНСКИЙ 1855

КАЗАНСКИЙ П. С., *История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания лавры св. Троицы преподобным Сергием*, Москва, 1855.

—1878

КАЗАНСКИЙ П. С., “Типик женского монастыря Пресвятыя Богородицы Благодатной (Κεχαριτωμένης), основанного и устроенного императрицею Ириною, женою императора Алексея Комнена, по ее повелению и мысли составленный и изданный”, *Древности: Труды Московского археологического общества*, 7/2, 1878, 59–76.

КЛОСС 1998–2001

КЛОСС Б. М., *Избранные труды*, 1–2, Москва, 1998–2001.

ЛЕОНИД 1885

ЛЕОНИД (КАВЕЛИН), *Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия и похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV веке* (= Памятники древней письменности, 58), С.-Петербург, 1885.

ЛИСИЦЫН 1911

ЛИСИЦЫН М., *Первоначальный славяно-русский Типикон: Историко-археологическое исследование*, С.-Петербург, 1911.

Литвина, Успенский 2004

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., “Иларион и Антоний: Имена и времена в биографиях первых русских подвижников”, в: *Восточная Европа в древности и средневековье: Время источника и время в источнике. XVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Паушто, Москва, 14–16 апреля 2004 г., Материалы конференции*, Москва, 2004, 110–114.

—2005

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., “Агиография и выбор имени в Древней Руси”, *Славяноведение*, 2005, № 4, 25–42.

—2012

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., “Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин”, в: *Средневековая Русь*, 10, Москва, 2012, 135–169.

МАКАРИЙ 1994–1997

МАКАРИЙ (Булгаков), *История русской церкви*, 1–7, Москва, 1994–1997.

МАНСВЕТОВ 1878А

МАНСВЕТОВ И. Д., “Полный месяцеслов Востока. Разбор сочинения архимандрита Сергия”, в: *Отчет о двадцатом присуждении наград графа Уварова (= Записки Имп. Академии наук, 33, Приложение)*, С.-Петербург, 1878, 700–748.

—1878Б

МАНСВЕТОВ И. Д., “Примечания”, в: П. С. КАЗАНСКИЙ, “Типик женского монастыря Пресвятыя Богородицы Благодатной (Κεχαρίτωμαῦνης), основанного и устроенного императрицею Ириною, женою императора Алексея Комнена, по ее повелению и мысли составленный и изданный”, *Древности: Труды Московского археологического общества*, 7/2, 1878, 77–91.

—1883

МАНСВЕТОВ И. Д., “Evchologium, Glagolski spomenik monastira Sinai brda. Izdao D-r Lavoslav Geitler. U Zagrebu, 1882 (Древнейший Славянский Требник, изданный г. Гейтлером по рукописи, находящейся в Синайской библиотеке)”, в: *Прибавления к изданию творений святых отцев в русском переводе за 1883 г.*, 32/1, Москва, 1883, 347–390.

МОМИНА 1992

МОМИНА М. А., “Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в.”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 45, С.-Петербург, 1992, 200–219.

МОШИН 1958

МОШИН В. А., “К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 15, Москва, Ленинград, 1958, 409–418.

НИКОЛЬСКИЙ 1888

НИКОЛЬСКИЙ И., *Греческая кормчая книга (Пидалион)*, Москва, 1888.

ОДДС, 1–50

Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода, 1–50, С.-Петербург, 1868–1916.

ПАВЛОВ 1897

ПАВЛОВ А. С., *Номоканон при Большом Требнике: Его история и тексты, греческие и славянские, с объяснениями и критическими примечаниями. Опыт научного разрешения вопросов об этом сборнике, возникавших в прошлом столетии в Святейшем Правительствующем Синоде (= Ученые записки имп. Московского ун-та, Отдел юридический, 14)*, Москва, 1897.

ПАЛЬМОВ 1914

ПАЛЬМОВ Н. Н., *Пострижение в монашество: Чины пострижения в монашество в греческой церкви. Историко-археологическое исследование*, Киев, 1914.

ПАТЕРИК 1911

Патерик Киевского Печерского монастыря (= Памятники древнерусской письменности, изданные имп. Археологическою комиссиею, 2), С.-Петербург, 1911.

ПЕНТКОВСКИЙ 2001А

ПЕНТКОВСКИЙ А. М., "Студийский устав и уставы студийской традиции", *Журнал Московской патриархии*, 2001, № 5, 69–80.

—2001Б

ПЕНТКОВСКИЙ А. М., *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001.

ПОППЭ 2008

ПОППЭ А., "Русь и Афон в XI веке: В защиту профессионализма в исследованиях", в: *Miscellanea Slavica: Сб. статей к 70-летию Б. А. Успенского*, Москва, 2008, 320–340.

ПРАВИЛА ВСЕЛ. СОБОРОВ, 1–2

Правила святых вселенских соборов с толкованиями, 1–2, Москва, 1877.

ПРАВИЛА ПОМЕСТН. СОБОРОВ, 1–2

Правила святых поместных соборов с толкованиями, 1–2, Москва, 1880–1881.

ПРИЛУЦКИЙ 1912

ПРИЛУЦКИЙ В., *Частное богослужение в русской церкви в XVI и первой половине XVII в.*, Киев, 1912.

ПСРЛ, 1–43

Полное собрание русских летописей, 1–43, С.-Петербург (Петроград, Ленинград), Москва, 1841–2004.

РАППОРТ 1982

РАППОРТ П. А., *Русская архитектура X–XIII веков: Каталог памятников* (= Археология СССР: Свод археологических источников, Е 1-47), Ленинград, 1982.

РИБ, 1–39

Русская историческая библиотека, 1–39, С.-Петербург (Петроград, Ленинград), 1872–1927.

РОДИОНОВ 2009

РОДИОНОВ О. А., "Богословское осмысление монашества в трудах восточных отцов Церкви", в: *Материалы V Международной богословской конференции Русской православной церкви "Православное учение о церковных таинствах"*, 3, Москва, 2009, 392–415.

РОЗАНОВ 1914

РОЗАНОВ С. П., "К вопросу о житии преподобного Антония Печерского", *Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук*, 19/1, 1914, 34–46.

РУСИНОВ 2002

РУСИНОВ В. Н., "К вопросу о прочтении одного места в тексте послания епископа Симона к иноку Поликарпу", *Вестник Нижегородского государственного университета. Серия История*, 1, 2002, 40–45.

САМУИЛОВ 1905

САМУИЛОВ В., "Рясофор (Историческая справка)", *Прибавления к Церковным ведомостям*, 1905, № 42, 1784–1789.

СИМЕОН СОЛУНСКИЙ 1856

Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского (= Писания св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, 2), С.-Петербург, 1856.

Син. Евх.

NAHTIGAL R., prired., *Eucholegium Sinaiticum: starocerkenoslovanski glagolski spomnik*, 1: *Fotografski posnetek*, 2: *Tekst s komentarjem* (= Akademija znanosti i umetnosti v Ljubljani. Filozofsko-filološko-historični razred, 1–2), Ljubljana, 1941–1942. Ср.: SŁOŃSKI S., *Index verborum do Eucholegium Sinaiticum*, Warszawa, 1934; ПЕНКОВА П., *Речник-индекс на Синайския евхологий по изданието на Р. Нахтигал*, София, 2008.

СЛРЯ XI–XVII вв., 1–30

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30—, Москва, 1975–2015—.

Смирнов 1909А

Смирнов П. С., “Переписка раскольниковых деятелей начала XVIII века”, *Христианское чтение*, 1909, № 1, 37–66; 1909, № 2, 171–215; 1909, № 3, 403–420.

—1909Б

Смирнов П. С., “Споры в расколе в первой четверти XVIII”, *Христианское чтение*, 1909, № 6–7, 859–906.

СОБОЛЕВСКИЙ 2004–2006

СОБОЛЕВСКИЙ А. И., *Труды по истории русского языка*, 1–2, Москва, 2004–2006.

СРЕЗНЕВСКИЙ, 1–3

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*: 1–3, С.-Петербург, 1893–1912.

ТВОРОГОВ 1987

ТВОРОГОВ О. В., “Житие Антония Печерского”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1: XI – перв. пол. XIV в., Ленинград, 1987, 135–136.

ТРЕБНИК 1625

Требник, Москва, 1625.

—1633

Требник, Москва, 1633.

—1639

Требник иноческий, Москва, 1639.

—1646

Требник Петра Могилы. Вариант с прибавлениями для иноков, Киев, 1646.

—1651

Требник, Москва, 1651.

—1658

Требник, Москва, 1658.

—1680

Требник, Москва, 1680.

—1688

Требник, Москва, 1688.

—1697

Требник, Москва, 1697.

—1878–1879

[*Требник из собрания С. Д. Шереметева, XIV в.*] (= Издание Общества любителей древней письменности, 24, 63), С.-Петербург, 1878–1879. [Изд. рукописи РГАДА, ф. 188 (Рукописное собрание Центрального государственного архива древних актов (коллекция), оп. 1, ч. 1, № 819].

Турилов, Э. П. Р. 2009

Турилов А. А., Э. П. Р. [= Энциклопедии Православной Редакция], “Иларион”, в: *Православная энциклопедия*, 22, Москва, 2009, 122–126.

Усп. сб.

КНЯЗЕВСКАЯ О. А., ДЕМЬЯНОВ В. Г., ЛЯПОН М. В., подгот., *Успенский сборник XII–XIII вв.*, Москва, 1971.

УСПЕНСКИЙ 1996А

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина)”, в: ИДЕМ, *Избранные труды*, изд. 2-е, испр. и перераб., 1, Москва, 1996, 381–432.

—1996Б

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе”, в: ИДЕМ, *Избранные труды*, изд. 2-е, испр. и перераб., 2, Москва, 1996, 187–202.

—1996В

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен”, в: ИДЕМ, *Избранные труды*, изд. 2-е, испр. и перераб., 1, Москва, 1996, 142–183.

—2002

УСПЕНСКИЙ Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, изд. 3-е, испр. и доп., Москва, 2002.

— 2014

USPIENSKI B., “Иноческие имена на Руси”, w: A. KOZŁOWSKA, A. ŚWIĄTEK, red., *Znaczenie, tekst, kultura: Prace ofiarowane Profesor Elżbiecie Janus* (= Prace językoznawcze Instytutu filologii Polskiej Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 5), Warszawa, 2014, 191–203.

УСПЕНСКИЕ 2010

УСПЕНСКИЙ Б. А., УСПЕНСКИЙ Ф. Б., “Неканоническое поведение святого в агиографических источниках”, в: Б. А. УСПЕНСКИЙ, Ф. Б. УСПЕНСКИЙ, ред., *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории*, 2 Москва, 2010, 7–41.

ФАСМЕР, 1–4

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, О. Н. ТРУБАЧЕВ, пер. с нем. и доп., 1–4, Москва, 1964–1973.

ФЕДОТОВ 1973

ФЕДОТОВ Г. П., “«Житие и терпение» св. Авраамия Смоленского”, в: ИДЕМ, *Россия, Европа и мы* (= ИДЕМ, Полное собрание статей, 2), Париж, 1973, 33–58.

ФЕОДОР СТУДИТ, 1–2

ФЕОДОР СТУДИТ, *Творения в русском переводе*, 1–2, С.-Петербург, 1907–1908.

ХАРЛАМПОВИЧ 1914

ХАРЛАМПОВИЧ К. В., *Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь*, 1, Казань, 1914.

ХРИЗОСТОМ 2002

Святогорский устав церковного последования, сиречь Книга, содержащая совершаемое в храме во весь год в священных афонских обителях, наипаче же во всечестнем протатском храме в Кариес. Составлена благоговейнейшею братиею иеромонаха Хризостома, старца Святыя Благовещенския келлии в Кариес на Святей Горе Афонстей, пер. с греч., Свято-Троицкая Сергиева лавра, Русский на Афоне Пантелеймонов монастырь, 2002.

ШАХМАТОВ 1898

ШАХМАТОВ А. А., “Житие Антония и Печерская летопись”, *Журнал Министерства народного просвещения*, 316, 1898, 105–149 (пагинация отдела наук).

—1908

ШАХМАТОВ А. А., *Разыскания о древнейших русских летописных сводах* (= Летописи занятый имп. Археографической комиссии, 20), С.-Петербург, 1908.

ШЛЯКОВ 1907

ШЛЯКОВ Н. В., "Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого", *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия*, 9, 1907, 362–400 (пагинация отдела наук).

ЯКОВЛЕВ 1875

ЯКОВЛЕВ В. А., *Древнекиевские религиозные сказания*, Варшава, 1875.

DE MEESTER 1940

DE MEESTER P., "Le rasophorat dans le monachisme byzantin," в: *Известия на Българското Историческо Дружество*, 16–18 (= Сборник в памет на проф. Петър Ников), София, 1940, 323–332.

DELEHAYE 1910

DELEHAYE H., "Vita S. Lazari auctore Gregorio monacho," in: *Acta sanctorum novembris*, 3, Bruxelles, 1910, 508–606.

DU CANGE 1688

DU CANGE C., *Glossarium ad Scriptores Mediae et infimae Graecitatis*, 1–2, Lugduni, 1688.

EUCH. SIN 1943

FRČEK J., "Euchologium Sinaiticum: Texte slave avec sources grecques et traduction française," *Patrologia orientalis*, 25/3, 1943, 407–617.

GAUTIER 1985

GAUTIER P., "Le typicon de Theotokos Kécharitôménè," *Revue des études byzantines*, 43, 1985, 5–165.

GREENFIELD 2000

GREENFIELD R. P. H., introd., trans. and notes, *The Life of Lazaros of Mt. Galesion: An Eleventh-Century Pillar Saint* (= Byzantine Saints' Lives in Translation, 3), Washington, D.C., 2000.

PG 1–161

MIGNE J.-P., *Patrologiae cursus completus, Series graeca*, 1–161, Paris, 1857–1866.

PITRA 1852–1858

PITRA J. B., *Spicilegium Solesmense complectens Sanctorum patrum scriptorumque Ecclesiasticorum anecdota hactenus opera: selecta e graecis orientalibusque et latinis codicibus publici juris facta*, 1–4, Parisiis, 1852–1858.

—1864–1868

PITRA I. B., *Iuris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*, 1–2, Roma, 1864–1868.

SJS, 1–4

Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1966–1997 (репринт: С.-Петербург, 2006).

TALBOT, KAZHDAN 1991

TALBOT A.-M., KAZHDAN A. P., "Hegoumenos," in: A. P. KAZHDAN, ed., *The Oxford Dictionary of Byzantium*, 2, New York, Oxford, 1991, 907–908.

THOMSON 1995

THOMSON F. J., "Saint Anthony of Kiev — the Facts and the Fiction: The Legend of the Blessing of Athos upon Early Russian Monasticism," *Byzantinoslavica*, 56/3, 1995, 637–668.

WAWRYK 1968

WAWRYK M., *Initiatio monastica in liturgia byzantina: Officiorum schematis monastici magni et parvi necnon rasophoratus exordia et evolutio* (= Orientalia Christiana analecta, 180), Roma, 1968.

—1986

WAWRYK M., "The Offices of Monastic Initiation in the Euchologion Sinaiticum and Their Greek Sources," *Harvard Ukrainian Studies*, 10/1–2, 1986, 5–47.

ΠΑΛΛΗ, ΠΟΤΑΪ,

ΠΑΛΛΗ, Γ. Α., ΠΟΤΑΪ, Μ., *Σύνταγμα τῶν Θείων καὶ ἱερῶν κανόνων...*, 1–6, Ἀθήνα, 1852–1859.

References

Arranz M., *Vizantiiskii monasheskii postrig: Istoričeskii opyt*, Moscow, Roma, 2003.

De Meester P., "Le rasophorat dans le monachisme byzantine," in: *Izvestiia na Bŭlgarskoto Istoričesko Druzhество*, 16–18 (= Sbornik v pamet na prof. Petŭr Nikov), Sofia, 1940, 323–332.

Diodor Larionov, "O dukhovnoi i kanonicheskoi otvetstvennosti riasofornykh inokov," *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii i Tserkovnyi vestnik*, 21 september 2013 (online access: <http://e-vestnik.ru>; access: 15.07.2016).

Dmitrievsky A. A., *Opisanie liturgicheskikh rukopisei, khраниashchikhsia v bibliotekakh pravoslavnogo Vostoka*, 3, Petrograd, 1917.

Fedotov G. P., *Rossia, Evropa i my* (= Polnoe sobranie statei, 2), Paris, 1973, 33–58.

Frček J., "Euchologium Sinaiticum: Texte slave avec sources grecques et traduction française," *Patrologia orientalis*, 25/3, 1943, 407–617.

Gautier P., "Le typicon de Theotokos Kécharitôméné," *Revue des études byzantines*, 43, 1985, 5–165.

Greenfield R. P. H., introd., trans. and notes, *The Life of Lazaros of Mt. Galesion: An Eleventh-Century Pillar Saint* (= Byzantine Saints' Lives in Translation, 3), Washington, D.C., 2000.

Kloss B. M., *Izbrannye trudy*, 1–2, Moscow, 1998–2001.

Knyazevskaya O. A., Demyanov V. G., Lyapon M. V., eds., *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.*, Moscow, 1971.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., "Agiografiia i vybor imeni v Drevnei Rusi," *Slavianovedenie*, 4, 2005, 25–42.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., "Ilarion i Antonii: Imena i vremena v biografiakh pervykh russkikh podvizhnikov," in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Vremia istochnika i vremia v istochnike. XVI Chteniia pamiati V. T. Pashuto*, Moscow, 2004, 110–114.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., "Nasil'stvennyi postrig kniazheskoi sem'i v Kieve: ot interpretatsii

obstoiatel'stv k rekonstruktsii prichin," in: *Srednevekovaia Rus'*, 10, Moscow, 2012, 135–169.

Makarii Bulgakov, *Istoriia russkoi tserkvi*, 1–7, Moscow, 1994–1997.

Momina M. A., "Problema pravki slavianskikh bogoslužebnykh gimnograficheskikh knig na Rusi v XI v.," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 45, St. Petersburg, 1992, 200–219.

Moshin V. A., "K datirovke rukopisei iz sobraniia A. F. Gil'ferdinga Gosudarstvennoi Publichnoi biblioteki," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 15, Moscow, Leningrad, 1958, 409–418. Nahtigal R., prired., *Euchologium Sinaiticum: starocerkvenoslovanski glagolski spomnik*, 1–2 (= Akademija znanosti i umetnosti v Ljubljani. Filozofsko-filološko-historični razred, 1–2), Ljubljana, 1941–1942.

Penkova P., Rechnik-indeks na Sinaiskii evchologii po izdaniato na R. Nakhtigal, Sofia, 2008.

Pentkovskiy A. M., "Studiiskii ustav i ustavy studiiskoi traditsii," *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, 5, 2001, 69–80.

Pentkovskiy A. M., *Tipikon patriarkha Aleksiiia Studita v Vizantii i na Rusi*, Moscow, 2001.

Poppe A., "Rus' i Afon v XI veke: V zashchitu professionalizma v issledovaniakh," in: *Miscellanea Slavica: Sb. statei k 70-letiiu B. A. Uspenskogo*, Moscow, 2008, 320–340.

Rodionov O. A., "Bogoslovskoe osmyslenie monashestva v trudakh vostochnykh ottsov Tserkvi," in: *Materialy V Mezhdunarodnoi bogoslovskoi konferentsii Russkoi pravoslavnoi tserkvi "Pravoslavnoe uchenie o tserkovnykh tainstvakh"*, 3, Moscow, 2009, 392–415.

Rusinov V. N., "K voprosu o prochtenii odnogo mesta v tekste poslaniiia episkopa Simona k inoku Polikarpu," *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series "History"*, 1, 2002, 40–45.

Stoński S., *Index verborum do Euchologium Sinaiticum*, Warszawa, 1934.

Talbot A.-M., Kazhdan A. P., "Hegoumenos," in: A. P. Kazhdan, ed., *The Oxford Dictionary of Byzantium*, 2, New York, Oxford, 1991, 907–908.

Thomson F. J., "Saint Anthony of Kiev – the Facts and the Fiction: The Legend of the Blessing of Athos upon Early Russian Monasticism," *Byzantinoslavica*, 56/3, 1995, 637–668.

Turilov A. A., "Ilarion," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 22, Moscow, 2009, 122–126.

Tvorogov O. V., "Zhitie Antonia Pecherskogo," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1, Leningrad, 1987, 135–136.

Uspenskij B. A., *Izbrannye trudy*, 1–2, Moscow, 1996.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, 3d ed., Moscow, 2002.

Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., "Nekanonicheskoe povedenie sviatogo v agiograficheskikh istochnikakh," in: B. A. Uspenskij, F. B. Uspenskij, eds., *Fakty i znaki: Issledovaniia po semiotike istorii*, 2, Moscow, 2010, 7–41.

Uspenskij B., "Inocheskie imena na Rusi," w: A. Kozłowska, A. Świątek, eds., *Znaczenie, tekst,*

kultura: Prace ofiarowane Profesor Elżbiecie Janus (= Prace językoznawcze Instytutu filologii Polskiej Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego. 5), Warszawa, 2014, 191–203.

Vasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, O. N. Trubachev, transl., 1–4, Moscow, 1964–1973.

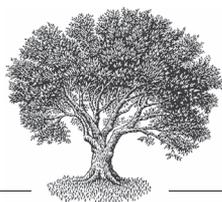
Voronin N. N., "«Zhitie Leontii Rostovskogo» i vizantiisko-russkie otnosheniia vtoroi poloviny XII v.," *Vizantiyskiy vremennik*, 23, 1963, 23–46.

Wawryk M., *Initiatio monastica in liturgia byzantina: Officiorum schematis monastici magni et parvi necnon rasophoratus exordia et evolutio* (= *Orientalia Christiana analecta*, 180), Roma, 1968.

Wawryk M., "The Offices of Monastic Initiation in the Euchologion Sinaiticum and Their Greek Sources," *Harvard Ukrainian Studies*, 10/1–2, 1986, 5–47.

проф. Борис Андреевич Успенский, д. филол. наук
 Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
 Факультет гуманитарных наук, Школа филологии, заведующий
 Лабораторией лингвосемиотических исследований
 105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
 Россия/Russia
 borisusp@gmail.com

Received December 19, 2015

Заметки
о словоформе
e 'есть'
в древнерусской
и старославянской
письменности*

Notes on the Word
Form *Je* 'Is'
in Old Russian
and Old Church
Slavonic Literature

**Олег Феофанович
Жолобов**

Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия

Oleg F. Zholobov

Kazan (Volga region)
Federal University, Kazan, Russia

Резюме

Исследование так называемых нулевых форм презенса 3 л. ед. и мн. ч. (без флективного *-тъ*) в берестяных грамотах вновь привлекло внимание исследователей к этому грамматическому явлению. А. А. Зализняк установил позиции употребления нулевых форм, их диапазон и функции. Рассмотрение старославянских и книжных источников юго-запада Руси обнаружило сходство с новгородской берестяной письменностью, так что нулевые формы следует признать праславянско-индоевропейским диалектизмом, унаследованным разными древнеславянскими диалектами и восходящим к инъюнктиву и его позднему субституту — конъюнктиву. Вместе с тем сопоставление данных показало узость дискурсивного диапазона берестяной письменности. А. А. Зализняк обнаружил несколько словоформ *e* 'есть' в

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект 15-04-00283).

предположительно энклитической функции. Однако он отметил, что для окончательных выводов недостает материала. В статье приводятся свидетельства употребления словоформы *e* в функции энклитики вакернагелевского типа в различных источниках, прежде всего в Синайском патерике кон. XI в., где данная энклитика, как выяснилось, была тесно связана с вопросительным типом предложений, далеко не всегда выступая в функции связки и обозначая нефактивное действие предположения. Словоформа *e* широко распространена и в неэнклитической позиции, где имеет значение неактуального, прежде всего гномического презенса.

Ключевые слова

нулевой презенс, инъюнктив, глагольная энклитика, словоформа *e*, нефактивное значение, неактуальный презенс, гномический презенс, генерализация

Abstract

A study of the so-called zero-forms of the present tense 3rd person singular and plural (without inflectional *-tb*) in the birch bark manuscripts has once again attracted the attention of researchers to this grammatical phenomenon. Andrey Zaliznyak established the zero-forms usage positions and their range and functions, and he arrived at the conclusion that they are Novgorod dialectisms. Analysis of the Old Slavonic and written sources of the Russian Southwest found similarities with the Novgorod birch bark manuscripts, so the zero-forms should be considered Proto-Slavic dialectisms, inherited by different Old Russian dialects and tracing back to the injunctive and the conjunctive, its later substitute. At the same time, data correlation showed the narrowness of the birch bark manuscripts' discursive range. A. Zaliznyak discovered several *je* 'is' word forms in a supposedly enclitic function. He noted, however, that there was a lack of material for drawing final conclusions. The present paper provides evidence of the *je* word form usage in the function of Wackernagel enclitics in different sources, especially in the 11th century *Sinayskii Paterik* (Pratum spiritual), where, as it turns out, this type of enclitic was closely related with an interrogative sentence type, not always functioning as a link-verb and meaning a non-factive action of supposition. The *je* word form is also used widely in a non-enclitic position, where it has a non-actual, primarily gnomic, present tense meaning.

Keywords

zero-forms present tense, injunctive, verbal enclitics, *je* word form, non-factive meaning, non-actual present tense, gnomic present tense, generalization

Перед диахронической морфологией стоит задача не только верификации существующих гипотез грамматической вариативности в системе глагола, но и, что не менее важно, накопления нового языкового материала.

Рассмотрение корпуса берестяных грамот, проведенное А. А. Зализняком, привело его к следующим выводам: 1) в берестяных грамо-

тах наблюдается вариативность так называемых ненулевых (на *-тъ*) и нулевых (без *-тъ*) словоформ презенса-футурума в 3 л. ед. и мн. ч.;¹ 2) нулевые словоформы 3 л. презенса-футурума употребляются во всех глагольных классах — как в единственном, так и во множественном числе; 3) в ранних грамотах в придаточных предложениях, выражающих значение условия и цели, наиболее частотные нулевые словоформы в 3 л. ед. ч. преобладают, а в главных или простых предложениях нулевые и ненулевые словоформы представлены примерно поровну;² 4) совокупность перечисленных характеристик является праславянско-индоевропейским архаизмом, сохранение которого отличает новгородско-псковский диалект от всех остальных славянских диалектов; 5) большая часть словоформ без флективного *-тъ* относится к 3 л. ед. ч. 1 спр., а распространение аналогичных словоформ во 2 спр. сдерживается нежелательной омонимией с формами аориста и императива; 6) нулевые словоформы не употребляются перед местоименными энклитиками и частицей *ми*;³ 7) в поздних грамотах количество нулевых словоформ сокращается [Зализняк 2004: 137–138, 152–153].

Обращение к древнеславянским кодексам, которые в большинстве своем остаются неизученными, не позволяет согласиться с выводами об ограниченности нулевых презенсов 1 и 2 спр. 3 л. ед. и мн. ч., наделенных особой семантикой, псковско-новгородским регионом [Жолобов 2012; 2013; 2014]. В юго-западной части Древней Руси подобных образований обнаруживается еще больше, и они также не имеют значения реального действия, связанного с внешней темпоральностью. Они обслуживают различные внутрисобытийные значения — обозначения действий нефактивного, предполагаемого, неактуального

¹ Термины “нулевые” и “ненулевые словоформы презенса 3 л.” имеют условный характер и характеризуют раннепраславянские словоформы. В позднепраславянский период под действием фонетических законов в состав флексий вошли также тематические гласные: *нес-еть / нес-е, поид-оуть / поид-оу, ход-ить / ход-и, ход-ать / ход-а*.

² Примеры нулевых словоформ в придаточных предложениях цели в действительности связаны с императивно-оптативной семантикой: **а присоли сомо ко мене со ее знатѣбою отѣ побоудѣ сыноу менѣ** ‘пришли сына ко мне с ее знатъбой, пусть он побудет у меня за сына’ [ГрБ № 705 (пер. пол. XIII в.)]; **моловн ратемнрѣ · оти са соцѣтѣ со мною** ‘скажи Ратмиру, пусть сочтется со мной’ [ГрБ № 346 (кон. XIII)].

³ Это одна из причин того, что в белорусском языке и северо-западных русских говорах нулевые словоформы не проникают в рефлексивы типа *нясецца, жа́л’аца*. Подобная черта рефлексивов вовсе не свидетельствует о нулевых словоформах как о новообразованиях, а не архаизмах, вопреки П. Т. Ломтеву [1954: 141], которому ничего не было известно об устойчивой вариативности стандартных и нулевых словоформ. Сравнительно поздними являются сами словоформы рефлексивов в целом, а их выделение предполагало и морфонологическую обособленность, поэтому рефлексивы отражают естественную генерализацию модели *борѣться, борѣся > борѣца* (см. также [ВјѠRNFLATEH 2003: 54–55]). В древнерусских источниках обнаруживаются нулевые словоформы рефлексивов *лечѣся, ключися* и под. (см. [Жолобов 2014: 154–155, 157 и др.]). В диалектах действуют разнообразные модели обобщения нулевых и ненулевых словоформ.

характера и др., которые возникали в цепи тесно связанных предикатов. В целом нулевые словоформы характеризуют всю древнерусскую территорию, хотя и в восточной части используются с гораздо меньшей интенсивностью. Нулевые формы восходят к словоформам с вторичными окончаниями *-t и *-nt, т. е. к инъюнктиву — образованиям с вторичными окончаниями, которые при употреблении без аугмента-префикса теряли значение реального прошедшего времени и могли передавать разнообразные нефактивные и потенциальные значения с условной темпоральностью [Елизаренкова 1982: 281–283]. Инъюнктив связан с внутренней семантикой обозначаемых событий, как, в частности, в архаических формулах, впоследствии получивших юридическое назначение: ‘если произойдет А (протасис), то да последует Б (аподосис)’. Так, в двинской грамоте № 86 нулевая форма связана с обозначением потенциального события в юридическом типе нарратива [Шахматов 1903, 2: 107]: **а хто снн радъ порушн. дасть посадинкамъ двинскимъ .ѣ. тысауъ бѣлкѣ.** В позднейнедоевропейский период инъюнктив может смешиваться с конъюнктивом, который становится его историческим субституттом. Инъюнктив и конъюнктив — последовательные исторические формы выражения категории потенциалиса [Ернарт 1989: 79 и сл.]. Инвариантное значение конъюктива “как наклонения реализуется в выражении различных оттенков модальности: возможности, вероятности, желательности, долженствования, проблематичности действия с явной или [. . .] имплицитной зависимостью” от какого-то другого обстоятельства [Елизаренкова 1982: 280]. Это основное наклонение, которое употребляется в придаточных предложениях. Нередко конъюнктив употребляется в вопросительных предложениях и в предложениях с отрицанием. Для славянских нулевых словоформ именно такое употребление типично (см. ниже).

Как отмечает А. А. Зализняк [2004: 139], картина с распределением вариативных форм *есть* и *е* прямо противоположна употреблению тематических глаголов, поскольку стандартные формы в атематическом спряжении встречаются “значительно чаще”, чем в тематическом.

Атематические глаголы имеют ряд особенностей и в старославянском языке. В Саввиной книге 12 раз отмечаются формы **нѣсть, дасть, бѣсть, мьннть** (тематический глагол 4 класса), а кроме того — **сѣть**, что позволяет предполагать более устойчивое сохранение исконных форм атематических глаголов, наряду с господствующими формами на -ть [Leskien 1955: 118; Ван-Вейк 1957: 301]. Параллельно формы на -ть отмечаются также в аористе **бѣсть, дасть**. В других старославянских памятниках формы на -ть единичны.

Вместе с тем в южнославянских памятниках и их восточнославянских юго-западных копиях нулевые словоформы *e* встречаются, а в некоторых источниках являются довольно частыми. Так, В. Вондрак указывает на пример с *ε* в Синайской псалтыри, в Зографском, Маринском и Ассеманиевом евангелиях, на три примера с *ε* в Клоцовом сборнике, три в Саввиной книге [VONDRÁK 1912: 490]. П. Дильс отмечает лишь редкий характер употребления формы *κ* в старославянском [DIELS 1934: 279]. А. Вайан [1952: 249] обнаруживает по 15 примеров на *κ* и *нѣ* в Супрасльской рукописи, не приведя, впрочем, ни одного примера.⁴ См. *Супр*, где *κ* чаще всего выступает в роли связки:

ѠАКОЖЕ *κ* ПОДОБА [190 об.₂₆]; КО*κ*ВОДА ГЛАГОЛА ПОВЕ*κ*ЛѢНО
κ С^ГЪИ^ГИ^ГМН *н* У^ГСТЪИ^ГИ^ГМН ЗАКОНЪИ РАЗНУ^ГИ^ГИ^ГМН
МЖКАМН МЖУНТН ТА [75 об.₂₂₋₂₅]; М^ГНА *κ*АКО ОУМРЪЛЪ
κ [57 об.₆₋₇]; РАЗВЪ С^ГР^ГЕБРЪНААГО БЛЮДА · *н*ЖЕ *κ* ПОСЪЛАЛА
ГОСПОЖДА ВЕЛКАГА СЪ КОУЦН^ГИ^ГЖ [61 об.₂₉₋₃₀]; *н* ОУВЪДѢХЪ УТО
κ УВЪСТВО [133₁₃₋₁₄]; ТОМОУ *н*ЗИНА НЕ МОШТЪНО *κ* БЫТИ
[148₂₁₋₂₂]; ДА НѢСТЪ ТО ДО ТЕБЕ УТО ТОГО *κ* ОУДОБѢК [189₁₀₋₁₁];
ВЪ *н*СТННЖ АН СТРАДАВЪШН^ГИ^Г ВЪСКР^ГС^ГШН^ГИ^Г ТЪ ЖЕ *κ* ПРИШЪЛЪ
[251 об.₂₆₋₂₇] и др.

Уже только в половине *Изб 1073* (с л. 130 до л. 263) обнаружилось 180 словоформ 3 л. ед. ч. *κ*. Общее число нулевых словоформ здесь трудно-обозримо, и это свидетельствует о живом процессе генерализации нулевых форм [Жолобов 2012: 205].

В *СинП*, переписанном в юго-западной Руси, свыше 50 нулевых форм, большую часть которых составляют словоформы *κ* [Шевелёва 2001]. Поскольку словоформы *κ*, как установила М. Н. Шевелёва, встречаются не у всех писцов в рукописи, а только у двоих (в том числе у основного), можно предположить, что какая-то часть нулевых словоформ принадлежит самим переписчикам.

“Следует заметить, — пишет А. А. Зализняк, — что в берестяных грамотах во фразах с *e* ‘есть’ (не считая двусмысленного *ели / е ли*)⁵ это *e* стоит в конце первой ритмической группы фразы (*оце е тебе н[е] годена 705, аже ти е по съпехо 709, [л]ега ми е 815, [а] т[о е] монъ 936 [?]*), т. е. ведет себя как энклитика (вакернагелевского типа). Но для решительных выводов здесь все же необходимо накопление дополнительного мате-

⁴ Большинство памятников цитируются по интернет-изданиям на портале [Манускрипт 2004–2016] — крупнейшем историческом славяно-русском корпусе. Листы и строки указываются по интернет-изданиям в соответствии с рукописными оригиналами.

⁵ Ср. “недвусмысленное” *e ли*, включающее нулевую форму *e* в *СинП*: *κ* АН ЛЪЗЪ КРЪЩЕНОУ БЫТИ НЪКОМУ НЪВЪРЖИЩЮ [148 об.₉₋₁₀].

риала” [Зализняк 2004: 139]. В книге А. А. Зализняка [2008: 37 и др.], посвященной энклитикам, эта тема об энклитическом употреблении нулевых словоформ *e* далее никак не развивается.⁶ Между тем примеры энклитического употребления словоформы *e* в изобилии представлены в книжных источниках, прежде всего западно-южнорусских, хотя не всегда энклитика *e* находится именно в первой ритмической группе фразы. Как правило, энклитика находится в вопросительных предложениях, что, с одной стороны, подтверждает связь нулевых форм с нефактивной семантикой предположения, а с другой стороны, однотипность употребления подразумевает влияние речевого автоматизма. Энклитическое употребление реализуется “в клаузах” (в терминологии Зализняка) независимо от их места в синтаксически целостных предложениях различной структурной организации. См. *СинП*:

У́ТО є вѣ́ко єже нмашн по у́то не вѣ́ндешн [34₁₈₋₁₉]; реуе кѣ́ мнѣ́ у́то тн є у́то пѣуалоуѣшн [91 об.₁₁₋₁₂]; то сѣмоу лн є проскжмнсатн [105₁₋₂]; у́то є дѣнство твоє [105₈]; у́то мн є подобно да сѣтворю [66 об.₂]; н глѣ єн годѣ лн тн є [91₁]; доерѣ лн є бѣе · аще ндемъ нѣ кѣ́ комоу [112 об.₁₇₋₁₈]; н рѣхъ кѣ́ нѣмоу сѣдравъ лн є лѣвъ [113₁₉₋₂₀]; н науатъ одного вѣпрашатн отъкоу доу є [24₄₋₅]; у́то є старуе · помыслнлз лн єн [124 об.₄₋₅]; то кѣ́де є бѣ́ крѣстьянскѣ́ да нмоу давѣ́ вѣ́ занмъ [130 об.₁₅₋₁₆]; н реуе мн у́то тн є гн мон [133 об.₂₀]; како є нже н мность сѣтворн [134 об.₁₋₂]; у́то тн є н по у́то єн сѣде [136 об.₁]; сѣ лн є жнвотъ [153₁₆]; у́то тн є сѣмеонѣ [167₁₂].

В такой же позиции обнаруживается нулевая форма 3 л. мн. ч.: кѣ́де єж єже єн сѣтворнлз вѣ́ера [*СинП*: 162 об.₇].

Из этих примеров видно, что данный глагол выступает как энклитика не только в функции связки.

Гораздо реже є встречается в других типах предложений в качестве энклитики или не в энклитической позиции, в том числе в составе перфекта:

оу́корнзна бо є глѣаше патрна́рхоу [СинП: 21₁₋₂]; н пакъ нгда нмоу є годѣ [16₄₋₅]; не давѣ́ нмоу · нко́ мно́го тоу́гълнѣ́

⁶ А. А. Зализняк [2008: 38], сравнив древнерусскую систему с сербской, сохранившей обширный класс энклитик, указал, что сербская система в XIII–XIV вв. претерпела существенную ранговую перестройку. Однако связка *je* осталась на последней позиции — 7 ранг, в древнерусском все связки последнего 8 ранга. В сербском все остальные глагольные связки и вспомогательные глаголы переместились вверх во второй ранг.

ѣ [10₁₀₋₁₁]; ꙗко нжыгль ꙗ конопнона [112 об.₁₀₋₁₁]; поурьпѣте
воды ѣнко вѣ ꙗ трѣбѣ [120₁₀₋₁₁]; лѣпо ꙗ крыщеннѣмъ то
дрѣжати оуже [122 об.₁₁]; ꙗкоже ꙗ обѣуан дѣлателемъ
[126 об.₉]; н рече кмоу нъ мѣсль ꙗ вѣзала са ꙗ на та
[165 об.₈₋₉]; ꙗкоже мене бѣ ѡбратнлъ са ꙗ грѣхъ монхъ
радн [169₂₀-169 об.₁].

В подобных примерах хорошо заметна тенденция к постепенной гене-
рализации нулевой словоформы ꙗ вместо стандартной ксть/ксть.

В вопросительных предложениях энклитика ꙗ является обычной
для старославянских текстов:

ѸТО ѣ НАМА Н ТЕБѢ СНОУ БЖН [Сав: 37 об.₁₁]; Тс же глѣ нмъ
ѸТО ѣ ДѢЛО СЕ [47 об.₅]; ѸТО ꙗ СЛОВО · ѸТ° КОВАРСТВО · ѸТО ꙗ
МЫСЛЬ СЫНТНЮ НГО [Сунр: 230₂₀₋₂₁]; ѸТО МН ꙗ ОБЕНКАНО А ѸТО
НЕ ОБЕНКАНО · ѸТО МН ꙗ СТРАСТНОЕ ѸТО ЛН БЕСТРАСТНОЕ ·
ѸТО МН ꙗ СМРТЬНО ѸТ° ОУМРЬШТВЕНО ТЕБЕ ДѢЛА · ѸТО ЛН
ОСТАЛО БЕ СМРТЬН · ѸТО ꙗ · ꙗже ПОДЪПАДА ТВОИМЪ ПРСТВОМ'
[252 об.₄₋₈].

Можно предположить, что энклитическая позиция была первичной
для распространения формы *e*.

Энклитика *e* наблюдается в разных книжных источниках древне-
русского письма:

- в формульном вопросительном типе: мѣ же не вѣдоуштен
коꙗ ꙗ десница · коꙗ лн шоуница [ПА: 177b]; страхъ нзгнавъ ѡ
срѣца своѣго · дерзновѣно глн намъ · ѸТО ТН ꙗ ДѢЛО ПОУТО
ПРОДАНЪ КСН [П: 299a₁₂₋₁₅];⁷

- в придаточных условных в составе перфекта с нефактивным зна-
чением предположения: аще тн ѣ бѣ мон повелѣлъ поговѣнтн
мѣ · да прнмоу съ блгодареннѣмъ бѣ моꙗго повелѣннѣ [ЖНК:
6 об.₉₋₁₂];⁸

- в придаточных обстоятельственных в составном именном ска-
зуемом с гномическим (от *гнома* — образное изречение общего нра-
во- или вероучительного характера) значением: подобна бо ꙗ стрѣ
несытаго сна бѣвнью [П: 266₆₋₇];

- в полипредикативных цепях со значением неактуального на-
стоящего — гномах: ꙗвѣ же ꙗ ꙗко съмѣреннѣмъ дактѣ бѣ

⁷ П — вольнская рукопись. Ср. в источниках иной региональной принадлежности: подобна бо ксть стрѣ несытаго сна [Тр: 22a₃₋₄]; подобна бо ксть стрѣ [А: 20г₃₀₋₃₁].

⁸ ЖНК — галицко-вольнский источник.

БЛАГОДЕТЬ · ПРѢЗОРНВЪНМЪ ЖЕ ПРОТНВНТЬ СѦ [ПА: 175d]; МАЛА
 ѐ ВЪСѢ ЗЪЛОБА ПРОТНВЖЪ ЗЪЛОБѢ ЖЕНЬСТѢ [42c]; ТАКА ТН ѐ
 ВЕЩЬ ГРѢХОВНАА · РАДОУНТЬСѦ ВЪ МАЛѢ А СТРАЖДЕТЬ МНОГО ·
 КРАСИТЬСѦ МАЛО А МОУНТЬСѦ ВЪ ВѢКЪ [Т: 113г₄₋₇].⁹

В традиционной энклитической позиции в вопросительных пред-
 ложениях изредка наблюдается форма 3 л. мн. ч. (см. выше пример из
СинП). См. в волинском списке Паренесиса Ефрема Сирина: сѣ лн сѹ
 БОЛЕЗНИ [Л: 115б₁₃₋₁₄].¹⁰

Неэнклитическая словоформа *e* известна северо-восточным источни-
 кам. См. в полипредикативных цепях с презенсом гномического типа:

НЕ ОУБЕ КСТЬ КДННО ТЕРПЕНЬЕ. НО ВСАКОИ ДѢТЕЛН ѐСКОМО ѐ
 [А: 134а₂₉-134б₂]; СЪ БО ѐБЫУАНЪ ЗЛОБЕНЪИ СЛАБОСТИ ВЛЕУЕТЬ
 К СЕБѢ · МНѢ ПОВНИУЩОСА ѐМОУ · ЛЮТѢ ѐ СТРАНЕНЪИ
ѐБЫУАНЪ НЪ ЗЛОБЕНЪ · НАКО ЖЕЛЕЗНАМН ОУЗАМН ПОМЫСЛА ·
 ОУГОДНЫ ѐБРѢТАЮТ МН СѦ · ПРИСНО ОУЗЫ [Тр: 187а₁₂₋₂₁].¹¹

Повсеместное использование отрицательной нулевой формы **нѣ** vs.
нѣсть отражается в современном русском *нет* < **нѣ** тоу. См. ранние
 примеры в *СбТр* в полипредикативных высказываниях гномического
 характера с неактуальным настоящим:

АЖЕ КСТЬ ТАЖЕ ВСЕГО · НЖЕ НЩЕТЬ ЖИТНѦ СЕГО · А ДОБРА НА
 НЕМЪ нѣ ТОУ [18 об.]; ВРЕМА МАЛО КСТЬ · А СОУДЪ ДОЛГЪ Н БЕС
 КОНЬЦА · КОНЬУНА БАНЪ Н СТРАХЪ МНОГЪ · А НЗБАВЛЯЮЩА
 НИКОГОЖЕ нѣ ТОУ [21 об.].

Широкое распространение презенса с неактуальным значением **нѣ**
 косвенным образом свидетельствует о частотности словоформы ѐ. Ти-
 пичными для **нѣ**, как и для ѐ, являются вопросительные предложения
 со значением неактуального настоящего, хотя отрицательный глагол и
 не связан с энклитической позицией. (См.: нѣ лн сѣ ѐГОЖЕ ѐСА [Тр:
 147в₁₀₋₁₁] и мн. др.).

⁹ Т — новгородский источник. Ср. в других источниках: ТАКО ТН ѐСТЬ ВЕЩЬ
 ГРѢХОВНАА · РАДОУНТЬСѦ ОУ МАЛѢ А СЪТРАЖЕТЬ МНОГО [Л: 238б₁₇₋₂₁];
 ТАКА ТН ѐСТЬ ВЕЩЬ ГРѢХОВНАА [Тр: 144в₂₂₋₂₄]; ТАКА ѐСТЬ ВЕЩЬ
 ГРѢХОВНАА [А: 156в₂₆₋₂₇].

¹⁰ Ср. в других списках: сѣ лн сѹТЬ БОЛЕЗНИ [Т: 31б₁₃₋₁₄]; сѣ лн сѹТЬ БОЛЕЗНИ
 [Тр: 72б₁₂]; сѣ лн сѹТЬ БОЛЕЗНИ [А: 79в₇₋₈].

¹¹ А. А. Турилов, сравнив почерки московского Сийского Евангелия и списка
 Тр, отмечает: “Почерком одного из писцов Сийского Евангелия написана
 значительная часть (л. 116–218 об., 230 об.–248 об., и, возможно, 1–4) Паренесиса
 Ефрема Сирина (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 7); большой близостью
 отличается и тератологическая орнаментика рукописей” [Турилов 2011: 33–34].

Таким образом, широкую распространенность энклитических словоформ *e* в древнеславянской письменности можно считать доказанной. Чаще всего они встречаются в вопросительных предложениях со значением нефактивного действия предположения. Приведенные данные проливают свет на характер аналогичных, но весьма редких форм в берестяной письменности. Предположительный характер заключения А. А. Зализняка по поводу их статуса может быть с уверенностью заменен на вполне утвердительный. Редкость энклитических словоформ *e* в берестяной письменности вряд ли стоит напрямую связывать с диалектной особенностью. Это может быть связано лишь с ограниченным числом дискурсивных текстуальных типов в грамотах на бересте. Все же обращает на себя внимание факт чрезвычайно высокой частотности как энклитических, так неэнклитических нулевых словоформ *e* в южнославянских и юго-западных древнерусских источниках. При повсеместном употреблении данных форм их высокую частотность в последних упомянутых источниках следует рассматривать как региональную черту. Помимо обозначения нефактивного действия предположения, употребления в придаточных предложениях и полипредикативных цепях, в целом словоформы *e* со значением неактуального настоящего часто встречаются в гномических типах дискурса, так что и сами глагольные формы функционируют как гномический презенс.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН	Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
BN	Biblioteka Narodowa (Warszawa)
NUK	Narodna in univerzitetna knjižnica (Ljubljana)

Библиография

Источники

А

БАН 31.7.2, Паренесис Ефрема Сирина, 1377 г., 258 л.

ГрБ

Древнерусские берестяные грамоты (электронный ресурс; режим доступа: <http://gramoty.ru/>; последнее обращение: 15.07.2016).

ЖНК

РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 1832, Сборник кон. XII в., “Житие Нифонта Констанцкого”, л. 1–33, по изд.: Дубровина В. Ф., Бахтурина Р. В., Голышенко В. С., изд., *Выголексинский сборник*, С. И. Котков, ред., Москва, 1977.

Изб 1073

ГИМ, Син. 1043, Изборник 1073 г., 266 л., по интернет-изданию: Кокорина Т. В., Соколова А. А., “Изборник 1073 г.”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Манускрипт 2004–2016

Портал “Манускрипт”, Лаборатория по автоматизации филологических работ УдГУ, Ижевск, 2004–2013; Кафедра лингвистики ИЖГТУ, Ижевск, 2005–2016 (электронный ресурс; режим доступа: <http://manuscripts.ru/>; последнее обращение: 15.07.2016).

П

РНБ, Собрание М. Н. Погодина, № 71а, 328 л., Паренесис Ефрема Сирина, 1269–1289 гг., по интернет-изданию: Жолобов О. Ф., Москалева Л. А., “Паренесис Ефрема Сирина, 1269–1289 гг., древнерусского письма”, в: [Манускрипт 2004–2016].

ПА

ГИМ, Воскр. 30, 309 л., Пандекты черноризца Антиоха, XI в., по интернет-изданию: Корнилова Д. С., Алеченкова А. С., Зуга О. В., Рябова Е. В., Ралева Ц., Головизнина О. В., Кокорина Т. В., Соколова А. А., “Пандекты черноризца Антиоха”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Сав

РГАДА, Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии (ф. 381, оп. 1), № 14, 166 л., Саввина книга, XI, XI–XII, XIII вв., по интернет-изданию: Мигонов А. Л., “Евангелие апракос краткий («Саввина книга»)”, в: [Манускрипт 2004–2016].

СбТр

РГБ, ф. 304.1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 12, 202 л., Сборник XII–XIII вв., изд.: ROPOVSKI J., THOMSON FR. J., VEDER W. R., *The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in Transcription* (= Polata knigopisnaja, 21–22), Leiden, 1988; цифровая фотокопия рукописи на сайте Троице-Сергиевой лавры (электронный ресурс; режим доступа: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>; последнее обращение: 15.07.2016); интернет-издание: Жолобов О. Ф., Паймина О. С., “Троицкий сборник, XII–XIII вв., древнерусского письма”, в: [Манускрипт 2004–2016].

СинП

ГИМ, Син. 551, 184 л., по изд.: Голышенко В. С., Дубровина В. Ф., *Синайский патерик*, Москва, 1967, по интернет-изданию: Кокорина Т. В., Соколова А. А., Зуга О. В., “Синайский патерик”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Супр

ВН, VOZ (Собрание Замоиских), № 21, 151 л., NUK, Cod. Кор. 2, 118 л., РНБ, Q.п.72, 16 л., Супрасльская рукопись, XI в., 285 л., по интернет-изданию: Рябова-Чернова Е. В., “Миняя четья на март, сер. XI в., старослав.”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Т

РГАДА, Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии (ф. 381, оп. 1), № 38, 143 л., Паренесис Ефрема Сирина, 1270–1280-е гг., по интернет-изданию: Жолобов О. Ф., “Паренесис Ефрема Сирина, 70–80-е гг. XIII в., древнерусского письма”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Тр

РГБ, ф. 304.1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 7, 245 л., Паренесис Ефрема Сирина, около сер. XIV в., по интернет-изданию: Жолобов О. Ф., “Паренесис Ефрема Сирина, около середины XIV в., древнерусского письма”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Литература

ВАЙАН 1952

ВАЙАН А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва, 1952.

ВАН-ВЕЙК 1957

ВАН-ВЕЙК Н., *История старославянского языка*, Москва, 1957.

ЕЛИЗАРЕНКОВА 1982

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я., *Грамматика ведийского языка*, Москва, 1982.

ЖОЛОВОВ 2012

ЖОЛОВОВ О. Ф., "О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках", *Русский язык в научном освещении*, 1 (23), 2012, 194–231.

—2013

ЖОЛОВОВ О. Ф., "Презенс-футурум в Троицком сборнике (РГБ, Тр. 12)", *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 155/5, 2013, 30–39.

—2014

ЖОЛОВОВ О. Ф., "О рефлексах *ti-* и *t-* форм глаголов в древнерусском языке", *Russian Linguistics*, 38/1, 2014, 121–163.

ЗАЛИЗНЯК 2004

ЗАЛИЗНЯК А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва, 2004.

—2008

ЗАЛИЗНЯК А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

ЛОМТЕВ 1954

ЛОМТЕВ П. Т., "[Рец. на:] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд-во Моск. ун-та, 1953", *Вопросы языкознания*, 5, 1954, 137–144.

ТУРИЛОВ 2011

ТУРИЛОВ А. А., "Средневековье и Новое время", в: *Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции*, Москва, 2011, 33–34.

ШАХМАТОВ 1903, 1–2

ШАХМАТОВ А. А., *Исследование о двинских грамотах XV в.*, 1–2, С.-Петербург, 1903.

ШЕВЕЛЁВА 2001

ШЕВЕЛЁВА М. Н., "Орфография сочетаний гласных с плавными в Синайском Патерике и проблема его диалектной локализации", в: М. Л. Ремнёва, ред., *Вопросы русского языкознания*, 9: *Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах*, Москва, 2001, 168–221.

BJØRNFLATEN 2003

BJØRNFLATEN J. I., "Bemerkungen zur Ausbreitung und Chronologie der Nullendung der 3. Pers. Präs. in den russischen Mundarten," in: S. KEMPGEN, U. SCHWEIER, T. BERGER, eds., *Rusistika. Slavistika. Linguistika. Festschrift für Werner Lehfeldt* (= Die Welt der Slaven. Sammelbände, 19), München, 2003, 48–56.

DIELS 1934

DIELS P., *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch* (= Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, 1: Grammatiken; 6: Altkirchenslavische Grammatik), Heidelberg, 1934.

ERHART 1989

ERHART A., *Das indoeuropäische Verbalsystem* (= Opera universitatis purkynianae brunensis fakultas philosophica, 290), Brno, 1989.

LESKIEN 1955

LESKIEN A., *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar*, 7. verb. und mit neuem Literaturverzeichnis versehene Aufl., Heidelberg, 1955.

VONDRÁK 1912

VONDRÁK W., *Altkirchenslavische Grammatik*, Berlin, 1912.

References

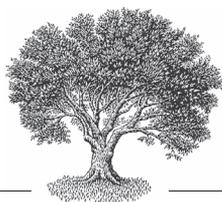
- Björnflaten J. I., "Bemerkungen zur Ausbreitung und Chronologie der Nullendung der 3. Pers. Präs. in den russischen Mundarten," in: S. Kempgen, U. Schweizer, T. Berger, eds., *Rusistika. Slavistika. Linguistika. Festschrift für Werner Lehfeldt* (= Die Welt der Slaven. Sammelbände, 19), München, 2003, 48–56.
- Diels P., *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch* (= Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, I: Grammatiken; 6: Altkirchenslavische Grammatik), Heidelberg, 1934.
- Dubrovina V. F., Bakhturina R. V., Golyshenko V. S., Kotkov S. I., eds., *Vygoleksinskii sbornik*, Moscow, 1977.
- Elizarenkova T. Ya., *Grammatika vediiskogo iazyka*, Moscow, 1982.
- Erhart A., *Das indoeuropäische Verbalsystem* (= Opera universitatis purkynianae brunensis facultas philosophica, 290), Brno, 1989.
- Golyshenko V. S., Dubrovina V. F., eds., *Sinaiiskii paterik*, Moscow, 1967.
- Leskien A., *Handbuch der albulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar*, 7. verb. und mit neuem Literaturverzeichnis versehene Aufl., Heidelberg, 1955.
- Lomtev P. T., "[Rev.:] P. S. Kuznetsov. Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Morfologija. Izdvo Mosk. un-ta, 1953." *Voprosy jazykoznanija*, 5, 1954, 137–144.
- Popovski J., Thomson Fr. J., Veder W. R., *The Troickij sbornik* (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): *Text in Transcription* (= Polata knigopisnaja, 21–22), Leiden, 1988.
- Sheveleva M. N., "Orfografiia sochetanii glasnykh s plavnymi v Sinaiskom Paterike i problema ego dialektnoi lokalizatsii," in: V. L. Remnyova, ed., *Voprosy russkogo iazykoznanii*, 9: *Dialektnaia fonetika russkogo iazyka v diakhronnom i sinkhronnom aspektakh*, Moscow, 2001, 168–221.
- Turilov A. A., "Srednevekov'e i Novoe vremia," in: *Vtorye chteniia pamiati akademika RAN L. V. Milova*, Moscow, 2011, 33–34.
- Vaillant A., *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*, Moscow, 1952.
- Van Wijk N., *Istoriia staroslavianskogo iazyka*, Moscow, 1957.
- Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.
- Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.
- Zholobov O. F., "On Reflexes of the Injunctive in Old Russian Literary Sources," *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* (Russian Language and Linguistic Theory), 1 (23), 2012, 194–231.
- Zholobov O. F., "The Present-Future Tense in the Trinity Miscellany (Russian State Library, Paper 12)," *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta* (Proceedings of Kazan University), 155/5, 2013, 30–39.
- Zholobov O. F., "On Reflexes of *Ti*- and *T*-forms of Verbs in Ancient Russian," *Russian Linguistics*, 38/1, 2014, 121–163.

Acknowledgements

Russian Foundation for Humanities. Project No. 15-04-00283.

проф. Олег Феофанович Жолобов, д. филол. наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики
420008 Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Россия/Russia
ozolobov@mail.ru

Received January 30, 2016

**“Идя ко святому
Иакову”:
древнерусское
граффито XII в.
в Аквитании**

**Александр Михайлович
Гордин**

Государственный Эрмитаж,
С.-Петербург, Россия

**Татьяна Всеволодовна
Рождественская**

С.-Петербургский государственный
университет, С.-Петербург, Россия

**‘When Going
to Saint James’:
An Old Russian
Graffito from
the 12th Century
in Aquitania**

Alexander M. Gordin

State Hermitage Museum,
St. Petersburg, Russia

Tatiana V. Rozhdestvenskaya

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В 2015 г. в городе Понсе, в бывшей провинции Сентонж, на стене приходской церкви Сен-Вивьен, памятника середины XII в., было обнаружено древнерусское паломническое граффито. Это вторая после граффито из аббатства Сен-Жиль подобная находка во Франции. Стоящий на самом западном пути в Сантьяго-де-Компостела (via Turonensis) г. Понс интересен сохранившимся в нем паломническим госпиталем второй половины XII в. На стенах его длинной проходной арки — вырезанные средневековыми пилигримами подковы, наиболее поздняя из которых обрамляет имя, очевидно, также написанное кириллицей (XVI–XVII вв.). Надпись в основании се-

верного торца первоначального фасада церкви Сен-Вивьен сделана от лица некоего Ивана Завидовича: “Ивано ꙗ҃ло Зави\довиче и҃да ко\ свѣтому Иа\ ковоу”. Ее наиболее вероятная палеографическая датировка — 1160–80-е гг. По данным берестяных грамот и летописей имя отца Ивана *Завид* было популярно в среде новгородского боярства. С Новгородом же связано и наибольшее число косвенных свидетельств проникновения на Русь западного культа апостола Иакова Старшего. Хорошая сохранность надписи делает ее важной эпиграфической находкой, однако главная ее ценность состоит в прямом документальном доказательстве факта хождения древнерусских паломников к мощам святого Иакова в Галисию.

Ключевые слова

Древнерусские граффити, средневековая эпиграфика, палеография, Франция, церковь Сен-Вивьен в Понсе, Госпиталь для пилигримов, паломничество в Сантьяго-де-Компостела, Новгород, процветший крест, XII в.

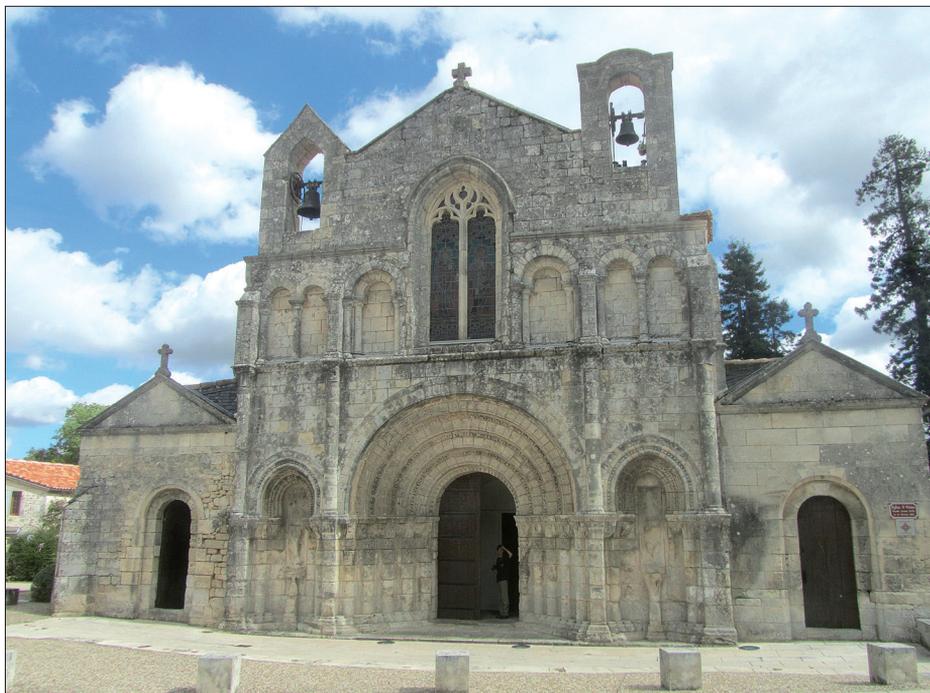
Abstract

In 2015 in Pons, in the former province of Saintonge, an Old Russian pilgrim graffito was found on the wall of the parish church of St. Vivien, a monument of the mid-12th century. It is the second graffito found in France after the one discovered at St. Gilles Abbey. The town of Pons is located on the westernmost route of Santiago de Compostela (via Turonensis) and is noteworthy because of the preserved pilgrim almshouse of the latter half of the 12th century. On the walls of its long archway are horseshoe drawings made by medieval pilgrims, the latest of which, dating from the 16th–17th centuries, bends around a name that is also apparently written in Cyrillic script. The earlier inscription, which appears at the base of the northern end wall of the original façade of the St. Vivien church, is made in the name of one Ivan Zavidovich: “Ivano ps[aj]lo Zavildoviche ida ko | sv[et]omu I[ek]kovu” (= ‘Ivan Zavidovich wrote this when going to Saint James’). The most probable palaeographic dating is in the 1160s–1180s. As suggested by birch bark manuscripts, the name of Ivan’s father, Zavid, was popular among Novgorod boyars. Novgorod is also the place with the greatest indirect evidence of the occurrence in Old Russia of the western cult of St. James. This well preserved inscription is an important epigraphic discovery, but its main value lies in the direct evidence of pilgrimages by Russians to the shrine of St. James in Galicia.

Keywords

Old Russian graffiti, medieval epigraphy, palaeography, France, Saint Vivien Church in Pons, almshouse, St. James’s Way, Novgorod, flower cross, 12th century

На французском любительском интернет-сайте “Les Graffiti anciens, un patrimoine fragile et méconnu” (<http://graffitimania.free.fr/>) опубликована фотография хорошо читаемой кириллической надписи и расположенного рядом изображения процветшего креста. Никакого комментария, кроме пометки “inscription”, под фотографией нет. Состоявшаяся в сентябре 2015 г. поездка одного из авторов данной статьи на место обнаружения надписи подтвердила присутствие граффито по указанному

Илл. 1. Понс (Франция, Приморская Шаранта), церковь Сен-Вивьен. Середина XII в. с перестройками XV, XVIII и XIX вв. Фотография Н. Гординой

на сайте адресу: департамент Приморская Шаранта, город Понс, церковь Сен-Вивьен (Илл. 1).

Это вторая древнерусская кириллическая надпись, обнаруженная во Франции, после надписи второй половины XII – середины XIII в. из аббатства Сен-Жиль в Провансе: Г(оспод)и помъзи равоу съѣмоу Сьмкъви Нинославичю [BRUN ET AL. 2014: 118].

Надпись расположена на северном плече широкого романского фасада церкви, в четвертом снизу ряду кладки массивного контрфорса, на высоте 83 см от современного пола или, судя по цоколю фасада, примерно в метре от уровня средневековой дневной поверхности, что означает, что автор писал пригнувшись или стоя на коленях (Илл. 2). Со времени пристройки к церкви в XVIII в. север-

Илл. 2. Понс, церковь Сен-Вивьен. Местоположение надписи в интерьере. Фотография А. Гордина

ного бокового нефа нижняя половина контрфорса находится в интерьере.¹ Не исключено, что какая-то пристройка существовала с этой стороны и ранее, хотя и не изначально. Покрывающие выступ стены — и до недавнего времени сама надпись — слои побелок трудно сосчитать: их не меньше десятка; следы линий красной охры на одном из слоев могут свидетельствовать о готическом мотиве имитации кладки или ином интерьерном узоре. Удаление значительной части набелов и раскрытие граффито — результат косметической реставрации 1970-х гг., а возможно, и чьих-то любительских усилий.²

Надпись состоит из четырех строк. Несмотря на повреждение как минимум двух букв и остатки побелки, текст надписи прочитывается без труда (Илл. 3, За):

1. ИВАНѦ ЦѦЛО ЗАВ(И)
2. ДОВИЧЕ ИДА КО
3. СВАТГОМУѦ ИА
4. КОВОУ

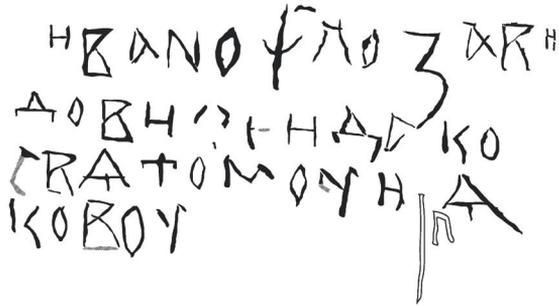
Перевод: “Иван писал Завидович, идя к святому Иакову”.

Илл. 3. Надпись и крест. Вторая половина XII в. Фотография А. Гордина

¹ Фасад северного бокового нефа перелицован одновременно с пристройкой южного в XIX в.
² Как выяснилось после публичной презентации находки на конференции в Государственном Эрмитаже (10 ноября 2015 г.), рассматриваемую надпись видели в 2010 г. сотрудники архитектурно-археологического сектора Эрмитажа П. Л. Зыков и О. М. Иоаннисян.

Границы строк определены швом между блоками кладки. В конце первой строки от буквы **И** сохранилась лишь левая мачта, правая попала в выбоину на границе блоков; отметим и малый масштаб этой буквы как в начале строки, так и в ее конце; во второй строке в слове **Завидовиче** от **Ч** сохранились лишь верхние части закругленной

0 1 2 3 4 5 см
+++++

Илл. 3а. Прорись по фотографии, выполненная П. Л. Зыковым. Размеры камня с надписью 28,5×43 см

чаши и часть ножи. Над буквой **Щ** еле заметна правая часть титла. Для палеографической датировки в соответствии с [Зализняк 2000: 152–217, 220–245] показательны формы буквы **А**, значительно меньшей по размеру в сравнении с другими, с остроугольной петлей, крупная **В** с заходящей за нижнюю верхней петлей, **З** вертикальной формы, с переломом, **К** с уменьшенным верхом и несоединяющимися правой и левой частями, **А** с низкой перекладиной и коротким вертикальным язычком, **Щ** с высокой остроугольной чашей и мачтой, выходящей за уровень строки. Все начертания букв хронологически укладываются в промежуток между 1160-ми – 1180-ми гг. Соответственно, примерно этим временем можно датировать и нашу надпись. Имя и отчество Ивана Завидовича разрывает глагол **ψль**, что не является редкостью в древнерусских, преимущественно новгородских, граффити, напр.: в Софии Новгородской — **Ст(ьп)анъ ψль Рожн(а)тиць, Михал(ъ) п(ъ)салъ Людогости(ничь)** [Медынцева 1978: 125, 161]; **Св(о)-дька ψль Микѹлиницъ** в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, а также в граффити-автографах в Софии Константинопольской. Дистантное расположение членов словосочетания (личное имя и отчество или прозвище) вообще характерно для синтаксиса берестяных грамот и летописей [Зализняк 2004: 189–190]. В надписи отражена древнерусская бытовая орфографическая система письма с заменой конечных **ъ / о**, характерная для берестяных грамот и эпиграфики начиная с XII в. [Ивд.: 21–25]: **Иванъ** и **ψло**. Древнерусская форма причастия муж. рода на **-а (нда)** соответствует древнерусской грамматической норме. В то же время употреблена церковнославянская книжная форма имени **Иаков** с **а**, которая находит параллель в орфографии, в частности, монашеского имени в граффити № 118 XII в. в Софии Киевской (см.

табл. xxiv–xxv: 1 [Высоцкий 1976: 41]). Разделяющая **и** и **л** вертикальная черта могла существовать на камне и до появления надписи, чего, однако, не скажешь о загадочной букве **п** (ср. [Медынцева 1978: рис. 41, № 53], не только абсолютно тождественной по фактуре линий букве **л**, под которой она расположена, но и совершенно непохожей на камнетесную метку — в отличие, скажем, от зеркальной и перевернутой строчной буквы **п**, просматривающейся у правого края камня ровно на половине его высоты.³ Написание имени **Иванъ** со значительно более мелкой, чем остальные, начальной буквой, встречается во многих древнерусских граффити, т. е. вполне стереотипно [ивд.: рис. 9, 41, 85, № 52, 53, 156; Высоцкий 1976: табл. сxxvii–сxxviii: 4, № 240, табл. xlix–l: 3, № 142]. Разномасштабность букв в древнерусской эпиграфике вообще не редкость: в более мелких настенных надписях, как и в грамотах на бересте, она, однако, меньше бросается в глаза. В надписях на каменных блоках и плитах разномасштабность букв присутствует и в южнославянских памятниках. Так, среди глаголических надписей из Боснии и Истрии отметим надписи на обломках плит, найденных в непосредственной близости от известной Башчанской плиты ок. 1100 г., в которых некоторые буквы значительно превосходят по размерам остальные [Fučić 1982: 62–63, 65].⁴

Отчество Ивана *Завидович*, как и само имя *Завид*, встречающееся как на южно-, так и на западнославянской территории, у восточных славян более известно по новгородским источникам. О популярности его в новгородской боярской среде свидетельствуют берестяные грамоты, найденные на Неревском и Троицком раскопах в слоях начала XII – середины XIII в. ([Зализняк 2004: № 103, 156, 228, 644, 665, 736а, 798, 818, 824], а также № 987 [Янин et al. 2015: 91]), и одна владельческая надпись на гребне [Янин, Зализняк 1993: 114–115, № 25]. *Завиду* адресовано письмо № 824 (возможно, также № 803) и грамота № 665, также он автор письма № 798 и упомянут в грамоте № 818. Все эти документы тяготеют ко второй половине XII в. Грамота № 644, также адресованная некоему *Завиду*, датируется первой четвертью XII в. Новгородские летописи называют, во-первых, умершего в год своего поставления посадником (1128 г.) шурина князя Мстислава Всеволодовича *Завида Дмитрича* (деда его также звали *Завид*) [НПЛ: 21–22, 204–206]; во-вторых,

³ Благодарим П. Л. Зыкова, любезно выполнившего прорись надписи и обратившего наше внимание на эту деталь.

⁴ Вопрос о палеографических аналогиях в южнославянской и древнерусской эпиграфике представляется весьма важным в истории развития эпиграфического письма и требует специального рассмотрения — зависит ли разномасштабность букв в надписях от технических причин, либо это связано с уровнем грамотности писавшего, либо от передаваемой данным словом информации, либо и от того, и от другого.

посадничавшего с 1176-го по 1180-й и затем второй раз, по 1186 г., *Завида Неревинича* из Неревского конца [ИВІД.: 35–36, 38, 224–226, 228]; в-третьих, убитого в 1194 г. по подозрению в измене *Завида Негочевича* [ИВІД.: 41, 234]; и в-четвертых, перебежавшего в 1216 г. к князю Ярославу Владимировичу *Володислава Завидица* [ИВІД.: 55, 254–255], предположительно из Людина конца [Янин, Зализняк 1993: 10–16].⁵

В последние годы в Софии Константинопольской обнаружены многочисленные граффити русских паломников [Артамонов, Гиппиус 2012: 41–52], в их числе оставил свой автограф некий *Завид*: **ЗАВИДЕ** **ΨАЛЪ** **ДАНЕТИНИЧЬ**. В имени *Завид* окончание *-е* в им. пад. ед. числа *о*-склонения подтверждает новгородское происхождение автора надписи [Артамонов et al. 2012: 288]. Отметим здесь дистантную позицию имени *Завид* и отчества *Данетиничь*. В новгородском Софийском соборе на южной стене северной паперти процарапано имя *Завидъ*, выполненное глаголицей, стратиграфическая датировка этого граффито — 1045–1109 гг. [Михеев 2012: 71–72]. Несмотря на то, что нет собственно лингвистических оснований связывать нашего Ивана Завидовича, идущего “к святому Иакову”, непременно с Новгородом, такая связь представляется все же весьма вероятной.

На соседнем с надписью Ивана Завидовича каменном блоке находится крупное изображение процветшего креста. Мастерское, хотя и не вполне завершенное автором, оно является столь же ярким этнокультурным знаком, что и древнерусский текст. Небольшие рисунки процветших крестов сопровождают немало молитвенных надписей-граффити домонгольского времени (в новгородском и киевском Софийских соборах, в церкви Спаса на Берестове и др.), однако начертание нашего креста напоминает, скорее, аналогичные изображения в настенных росписях: процветший крест лестничной башни собора новгородского Антониева монастыря (вторая четверть XII в.), кресты орнаментов подкупольных арок Нередицы [Пивоварова 2002: илл. 222]. Не менее экзотичный для романской Франции, чем кириллица, процветший крест воспринимается сегодня лишь как символично-художественное дополнение надписи. Однако глагольная форма **ΨАЛЪ** могла относиться и к изображению креста, поскольку древнерусский глагол *писати* имел также значение ‘украшать живописью, расписывать’ [Срезневский 1895, 2: 936],⁶ ‘рисовать’. Более того, выражение **ΨАЛЪ** **ХР(Є)СТЪ** прямо встречается среди домонгольских надписей [Высоцкий 1966: 111,

⁵ Список посадников новгородских насчитывает, в общей сложности, три Завида [НПЛ: 164, 471–472].

⁶ *Коньцаша цркъвь пишоще стго Блговѣщення* (НПЛ, 6697 г.); *Повелѣ владыка Василан писати церковь Входъ Иерусалимъ [. . .] Исаю Грѣчнину с други* (НПЛ, 6846 г.).

табл. LXIX–LXX: 2, № 76], и можно думать, что второе слово в ряде случаев просто опускалось как очевидное (ср. [Медынцева 1978: 82, 161, рис. 72, 135, № 90, 224]). Лаконизм начертания креста — четырех-, а не шестиконечного, как обычно, — объясним прежде всего трудоемкой техникой исполнения. Сказалась она и в незавершенном абрисе тугих побегов, в самом деле, удивительно родственных по форме фресковым орнаментальным завиткам.

Большие размеры надписи (поле 27,5×40 см) и креста (16,7 см высотой) могут свидетельствовать как об амбициозности автора (заказчика) граффито, так и о выполнении им и его вероятными спутниками определенной миссии — поручения либо самочинного желания принести домой благословение от апостольского гроба.⁷ Разумеется, на Руси известны и более крупные надписи частного характера: достаточно упомянуть граффито Стефана на Выдубицкой церкви [Высоцкий 1985: 46, 126, № 325, табл. XIX: 1–2]. Однако почти все эти надписи имеют неупорядоченный вид, образуя длинные, неровные строки. Даже публичная по содержанию запись о судебном разбирательстве “плотеников” на фасаде сложной в белокаменной технике церкви св. Пантелеймона в Галиче Южном не соблюдает вертикальной границы квадрата [Иоаннисян, Рождественская 2009: 200–201, илл. 4, 7]. Своей четкой соотносительностью с форматом камня — лишь буква *n* в первой строке нарушает оставленные по краям поля — граффито Ивана Завидовича в какой-то мере сближается с традицией латинских официальных лапидарных надписей на отдельных рядовых блоках кладки. Возможно, мы имеем дело с неосознанным подражанием. Прodelав сотни верст по дорогам Германии и Франции, русский путник вполне мог видеть такие, часто совсем скромные, надписи в интерьерах и на наружных стенах церквей. Некоторые из них, подобно эпитафии XI в. на цоколе южной абсидиолы трансепта паломнической церкви Сен-Илер-лэ-Гран в Пуатье [CIFM, 1: 64–66, n° 61, pl. xx, fig. 41], мимо которой он наверняка проходил, расположены совсем низко от земли.⁸

Глубоко вырезанный кружок на находящемся под надписью и крестом блоке камня, а также едва заметные латинские капитальные

⁷ О том, что паломничества из Руси совершались не в одиночку, а целыми группами, что естественно при отправлении в столь далекий путь, свидетельствуют, напр., компактно расположенные граффити на колоннах Софии Константинопольской, сделанные одновременно разными людьми, участниками этих паломничеств [Артамонов, Гиппиус 2012: 41–52].

⁸ Не забудем и о распространенной в древней Руси практике обводить написанное рамкой, хотя она относится к надписям небольшого размера, см., напр., поминальные граффити XIV–XV вв. в новгородской церкви Николы на Липне [Рождественская 2009: 151–158].

буквы **AN**. . . (далее не разобрать)⁹ 13–15 мм высотой в вышележащем ряду кладки выглядят скорее “сопутствующими” или же спротоцированными древнерусской надписью элементами. Что касается букв, то длинная верхняя черта у **A** определенно указывает на XII–XIV столетия. На остальных камнях северного торца фасада, как, впрочем, и на соседних стенах, никаких, даже поздних, граффити не обнаруживается. И только на обороте западного фасада, левее главного портала, можно разглядеть столь характерный для Сентонжи рисунок одномачтового судна, “тройную ограду” (она же “мельница”, или “вавилон”), напоминающую романский модильон коронованную голову и несколько других изображений.

В отличие от частной молитвенной надписи Семки Нинославича в Сен-Жиль-дю-Гар,¹⁰ такое же изолированное [BRUN ET AL. 2014: 118], но более монументальное по технике и стилю граффито в Понсе неизбежно ставит вопрос о степени легальности его появления на стене приходской церкви.¹¹ Заручался ли Иван Завидович согласием ее клириков? Что касается выбора места для надписи, то с северной стороны церкви по традиции могло находиться кладбище. Правда, на плане наполеоновского кадастра (1813 г.) оно, напротив, примыкает к ней с запада и юга. Во всяком случае, о менее парадном характере северного торца говорит отсутствие у контрфорса — в отличие от симметричной ему южной лопатки — резной карнизной тяги, и это без каких-либо следов перекладок. Вместе с тем буквально за углом, в боковой арочной нише западного фасада, находилась статуя патронального святого [SENILLOU 1990: 69].

* * *

Паломничества к гробницам апостолов Петра и Иакова, а также латинских святых до самого последнего времени воспринимались как сугубо западные, к которым православная Русь не имела никакого касательства.

⁹ Очевидно, ANNO или ANNI, т. е. “лета. . .”

¹⁰ Компактное письмо надписи Семки Нинославича, с разной высотой строк и сочетанием квадратных и вытянутых букв, находит параллель в близком по тексту, хотя и менее аккуратном граффито в апсиде Михайловского придела Софии Киевской [Высоцкий 1976: 51, табл. XXI–XXII, № 134]. В обоих случаях наиболее крупно написаны слова *рабу своему*, что может говорить об определенном стереотипе; совпадает и изящное S-образное титло над г(оспод)и (ср. также: [Медынцева 1978: 79–80, рис. 65, № 81]).

¹¹ Надпись и крест не процарапаны, а выбиты в камне. Отдельные линии, возможно, подправлены и усилены затем острым лезвием.

Однако уже первая информация об открытии русской надписи в Сен-Жиль-дю-Гар наряду с недавними находками средневековых паломнических значков из Рима в Усвятах (летописный **Въсвѣчь** в Полоцкой земле) и в древнерусском **Червене (Чермно)** на востоке Польши заставила начать пересмотр этой традиционной точки зрения [MUSIN 2012: 249, 253, гус. 1; Мусин 2014: 380–381].¹² При всей популярности святого Эгидия (Жиля) в Европе, популярности, пик которой, по-видимому, приходится как раз на конец XII – первую половину XIII в., трудно было заподозрить, что именно поклонение его мощам было конечной целью странствия Семки Нинославича. Сен-Жиль лежит у начала одной из четырех основных, известных из “Путеводителя для паломника” монаха аббатства Партенэ в Пуату Эмери Пико (XII в.), дорог на Сантьяго-де-Компостела – Via Tolosana (ибо она проходит далее через Тулузу). Поэтому совершенно естественно возникло предположение о том, что Семка Нинославич оказался здесь по пути ко гробу святого Иакова или возвращаясь от него [BRUN ET AL. 2014: 111–112, 121–123].¹³ Аквитанская надпись заявила о таком паломничестве открытым текстом. Учитывая обе сделанные во Франции находки, возможно несколько иначе интерпретировать фразу знаменитого “Вопрошания Кирикова” XII в. *идутьъ въ сторонуу в Юр҃усалимъ къ святымъ* [ПДП 1880: 27]: *къ святымъ* – возможно, указание иных направлений паломничеств, помимо посещения Святой земли.

Выбор из четырех основных дорог на Сантьяго, ближайшей к Атлантике – Via Turonensis, проходившей через Париж, Тур, Пуатье, Сент, Бордо – представляется более естественным именно для новгородца, нежели для жителя Южной Руси (*Илл. 4*). Первую часть пути он вполне мог проделать на торговом корабле по Балтике, начав свое пешее странствие лишь где-то на немецком берегу – быть может, в Любеке. Во второй половине XII в. в традиционной торговле Новгорода с Готландом все большее участие принимают немецкие купцы, в конце концов основывающие в Новгороде свой собственный двор [РЫБИНА 2009: 38–54].

¹² Значки не имеют стратиграфической датировки, однако их тип указывает на конец XII–XIII в. В связи с этим по-иному воспринимается повторяющийся в литовских летописях [ПСРЛ, 32: 23, 131; ПСРЛ, 35: 91, 130, 147 и др.], но сочтенный выдумкой католической пропаганды [Сапунов 1888] рассказ о полоцкой княжне Параскеве, совершившей паломничество в Рим и там умершей (1239).

¹³ Гораздо меньше оснований для подобного предположения в отношении авторов двух давно известных русских надписей в соборе тосканского города Лукки – целью их путешествия, скорее, был Рим или же юг Италии. Впрочем, и сама Лукка притягивала множество паломников, стекавшихся на поклонение чудотворному распятию *Volto Santo* (см. об этом: [СТОРАНИ 1994]).

Илл. 4. Карта Средневековой Европы

Случайно ли также, что именно в Новгороде, в Знаменском соборе, сохранился вставленный в XVI в. в сканую золоченую оправу и превращенный таким образом в панагию западноевропейский стеклянный литик XIII в. с изображением популярного в эпоху мотива — *Veneratio Sancti Jacobi*: два пилигрима в широкополых шляпах, преклонив колени и опираясь на посохи, возносят молитву стоящему между ними святому, чье имя обозначено по сторонам нимба (НГМ, инв. ДРМ-21) [Даркевич 1966: 49–50, рис. 5, № 93; Стерлигова 2008: 419, 711, табл. 2: 149, № 149]? Подобных литиков со святым Иаковом сейчас известно лишь около десятка, и новгородский — единственный во всей Восточной Европе [Мусин 2014: 379–380].¹⁴ Именно в Новгороде, на Софийской стороне, по меньшей мере, с первой половины XII в. существовали сразу две Яковлевские церкви: на Яковле и на Добрыне улице. Первая стала впоследствии собором, один из священников второй был летописцем

¹⁴ Знаменательно, что В. П. Даркевич [1966: 50] допускал, что литик со святым Иаковом был принесен из Испании новгородцем: “Образок из Новгорода, — писал он, — вышел из монастырской мастерской Компостеллы. [. . .] В первой половине XVI в. новгородский ювелир заключил образок в драгоценную сканую оправу, возможно, в память о путешествии одного из древних новгородцев в страну за Пиренеями”.

[Макарий 1860: 181, 204, 224, 228; НПЛ: 27, 39]. Чем объяснить наличие одновременно двух церквей, посвященных святому Иакову? По-видимому, причины кроются в соперничестве боярства Неревского и Людина концов, в которых были построены эти церкви, а покровительство святого Иакова было важно для обеих враждующих боярских группировок.¹⁵

Известно, впрочем, что позднее обе церкви были посвящены не Иакову Зеведееву (Иакову Старшему), а Иакову брату Господню. Более того, в историографии это посвящение принято считать изначальным, связывая его со спасительной для Новгорода победой в битве на Гзени, одержанной в день памяти святого, 23 октября 1069 г. [НПЛ: 17]. Вместе с тем даже “Семисоборная роспись” упоминает имя Иакова брата Господня лишь применительно к церкви на Добрыне улице [Янин 1976: 112–113], а Описание 1617 г. и экспликация плана Новгорода 1745 г. называют Якова (Иакова) только апостолом [Описание 1984: 79, 279, 324, 325, 369, 370]. Так или иначе, но среди не менее многочисленных церквей соседнего с Новгородом Пскова Яковлевских нет вовсе [Лабутина 1985: 164–165, 194–196], ничего не известно о них также в Суздале, Владимире, Полоцке [Тарасаў 1998: 73–87, 171–176], Смоленске [Воронин, Раппопорт 1979: 330–345], Киеве [Пуцко 2009]. Не отрицая убедительности календарной версии, не следует ли все же искать дополнительное объяснение этой новгородской “аномалии” — как и многих других — в той роли, какую сыграл в сложении местной городской культуры варяжский и западнославянский компонент?

Частое смешение в религиозном сознании одноименных святых — с Иаковом Старшим и Иаковом Младшим такое случалось и на Западе — позволяет также упомянуть о заметном присутствии в ранних новгородских церквях изображений Иакова брата Господня. Чудом уцелевший образ святого с надписью **о агню ѡково** в церкви Спаса на Нередице (1199 г.) занимает почетное место посреди нижнего святилища, между фигурами весьма чтимых в Новгороде святых Лазаря и Фоки [Пивоварова 2002: 42–43, илл. 26, 198, 201]. В паре с последним святой Иаков представлен и в арке прохода из алтаря в жертвенник в церкви Благовещения на Мячине (1189 г.) [Царевская 1999: 83, илл. 24]. Кстати, нередицкий образ седовласого старца с клиновидной бородой вполне тождествен — за исключением, конечно, епископских одежд — одному из вариантов романской иконографии свято-

¹⁵ Три самых ранних упоминания Яковлевских церквей в летописях совпадают по времени с палеографической датой нашего граффито: в 1172 г. закладывается в камне церковь на Яковле улице [НПЛ: 34, 222], в 1175 г. гибнет в пожаре и в 1181 г. ставится заново деревянная церковь на Добрыне улице [Ивд.: 34, 37, 223, 227].

го Иакова Старшего, полностью вытесненному впоследствии образом средневека с округлой бородой. Сам же Иаков брат Господень, в соответствии с именованим его на Западе Иаковом Младшим, на французских романских фресках совсем не стар [DESCHAMPS, THIBOUT 1951: pl. LVII-1, LXII-1; 1963: pl. XII-2, XIV-1, ill. p. 62–63].

Ни одного паломнического знака в виде так называемой раковины святого Иакова (*repen maximus*) в новгородских раскопках до сих пор обнаружено не было. Тем не менее, Северо-Запад Руси в целом представлен в этих находках двумя экземплярами (Старая Русса, Витебск), против лишь одного экземпляра Юга (Шепетовское городище, принимавшееся за летописный Изяславль) [Мусин et al. 2004: 625–626; Бубенько 2004: 141, рис. 100:16; Пескова 2001: 123–124, илл. 7]. Старорусская раковина найдена в 1972 г. экспедицией А. Ф. Медведева при раскопках богатой феодальной усадьбы, в слоях второй половины XIII в. Оттуда же происходят и две печати новгородского князя Дмитрия Александровича. Самая маленькая из трех и, вероятно, поэтому наиболее сохранный, витебская раковина внушает некоторые сомнения отсутствием отверстий для ее подвески, хотя сам по себе город Витебск, связанный речным торговым путем с Ригой, выглядит не менее удобным отправным и конечным пунктом паломнического путешествия на Запад.

* * *

Церковь Сен-Вивьен в Понсе, на которой оставил надпись Иван Завидович, была единственным приходским храмом одноименного южного предместья, который со времени своего основания в XI в. принадлежал аббатству Сен-Флоран близ Сомюра на далекой отсюда Луаре. Существующее здание датируется в пределах 40–70-х гг. XII в. Счастливо избежав разрушений эпохи религиозных войн, оно тем не менее оказалось сильно перестроено, за исключением главного фасада, в последней трети XVIII в.

При кажущейся однотипности романских церквей Сентонжи, ни одна из них не повторяет другую буквально. Несмотря на большое готическое окно и две поздние однопролетные звонницы на фронтоне, фасад церкви в Понсе, без преувеличения, принадлежит к одним из самых гармоничных в местном зодчестве. Продиктованная, возможно, анжуйским заказчиком, приятная строгость декора, включая отсутствие модильонов под нижним карнизом (их заменяют углубления в виде больших розеток), роднит его с памятниками первой половины XII в., прежде всего — с фасадом собора монастыря Аббей-о-Дам в г. Сенте с

Илл. 5. Понс, Новый госпиталь. Вид с южной стороны. Вторая половина XII в. с перестройками XVI–XIX вв. (реставрация 1996–2003 гг.). Фотография Н. Гординой

аналогичным делением стены на три неравных прясла. Хотя арочные ниши боковых прясел в Понсе имеют уже эллипсоидные, чуть стрельчатые очертания, а их внешние архивольты напоминают по форме раннеготические нервюры, портал все еще сохраняет полуциркульное завершение и романскую массивность — в отличие, скажем, от drobных протоготических форм портала относящейся к концу века церкви в Сен-Сюльпис-де-Руайан. Делящие средний ярус фасада полуколонны, к тому же, заменены в последней на парные колонны, а креповка торцов фасада — на пучки колонн. Профилировки и орнаментация архивольтов, карнизов и капителей фасада церкви Сен-Вивьен также говорят о дате максимально близкой к середине XII в.

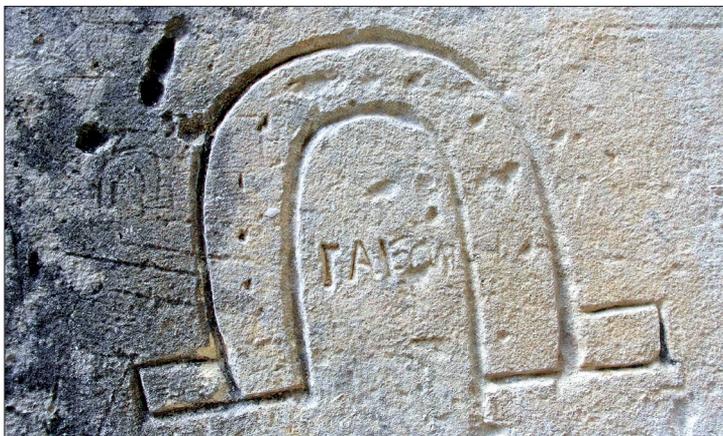
Архитектурно-стилистическая датировка здания и палеографическая датировка надписи в совокупности не оставляют сомнений в том, что посещение Иваном Завидовичем Понса относится ко времени, когда на южном краю Сен-Вивьенского предместья, всего в ста саженьях от церкви, уже существовал большой госпиталь для пилигримов, известный под именем Нового госпиталя (*Hôpital neuf*) (Илл. 5). Призванный принимать не только увечных и больных, но и всех нуждавшихся в отдыхе богомольцев, а главное — раздавать им хлеб, Новый госпи-

таль был основан местным сеньором Жофруа (Годфруа) III, правившим с 1156 по 1191 гг., в дополнение к Старому, он же *Hôpital Saint-Nicolas*, располагавшемуся в северной части города недалеко от замка и упоминаемому в хартиях все того же сомюрского аббатства Сен-Флоран еще с 1067 г. [EVEN 2003: 486].

Средневековые путеводители для паломников рекомендуют для госпиталя в Понсе в качестве надежного и гостеприимного пристанища [GLÉNISSON 2003: 472; EVEN 2003: 490].¹⁶ В отличие от многих подобных заведений, он неизменно оставался в руках светских властей: в 1290 г. епископ Сента пытался поставить во главе госпиталя своего приора, но попытка оказалась безуспешной. К тому же, это единственный госпиталь для пилигримов, относительно полно сохранившийся во Франции от романской эпохи. Комплекс зданий следует типовому плану: возведенный над дорогой длинный крытый проход (*passage*) соединяет примыкающие с обеих сторон помещения. В их сооружении различают два основных этапа. К первому (около 1160 г.) относятся прорезанные аркатурными нишами массивные стены прохода и лежащая ныне в руинах обширная зала с восточной стороны. В нишах позади цокольного выступа-седалища сохранились антропоморфные саркофаги. На втором этапе, датируемом концом XII в., появляется еще одна, более скромная по размерам зала напротив — зала для больных, а над проходом, украшенным отныне двумя боковыми порталами, поднимаются высокие, аквитано-анжуйского типа готические своды и верхний этаж, придающий центральной части комплекса характер воротной башни (утрачен в 1830 г.). Одновременно с тем первоначальная зала, за исключением передней части, служащей для раздачи путникам хлеба, была обращена в церковь. Очевидно, что все это было сделано до погребения в госпитале в феврале 1191 г. его высокородного основателя [SENILLOU 1990: 70–76; EVEN 2003: 487–488; SCHEFFER 2003: 151–152].

Помимо оставленных строителями камнетесных знаков, стены сводчатого прохода хранят десятка три вырезанных средневековыми паломниками подков, часто с вписанными в них крестами и иногда с латинскими инициалами по бокам или внутри [SENILLOU 1990: 73, fig. 2–5]. Видимо, подобная порча стен не поощрялась, иначе бы подков было гораздо больше. Одна из них, на позднем, очевидно, XVI в., юго-западном контрфорсе, выделяясь симметричной Ω -образной формой, заключает в себе именную надпись, которую можно прочесть как **Гаво(р)ъ**

¹⁶ Местоположение госпиталя на краю поселения отвечало обычной практике, ибо делало его доступным путникам и после закрытия городских ворот.

Илл. 6. Понс, Новый госпиталь, юго-западный контрфорс. Рисунок подковы (15,3×22,8 см) с кириллической надписью XVI–XVII вв. Фотография А. Гордина

(Илл. 6).¹⁷ От ключевой для кириллического прочтения буквы ъ уцелела лишь тоненькая графья на самой подкове, однако трудно заподозрить здесь простую игру случая: нигде более на поверхности камня подобных иллюзорных форм не усматривается, не говоря о характерном как раз для позднего средневековья размашистом начертании самой буквы. Узкое *z*, зеркальное *a*, широкое *o* (?) и округлый кузов *б* также вполне соответствуют XVI–XVII столетиям. *Габор* — венгерская форма имени Гавриил. Такое имя мог, кажется, носить и живший в Венгерском королевстве, в Закарпатье, русин (ср. также польское *Gabryś* и *Gabruś*, белорусское *Габрусь*, *Габра*, украинское *Габро* и т. п.). Впрочем, из-за повреждения конечных букв предлагаемое прочтение остается гипотетическим.

В зале для больных круглые пилоны и кое-где нижняя часть стены испещрены процарапанными рисунками — в основном периода позднего Средневековья и начала Нового времени.

Об интенсивности движения паломников через Понс свидетельствует, кроме того, относящееся возможно к XIII в. граффито на фасаде романской церкви селения Эшбрюн, в 6 км на восток от Понса, с изображением шествующих человечков в капюшонах, с посохом и сумой на плече [Glénisson 2003: 474]. Нигде в других частях Франции подобных рисунков, насколько нам известно, не зафиксировано.

¹⁷ На датировку контрфорса XVI в., либо самым началом XVII в. указывает характер обработки камня, покрытого мелкими ровными параллельными бороздками [Bessac 1986: 199]. Благодарим за это уточнение французского археолога Кристиана Сапэна.

* * *

Установленный благодаря провансальскому и аквитанскому граффити факт участия людей Древней Руси — по крайней мере, отдельных представителей ее знати — в западноевропейских паломничествах существенно корректирует сложившиеся в историографии представления о характере религиозных контактов русского православного и латинского миров один и даже два века спустя после Великой схизмы. Как видно, такие контакты отнюдь не ограничивались проникновением на Русь доминиканских и других западных миссионеров и функционированием в ряде городов латинских “божниц”. Более того, палеографические и лингвистические датировки обеих надписей вкупе со стратиграфическими датами находок раковин святого Иакова связывают пик паломнической активности со второй половиной XII–XIII вв. — эпохой расцвета торговых отношений Руси и Европы, но вместе с тем и эпохой углубления конфессиональных расхождений христианского Запада и Востока.

В отличие от времен римской Галлии и даже каролингских веков, период классического Средневековья во Франции до крайности беден текстовыми граффити. Закономерным образом заметное место среди сохранившихся занимают надписи, связанные с иноязычной, в частности, иудейской и армянской средой [VOÛARD 1976: 643–687; МАТНОРЕЗ 1918: 5]. Теперь к ним добавляются еще как минимум две уникальные по историко-культурному значению древнерусские надписи.

Библиография

Артамонов, Гиппиус 2012

Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., “Древнерусские надписи Софии Константинопольской”, в: Славянский альманах 2011, Москва, 2012, 41–52.

Артамонов et al. 2012

Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В., “Древнерусские надписи-граффити Константинопольской Софии. Предварительные итоги исследования”, в: В. Б. ПЕРХАВКО, сост., *1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященного Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.)*, Москва, 2012, 282–292.

БУБЕНЬКО 2004

БУБЕНЬКО Т. С., *Средневековый Витебск. Посад — Нижний Замок (X — первая половина XIV в.)*, Витебск, 2004.

Воронин, Раппопорт 1979

Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., *Зодчество Смоленска XII–XIII вв.*, Ленинград, 1979.

Высоцкий 1966

Высоцкий С. А., *Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв.*, 1, Киев, 1966.

— 1976

ВЫСОЦКИЙ С. А., *Средневековые надписи Софии Киевской. (По материалам граффити XI–XVII вв.)*, Киев, 1976.

— 1985

ВЫСОЦКИЙ С. А., *Киевские граффити XI–XVII вв.*, Киев, 1985.

ДАРКЕВИЧ 1966

ДАРКЕВИЧ В. П., *Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.)* (= Свод археологических источников, Е1-57), Москва, 1966.

ЗАЛИЗНЯК 2000

ЗАЛИЗНЯК А. А., “Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование”, в: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте, 10: Из раскопок 1990–1996 гг. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование*, Москва, 2000, 134–429.

— 2004

ЗАЛИЗНЯК А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб., Москва, 2004.

ИОАННИСЯН, РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 2009

ИОАННИСЯН О. М., РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Т. В., “Надпись с именами Мстислава и Игната на стене церкви Св. Пантелеймона в Галиче в контексте политических событий конца XII в.”, в: *Труды Государственного Эрмитажа*, 46: *Архитектура и археология Древней Руси*, С.-Петербург, 2009, 198–218.

ЛАБУТИНА 1985

ЛАБУТИНА И. К., *Историческая топография Пскова в XIV–XV веков*, Отв. ред. В. В. Седов, Москва, 1985.

МАКАРИЙ 1860

МАКАРИЙ, АРХИМ., *Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях*, 1: Москва, 1860 (Репринт: С.-Петербург, 2003).

МЕДЫНЦЕВА 1978

МЕДЫНЦЕВА А. А., *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века*, Отв. ред. Б. А. Рыбаков, Москва, 1978.

МИХЕЕВ 2012

МИХЕЕВ С. М., “22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода”, *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 62, 2012, 63–99.

МУСИН 2014

МУСИН А. Е., “Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья”, *Российский археологический ежегодник*, 4, 2014, 366–387.

МУСИН ET AL. 2004

МУСИН А. Е., ТОРОПОВА Е. В., ТОРОПОВ С. Е., “Распятие с предстоящими из археологических находок в Старой Руссе – уникальный памятник древнерусской иконописи первой половины XIII в.”, в: *Памятники культуры. Новые открытия. 2003*, Москва, 2004, 619–627.

НПЛ

НАСОНОВ А. Н., ред., *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, Ленинград, 1950.

ОПИСЬ 1984

ЯНИН В. Л., ред., *Опись Новгорода 1617 г.* (= Памятники отечественной истории, 3), Москва, 1984.

ПДП 1880

Памятники древнерусского канонического права (Памятники XI–XV вв.), 1 (= Русская историческая библиотека, 6), С.-Петербург, 1880.

ПЕСКОВА 2001

ПЕСКОВА А. А., "Паломнические реликвии Святой земли в древнерусском городе", в: *Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сб. научных трудов. Государственный Эрмитаж. К XX Международному конгрессу византистов. Париж, 19–25 августа 2001 года, С.-Петербург, 2001, 113–126.*

ПИВОВАРОВА 2002

ПИВОВАРОВА Н. В., *Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи, С.-Петербург, 2002.*

ПСРЛ, 32

Полное собрание русских летописей, 32: Хроники: Литовская и Жмойская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного, Москва, 1975.

—, 35

Полное собрание русских летописей, 35: Летописи белорусско-литовские, Москва, 1980.

ПУЦКО 2009

ПУЦКО В. Г., "Церковная топография древнего Киева (храмы и реликвии)", в: *Труды Государственного Эрмитажа, 46: Архитектура и археология Древней Руси, С.-Петербург, 2009, 72–84.*

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 2009

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Т. В., "Древнерусские надписи-граффиты с именами новгородских иерархов в церкви Николая на Липне в Новгороде", в: *Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина, Москва, 2009, 151–160.*

РЫБИНА 2009

РЫБИНА Е. А., *Новгород и Ганза, Москва, 2009.*

САПУНОВ 1888

САПУНОВ А. П., *Католическая легенда о Параскеве, княжне полоцкой, Витебск, 1888.*

СРЕЗНЕВСКИЙ 1895

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для Словаря древнерусского языка, 2: Л–П, С.-Петербург, 1895.*

СТЕРЛИГОВА 2008

СТЕРЛИГОВА И. А., ред., *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XVI–XVII веков, Москва, 2008.*

ТАРАСАЎ 1998

ТАРАСАЎ С. В., *Полацк IX–XVII ст.ст. Гісторыя і тапаграфія, Мінск, 1998.*

ЦАРЕВСКАЯ 1999

ЦАРЕВСКАЯ Т. Ю., *Фрески церкви Благовещения на Мячине ("в Аркажах"), С.-Петербург, 1999.*

ЯНИН 1976

ЯНИН В. Л., "«Семисоборная роспись» древнего Новгорода", в: *Средневековая Русь. Сб. статей памяти Н. Н. Воронина, Москва, 1976, 108–117.*

ЯНИН, ЗАЛИЗНЯК 1993

ЯНИН В. Л., ЗАЛИЗНЯК А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 9: Из раскопок 1984–1989 гг., Москва, 1993.*

ЯНИН ET AL. 2015

ЯНИН В. Л., ЗАЛИЗНЯК А. А., ГИППИУС А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 12: Из раскопок 2001–2014 гг., Москва, 2015.*

BESSAC 1986

BESSAC J.-C., *L'outillage traditionnel du tailleur de pierre de l'Antiquité à nos jours*, Paris, 1986.

BOÛARD 1976

BOÛARD M., DE, "Un ensemble synagogaal à Rouen," *Compte-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles lettres*, 1976, 643–687.

BRUN ET AL. 2004

BRUN A.-S., HARTMANN-VIRNICH A., INGRAND-VARENNE E., MIKHEEV S. M., "Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France," *Slověne*, 3/2, 2014, 110–129.

CIFM, 1

FAVREAU R., MICHAUD J., textes étab. et prés., LABANDE E.-R., dir., *Corpus des inscriptions de la France médiévale*, 1/1: *Ville de Poitiers*, Poitiers, 1974.

DESCHAMPS, THIBOUT 1951

DESCHAMPS P., THIBOUT M., *La peinture murale en France: le haut Moyen Âge et l'époque romane*, Paris, 1951.

— 1963

DESCHAMPS P., THIBOUT M., *La peinture murale en France au début de l'époque gothique, de Philippe-Auguste à la fin du règne de Charles V (1180–1380)*, Paris, 1963.

EVEN 2003

EVEN P., "L'Hôpital Neuf de Pons," in: A. RUCQUOI, dir., *Saint Jacques et la France. Actes du Colloque des 18 et 19 janvier 2001 à la Fondation Singer-Polignac*, Paris, 2003, 485–503.

FUČIĆ 1982

FUČIĆ B., *Glagoljski natpisi* (= Djela JAZU, 57), Zagreb, 1982.

GLÉNISSON 2003

GLÉNISSON J., "De Pons à Blaye, sur le chemin de Saint-Jacques," in: A. RUCQUOI, dir., *Saint Jacques et la France. Actes du Colloque des 18 et 19 janvier 2001 à la Fondation Singer-Polignac*, Paris, 2003, 469–484.

MATHOREZ 1918

MATHOREZ J., "Les éléments de population orientale en France: les Arméniens en France du XIIe au XVIIIe siècle," *Revue historique*, 128, 1918, 1–19.

MUSIN 2012

MUSIN A., "Z wiecznego Rzymu nad Bug: znaki pielgrzymie z Czermna," w: J. BAGIŃSKA, M. Piotrowski, M. Wołoszyn, red., *Czerwień – grod między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy*, Tomaszów Lubelski, Leipzig, Lublin, Rzeszów, 2012, 243–255.

SCHEFFER 2003

SCHEFFER M.-È., "Charente-Maritime. Pons, « L'hôpital neuf », un ensemble hospitalier des XIIe et XIIIe siècles et ses aménagements au XVIIIe siècle," *Bulletin Monumental*, 161/2, 2003, 151–154.

SENILLOU 1990

SENILLOU P., *Pons, à travers l'histoire*, Saint-Jean d'Angély, 1990.

STOPANI 1994

STOPANI R., "Rappels, messages et symboles du pèlerinage le long de la *Via Francigena* en Toscane," in: *Trésors et routes de pèlerinages dans l'Europe médiévale*, Conque, 1994, 71–75.

References

- Artamonov Yu. A., Gippius A. A., "Old Russian Inscriptions in the Hagia Sophia in Constantinople," in: *Slavic Almanac 2011*, Moscow, 2012, 41–52.
- Artamonov Yu. A., Gippius A. A., Zaitsev I. V., "Drevnerusskie nadpisi-graffiti Konstantinopol'skoi Sofii. Predvaritel'nye itogi issledovaniia," in: V. B. Perkhavko, ed., *1150 let Rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury*, Moscow, 2012, 282–292.
- Bessac J.-C., *L'outillage traditionnel du tailleur de pierre de l'Antiquité à nos jours*, Paris, 1986.
- Boüard M., de, "Un ensemble synagogal à Rouen," *Compte-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles lettres*, 1976, 643–687.
- Brun A.-S., Hartmann-Virnich A., Ingrand-Varenne E., Mikheev S. M., "Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France," *Slověne*, 3/2, 2014, 110–129.
- Bubenko T. S., *Srednevekovi Vitebsk. Posad – Nizhnii Zamok (X – pervaiia polovina XIV .)*, Vitebsk, 2004.
- Favreau R., Michaud J., textes étab. et prés., Labande E.-R., dir., *Corpus des inscriptions de la France médiévale*, 1/1: *Ville de Poitiers*, Poitiers, 1974.
- Darkevich V. P., *Proizvedeniia zapadnogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope (X–XIV vv.)*, Moscow, 1966.
- Deschamps P., Thibout M., *La peinture murale en France: le haut Moyen Âge et l'époque romane*, Paris, 1951.
- Deschamps P., Thibout M., *La peinture murale en France au début de l'époque gothique, de Philippe-Auguste à la fin du règne de Charles V (1180–1380)*, Paris, 1963.
- Even P., "L'Hôpital Neuf de Pons," in: A. Rucquoi, dir., *Saint Jacques et la France. Actes du Colloque des 18 et 19 janvier 2001 à la Fondation Singer-Polignac*, Paris, 2003, 485–503.
- Fučić B., *Glagoljski natpisi (= Djela JAZU, 57)*, Zagreb, 1982.
- Glénisson J., "De Pons à Blaye, sur le chemin de Saint-Jacques," in: A. Rucquoi, dir., *Saint Jacques et la France. Actes du Colloque des 18 et 19 janvier 2001 à la Fondation Singer-Polignac*, Paris, 2003, 469–484.
- Ioannisyian O. M., Rozhdstvenskaya T. V., "Nadpis' s imenami Mstislava i Ignata na stene tserkvi Sv. Panteleimona v Galiche v kontekste politicheskikh sobytii kontsa XII v.," in: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 46: *Arkhitektura i arkhologiiia Drevnei Rusi*, St. Petersburg, 2009, 198–218.
- Labutina I. K., *Istoricheskaia topografiia Pskova v XIV–XV vekov*, Moscow, 1985.
- Mathorez J., "Les éléments de population orientale en France: les Arméniens en France du XIIe au XVIIIe siècle," *Revue historique*, 128, 1918, 1–19.
- Medyntseva A. A., *Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofitskogo sobora: XI–XIV veka*, Moscow, 1978.
- Mikheev S. M., "Twenty Two 11th–12th Century Old Russian Glagolitic Graffiti Inscriptions from Novgorod," *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 62, 2012, 63–99.
- Musin A., "Z viecznogo Rzymu nad Bug: znaki pielgrzymie z Czeramna," w: J. Bagińska, M. Piotrowski, M. Wołoszyn, red., *Czerwień – grod między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy*, Tomaszów Lubelski, Leipzig, Lublin, Rzeszów, 2012, 243–255.
- Musin A. E., "Corals in the Christian Culture of East Europe and Mediterranean Area," *Russian Archaeological Yearbook*, 4, 2014, 366–387.
- Musin A. E., Toropova E. V., Toropov S. E., "Raspisatie s predstoiashchimi iz arkhelogicheskikh nakhodok v Staroi Russe – unikal'nyi pamiatnik drevnerusskoi ikonopisi pervoi poloviny XIII v.," in: *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia*, 2003, Moscow, 2004, 619–627.
- Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaia pervaiia letopis' starshego i mladshhego izvodov*, Moscow, Leningrad, 1950.
- Peskova A. A., "Palomnicheskie relikvii Sviatoi zemli v drevnerusskom gorode," in: *Piligrimy. Istoriko-kul'turnaia rol' palomnichestva*, St. Petersburg, 2001, 113–126.
- Pivovarova N. V., *Freski tserkvi Spasa na Nereditse v Novgorode: Ikonograficheskaia programma rospisi*, St. Petersburg, 2002.
- Putsko V. G., "Tserkovnaia topografiia drevnego Kiev (khramy i relikvii)," in: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 46: *Arkhitektura i arkhologiiia Drevnei Rusi*, St. Petersburg, 2009, 72–84.
- Rozhdstvenskaya T. V., "Drevnerusskie nadpisi-graffiti s imenami novgorodskikh ierarkhov v tserkvi Nikoloy na Lipne v Novgorode," in: *Velikii Novgorod i Srednevekovaia Rus'*, Moscow, 2009, 151–160.
- Rybina E. A., *Novgorod i Ganza*, Moscow, 2009.
- Scheffer M.-É., "Charente-Maritime. Pons, « L'hôpital neuf », un ensemble hospitalier des XIIe et XIIIe siècles et ses aménagements au XVIIIe siècle," *Bulletin Monumental*, 161/2, 2003, 151–154.
- Senillou P., *Pons, à travers l'histoire*, Saint-Jean d'Angély, 1990.
- Sterligova I. A., ed., *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda: Khudozhestvennyi metall XVI–XVII vekov*, Moscow, 2008.
- Stopani R., "Rappels, messages et symboles du pèlerinage le long de la Via Francigena en Toscane," in: *Trésors et routes de pèlerinages dans l'Europe médiévale*, Conque, 1994, 71–75.
- Tarasū S. V., *Polatsk IX–XVII st.st. Historyia i tapahraffii*, Minsk, 1998.

Tsarevskaya T. Yu., *Freski tserkvi Blagoveshcheniia na Miachine ("v Arkazhakh")*, St. Petersburg, 1999.

Voronin N. N., Rappoport P. A., *Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv.*, Leningrad, 1979.

Vysotsky S. A., *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi. XI–XIV vv.*, 1, Kiev, 1966.

Vysotsky S. A., *Srednevekovye nadpisi Sofii Kievskoi. (Po materialam graffiti XI–XVII vv.)*, Kiev, 1976.

Vysotsky S. A., *Kievskie graffiti XI–XVII vv.*, Kiev, 1985.

Yanin V. L., "«Semisobornaia rospis'» drevnego Novgoroda," in: *Srednevekovaia Rus'. Sb. statei pamiati N. N. Voronina*, Moscow, 1976, 108–117.

Yanin V. L., ed., *Opis' Novgoroda 1617 g.* (= Pamiatniki otechestvennoi istorii, 3), Moscow, 1984.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 9, Moscow, 1993.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 12, Moscow, 2015.

Zaliznyak A. A., "Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie," in: V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10, Moscow, 2000, 134–429.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Александр Михайлович Гордин,

канд. искусствоведения

Государственный Эрмитаж,

Сектор архитектурной археологии, научный сотрудник

190000 С.-Петербург, Дворцовая наб., д. 34

Россия/Russia

gordin@hermitage.ru

проф. Татьяна Всеволодовна Рождественская,

д. филол. наук

С.-Петербургский государственный университет

Филологический факультет, профессор кафедры русского языка

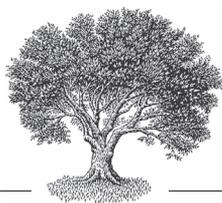
199034 С.-Петербург, Университетская наб., д. 11

Россия/Russia

tat.rozhd@gmail.com

t.rozhdestvenskaya@spbu.ru

Received January 27, 2016

Проложное Житие
Александра
Свирского:
реконструкция
ранних этапов
истории текста*

The Synaxarion
Redaction
of the Life
of St. Alexander
Svirsky:
A Reconstruction
of the Early Stages
of the Text History

**Александра Евгеньевна
Соболева**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Москва,
Россия

Alexandra E. Soboleva

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Житие Александра Свирского (1545 г.) сохранилось в большом количестве списков; всего за полтора века бытования текста возникло как минимум десять редакций, некоторые известны лишь по одному списку. Одна из первых проложных редакций Жития возникает почти одновременно с появлением текста в Успенском комплекте Великих Миней четых и содер-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-34-01277 "Рукописная традиция жития Александра Свирского (XVI–XVIII вв.)", руководитель — А. Е. Соболева).

жит некоторые новые сведения. На материале кодикологического, палеографического и текстологического анализа рукописей в работе решаются проблемы атрибуции, локализации, времени создания проложных текстов Жития Александра; высказывается предположение о формировании региональных вариантов средневекового агиографического текста.

Ключевые слова

проложная редакция жития, житие Александра Свирского, Великие Минеи чети, Иродион, Валаамский монастырь, кодикология, палеография, текстология

Abstract

The paper addresses the problems of the attribution and the geographical and chronological origins of the synaxarion redaction of the Life of St. Alexander Svirsky; it relies on textological, codicological, and palaeographic analysis of the surviving manuscripts. The author draws some conclusions about the formation of the regional variants of this medieval hagiographic text. Alexander Svirsky was the only Christian saint who was honored by receiving a manifestation of the Holy Trinity; this occurred in 1508. He founded the monastery of the Holy Trinity and was its archpriest until his dormition in 1533. The Life of Alexander Svirsky was written in 1545 by Herodion Kochnev, one of the saint's acolytes, at the directive of Metropolitan Macarius for the Great Menaion Reader. The Life of St. Alexander Svirsky survives in a large number of copies— about 200—from the 16th and 17th centuries. Only nine of these copies show the text variant that the author of this study calls “the synaxarion variant”; they appear in synaxaria from the second half of the 16th and the beginning of the 17th centuries. Word-by-word text comparison allows one to conclude that these nine copies fall into three different redactions, each reflecting Herodion's text. All three redactions originate from different areas, and they differ in subject matter and in the methods of elaboration of the Menaion text. On the one hand, this confirms that obviously there was a great need for this kind of text; on the other hand, it acknowledges the absence of a norm by means of which such texts might be compiled. The first, earliest, synaxarion redaction survives in seven copies, including one of the earliest copies of the Life, which dates back to 1549, according to a note by the scribe. It might have been created soon after Herodion's text for the Great Menaion Reader to coincide with Alexander's canonization in 1547. Despite the small number of surviving copies, this redaction was rather widespread and was known in Pskov and Novgorod, in the Trinity Lavra of St. Sergius, and probably in Romanov. The other two redactions were found in late, isolated copies. The second synaxarion redaction is known from the Vologda Synaxarion, and the third one—from the Synaxarion delivered from Moscow to Mozhaysk.

Keywords

synaxarion redaction of hagiography, Life of St. Alexander Svirsky, Great Menaion Reader, Herodion Kochnev, Valaam Monastery, textology, codicology, palaeography

Александр Свирский — единственный святой в истории христианства, удостоенный явления святой Троицы (в 1508 году). Преподобным основана Троицкая обитель, настоятелем которой он был до своего преставления в 1533 году. Вот как пишет о Троицкой обители митрополит Макарий: “Самым же замечательным монастырем в Олонецком крае был монастырь Троицкий Александро-Свирский, или Александрова пустынь” [МАКАРИЙ (Булгаков) 1996: 221]. Деятельность преподобного Александра для развития монашества на русском Севере он называет сравнимой по значимости с подвигами Сергия Радонежского [ИВІД.: 571]. Известно, что святой был “лично знаком с митрополитом Макарием” [Сиилин 2001: 21].

Александр Свирский был канонизирован на Соборе 1547 года как общерусский святой [Голубинский 1903: 100, 101]. В 1560 г. юго-восточный малый придел собора Покрова Пресвятой Богородицы на Красной площади был освящен в его честь.¹

Житие Александра Свирского (ЖАС) было написано в 1545 г. (все-го через двенадцать лет после преставления святого) учеником святого Иродионом по благословиению митрополита Макария и архиепископа Новгородского Феодосия для Великих Миней (ВМЧ).²

Впервые в научной литературе ЖАС упоминается в работе В. О. Ключевского “Жития святых как исторический источник”. Труд Иродиона был высоко оценен им как заслуживающий доверия, поскольку тот описывал жизнь своего наставника [Ключевский 1988: 262–263]. Первый источниковедческий анализ предпринял И. Яхонтов. Сопоставив текст ЖАС с житиями других святых, он приходит к выводу, что источником для Иродиона послужили вовсе не рассказы святого, а Жития Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского и Феодосия Печерского, потому текст не имеет ни литературной, ни исторической ценности [Яхонтов 1881: 86]. Подобного мнения о литературных достоинствах Жития придерживался И. У. Будовниц, однако он категорически не согласен с И. Яхонтовым в вопросе исторической достоверности Жития: “. . . достоверный факт можно изложить с помощью уже известного текста и, напротив, можно весьма оригинально изложить явную выдумку” [Будовниц 1966: 323]. Иную оценку литературным достоинствам Жития дает Л. А. Дмитриев: Житие Александра, “с точки зрения литературоведческой, свидетельствует прежде всего о том, в чем прежде всего агиограф XVI в. видел

¹ Подробно о почитании Александра, о вкладах в монастырь, его учениках см.: [Сиилин 2001: 20–22]; о освященных в честь него храмах см.: [МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ) 1982]; о краткой истории монастыря см., напр.: [Кукушкина 1977: 37–39].

² Иродион сообщает о времени и месте написания текста в самом житии.

задачу своего труда: рассказать о святом, имея в виду реальные факты его жизненного пути, во всяком случае хорошо зная эти факты, так, как об этом уже рассказывалось о других святых, предшественниках этого нового святого” [Дмитриев 1988: 441]. Р. П. Дмитриева называет Житие Александра типичным для Макарьевской агиографической школы [Дмитриева 1993].

Поиск источников Жития является плодотворным и по сей день. Житие Александра изобилует заимствованиями не только из названных произведений Пахомия Серба, но и, как устанавливает Н. В. Пак [2001], из переводных житий Евстафия Плакиды и Онуфрия Великого. Л. К. Гаврюшина находит в тексте параллели с текстом Жития Саввы Сербского в Феодосиевской редакции [Гаврюшина 1985]; Житие Пахомия Великого называется источником главы о приходе к Александру его брата, Иоанна [Пигин, Запольская 2004].

Из зарубежных трудов Житию Александра посвящена обширная монография Леа Сиилин [2001], в которой скрупулезно анализируются графико-орфографические особенности Жития, выделены четыре структурных типа Жития (вновь от состава чудес), определена их хронология.

В. И. Охотниковой было предпринято текстологическое разыскание для подготовки научного издания текста [Охотникова 2002]. Сопоставив списки XVI в., исследователь выделила три варианта текста в зависимости от состава чудес; описала состав Жития; отметила текстовые особенности Жития в Успенском своде Миней. К сожалению, в статье В. И. Охотниковой для каждого варианта текста указаны шифры только 19 списков, хотя число списков, изученных исследователем, в разы больше.

Характеристика Краткой редакции ЖАС в Косинском сборнике (около 1687 г.), некоторые сведения об Украшенной редакции Жития XVIII в. и сообщение о значимых пропусках в одной из редакций Жития представлены в работах автора статьи [Соболева 2010; 2013; 2015].

Как видно, в последние десятилетия труд Иродиона вызывает интерес среди ученых разных направлений.³

Житие преподобного снискало популярность и сохранилось в большом количестве списков. Мне известно около 200 списков Жития XVI–XVIII вв. Некоторый перечень списков Жития приводит Н. П. Барсуков в справочнике по историографии [Барсуков 1882: 23–26]. Все

³ В дополнение к перечисленным трудам, посвященным непосредственно истории текста, можно назвать исследования, прорабатывающие иные аспекты изучения памятника, напр.: [Камчатнов 2007; Сиилин 2003; Смирнова 1960; Соловьева 2002].

списки разделены на две группы. Под началом “Молю же убо преподобство ваше, блаженный воистину и треблаженный” значится 71 список XVI–XVIII вв.; один список имеет начало “Сеи преподобный и богоносный отець нашъ Александръ рожение имѣя и воспитание отъ предѣль и области славнаго и великаго новаграда от страны же обонѣжскаи” [Рум397]. Леа Сиилин относит этот вариант текста к краткой проложной редакции и отмечает, что он встретился ей еще в четырех рукописях — *Волог20*, *Шиб168*, *Барс1263* и *Q.I.317* [Сиилин 2001: 16–17].

На данный момент встретилось всего девять списков проложного жития, пословное сравнение текстов позволяет говорить о том, что в них представлены три совершенно разные редакции, возникшие на основе текста Иродиона.⁴

Первая проложная редакция

Чаще всего текст этой редакции встречается в житийных сборниках, озаглавлен как *Преставление* или *Житие и Подвизи вкратце*, собственно в Пролог он попадает в конце 50-х гг. XVI в. [Шиб168]. Первая проложная редакция читается в следующих семи списках:

1) Q.I.317 [лл. 362–366 об.] — сборник житий из основного собрания рукописной книги РНБ (собрание Толстого, № 317), 1549 г. После проложного варианта помещен текст жития Минейной редакции (к ней относятся тексты Жития, не имеющие серьезных сюжетных и стилистических отличий от текста в Успенском своде ВМЧ по списку *Син997*, однако количество чудес и дополнительных, сопровождающих Житие текстов может отличаться, поскольку они постепенно приписывались в течение XVI–XVIII вв.). Заголовок: Мѣдъ двѣѣ. в л. днь. преставленіе. прѣбѣнаго. и бѣгоноснаго мѣца нѣго. алеѣдѣра сверскаго новаго чюдѣтворца.⁵ Сборник датируется в соответствии с писцовой записью, вероятно, свидетельствующей об окончании работы над сборником: В лѣтѣ 7037.го мѣдъ маиѣ на памѣтѣ стѣла мѣци глѣкѣр<и>. Эта дата подтверждается данными филиграней. Водяные знаки: 1. Маленький кувшинчик с двумя ручками, украшенный сверху трилистниками, — близкий Лих.⁶ № 1777 — 1556 г., лл. 366–365,

⁴ Кратко о четырех списках проложных редакций рассказано в тезисах [Соболева 2011]; в данной работе представлен значительно уточненный материал. Третья проложная редакция была обнаружена на этапе подготовки статьи в печать, потому информация о ней будет представлена кратко.

⁵ Здесь и далее цитаты даны по указанным рукописям, знаки акцентуации не приведены, выносные буквы и знаки сокращения сохранены.

⁶ Здесь и далее приняты следующие сокращения альбомов филиграней с указанием номеров по ним: Vadecki — [ВАДЕСКИ 1928]; Вг. — [BRIQUET 1907]; P. — [PISCARD 1961–1997]; Диан. — [ДИАНОВА 1998]; Лих. — [ЛИХАЧЕВ 1899]; Мареш — [МАРЕШ 1987]; Тромонин — [ТРОМОНИН 1844].

374–375; 2. Маленький кораблик с усеченной мачтой, вариант 1 — тип Р., т. 6, VII, № 58, 1554 г., лл. 162–164, парный — № 59, 1554 г., лл. 145, 221, вариант 2 — тип Р., т. 6, VII, № 51, 1555, 1556 гг., лл. 155, 42–45.

2) *Погод851* [лл. 106–110] — сборник служб и житий из собрания Погодина РНБ, сер. XVI в. Текст записан после Минейной редакции Жития.⁷ Заголовок: Мѣдъ августѣ в .л. днѣ преставленіе прѣбѣнаго и вѣбонсна ѿца ншѣго александра сверскаго новаго чюдотворца.

3) *Рум397* [лл. 385 об.–388 об.] — сборник служб и житий русских святых из собрания Румянцева РГБ, созданный в 50-е гг. XVI в. Заголовок жития: Мѣдъ того же в .л. днѣ препѣбнаго нашего александра сверскаго новаго чюдѣтвѣца.

Сборник широко известен среди исследователей. Датировка на основе филигранных: 1. Кабан — близкий № 103, Р., т. 15.3, II — 1551 г., л. 368; парный знак — близкий № 104, Р., т. 15.3, II — 1552 г., л. 369; 2. Тиара с крестом, с украшением внутри — близкий Лих. № 2982 — 1556 г., л. 4; парный знак — близкий Лих. № 1773 — 1556 г., л. 7. Представляется, что рукопись создана ранее *Шиб168* (о которой см. ниже). Датировка рукописи является несколько спорной: Б. М. Клосс считает, что написана она, “судя по палеографическим данным, около 1556 года” [Клосс 2001: 219, 243], в соответствии с филигранями этого года: тиара — Лих. № 2982; кабан — Лих. № 1775. Однако даже при близком совпадении водяных знаков с альбомными, как в случае с тиарой (Лих. № 2982), необходимо учитывать время использования знака: рукопись могла быть написана пятью-семью годами ранее или позднее 1556 г. Кроме того, обнаруженные в альбоме [Rissard 1961–1997] филигранные “Кабан” (два парных знака), близко совпавшие с рукописными и относящиеся к 1551 и 1552 гг., показывают, что ориентация на 1556 г. не является абсолютной, необходимо указывать период. Сборник можно датировать 50-ми гг. XVI в.

4) *Шиб168* [лл. 336–337 об.] — пролог за июнь-август из собрания Шибанова РГБ, конец 50-х – начало 60-х гг. XVI в. (написано, вероятно, вскоре после *Рум397*). Текст Жития обрывается на словах: . . . сѣ же оудручаѣ тѣло свое постѣ моли . . . Заголовок: Мѣдъ августѣ в .л. днѣ слѣво ѿ житія препѣбнаго ѿца ншѣго александра сверскаго новаго чюдѣтворца гѣ бл. Датировка на основе водяных знаков: 1. Кабан — близкий Тромонин № 823 — 1557 г., л. 9; подобный Мареш № 354 — 1553–1557 гг.; парный знак — типа Vadecki № 56 — 1552–1557 гг., л. 3.; 2. Щит с собакой и литерами RWV на вставном листе — подобный Р., т. 15, IX, № 1619 — 1596 г., л. 19.

5) *Тр629* [лл. 396–400 об.] — сборник служб и житий из со-

⁷ Описание рукописи см. в [Каталог 2010].

брания Троице-Сергиевой лавры, 60–70-е гг. XVI в.⁸ Житие записано после текста Минейной редакции. Заголовок: Мѣдъ августѣ в .лѣ. преставление преподѣбнаго и вѣноснаго ѡца александра свѣрскаго.

6) Барс1263 [лл. 29 об.–35 об.] — предположительно богослужебный сборник третьей четверти XVI в. из собрания Барсова ГИМ, 1-й и 7-й листы вставные, поздние, XVII в. Заголовок: В тои же днѣ преставление преподавнаго и вѣноснаго отца александра свѣрскаго новаго чудотворца. От рукописи сохранилось шесть тетрадей (Служба Александру Свирскому, проложное житие, некоторые чудеса), листы тетрадей подклеены той же бумагой, что и листы 1, 7. Датировка по филиграммам: 1. Маленькая перчатка со звездой, в манжете с раструбом, небрежного рисунка, — тип Лих. № 1750–1751 и 1753, 1551 г., лл. 35–36; парный знак — тип Р., т. 17, IV, № 1311, 1548 г., лл. 33–31; 2. Маленькая перчатка под короной, в манжете с фестонами, небрежного рисунка — подобный Р., т. 17, VI, № 1700 — 1564 г., № 1702 — 1553 (то же что Вг. № 10917, 1553 г.), л. 43; 3. Герб города Амстердама — тип Диан. № 78, 1692 г., л. 1–7 (вставной).

7) Погод861 [лл. 936–941]⁹ — сборник житий и слов из собрания Погодина РНБ, первая половина XVII в.¹⁰ Заголовок: Мѣдъ августа в .лѣ. днѣ житіе и подвизи възкратцѣ прѣвнаго ѡца нашего александра свѣрскаго новаго чудотворца прославшаго в предѣлѣ новаграда великаго.

Хотя список Q.I.317 — самый ранний для этой редакции, он не представляет старшего текста. Об этом красноречиво свидетельствуют дописанные писцом по нижнему полю листа фрагменты текста, пропущенные им (см. Приложение 1, лл. 362 об., 366 об.), а также пропуски, восстановленные в результате текстологического анализа списков (например, л. 364 об.: чтение и гнѣва). Поправка пропусков текста есть и в Минейной редакции этой рукописи [Сиилин 2001: 65].

Поскольку канонизация Александра Свирского проходила на Соборе 1547 г., составление текста преставления, вероятнее всего, приурочено к ней или возникло сразу после. Вопрос об авторстве — был ли автором по-прежнему игумен Иродион — пока остается открытым в связи с особенностями текста.

Что касается места создания и локализации списков, то в этом вопросе существенно помогают результаты работ В. И. Охотниковой и Л. Сиилин. Текст ЖАС в редакции Иродиона по списку Q.I.317 подроб-

⁸ См. также: “На обор. конечнаго листа скорописью: Даль сію книгу на Киржачь Благовѣщенію по старцѣ Іевѣ по кушникѣ по Курцовѣ, а сію книгу никому не украсть, ни продать, ни даромъ не отдать. [. . .] Иванъ кушникъ, пострижень въ Серг. монастырѣ 1560 г., сконч. 1570 сент. 8” [Описание 1878: 214].

⁹ В рукописи две пагинации, здесь и далее нумерация листов указана по нижней.

¹⁰ Описание рукописи см. в [Каталог 2010: 227–237].

но проанализирован Л. Сиилин с позиции графико-орфографических особенностей. Исследователь отмечает различие писцом этого списка *о*-фонем, что было свойственно части псковских говоров, близких к новгородским, и собственно новгородскому диалекту, а также смешение *ѣ* и *и*, характерное для новгородских говоров [Сиилин 2001: 362]. Кроме того, для *Q.I.317* (и во многом для *Рум397*, *Погод861* и *Тр629*) характерны орфографические признаки второго южнославянского влияния, часто отсутствующие в остальных списках (напр., *сохранаа* — *сохранааа*, *писанаа* — *писанааа*, *трьпаше* — *терпаше* и т. д.).

В труде В. И. Охотниковой, посвященном псковской агиографии [Охотникова 2007], обращено внимание на следующее, важное для истории как рукописей, так и текста ЖАС, совпадение. Сборники *Рум397* и *Шиб168* среди прочих житий содержат соответственно Сокращенную редакцию Жития Евфросина Псковского и Слово о его рождении и житии, которое В. И. Охотникова рассматривает как разновидность проложного текста, сохранившегося всего в четырех списках [ibid., 2: 273–280, 281–301] (такое малое распространение по спискам свойственно и проложному тексту ЖАС). Исследователь отмечает псковско-новгородское происхождение этих текстов, возникших в середине XVI в.

Текст *Погод851* содержит чтения, отражающие мену *ѣ* на *и*: *обонижескыа* (л. 106), *ризоиманиа* (л. 108), *добродителем* (л. 108), *на мѣсти* (л. 109). В сохранившихся тетрадях *Барс1263* также отмечено несколько случаев *и* на месте *ѣ*: *сверипше* (л. 37., вместо *свирѣп же*), *в килию* (л. 38 об.), *свѣдителя* (л. 39); *ѣ* на месте *и*: *восхотѣ поитѣ* (л. 42), что косвенно может указывать на севернорусское происхождение списков.

Для уточнения ареала бытования ЖАС на ранних этапах истории текста важно обратить внимание на владельческие записи рукописи *Погод861*. Они указывают на Романов посад. Возможно, это современный г. Тутаев Ярославской области. Романов — древнее название города до 1822 г., когда он был объединен с Борисоглебском, расположенным на противоположном, правом, берегу Волги; на Романовской стороне сохранилась церковь Архангела Михаила, построенная в 1746–1751 гг., вероятно, упоминаемая в записи.¹¹ Рукопись передана в церковь Архангела Михаила Иваном Ферапонтовым (л. 988 скорописью, цитирование в упрощенной орфографии):

Сия книга Соборник жития святых отец от месяца сентября с 11 числа да августа до 26-го числа Романова посаду Архангельского церковного дьяка Ивана Ивана [так! — А. С.] Ферапонтова сына Попова иконника. А приказал мнѣ отец мой Ферапонт Кондратьев, а письмо в ней отца моего, архангельского попа Ферапонта, да мое, Иваново, а подписал я, Иван, своею рукою.

¹¹ Для периода 1649–1900 гг. известен только один Романов — в Ярославской губернии [Винклер 1899: 219].

По лл. 390–402 скорописью: “сия книга Ивана Ферапонтова с Романова архангельского дьяка, а приказана по отца своего благословенью отдать в церковь архангела Михаила, что на Романове на посаде”. Рукопись — конволют двенадцати почерков от пер. пол. XVI до пер. пол. XVII в. [Каталог 2010: 237].

Таким образом, Проложная 1-я редакция преимущественно бытовала в Новгородско-Псковских землях, однако уже в 60–70 гг. XVI вв. была известна в Троице-Сергиевой Лавре, в XVII в. — в Романове, где текст был существенно дополнен. Хотя текст и возник почти одновременно с канонизацией Александра, он так и остался достоянием рукописной традиции: в третьем издании старопечатного Пролога 1660 г. появляется проложный вариант ЖАС, отличный от рукописных вариантов, рассматриваемых в данной статье.

Несмотря на небольшое количество списков, в них встречаются важные разночтения, позволяющие объединить тексты в группы и предполагать существование несколько большего числа списков. Сопоставление разночтений ЖАС по спискам *Рум397* и *Шиб168* приводит к любопытным выводам об истории этих рукописей. Приведу здесь наиболее важные общие текстовые приметы:¹²

- 1) отсутствие начального стиха Сти̇. Аще и престаѡиса ѿ на̇ пастырь добрыи. но бѡи живѡ прѣстоиши. авгѹ̇ . въ .л̇. и днь. александръ ѿ житна. исходить. [Q.I.317: л. 362];
- 2) совместное чтение опцаго (*супостата врага*) [Рум397: л. 386 об.; Шиб168: л. 337 об.] вместо оьцаго [Q.I.317: л. 364];
- 3) в *Рум397* [л. 386] на месте мирскя злобы [Q.I.317: л. 363] читается переосмысленный, как представляется, вариант мерьскя, а в *Шиб168* [336 об.] это переосмысление уже не вызывает сомнений: мерьзскя,¹³
- 4) в обоих списках отсутствует чтение иже на рѣцы (так в рукописи) на вятѡ [Q.I.317: л. 362];
- 5) вместо добродѣтеле̇ [Q.I.317: л. 364 об.] читается добръ дѡло̇ [Рум397: л. 387; Шиб168: л. 337 об.];
- 6) вместо блговѣрну [Q.I.317: л. 362] — блгорѡну [Рум397: л. 385 об.; Шиб168: л. 336].

¹² Остальные разночтения по этим спискам см. в *Приложении 1*.

¹³ *Мирскіе* ‘относящиеся к жизни в миру’. Писец *Рум397*, вероятно, на слух воспринял как *мерьскія*, т. е. ‘мерзкие’; форма с такой же акцентуацией для *мерзкыи* отмечена в акцентологическом словаре-указателе древнерусского языка — *мерьскяго*, с пометой “отклонение от нормы”, что особенно важно, из псковской рукописи 1590 г. [Прян134: л. 97] (см. [Зализняк 2011: 161, 163]). Если предположение верно, это объясняет, почему писец рукописи *Шиб168*, также псковский по происхождению, принимает вариант *мерьскя* за *мерзкя*.

Очень осторожно можно предположить (особенно этому способствует совместное написание *опцаго*, преимственность *мерьския — меръзския*), что текст ЖАС *Шиб168* мог быть написан непосредственно с *Рум397*¹⁴ или по крайней мере восходит к нему. На временную близость написания указывают филигранные, хотя рукописи написаны на разной бумаге. В любом случае, эти рукописи нуждаются в более плотном изучении на предмет выявления родства других текстов, записанных в них.

К тексту по этим двум сборникам примыкает ЖАС по чуть более позднему списку, *Барс1263*. Все три имеют общие уникальные дополнительные чтения:¹⁵

- 1) (от *предъвъз* [*Q.I.317*: л. 363]) и области [*Рум397*: л. 385 об.; *Шиб168*: л. 336; *Барс1263*: л. 30];
- 2) [*Рум397*: л. 386 об.; *Шиб168*: л. 337]: *иже от вѣѣа промысла прежепоказанное (мѣсто); [Барс1263: л. 31 об.]: . . . прежде показанное ему.*

Общим для этих трех списков также является чтение *осцѣннаго отрока* [*Рум397*: л. 385 об.; *Шиб168*: л. 336; *Барс1263*: л. 30] на месте *сцѣннаго отрока* [*Q.I.317*: л. 362–362 об.].

Рум397 [л. 388] и *Барс1263* [л. 34 об.] объединяет общее дополнительное чтение *творитъ бесчисленнаа чюдеса приходящимъ к нему с вѣрою* (ЖАС по списку *Шиб168* обрывается раньше).

В свою очередь, *Барс1263* отличается чтением о чуде произведения воды (и водное течение с великимъ устремлениемъ с верху горы низъсходящее водное течение мѣтвою устави, л. 34 об.). Правда, это не совсем удачная правка писца, решившего дополнить текст, так как фраза не связана с общим повествованием, в котором говорится о чудесах исцеления больных.

Общие уникальные чтения показывают, что эти три списка составляют одну текстологическую группу, а ЖАС *Шиб168*, возможно, напрямую списан с *Рум397*.

Проложная 1-я редакция содержит весьма интересную подробность, не указанную больше ни в одном тексте Жития. Называется имя духовного наставника Александра Свирского во иночестве его в Валаамском монастыре — Лаврентий / Сергей. В списках *Барс1263*, *Погод851*, *Погод861* и *Трб29* имя наставника опущено (сказано только: *имелше себе наставника*). Чтение *Лаврентий* содержится в списке *Q.I.317*, а *Сергий* — в *Рум397* и *Шиб168*. Видно, что списки *Рум397* и *Шиб168* вновь объединены общей правкой.

¹⁴ Сборник житий *Рум397*, как считается, содержит редко встречающиеся тексты, дошедшие до нас в одном или всего в нескольких списках, см., например [Охотникова 2007, 1: 27, 32].

¹⁵ Остальные разночтения по этим спискам см. в *Приложении 1*. Здесь общие варианты чтений приведены в упрощенной орфографии, выносные внесены в строку.

С чем связано разночтение — вопрос чрезвычайно сложный, объяснить его ошибочным прочтением или неясным написанием затруднительно. Как будет показано дальше, эта деталь оказывается принципиально важной для разрешения вопроса об авторстве текста.

Вариант проложного текста первой половины XVII в. *Погод861* отличаются разнообразными дополнениями и риторические украшения. Список интересен приемами обработки текста: есть как единичные добавления, так и пространственные вставки, например, из текстов Св. Писания: *рече во҃ъ: прославляющїи ма прославлѹ, л. 940 об. (ср. 1 Цар 2:30); и іако прѣ ѿ очю вземлѣса в малѣ явлѣса, а вскорѣ погыбаѣ, л. 937 об. (ср. Иак 4:14); имѣти же сладость вѣстѣвнаго писанїа и написовати на скрижалѣ сѣць свой, л. 939 (ср. 2 Кор 3:3).*

Книжник распространяет повествование о кажущихся ему наиболее важными событиях, перелагая подробности, известные из Минейной редакции: *їадѣ же блженнаго ѿ земнаго была пустыннаго, хлѣба же мало вкушаше и воды пооскуду пїаше и цвѣташе постнымъ лицѣ, іако аггелъ на земли, и молитвеннїи стоанїемъ плоть свою изнурѣа, сна же не дадѣше учїма и вѣкома дреманїа днѣ и ноцѣ, и прохождаше слава в немъ повсюду, л. 939. — вместо Q.I.317 *їадѣ же вѣше блжннаго ѿ земнаго была. и хлѣба мало. и воды пооскуду, л. 365.**

Несмотря на свойственную прологам лаконичность, редактор украшает текст поэтичным символическим отступлением о процветании монастыря: *зѣло во, іако цвѣти райскїа и многоплоднаа дрѣвеса, нападхуса ѿ ст҃аго ст҃ымъ ученїемъ, еже имѣти чѣстоту дш҃внѹю, вкупѣ и телеснѹю, и мирскїи сладѣтен ѿнюду ѿгреватїса, имѣти же сладость вѣстѣвнаго писанїа и написовати на скрижалѣ сѣць свой, еже имѣти молитвы кз вг҃у днѣ и ноцѣ и молитїса в дш҃венѣ сп҃сенїи, вѣстѣвнаа же и чѣстнаа цркви г҃а нашего їс҃а х҃а напаче исполнашеса бл҃гоуханїа и службы, цвѣташе чѣстїи иконами и вѣстѣвнаго писанїа книгами сїаше вѣстѣвнѹму писанїю іако нбѣ на земли, л. 938 об.—939.*

Этот вариант проложной первой редакции встретился пока в одном списке.

Описанные разночтения в пределах одной редакции позволяют сделать вывод о существовании большего числа списков проложного текста ЖАС. По крайней мере, переделки и дополнения спустя полвека после написания свидетельствуют скорее об использовании текста, нежели о забвении.

Проложный текст, как представляется, появился около 1547 г., почти одновременно с ЖАС для ВМЧ. Возникает два важных вопроса: создан ли он путем сокращения текста Иродиона и является ли Иродион его автором? Что касается датировки Успенских миней, то Л. М. Костюхина, обобщив данные анализа бумаги, записей на полях и биографии Макария, заключает, что они писались в основном в Новгороде [Костюхина 1987: 25] и “были начаты в 1541–1542 гг. на том же запасе бумаги, что и Софийские, а

заканчивались в основном на другой бумаге, 1547–1549 гг. [. . .] Отдельные тексты были написаны в течение 1549–1552 гг.” [ИВД.: 24]. Очевидна временная и территориальная близость появления текстов *Син997*¹⁶ и *Q.I.317*.

Иродион прямо сообщает о своем авторстве Жития: Списано иродіиномъ игоуменѣ тоаѣ чѣныа вбители, оученикѣ стѣго [Син997: л. 1143]. Однако нигде не говорится, что он является автором какого-либо иного текста. Косвенно о том, что Иродион не был причастен к проложному тексту, свидетельствует отсутствие этого текста в Успенском и Царском комплектах.

Сюжет проложного жития, кроме отмеченного упоминания о наставнике Лаврентии/Сергии, восходит к тексту Минейной редакции. Сюжетная канва такова: чудесное рождение, небыстрое учение книгам, молитва об учении, отказ от игр, уход от родителей, постриг и пребывание в монастыре, постриг родителей, уход Александра в пустынь, построение хижины, борьба с бесами, распространение славы об Александре и обращение к нему людей за помощью, строительство церкви во имя Троицы и создание монастыря, деятельность в монастыре, явление ангела, Троицы и Богородицы, упоминание о чудесах святого, представление. В сравнении с текстом ВМЧ изменена последовательность событий: явления ангела и Троицы вынесены в ту часть, где говорится о чудесах преподобного.

Особенностью Проложной 1-й редакции является почти пословное совпадение с текстом Иродиона в начале и в конце Жития при описании чудесных явлений Александру и его преставления. В таблице приведен фрагмент о явлении Богородицы, совпадения выделены наклонным начертанием:

<i>Син997</i> [л. 1162 б]	<i>Q.I.317</i> [л. 365 об.]
и видитъ пречѣтую бѣоу на основаннѣ цркви прѣтыа вѣа чѣноа еа покровѣ и въ ѡтарнемъ мѣствѣ, яко на прѣтолѣ сѣдащу. и гдѣ нѣго ісаѣ ха яко младенца на руку своѣю дрѣжащи. и вскроутъ прѣтѣла мнѣство аѣгльскѣ воиньствѣ . . .	спѣби же са стѣни. и блѣвеннаго видѣнѣа прѣтыа бѣогѣтре со множествомъ аѣгльѣ. на олтарнѣ мѣствѣ основаннѣа цркви яко на прѣтлѣ сѣдащу. и гдѣ нѣго ісаѣ ха яко младенца на руку дрѣжащи . . .

Однако повествование о жизни Александра после его ухода из Валаамского монастыря передано уже более вольно. К Минейной редакции отсылают последовательность событий и отдельная лексика и сочетания: и ѡтоле же прѣпѣбный александръ на чѣа дрѣва посѣкати и нивы пахати и сѣати и

¹⁶ Июльская минея была завершена, судя по записи писца Никиты, в 1545 г. [Костюхина 1987: 23]. Уточненная датировка майской минеи — 1545–1546 гг. [Шульгина 2007: 87], мартовской — 1547–1548 гг. [Дианова 1997: 84].

добрѣ троужатиса [Син997: 1153 б] — своими руками древа посѣкала и нива твора поновжашаса самъ [Q.I.317: 363 об.–364].

Наставление Александра — это уже самостоятельный фрагмент, с текстом Иродиона его объединяет только общность композиции (Иродион заимствовал этот текст из Жития Феодосия Печерского). Причем лексика, используемая в проложном тексте (напр., рѣзоиманіе), специфична по отношению к тексту Минейной редакции.

Син997 [л. 1156 в]	Q.I.317 [л. 364 об.]
<p>молю же вы братіе по̀вѣнемъса въ малое се время <i>постомъ и мѣтвоя</i>, попецемса въ спѣсении дѣлѣ нашѣ. възвратимса ѿ злобъ нашихъ, и ѿ поутеи лоукавы. еже соуть си любадѣваніе. тѣбы. клеветы. празднословия, которы. пѣньства, вбѣдненіе. братоненавидѣніе сихъ братіе оуклонимса. сихъ възгнѣоушдемса</p>	<p>въ чѣда хранитеса ѿ всакихъ неправды завѣсти. и клеветы. и гдѣрости. и рѣзоиманіа. и ѿ мѣзды неправдо соуѣ. и от роты на кривѣ и ѿ всакихъ нечѣтотъ въздѣжатиса. кротость же и любовь имѣти. та бо е мѣти всѣмъ добродѣтелѣ. и сему оучаше бѣжнѣнии люди по вса дѣни сам же оубо удручѣа тѣло свое <i>постомъ и мѣтвоя</i></p>

Подобные отличия в повествовании рождают некоторые сомнения в однозначной атрибуции текста Иродиону. Текст мог сократить и обработать либо кто-то в соавторстве с Иродионом (тогда объяснимы словное совпадение начала и конца Жития и существенные отличия как в манере изложения, так и в лексике в “середине текста”), либо тот, кто знал жизненный путь Александра и обладал несомненными литературными способностями. Пока вопрос не решается однозначно.

О том, что Иродиону вряд ли принадлежит авторство текста, свидетельствует отмеченное выше упоминание о наставнике Александра в Валаамском монастыре: имѣаше себѣ наставника по бозѣ мнѣха нѣкоего священноинока лаврентіа именемъ духовнаго старца в том же манастири постриженіе имуща и от сего навѣкъ гѣко от искусна вожда всему иноческому житию [Q.I.317: л. 363 об.]. В тексте Минейной редакции нет сообщений о наставнике Александра во иночестве. Иродион, составляя текст для Миней, подробно описывает всех, кто сыграл какую-либо роль в жизни Александра, называя по именам и приходящих к Александру просителей, и старцев, и строителей церкви, и героев чудес, как прижизненных, так и посмертных. Называет он и игумена Валаамского монастыря, Иоакима (в списке Син997 и в остальных списках Минейной редакции его имя упоминается три раза), постригшего Александра и наставлявшего его. При такой внимательности Иродиона к окружению Александра весьма сомнительно, что он, зная о старце Лаврентии, при создании текста для ВМЧ не упомянул бы его, но включил в проложный вариант.

Какую-то ясность в вопрос о реальности иеромонаха Лаврентия, подвизавшегося на Валааме в 1470-е годы, могли бы внести сохранившиеся Синодики Валаамского монастыря. По словам Охотиной-Линд, в них сохранился “богатейший исторический материал: перечислены роды вкладчиков Валаамского монастыря и многих других людей, каким-либо образом с ним связанных, [. . .] имена валаамских игуменов, монахов, священников” [Охотина-Линд 1996: 440–470]. Оба Синодика Валаамского монастыря хранятся в Музее православной церкви города Куопио, для этого исследования их привлечь пока не удалось.

Конечно, само упоминание о наставнике Александра во иночестве спустя почти восемь десятилетий после его прихода на Валаам выглядит несколько сомнительно. Если это не намеренное искажение фактических данных, цель которого неясна, то писал текст либо кто-то из учеников самого Александра (и на эту роль подходит Иродион, которому Александр сам поведал свой жизненный путь), либо кто-то, имевший отношение к Валаамской обители (память о Лаврентии могла сохраниться в устном предании, например). В своем исследовании Леа Сиилин предполагает, что в монастырь Александра в середине XVI в. могли быть приглашены “наемные писцы для переписки ЖАС. Однако поскольку Александр Свирский сам был постриженником Валаамского монастыря, не исключено, что писцы Валаамского монастыря в целях прославления своего бывшего инока помогли в переписке жития” [Сиилин 2001: 27]. В таком случае составителем проложного варианта вполне мог быть книжник из Валаамского скриптория. Однако это пока всего лишь предположения.

Что касается варьирования *Сергий/Лаврентий*, то чтение *Лаврентий* определяется мною как первичное. Здесь возможно предложить две версии появления чтения *Сергий*. В Житии Александра Минейной редакции в главе “О взыскании блаженного отрока” повествуется, как родной отец Александра, Стефан, принял постриг в одном из монастырей под именем *Сергий*. Поскольку имя *Лаврентий* не встречается больше в списках Жития, то это чтение было принято за ошибочное и заменено на известное *Сергий* (вероятно, редактором *Рум397*). Кроме того, такое же чтение “и от сего навъик яко от искусна вожда всему иноческому житию” встречается в краткой редакции жития Никона Радонежского (XV в.):¹⁷ и пакы прихѡтъ къ блженому сергїю. и ѿ сего навъикъ яко ѿ искусна вожда всему иночьскому житїю [Тр116: л. 415] Данная фраза могла быть хорошо знакома редактору *Рум397*, и потому он предлагает вариант *Сергий*.

¹⁷ Н. В. Пак указывает на житие Никона Радонежского как на новый источник Минейной редакции жития Александра Свирского [Пак 2016: в печати].

Кто бы ни внес правку, важно, что, хотя часть житийных редакций *Рум397* исследователи считают сокращением несохранившихся или редких редакций житий,¹⁸ Проложная 1-я редакция Жития Александра бытовала до появления *Рум397*, является сокращением текста Иродиона, несмотря на некоторую вольность изложения. Редактор ЖАС *Рум397* вносил незначительные дополнения в уже существующий текст, если не использовал готовый вариант.

Вторая проложная редакция

Рукопись *Волог20* представляет совершенно иную разновидность Проложного текста, которая встретила пока только в единственном списке тр. четв. XVI в. Датировка по филиграням: перчатка с литерой Р внутри, под короной, с манжетой с фестонами — типа Р., т. 17, VI, № 1923 — 1559 г., л. 11; парный знак — подобный Вг., № 11044 — 1568 г., 1571–1582 гг., 1578; подобный Р., т. 17, VI, № 1921 — 1568 г., л. 13. Рукопись — Пролог на июнь-август, потому эта редакция ЖАС названа второй Проложной. Заголовок: В тѣ днь прѣпѣвѣнаго вѣца нѣшего александра сверьскаго, лл. 393–394 об.

Текст *Волог20* очень краток, многие вехи жизни святого лишь намечены, что при таком объеме текста естественно. Однако если Проложная 1-я редакция производит впечатление цельного произведения, то в этом повествовании прослеживается неравномерность и отрывистость: о рождении Александра, его родителях создатель говорит подробно, затем без логического перехода сообщает и наоученъ бы вѣтвенъ книгѣ, лл. 393–393 об., далее вновь пространно пишет об уходе отрока в монастырь, о поиске его родителями, о приходе его отца, Стефана, в монастырь на Ва-лаам, о постриге родителей, о иноческих трудах Александра, об уходе в пустынь. Однако о центральном и важнейшем событии Жития — о явлении святой Троицы — сообщает весьма сухо и косвенно: и ѿ вѣтвеннаго явленїа повелѣвъ, цркъвь стѣи трѣци сзда, л. 394. Далее повествование остается таким же сжатым. Две трети текста охватывают период времени до устройства Свирской обители, а о трудах и подвигах Александра, о явленных ему чудесах замечено коротко: спѣвѣлет же са прѣпѣвѣныи и чудотворному дару ѿ бога. и явленїе ему вѣгомѣре видѣвъ, л. 394 об. Подобная композиционная неравномерность повествования и известность только по одному списку отмечается Т. Б. Карбасовой для Тихановской редакции Жития Кирилла Новоезерского XVII в. [КАРБАСОВА 2011: 154–156, 412–413].

Отличия в повествовании двух проложных редакций ЖАС видно из следующих чтений:

¹⁸ См. об этом, например, [Охотникова 2007, 2: 277; Дмитриев 1973: 178].

Q.I.317 [л. 364 об.–365]	Волог20 [л. 394 об.]
и бѣ мастырь [так! — А. С.] ѳюдѣнъ. и братѣи ѳислом множащеса мѣтвѣми прѣснаго ѿца александра. и исполнишася црѣкви блгоуханїа ихъ слоужьбы.	и добръ ѿбитель оустрадетъ ѣже и до ннѣ блгоутѣв прѣываѣ.

Сюжетная канва несколько отличается от текста Проложной 1-й редакции: составитель этой редакции считает важным упомянуть о принятии родителями преподобного иноческого сана и о рукоположении Александра в иереи. Обо всех этих событиях говорится в тексте Минейной редакции, каких-либо новых подробностей в сравнении с ней не сообщается.

Проложная 2-я редакция встретилась лишь в одном списке, нет никаких фактов, позволяющих предположить, кто мог быть ее автором. Ясно, что ему был неизвестен уже существующий вариант проложного текста. Неравномерность повествования наводит на мысль, что книжник был строго ограничен в объеме, потому так сжато, всего в нескольких предложениях повествует он о деятельности Александра после ухода в пустынь. Однако, несмотря на краткость изложения, эта редакция по фактическим и лексическим совпадениям восходит к Минейной.

Третья проложная редакция

При подготовке данной статьи была обнаружена еще одна редакция проложного текста — в рукописи *Бол194* [л. 505–508 об.] (Пролог второй половины года, конца XVI – начала XVII века).¹⁹ Заголовок жития: В тои же днь сказанїе вкратцѣ ѿ жїи и ѿ прѣставленїи прѣснаго ѿца нашего александра свирьскаго новаго чудотворца. Благослови ѿсе. Пока можно сказать только о ее безусловном восхождении к Минейной и о более пространном повествовании, в сравнении с представленными в данной статье текстами. Большая часть сюжета сконцентрирована вокруг деятельности Александра до создания им монастыря, о явлении Троицы вновь не сообщается (црѣквь постави во имя <текст утрачен> вончудным трѣца, л. 508 об.). По сравнению с другими редакциями ЖАС в текст добавлено прозвище архиепископа Новгородского и Псковского Евфимия: при [. . .] еѿфимїи брадатом, л. 505. На листах 18, 25, 32, 37, 52 и 65 скорописная запись, позволяющая локализовать список (цитируется в упрощенной орфографии):

¹⁹ Поскольку текст был обнаружен на этапе подготовки статьи в печать, информация о кодикологических особенностях рукописи и подробное исследование текста не приводятся.

Положил сию книгу Прелог в дом святыя Троицы во градѣ Можайскѣ на пасадѣ с Москвы из-за Яузы Никитцкой поп Иван Васильев по своих родителей в вѣчный помин, при черном священникѣ Варлаамѣ Григорьевѣ, подписалъ поп Иоанн своею рукою.

Вероятно, текст этого пролога создавался в Москве и через некоторое время был известен в Можайске.

Итак, в XVI веке, независимо друг от друга, на основе текста Минейной редакции появилось три проложных Жития Александра. Время написания, содержание и приемы обработки текста различны. Проложная 1-я редакция составлена вскоре после создания текста Иродиона (гипотетически в 1545–1549 гг.) и, как представляется, приурочена к канонизации Александра. Текст принадлежит не Иродиону или не только ему, вероятнее всего, написан в Свирской обители; возможно, над ним трудились и валаамские книжники. Получившееся произведение создает впечатление цельного, работа над ним велась, безусловно, человеком, владеющим литературным слогом. Текст бытовал в основном в Псковско-Новгородских землях во второй половине XVI – начале XVII вв., в конце XVI и начале XVII вв. был известен в Троице-Сергиевой Лавре и, вероятно, в Романове-Борисоглебске и остался достоянием рукописей. Для старопечатного Пролога 1660 г. было предпринято новое сокращение текста Минейной редакции (этот же текст встретился в более позднем рукописном Прологе кон. XVII в. — *Бол404* [л. 161 об.–163 об.]).

Вторая проложная редакция больше напоминает краткую заметку о жизни Александра, в центре внимания книжника труды преподобного до ухода в пустынь (примерно две трети объема текста). Создан текст независимо от первой редакции.

Поскольку три редакции возникают независимо друг от друга и имеют регионально ограниченное распространение, складывается впечатление, что единого, известного повсеместно проложного текста ЖАС до появления старопечатного Пролога не было, как, кажется, не было в этот период — XVI–XVII вв. — на Руси и строгих правил создания проложной версии жития на основе его полной или минейной редакции (по крайней мере на это указывает то, что во всех трех проложных версиях ЖАС содержится различный набор описываемых событий). Возможно, вариативность редакций обусловлена параллельным формированием региональных литературных, в частности, агиографических, традиций. Похожая картина прослеживается В. И. Охотниковой в рукописной истории проложных текстов Жития Ефросина Псковского и Жития Саввы Крыпецкого [Охотникова 2007, 2: 281–301, 498–504], А. Г. Сергеевым — в отношении истории проложного жития Святого Корнилия Комельского [СЕРГЕЕВ 2004: 104–111].

Приложение 1

Проложная первая редакция Жития Александра Свирского

Текст приводится по раннему списку Q.I.317, орфография списка и диакритика сохранены, знаки акцентуации не приводятся, деление на строки передается символом “/”, киноварь выделена жирно. Слова, вписанные писцом по полю, присутствующие во всех остальных рукописях, даются в квадратных скобках. Лексические повторы, описки, ошибки сохранены, но для удобного восприятия вынесены в комментарии. Подведены все лексические, морфологические и синтаксические разночтения по спискам, варьирование в графике не отмечается, но отмечаются фонетические и орфографические варианты, за исключением варьирования ь / ъ / џ / ѣ и мены ѡ/ѡ. В подведенных вариантах графические особенности рукописей не отражаются. Если вариантное чтение относится к целой синтагме, то ее границы отмечаются звездочкой (*) в начале и после знака сноски.

л. 362 *Мѣа авгѣ²⁰. в л.^{21*} днь²². преста/влени²³. прѣбнаго. *и бгоно/снаго^{24*} ѡца ншго.²⁵
 алеѡднѣра / свер'скаго²⁶ *новаго чюд'творца^{27*}.²⁸ / *Стѣ. Аце и престависа ѡ на / пастырь²⁹
 добрыи³⁰. но бѣи жи/въ прѣстоиши. авгѣ. въ³¹. л./и днь³². алеѡднѣрь ѡ житиѡ³³. / исходить^{34*}.³⁵ /
 Сеи прѣбныи бгоносныи³⁶ ѡцѣ / ншь алеѡднѣрь. ³⁷роженіе и/мѡа³⁸ и възпитаніе³⁹. ѡ пре/дѣлѣ⁴⁰

²⁰ того же: Рум397.

^{21*} в тои же: Барс1263.

²² нет: Тр629.

²³ нет: Рум397; слово от житія: Шиб168; житіе и подвижи въкратцѣ: Погод861.

^{24*} нет: Шиб168, Рум397, Погод861.

²⁵ нет: Барс1263.

²⁶ свер'скаго: Барс1263.

^{27*} нет: Тр629.

²⁸ доб.: гѣ блс Шиб168; доб.: прсѡвшаго в предѣлѣх новаграда великаго: Погод861.

²⁹ пастырь: Тр629.

³⁰ добры: Погод851.

³¹ нет: Погод861.

³² нет: Погод851, Барс1263.

³³ житіа: Барс1263, Тр629, Погод861.

^{34*} без стиха: Шиб168, Рум397.

³⁵ доб.: блсви оѣе: Погод861.

³⁶ бгоноснаго: Тр629.

³⁷ доб.: и: Погод861.

³⁸ имѡа: Рум397, Тр629, Погод861.

³⁹ воспитаніа: Барс1263.

⁴⁰ доб.: и области: Шиб168, Рум397, Барс1263, Погод861.

славнаго и великого⁴¹ / новаграда⁴². ѿ страны же / ѿвоиѣж'скїа⁴³. * иже на рещы⁴⁴ / на
⁴⁵ѿшатъ^{46*}. родиса ѿ бл҃го/вѣрнѹ⁴⁷ родителю и б҃гово/тазнива⁴⁸. ѿ⁴⁹ оца⁵⁰ бл҃гоути/ва. * стѣфана
 имене^{51*}. и ма/ти его васса⁵². И⁵³ бл҃венїа⁵⁴ плвѣ / зачен'ши. родиста⁵⁵ сего. сѣце // л. 362 об.
 н'наго⁵⁶ ѿрока. и вѣспитаста / и⁵⁷ в добръ наказанїи. по сиѣ⁵⁸ / вдаша его * в наоченїе^{59*}
 грамо/тъ⁶⁰. ѿрокѹ же нескоро косоно / оучащѹса. родителем' же / бл҃жн'наго ѿтрока. много /
 ѿ томъ скор'вѣти. и не/престан'но ѿ семъ бѣ⁶¹ мола/ста⁶². тако да поддастъ б҃гъ / дѣтищѹ ихъ
 разумѣти / оуч'нїе грамотѣ⁶³. бл҃женн' / же ѿтрокъ видѣвъ роди/тела⁶⁴ своа⁶⁵ в печалї⁶⁶
 соуща / его рѣ⁶⁷. и въ единъ днь вни/де⁶⁷ в' ближнюю⁶⁸ того мѣста / цр҃квь. и помолиса къ⁶⁹
 б҃гѹ / со слезами гл҃ющи⁷⁰. ги исе хе / бже нашъ помилуи ма⁷¹. и по/мози ми⁷² недостоинному ра/

⁴¹ великаго: *Шиб168, Рум. 396, Погод861.*

⁴² новгорода: *Тр629.*

⁴³ ѿвоиѣж'скїа: *Погод851; ѿвоиѣж'скїа: Погод861.*

⁴⁴ рѣцы: *Погод851, Барс1263; рѣцы: Тр629; рещы: Погод861.*

⁴⁵ оцте: *Барс1263.*

^{46*} нет: *Шиб168, Рум397.*

⁴⁷ бл҃городнѹ: *Шиб168, Рум.397.*

⁴⁸ б҃говоазниву: *Погод851, Барс1263, Тр629, Погод861; б҃говоазниву: Шиб168, Рум.397.*

⁴⁹ нет: *Шиб168, Рум.397, Погод851, Погод861.*

⁵⁰ отцу: *Барс1263.*

^{51*} именем стѣфана: *Шиб168, Рум397.*

⁵² василиса: *Рум397, Шиб168, Барс1263; василиса именемъ: Тр629; васиса (над словом дописано ли): Погод851.*

⁵³ иже: *Рум.397, Погод861.*

⁵⁴ бл҃венїа: *Погод861.*

⁵⁵ доп. ж: *Тр629, Погод861.*

⁵⁶ освѣщеннаго: *Барс1263, Шиб168, Рум.397, Погод861.*

⁵⁷ нет: *Барс1263, Шиб168, Рум.397.*

⁵⁸ по сеѣ же: *Рум.397.*

^{59*} на учене: *Шиб168, Рум397.*

⁶⁰ грамоте: *Погод851, Барс1263, Погод861.*

⁶¹ богу: *Барс1263.*

⁶² молаше: *Шиб168; молащѣ: Рум397.*

⁶³ грамоте: *Погод851, Барс1263.*

⁶⁴ родилъ: *Барс1263, ошибка письма.*

⁶⁵ своа: *Рум397.*

⁶⁶ печалѣ: *Тр629.*

⁶⁷ внидѣ: *Шиб168.*

⁶⁸ ближнѹ: *Рум397.*

⁶⁹ нет: *Тр629.*

⁷⁰ гл҃юще: *Тр629, Погод861.*

⁷¹ нет: *Рум397.*

⁷² миѣ: *Шиб168.*

бѹ твоемѹ. ꙗко да навьикнѹ/ти⁷³ оученїа⁷⁴ бжтвеннаго⁷⁵ писанїа⁷⁶. [и ѿ того часа]⁷⁷ // л. 363
 бжтвенныи ѿтрокъ. прїа⁷⁸ / бл҃гѣть и ддрѣ⁷⁹ стго д҃ха. и в' / скорѣ навьикъ разоумѣти / бжтвеннаго⁸⁰
 писанїа⁸¹. ⁸²родн/тела же его видѣше⁸³ сїа⁸⁴ бы/вѣмаа. зило⁸⁵ радовахуса. / ꙗко и еше же
 млад сын и⁸⁶ со юны/ми⁸⁷ не⁸⁸ изволи на игры ходити. / и ѿгревагаса⁸⁹ ѿ⁹⁰ всакїа⁹¹ ми/р'скїа⁹²
 злобы и вещи. и бѣ со/соу⁹³ избранъ стго д҃ха⁹³ и рече / в себѣ⁹⁴. по истинѣ⁹⁵ житїе / се. сѣнь и сонъ.
 и ꙗко коло / вертитса⁹⁶. ⁹⁷и вѣзненави/дѣѣ мира и ꙗже⁹⁸ в' мирѣ. и/ вса ѿставль⁹⁹ изыде из

⁷³ навьикнѹ: Барс1263, Шиб168, Рум397, Погод851, Тр629, Погод861.

⁷⁴ оучене: Барс1263, Шиб168, Рум.397, Погод851, Тр629, Погод861.

⁷⁵ бжтвенному: Шиб168.

⁷⁶ писанїа: Погод851; писанїю: Шиб168.

⁷⁷ Есть во всех списках, вставлено писцом по нижнему полю листа.

⁷⁸ прїа: Шиб168, Погод861.

⁷⁹ ддрѣ: Погод851.

⁸⁰ бжтвенна: Погод851, Тр629; бжтвенное: Погод861.

⁸¹ писанїа: Погод851; писанїе: Погод861.

⁸² доб.: и превзыде разумом больша сверстник своих: Погод861. Стандартная житийная фраза при рассказе о Божественном просвещении отрока, ср., например, Житие митрополита Петра в редакции Киприана (XIV в.): "яко по мале времени всех сверстников своих превзыде и предвари"; Повесть о Стефане, епископе Пермском (по списку XVI в.): "превзыде паче многих сверстников в роде своем".

⁸³ видѣши: Шиб168, Погод861.

⁸⁴ сїа: Погод851.

⁸⁵ зѣло: Барс1263, Шиб168, Рум.397, Тр629, Погод861.

⁸⁶ нет: Погод851.

⁸⁷ оучеными: Тр629, Погод851, Шиб168, Рум.397.

⁸⁸ чтение отсутствует: Погод851.

⁸⁹ ѿгревагаса: Шиб168, Рум397.

⁹⁰ нет: Тр629.

⁹¹ всакїа: Погод851, Погод861.

⁹² мерзскїа: Шиб168; мерьскїа: Рум397; мирьскїа: Тр629; мирскїа: Погод851, Погод861 (Погод861: перед мирскїа зачеркнуто злыа).

⁹³ доб.: и желаше како бы сїстїса възвышашеса смыслъ его ко х҃у: Погод861.

⁹⁴ себѣ: Погод851, Шиб168.

⁹⁵ истиннѣ: Погод851, Погод861.

⁹⁶ коло вертитца: Рум397.

⁹⁷ доб.: и ꙗко прах от очю вземлетса, вмаалѣ ѡбллетса, а скорѣ погыбает: Погод861. Ср. Иак. 4:14: "кая бо жизнь ваша, пара бо есть, яже вмаалѣ является, потомъ же исчезаетъ".

⁹⁸ ꙗж: Тр629.

⁹⁹ доб.: i: Погод861.

До/му¹⁰⁰ ѡца своего¹⁰¹. и / прїиде¹⁰² в манастирь¹⁰³ стго / спса на валламы. и ту по/стрижеса. и добръ в не¹⁰⁴ / тружася¹⁰⁵. трыпаше¹⁰⁶ съ / всакымъ¹⁰⁷ смиренїемъ¹⁰⁸. // л. 363 об. и послушанїе без лѣности и/мѣаше¹⁰⁹ себѣ¹¹⁰. наставника¹¹¹ / по бѣзѣ мниха нѣкоего *сци^нно/инока лаврентїа именемъ. Дѣховна старѣца^{112*} в томѣ же ма/настыри¹¹³ постриженїе¹¹⁴ илюу/ца¹¹⁵. и ѡ сего навьисъ яко ѡ / искоусна вожда всему ино/ческому житїю. да того радѣ¹¹⁶ / любяхуть¹¹⁷ вса братїа¹¹⁸ блже/нѣнаго великого¹¹⁹ ради смире/нїа его. и послушанїа¹²⁰. ¹²¹ѡн же/ не хота¹²² славы члца¹²³.

¹⁰⁰ дому своего: так только в Q.I.317.

¹⁰¹ доб.: там: *Погод861*.

¹⁰² прїидѣ: *Рум397*.

¹⁰³ манастирь: *Тр629, Погод851, Барс1263, Шиб168, Рум397, Погод861*.

¹⁰⁴ нѣм: *Шиб168*.

¹⁰⁵ тружася: *Погод851, Погод861, Шиб168, Барс1263, Тр629; тружа: Рум397*.

¹⁰⁶ трыпаше: *Тр629, Погод851, Барс1263, Шиб168, Рум397, Погод861*.

¹⁰⁷ всакымъ: *Погод851, Тр629, Шиб168, Рум397, Барс1263, Погод861*.

¹⁰⁸ доб. яко: *Рум397*.

¹⁰⁹ имѣаше ж: *Барс1263, Рум397, Шиб168, Погод851, Погод861*.

¹¹⁰ в себѣ: *Барс1263; себѣ: Шиб168, Рум397*.

¹¹¹ нет: *Барс1263*.

¹¹² * Дѣховна старца именемъ серга: *Шиб168, Рум397; дѣховна старца сци^нноинока: Тр629; дѣховна старца: Погод851, Барс1263, Погод861*.

¹¹³ манастирь: *Тр629, Погод861, Шиб168, Рум397; монастыри: Погод851, Барс1263*.

¹¹⁴ постриженїе: *Погод861*.

¹¹⁵ илюуце: *Погод861*.

¹¹⁶ любяхуть: *Погод851, Погод861, Барс1263, Рум397; любяат: Шиб168*.

¹¹⁷ доб. и: *Рум397, Шиб168, Погод851, Погод861*.

¹¹⁸ братїа: *Шиб168, Погод861; братя: Рум397*.

¹¹⁹ великаго: *Погод851, Шиб168, Рум397, Барс1263, Погод861*.

¹²⁰ послушанїа: *Погод851*.

¹²¹ доб.: вселися во нь блгдѣть стго дѣа и: *Погод861*.

¹²² хоташе: *Барс1263, Погод861*.

¹²³ от члкъ: *Погод861*.

и въ еди/ноу ѿ нощен¹²⁴ изыде. ѿ ма/настыра¹²⁵. ¹²⁶и шедъ в поусты/ню¹²⁷ и похѡвъ и обрѣ¹²⁸ мѣсто покѡ/но и вселиса¹³⁰ * въ не^{131*} и въ з'гради/въ себѣ хлѣвину¹³² малу. идѣ/же пѣнїе и млтвы кз¹³³ бгѡу / всылаа¹³⁴ * днь и ноць беспреста/ни^{135*}. тружаѣса постомъ и / бдѣнїемъ. дѣлаа своими¹³⁶ // л. 364 руками¹³⁷ дрѣ посѣсаа и нивы¹³⁸ / твора. понужаѣса самъ гд / ради. и сохраниа¹³⁹ заповѣди¹⁴⁰ / иже¹⁴¹ * въ еѡлїи^{142*}. иже кто не¹⁴³ дѣ/лаа¹⁴⁴ да не іастъ. и¹⁴⁵ по вса¹⁴⁶ дни¹⁴⁷ / не дадаше с'на * очима свои/ма^{148*}. бораса к невидимымъ / кознемъ. иже наносимаа¹⁴⁹ /

¹²⁴ ноци: Рум397, Шиб168, Барс1263, Погод861.

¹²⁵ монастыра: Рум397, Погод851, Шиб168, Барс1263.

¹²⁶ доб.: блженныи: Погод861.

¹²⁷ доб.: бжїею блггодатно направляем: Погод861.

¹²⁸ обрѣте: Погод861.

¹²⁹ доб. вставка: иже от бжїа промысла прежде показанное ему: Барс1263; иже от бжїа промысла преждпоказанное: Шиб168, Рум397.

¹³⁰ вселисе: Рум397.

^{131*} ту: Шиб168; в ны: Погод851; в нем: Погод861.

¹³² хлѣвину: Тр629, хлѣвину: Барс1263.

¹³³ нет: Тр629.

¹³⁴ всылаа: Погод851.

^{135*} беспрестани днь и ноць: Погод851, Тр629, Шиб168, Рум397; беспрестани . . . : Барс1263, Погод861.

¹³⁶ своима: Погод851, Барс1263, Шиб168, Рум397, Погод861.

¹³⁷ рукама: Погод851, Барс1263, Шиб168, Рум397, Погод861.

¹³⁸ нива: Рум397.

¹³⁹ сохраниа: Погод851, Погод861, Барс1263.

¹⁴⁰ заповѣдь: Погод861.

¹⁴¹ нет: Погод861.

^{142*} во небагелни: Шиб168.

¹⁴³ вписано сверху строки писцом: Тр629.

¹⁴⁴ дѣлает: Шиб168.

¹⁴⁵ нет: Барс1263.

¹⁴⁶ доб. ж: Тр629, Барс1263, Рум397, Шиб168, Погод861.

¹⁴⁷ доб.: и ноци: Погод861.

^{148*} своима очима: Шиб168.

¹⁴⁹ наносимыа: Тр629, Рум397.

НАМЪ¹⁵⁰ ѿ оуѣщаго¹⁵¹ * супостага / врага^{152*}. ѿвогда бо в мирѣ лю¹⁵³ / ѿ лукавыѣ бѣсовѣ¹⁵⁴ на оуѣдени. /
напасти¹⁵⁵ ему¹⁵⁶ твораще¹⁵⁷. ѿвогда же сами бѣстоудни¹⁵⁸ / лукави бѣси¹⁵⁹ мечты¹⁶¹ дѣ/юще.
низложити стго хо/таще. и многа¹⁶² напа/сти и печали * ему приноша/ху^{163*} лукави. ии же вса
си¹⁶⁴ іа / доврѣ¹⁶⁵ воинъ хѣв¹⁶⁶ доврѣ¹⁶⁷ те / рпаше¹⁶⁸. бжего десницею / оукреплемъ¹⁶⁹. и произы/де
ѿ немъ сава по веси // л. 364 об. странѣ. и ѿ всѣхъ градовъ / събирахуса * к нему^{170*}. людѣ. /
¹⁷¹бгатїи и оубози. ии же безлѣ/ности вса оуѣдаше. и наса/зоваше га ради. вса прихода/ща к нему¹⁷².
и глаше тихи¹⁷³ / и кроткимъ¹⁷⁴ глаго. ѿ чада хра/нитеса¹⁷⁵ ѿ всакіа¹⁷⁶ неправды / завѣсти¹⁷⁷. и

¹⁵⁰ нет: Шиб168, Рум397.

¹⁵¹ опцаго: Рум397, Шиб168.

^{152*} врага супостага: Тр629.

¹⁵³ неразумни члцы: Погод861.

¹⁵⁴ бѣсовѣ: Погод851, Тр629, Рум397, Погод861.

¹⁵⁵ пакости: Погод851, Барс1263, Шиб168, Рум397, Погод861 — исконное чтение.

¹⁵⁶ прѣдбному: Погод861.

¹⁵⁷ твораще: Шиб168, Рум397.

¹⁵⁸ бѣстоудни: Погод861.

¹⁵⁹ бѣси: Погод851; бѣсовѣ: Погод861.

¹⁶⁰ доб.: немощною своєю силою: Погод861.

¹⁶¹ мечты: Шиб168.

¹⁶² многи же: Барс1263, Шиб168, Рум397; многи же: Погод861.

^{163*} приношаху ему: Барс1263; ему приношаху: Погод851.

¹⁶⁴ си: Погод851; сїа: Шиб168, Погод861.

¹⁶⁵ доврѣи: Барс1263.

¹⁶⁶ ису хѣв: Погод861.

¹⁶⁷ доврѣ: Погод861.

¹⁶⁸ трпаше: Барс1263; в Q.I.317 терпа (ше)ше — лишний слог вычеркнут писцом.

¹⁶⁹ укреплемъ: Погод861.

^{170*} нет: Шиб168.

¹⁷¹ доб.: ползы ради: Погод861.

¹⁷² доб.: аки чадоловнвыи оцѣ своа чада: Погод861.

¹⁷³ тихи: Погод851, Тр629, Шиб168, Рум397, Барс1263, Погод861.

¹⁷⁴ кротким: Погод851, Тр629, Шиб168, Рум397, Барс1263, Погод861.

¹⁷⁵ доб. от злоб своих и: Тр629.

¹⁷⁶ всакїа: Погод851, Погод861.

¹⁷⁷ завѣсти: Погод851. Шиб168, Рум397, Погод861.

клевѣтъ¹⁷⁸. и гдѣро/сти. и рѣзониманїа¹⁷⁹. и ѿ м' /зды неправдаго¹⁸⁰ соуѣи¹⁸¹. и от ро/ты на кривѣ¹⁸² и ѿ
всакихъ¹⁸³ / нечѣтотъ въздержатиса¹⁸⁴. / кротость же¹⁸⁵ и любовь имѣ/ти¹⁸⁶. та бо ѿ * ѿти всѣмъ^{187*}
до/бродѣтеле¹⁸⁸. и¹⁸⁹ семью оучаше / бѣжнїныи * люди¹⁹⁰ по вса дни^{191*} / сам же оубо¹⁹² удручаша
тѣло/ свое постомъ и мѣлтвою¹⁹³. посемъ же и¹⁹⁴ 195 цркви¹⁹⁶ постави¹⁹⁷. во има¹⁹⁸ живондѣлныи¹⁹⁹ тро/
ица. и бѣ монастырь²⁰⁰ чюденъ²⁰¹. // л. 365 и братїи числом²⁰² множащесѣ²⁰³ / мѣтвими прѣбнаго

¹⁷⁸ доб.: и гнѣва: *Тр629, Рум397, Шиб168, Барс1263, Погод851, Погод861*. Это исконное чтение, пропущенное писцом Q.I.317.

¹⁷⁹ ризониманїа: *Погод851*; резониманїа: *Рум397*; резониманїа: *Шиб168*.

¹⁸⁰ неправеднаго: *Тр629, Барс1263, Шиб168, Рум397*.

¹⁸¹ соуд: *Тр629, Барс1263, Шиб168, Рум397, Погод851, Погод861*.

¹⁸² криве: *Погод851, Барс1263, Погод861*.

¹⁸³ всакихъ: *Шиб168, Рум397, Тр629, Погод861*.

¹⁸⁴ отгребантесѣ: *Погод861*.

¹⁸⁵ доб. смирение: *Шиб168*.

¹⁸⁶ имѣти: *Шиб168, Рум397, Погод861*.

^{187*} всѣмъ ѿти: *Тр629*.

¹⁸⁸ добродителем: *Погод851*; добрымъ дѣлом: *Шиб168, Рум397*; добрымъ дѣтелемъ: *Погод861*.

¹⁸⁹ нет: *Погод861*.

¹⁹⁰ приходѣшѣа к нему: *Погод861*.

^{191*} по вса дни люди: *Шиб168*.

¹⁹² нет: *Рум397, Шиб168, Барс1263, Погод861*.

¹⁹³ молн . . . (обрыв текста): *Шиб168*.

¹⁹⁴ нет: *Погод861*.

¹⁹⁵ доб.: прѣдвннн: *Погод861*.

¹⁹⁶ цркъв: *Погод861*.

¹⁹⁷ въздвиже: *Погод861*.

¹⁹⁸ доб.: пресѣым и: *Погод861*.

¹⁹⁹ живондѣлныи: *Погод851, Рум397, Барс1263*; живондѣлныи: *Тр629*.

²⁰⁰ В Q.I.317 описка: мастырь.

²⁰¹ доб.: вельми зѣло: *Погод861*.

²⁰² число: *Барс1263*.

²⁰³ множащесѣ: *Погод851*.

ѡца / длеѡдѡра. и²⁰⁴ *исполнишася црѣсѣ/ви²⁰⁵ бл҃гоуханїа²⁰⁶ ихъ²⁰⁷ слоужѣбы^{208*}. *гдѣ же баше²⁰⁹
 бл҃жнѣнаго ѡ земнѣ / была²¹⁰. и хлѣба мало. и воды по/вскоуду^{211*}. да того ради ѡ мно/гѣ²¹²
 странѣ прихожаю²¹³ к не/му²¹⁴. наказанїа²¹⁵ ради. дшевна / всоутѣ же и телеснаго. *яко / кто²¹⁶
 что^{217*} требоваше. и прїи/маху²¹⁸ невоскудне²¹⁹. просто / реци яко²²⁰ и²²¹ всѣмъ сирѣмъ²²²
 / *маломощны. и^{223*} вдовицамъ / бы прибѣжице и оутѣха²²⁴. / ²²⁵и яко источникъ воды живо/

²⁰⁴ нет Рум397.

²⁰⁵ црѣкѣ: Рум397.

²⁰⁶ бл҃гоуханїа: Погод851.

²⁰⁷ и: Барс1263, Рум397, Погод851.

^{208*} переделано и расширено: зѣло бо яко цвѣти ранскїа и многоплоднаа древеса нападхуса от ст҃аго стѣмъ ученемъ еже имѣти чстоту дшвнѣю вкутѣ и телеснѣю и мирьскїх сладостен отнѣду отгрѣбатиа имѣти же сладость бжественаго писаниа и написовати на скрижалех брѣдцѣ своих еже имѣти молитвы къ бг҃у днѣ и ноцѣ и молитиса о дшвнем спсении бжественаа же и чстнаа цркви гдѣ нашего їа хд҃а написае исполншеса бл҃гоуханїа и службы цвѣташе чстными иконами и бжественаго писаниа книгами слаше бжественому писанию яко нѣо на земли: *Погод861. Ср. 2 Кор 3:3*: "послание Христово [. . .] написано не черниломъ, но духом Бога жива, не на скрижалехъ каменныхъ, но на скрижалехъ сердца плотяныхъ".

²⁰⁹ вѣшше: Тр629, Барс1263; вѣшше: Рум397; вѣшше: Погод851.

²¹⁰ была: Погод851.

^{211*} дополнено и расширено: гдѣ же блженнаго от земнаго былаа пустыннаго, хлѣба же мало вкушаше и воды поскуду пиаше и цвѣташе постнымъ лицемъ, яко дбгелъ на земли, и молитвенымъ стѣннемъ плоть свою изнурѣа, сна же не дадаше отнѣа и вѣскомаа дреманна днѣ и ноцѣ, и прихожаше слава о немъ повсюду: *Погод861*.

²¹² многих: *Погод851, Погод861, Рум397, Барс1263, Тр629*.

²¹³ прихождаху: *Погод851*; прихождаху: *Барс1263, Рум397, Погод861*.

²¹⁴ доб.: богати и увози: *Погод861*. Добавлено, очевидно, по аналогии с фразой выше: и ѡ всѣхъ градѣвъ събирахуса к нему людѣ бгати и оубози.

²¹⁵ наказанїа: *Погод851*.

²¹⁶ нет: *Погод851*.

^{217*} переосмыслено писцом: яко жестокихъ блгых: *Погод861*.

²¹⁸ принимаше: *Тр629*.

²¹⁹ невоскудне: *Погод861*.

²²⁰ доб.: же: *Рум397, Барс1263, Погод861*.

²²¹ нет: *Погод861*.

²²² сирим: *Рум397*.

^{223*} и маломощным: *Погод861*.

²²⁴ оутѣхи: *Рум397*.

²²⁵ доб.: и питатель, и прировъ: *Погод861*.

тныа²²⁶. поубилу истаѣла всѣ / и сего рѣ многыхъ²²⁷ сподобиса / ѿ ба чюдесъ. и²²⁸ прѣдтъ²²⁹ даръ / прѣрече²³⁰ іако и хотѣаца бѣ/ти. іако настоаца прѣ/гѣше²³¹. и *чюдеса многа сѣтвори^{232*} // л. 365 об. *іако і аггѣла бжѣа²³³ видѣти спѣ/биса^{234*}. акы²³⁵ чѣла прѣ нимъ сто/аца. и гѣлоца к нему в прѣд / бне. на семъ мѣстѣ²³⁶ да соси/жеши²³⁷ цркви²³⁸. во има ѿца и ѡна / и стго доуха²³⁹. *іако и²⁴⁰ ина многа / и неизрече²⁴¹на блжннѣи²⁴² про/повѣдаше^{243*}. іако и самого гѣ в' трѣхъ²⁴⁴ лицѣхъ²⁴⁵ аггѣлъ бжѣи / прѣставша²⁴⁶ ему видѣвъ и гѣла / в поставленіи цркви²⁴⁷. и собра/ніи братїи. и о сограженїи²⁴⁸ / монастырѣ. спѣби *же са^{249*} / стын²⁵⁰. и²⁵¹ блвеннаго видѣнїа²⁵² пргтыа²⁵³ бгомре

²²⁶ животны: *Тр629*, животныа: *Погод861*, *Погод851*, *Рум397*, *Барс1263*.

²²⁷ многых: *Рум397*, *Барс1263*, *Погод861*.

²²⁸ нет: *Тр629*.

²²⁹ прѣдтъ: *Рум397*, *Барс1263*, *Погод861*.

²³⁰ пророчеcky: *Погод851*.

²³¹ прѣгѣши: *Погод851*.

^{232*} сотворие чюдеса многи: *Погод851*; твораца стын по даннен ему от бгѣ блгодати: *Погод861*.

²³³ бжѣа: *Погод851*.

^{234*} сподоби же са блженныи аггѣла бжѣа видѣти: *Погод861*.

²³⁵ акы: *Погод851*, *Рум397*, *Барс1263*, *Тр629*, *Погод861*.

²³⁶ мѣстн: *Погод851*; мѣсте: *Рум397*, *Тр629*, *Погод861*.

²³⁷ созижде: *Тр629*.

²³⁸ цркви: *Тр629*, *Рум397*, *Барс1263*, *Погод851*.

²³⁹ доб.: еже и выстъ: *Погод861*.

²⁴⁰ нет: *Рум397*.

²⁴¹ блженнаго: *Рум397*.

²⁴² повѣда: *Тр629*; повѣдаше: *Погод851*; повѣдаше: *Рум397*.

^{243*} переделано: многа же ина неизрече²⁴¹на повѣдаше блженныи: *Погод861*.

²⁴⁴ треех: *Рум397*, *Погод851*.

²⁴⁵ лицѣхъ: *Погод851*, *Рум397*, *Погод861*.

²⁴⁶ прѣдавша: *Погод861*.

²⁴⁷ цркви: *Тр629*; цркве: *Рум397*.

²⁴⁸ сограждани: *Погод851*; сограждени: *Барс1263*.

^{249*} са же: *Рум397*.

²⁵⁰ по верхнему полю вписано писцом: *Барс1263*.

²⁵¹ нет: *Погод851*, *Погод861*.

²⁵² видѣнїа: *Погод851*.

²⁵³ пргтыа: *Погод851*, *Барс1263*, *Тр629*, *Погод861*.

со множест/вѣ дѣлѣ. на олтарнѣ мѣстѣ²⁵⁴ / основаніа²⁵⁵ цркви²⁵⁶ іако²⁵⁷ на прѣгле²⁵⁸ / сѣдаццѣ. и гѣ
нѣшго тѣ хѣ іако / младенѣца на рукѣ дръжаци²⁵⁹ / и вѣбѣцаніа²⁶⁰ стѣмѣ въздаю/ци рѣ. ѡ избраніице
мон. / іако не имамѣ оставити // л. 366 стго²⁶¹ мѣста сего в' вѣкы²⁶². и / к тому невидима бѣ. и²⁶³
мно/га же стѣи²⁶⁴. и²⁶⁵ ина чюдеса тво/ра²⁶⁶. іако и²⁶⁷ слѣпымы²⁶⁸ дла про/зрѣніа²⁶⁹. и ѡ * дхѣ²⁷⁰
лукавьрѣ^{271*} сво/боженіе²⁷². хромьим' же и²⁷³ рл'сла/бленымѣ²⁷⁴ ходити²⁷⁵ даро/ва. и неплодныа²⁷⁶

²⁵⁴ мѣсте: Рум397.

²⁵⁵ основаніа: Погод851.

²⁵⁶ цркви: Тр629, Рум397.

²⁵⁷ іакож: Погод861.

²⁵⁸ престоле: Погод851, Рум397, Барс1263, Погод861.

²⁵⁹ дръжаци: Тр629, Погод861; дръжаци: Рум397.

²⁶⁰ вѣбѣцаніа: Погод851.

²⁶¹ по правому полю вписано писцом: Барс1263.

²⁶² вѣки: Рум397, Тр629, Барс1263, Погод861.

²⁶³ нет: Барс1263, Погод861.

²⁶⁴ нет: Тр629.

²⁶⁵ нет: Погод861.

²⁶⁶ сотвори стѣи: Тр629.

²⁶⁷ нет: Погод861.

²⁶⁸ слѣпымы: Тр629, Рум397, Барс1263, Погод851, Погод861.

²⁶⁹ прозрѣніе: Рум397, Погод861; прозрѣніа: Погод851.

²⁷⁰ духо: Барс1263.

²⁷¹ лукавьрѣ дхѣ: Погод861.

²⁷² संबожденіа: Тр629, Рум397, Барс1263; संबоженіа: Погод851.

²⁷³ нет: Погод851.

²⁷⁴ рл'слабленымѣ: Тр629, Погод851, Погод861; слѣпымы: Рум397.

²⁷⁵ в Q.I.317 ошибочно: ходити ти.

²⁷⁶ неплодныа: Погод851.

оутробы / жена^{277}. павносащихъ²⁷⁸ и²⁷⁹ чадорода²⁸⁰. / млтвами си²⁸¹ сподоблаа²⁸² .²⁸³про/сто²⁸⁴
 реци гцѣмъ же *кто²⁸⁵ недуг/гомъ^{286*} одержимъ²⁸⁷ бываше²⁸⁸. и ѿ всѣхъ тѣхъ избавляхуса /
 млтвами стго вѣда²⁸⁹ алѣксандра²⁹⁰. / токмо ракъ²⁹¹ его приближеніе²⁹². / аще и не хоташе²⁹³ стгы²⁹⁴.
 ѿко²⁹⁵ же / в' животѣ. и по смрти²⁹⁶ славы²⁹⁷ / но крѣпкаа *бжїа сила^{298*} сего про/славы²⁹⁹.
 сицева дарованїа³⁰⁰. и си/цева чюдесеъ прїатїа³⁰¹ створи стгы / ѿже³⁰² не токмо в животѣ. но³⁰³

^{277*} женам утробы: *Погод851, Барс1263, Рум397.*

²⁷⁸ павд, дарова: *Погод861.*

²⁷⁹ нет: *Барс1263.*

²⁸⁰ нет: *Барс1263; чадорода: Тр629; чадородна: Погод861.*

²⁸¹ си: *Погод851.*

²⁸² сподоблаа: *Погод851.*

²⁸³ доб.: и водное теченіе, с великимъ устремленіемъ с верху горы низъходящее, водное теченіе млтвою уставн: *Барс1263.* Это не совсем удачная вставка писца, решившего дополнить текст: фраза не связана с общим повествованием (речь идет о чудесах исцеления больных).

²⁸⁴ паче же: *Погод861.*

²⁸⁵ нет: *Тр629.*

^{286*} недугом кто: *Рум397.*

²⁸⁷ одержимъ: *Тр629, Погод861; одержимъ: Рум397.*

²⁸⁸ бываше: *Погод851.*

²⁸⁹ нет: *Тр629.*

²⁹⁰ нет: *Тр629.*

²⁹¹ раки: *Погод851, Рум397, Барс1263, Тр629; ракъ: Погод861.*

²⁹² доб.: пакн ж рече нмъ: *Погод861.*

²⁹³ хоты: *Рум397; хоташе: Погод861.*

²⁹⁴ доб.: славы: *Тр629.*

²⁹⁵ нет: *Погод861.*

²⁹⁶ смертъ: *Барс1263.*

²⁹⁷ нет: *Тр629.*

²⁹⁸ сила бжїа: *Тр629, Барс1263; сила бжїа: Погод851, Рум397.*

²⁹⁹ доб.: рече богъ прославляющїхъ ма рече (рече вписано над строкой) прославно: *Погод861. Ср. 1 Цар 2:30: "зана токмо прославляющыя мя прославлю".*

³⁰⁰ дарованїа: *Погод851.*

³⁰¹ прїатїа: *Погод851; прїатїа: Погод861.*

³⁰² ѿкоже: *Рум397.*

³⁰³ нет: *Погод851.*

и по смѣрти³⁰⁴. их же не мощно писа // л. 366 об. нїю предади. множества рдѣ // жив³⁰⁵ же стѣи
лѣта доволна. / и по семъ блжнѣи многа блго/даренїа³⁰⁶. и³⁰⁷ млтвы кз³⁰⁸ бгчу возддѣ³⁰⁹ / и
руцѣи³¹⁰ *на высоту воздѣвз³¹¹*. и / млтву сѣвори³¹². стѣи³¹³ свою и / стѣи³¹⁴ дшю сз
млтвою бѣи / предасть. в лѣ. ѣз.ма. [мѣсѣца август³¹⁵ в³¹⁶ лѣ днѣ³¹⁷]³¹⁸ живѣ³¹⁹ / прѣбныи³²⁰
лѣ. пѣ. излїа³²¹ же то/гда блгуханїе велїе. *и не/изреченїю³²²* ѿ телеси³²³ стго. лице же³²⁴
паче свѣтлаше³²⁵ *яко снѣг³²⁶* / а не акы³²⁷ бычди³²⁸ е мртвѣимъ. / но яко живоу. или агглу
бїю³²⁹ / показуа³³⁰ дшвнїю его стѣи. / и еже ѿ ба мѣздовозданїа³³¹ труд³³² / его. положиша

³⁰⁴ ДОБ. творитъ безчисленнаа чюдеса приходяцимъ к нему с вѣрою: Рум397, Барс1263; многа чюдеса творѣше: *Погод861*.

³⁰⁵ пожив: Рум397, Барс1263.

³⁰⁶ блгодаренїа: *Погод851*.

³⁰⁷ нет: *Погод861*.

³⁰⁸ нет: *Тр629*.

³⁰⁹ ДОБ.: призвавъ ж братїю наказавъ иже такоже преже рѣхом и блснїемъ яко чадолоубивыи оцѣ чадд свод велаше бо смиренїе и любовь и млбти и наставнику повиноватїа во всем и отпущти их: *Погод861*.

³¹⁰ руцѣ: *Тр629, Барс1263, Погод851, Погод861*; руцѣ: Рум397.

³¹¹* воздѣвз на высоту: *Тр629, Погод861*.

³¹² сѣвори: *Тр629, Барс1263, Рум397, Погод851, Погод861*.

³¹³ стѣи: *Барс1263, Рум397*.

³¹⁴ стѣи: *Погод861*.

³¹⁵ август: Рум397, *Погод861*.

³¹⁶ нет: *Погод851*.

³¹⁷ нет: *Тр629*.

³¹⁸ вставлено по верхнему полю листа в Q.I.317.

³¹⁹ жив же: *Тр629, Погод851, Рум397, Барс1263, Погод861*.

³²⁰ доб.: всѣхъ: *Барс1263, Рум397*.

³²¹ излїа: *Погод851, Погод861, Барс1263*.

³²²* нет: *Барс1263*.

³²³ телесѣ: *Барс1263, Рум397, Тр629*; телесе: *Погод851, Погод861*.

³²⁴ доб.: его: *Барс1263, Погод861*.

³²⁵ свѣтлаше: *Тр629*; светлашеа: *Барс1263, Погод851, Погод861*; в Рум397 затерта л.

³²⁶ паче снѣга: *Погод861*.

³²⁷ яко: *Погод851, Барс1263, Погод861*.

³²⁸ бычди: *Тр629, Барс1263*.

³²⁹ бїю: *Погод851, Рум397, Тр629, Барс1263, Погод861*.

³³⁰ показуѣше: *Тр629*; показуа: *Погод861, Барс1263, Погод851*.

³³¹ мѣздовозданїа: *Погод851*.

³³² труд: *Тр629*.

же ѿтныа³³³ его / и многочюдесныа³³⁴ мощи. *оде/снучю³³⁵ страну олтаря внѣ / цркви³³⁶. оуѣтго и бгѡлѣп/наго хѣа преврѣженіа³³⁷. во ѡходнені³³⁸ его³³⁹ пустыни^{340*},³⁴¹

Приложение 2

Проложная вторая редакция Жития Александра Свирского

Текст приводится по единственному известному списку *Волог20* по тем же принципам, что и в *Приложении 1*.

л. 393 В тѣмъ днѣ прѣпѣвнаго ѡца нѣшего але/ксандра сверьскаго. / Сѣ прѣпѣвныи родиса ѡ бца сте/фана. мѣтре же василисы. въ / области великаго новграда. / на рѣцѣхъ на вати, іаже естъ въ / обонѣжїи в селѣ нарицающїа / мандеры, еже бѣ прамо встро/вскаго монастыря прѣтыа бца, / ѿтнаго еа введенїа. и науоученъ // л. 393 об. бы бжтвеныи книгѣ. влском же / сы доврѡдѣтелными нравы, на / бгѡгодное пребыванїе мнишьское. / и изпросивса оу родителю іаксо / да идеть въ иноу весь. до нѣко/его знаема, іаксо вурудїе имоущу. / и въскорѣ възвратитиса пове/лѣнъ ѡпоуцаетса. тѣ же / изшїе из дому шестїа поутного / касаетса. и въскорѣ валаамскои / монастырь достизае. игоуме/номѣ прїагъ и въ иночѣскаа вбо/лчунъ. в тѣмъ прывивае бгѡгоднѣ / дръжаса заповѣдїи. рѡтѣлѣ / его мнмго плачуща искаста его. / по нѣколицѣ времени слышаста, / іаксо в валаамскѣ естъ монасты/ри. въ мнишьскаа вблчунъ. / оць же его въскорѣ доше валаа/мскаго монастыря. и видѣвъ / сна своего и ѡ него оубѣщанъ / ѡходїи в домъ свои. и в прѣжеренѣ // л. 394 востровско монастыри мнихъ бы/вдѣ сергїе преименованъ. тако / и рождшїа того мѣти въ мнишьскѣ / вбрасъ житїе скончавдѣ, варва/ра наречена бывши. прѣпѣвныи / в тѣмъ валаамскомъ монастыри не/мало время, бгѡгоднѣ потроу/дивса. желаше изыти ѡ вонте/ли. и въ едїнствѣ боу работати. / бжтвеныи же мановенїемъ позва/нъ. и блвенїе ѡ игоумена изпросїи, / изходїи. и поутышествовавъ, / вселиса при езерѣ еже близъ рѣ/кы свѣри. и прѣвы на мѣстѣ тѣ, / з, лѣтѣ, ѡ члѣкѣ оубо никым же / вѣдѣ. токмо едїному боу раво/таа. потом же оубѣдѣнъ бы / нѣкоторыми. и начаша съби/ратиса к нему. и ѡ бжтвнаго / іавленїа повелѣнъ, црковь ст҃ен / трѣци сзда. и ѡ братїа оумоленъ, / іерен ѡ архїепа серапїина роуко// л. 394 об. полагаетса. и доврѣ вшитель / оустраагѣтъ, іаже и до ннѣ блгѡ/ѿтнѣвъ прывивае. спѣблает же / са прѣпѣвныи и чюдотворному да/ру ѡ бога. и іавленїе ему бгѡмѣтре / видѣвъ. и въ старости доврѣ, / пѣ, лѣтѣ сы кѣ гоу ѡнде. мѣца двгү/ста въ, л. лѣта ,ѣз.ма,го. съ/вршлает же са съворъ его въ обн/тели ст҃ыа живоначальныа трѣца. / в сздаанѣ ѡ него монастыри:

³³³ ѿтныа: *Погод851, Рум397, Тр629, Погод861, Барс1263.*

³³⁴ многочюдесныа: *Погод851, Рум397.*

³³⁵ одеснү: *Тр629.*

³³⁶ цркви: *Тр629, Барс1263, Рум397.*

³³⁷ преврѣженїа: *Погод851.*

³³⁸ отходнѣви: *Погод851, Барс1263, Рум397.*

³³⁹ пустынѣ: *Рум397, Барс1263, Тр629.*

^{340*} переделано: во отходнон его пустыни, идѣже сам повеаъ у ст҃аго и бгѡлѣпнаго преврѣженїа гѣ нашего іахъ хѣ внѣ цркви одеснү олтаря: *Погод861.*

³⁴¹ доб.: бгү ншїему слава нѣтъ и прѣно и во вѣки вѣком: *Тр629*; о хѣ нѣе гдѣ ншїемъ ему ж слава со оцѣмъ и ст҃ымъ дхѡмъ нѣтъ и прѣно и вѣки вѣком аминь: *Рум397*; бгү нашему слава всегда: *Погод861.*

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН	Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

Библиография

Рукописи

Барс1263

ГИМ, Собрание Е. В. Барсова, № 1263, Служба и житие Александра Свирского, тр. четв. XVI в., 1-й и 7-й листы вставные, поздние, XVII в., 4°.

Бол194

РГБ, ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова), № 194, Пролог на вторую половину год, кон. XVI – нач. XVII в.

Бол404

РГБ, ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова), № 404, Пролог, кон. XVII в.

Волог20

РГБ, ф. 354 (Вологодское собрание), Пролог на июнь-август, тр. четв. XVI в.

Погод851

РНБ, Собрание М. П. Погодина, № 851, Сборник служб и житий, сер. XVI в., 4°. Описание: [Каталог 2010: 172–176].

Погод861

РНБ, Собрание М. П. Погодина, № 861, Сборник житий и слов (конволют), пер. пол. XVII в., 4°. Описание: [КАТАЛОГ 2010: 227–237].

Прян134

РГБ, ф. 242 (Собрание Г. М. Прянишникова), № 134, Житие и творения Феодора Студита, Псков, 1590 г.

Рум397

РГБ, ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцевца), № 397, Сборник служб и житий русских святых, 50-е гг. XVI в., 1°.

Син997

ГИМ, Синодальное собрание, № 997, Минея Четья на август, сер. XVI в.

Тр.116

РГБ, ф. 304.I (главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 116, Апостол толковый с прибавлениями, 1443–1445 гг.

Тр629

РГБ, ф. 304.I (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 629, Сборник служб и житий, 60–70-е гг. XVI в.

Шиб168

РГБ, ф. 344 (Собрание П. П. Шибанова), № 168, Пролог за июнь-август, кон. 50-х – нач. 60-х гг. XVI в., 1°.

Q.I.317

РНБ, ОСПК, № Q.I.317 (= Собрание Толстого, № 317), Сборник житий, 1549 г., 4°.

Литература

БАРСУКОВ 1882

БАРСУКОВ Н. П., *Источники русской агиографии*, С.-Петербург, 1882.

БУДОВНИЦ 1966

Будовниц И. У., *Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. (По житиям святых)*, Москва, 1966.

ВИНКЛЕР 1899

Винклер П. П., фон, *Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 гг.*, С.-Петербург, 1899.

ГАВРЮШИНА 1985

Гаврюшина Л. К., “Из истории сербско-русских литературных связей”, *Советское славяноведение*, 1, 1985, С. 76–79.

ГОЛУБИНСКИЙ 1903

Голубинский Е. Е., *История канонизации святых в русской церкви*, изд. 2-е, Москва, 1903.

ДИАНОВА 1997

Дианова Т. В., “Бумага и бумажные знаки”, in: E. WEINER, S. O. ŠMIDT, A. I. ŠKURKO, Hrsg., *Die großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij: Uspenskij spisok. 1.–11. März* (= Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris, 39), Freiburg i. Br., 1997, 77–88.

— 1998

Дианова Т. В., *Филиграни XVII–XVIII вв.: “Герб города Амстердама”*, Москва, 1998.

ДМИТРИЕВ 1973

Дмитриев Л. А., *Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний*, Ленинград, 1973.

— 1988

Дмитриев Л. А., “Иродион”, в: Д. С. Лихачев, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси, 2: Вторая половина XIV–XVI вв.*, 1: А–К, Ленинград, 1988, 440–442.

ДМИТРИЕВА 1993

Дмитриева Р. П., “Агиографическая школа митрополита Макария (на материале некоторых житий)”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 48, С.-Петербург, 1993, 208–213.

ДРОБЛЕНКОВА 1988

Дробленкова Н. Ф., “Великие Минеи Четии”, в: Д. С. Лихачев, отв. ред., *Словарь книжников и книжности Древней Руси, 2: Вторая половина XIV–XVI вв.*, 1: А–К, Ленинград, 1988, 126–133.

ЗАЛИЗНЯК 2011

Зализняк А. А., *Труды по акцентологии, 2: Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.)*, Москва, 2011.

КАМЧАТНОВ 2007

Камчатнов А. М., “О символическом употреблении форм двойственного числа”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (30), 2007, 21–25.

КАРБАСОВА 2011

Карбасова Т. Б., *Кирилл Новозерский: история почитания*, Москва, С.-Петербург, 2011.

КАТАЛОГ 2010

Творогов О. В., Крушельницкая Е. В., ред., *Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог*, 4, С.-Петербург, 2010.

Клосс 2001

Клосс Б. М., *Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. Избранные труды*, 2, Москва, 2001.

Ключевский 1988

Ключевский В. О., *Жития святых как исторический источник*, Москва, 1988.

Костюхина 1987

Костюхина Л. М., *Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики*, С. О. Шмидт, отв. ред., Москва, 1987.

Кукушкина 1977

Кукушкина М. В., *Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры 16–17 вв.*, Ленинград, 1977.

Лихачев 1899

Лихачев Н. П., *Палеографическое значение бумажных водяных знаков*, 1–3, С.-Петербург, 1899.

МАКАРИЙ (Булгаков) 1996

МАКАРИЙ (Булгаков), митр. Московский, *История русской Церкви*, 1/4, Москва, 1996.

МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ) 1982

МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ), игумен, “Преподобный Александр Сvirский, «новый чудотворец» — русский подвижник XVI века”, *Богословские труды*, 23, 1982, 321–336.

ОПИСАНИЕ 1878

Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1 (= Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 2), Москва, 1878.

Охотина-Линд 1996

Охотина-Линд Н. А., “Рукописное наследие Валаамского монастыря XV – начала XVII вв.”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 49, С.-Петербург, 1996, 440–470.

Охотникова 2002

Охотникова В. И., “Житие Александра Сvirского в списках XVI века”, в: А. С. Герд, ред., *Житие Александра Сvirского. Текст и Словоуказатель*, С.-Петербург, 2002, 10–18.

— 2007, 1–2

Охотникова В. И., *Псковская агиография XIV–XVII вв. Исследования и тексты*, 1: *Жития князей Всеволода Гавриила и Тимофея-Довмонта*, 2: *Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского*, С.-Петербург, 2007.

ПАК 2001

ПАК Н. В., “К проблеме источников Жития Александра Сvirского: переводные жития”, в: *Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри: [Монастыри Новгородской и Вологодской земель]*, С.-Петербург, 2001, 145–151.

— 2016

ПАК Н. В., “Об источниках Жития Александра Сvirского: глава «О списавшем житие святого»”, *Slověne*, 3, 2016 (в печати).

Пигин, Запольская 2004

Пигин А. В., Запольская Н. Н., “К вопросу об источниках Жития Александра Сvirского (Житие Пахомия Великого и Чудо архистратига Михаила «иже в Хонех»)”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 55, С.-Петербург, 2004, 281–288.

Тромонин 1844

Тромонин К. Я., *Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге*. . . , Москва, 1844.

СЕРГЕЕВ 2004

СЕРГЕЕВ А. Г., “Проложные редакции жития Корнилия Комельского”, в: А. А. РОМАНОВА, отв. ред., *Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии*, С.-Петербург, 2004, 104–111.

Сиилин 2001

Сиилин Л., *Отражение графико-орфографических норм церковнославянского языка в житийной литературе второй половины XVI в. На Материале Жития Александра Свирского*, Joensuu, 2001.

—2003

Сиилин Л., “«Не скорбите убо, братия моя. . .»: откуда слова на свитках икон преподобного Александра Свирского?», в: В. М. ПИВОЕВ, отв. ред., *Православие в Карелии (Материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов)*, Петрозаводск, 2003, 264–273.

СМИРНОВА 1960

Смирнова Э. С., “Об одном литературном сюжете в живописи конца XVI в.”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 16, Москва, Ленинград, 1960, 365–373.

СОБОЛЕВА 2010

СОБОЛЕВА А. Е., “К текстологии Жития Александра Свирского: загадка списка РНБ. Тит. № 302”, *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2/4, 2010, 730–732.

—2011

СОБОЛЕВА А. Е., “О двух вариантах проложного Жития Александра Свирского”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (45), 2011, 104–105.

—2013

СОБОЛЕВА А. Е., “О Краткой редакции Жития Александра Свирского”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (51), 2013, 89–97.

—2015

СОБОЛЕВА А. Е., “О рукописных источниках Жития Александра Свирского”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (61), 2015, 108–109.

СОЛОВЬЕВА 2002

СОЛОВЬЕВА И. Д., “Житийные иконы преподобного Александра Свирского: агиографические источники и анализ иконографии”, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1 (7), 2002, 74–82.

ШУЛЬГИНА 2007

Шульгина Э. В., “Бумага и бумажные водяные знаки”, in: E. WEINER, S. O. ŠMIDT, A. I. ŠKURKO, Hrsg., *Die großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij: Uspenskij spisok. 1.–8. Mai* (= Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris, 51), Freiburg i. Br., 2007, 79–88.

ЯХОНТОВ 1881

ЯХОНТОВ И. А., *Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник*, Казань, 1881.

ВАДЕСКИ 1928

ВАДЕСКИ К., *Znaki wodne*, Lwów, 1928.

BRIQUET 1907

BRIQUET Ch. M., *Les filigranes*, 1–4, Geneve, 1907.

MAREȘ 1987

MAREȘ AL., *Filigranele hirtiei întrebuintate în țările române în secolul al XVI-lea*, București, 1987.

PICCARD 1961–1997

PICCARD G., *Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart*, 1–17, Stuttgart, 1961–1997.

References

- Badecki K., *Znaki wodne*, Lwów, 1928.
- Budovnits I. U., *Monastyri na Rusi i bor'ba s nimi krest'ian v XIV–XVI vv. (Po zhitiiam sviatykh)*, Moscow, 1966.
- Dianova T. V., “Bumaga i bumazhnye znaki,” in: E. Weiher, S. O. Šmidt, A. I. Škurko, Hrsg., *Die großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij: Uspenskij spisok. 1.–11. März* (= Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris, 39), Freiburg i. Br., 1997, 77–88.
- Dianova T. V., *Filigrani XVII–XVIII vv.: “Gerboroda Amsterdama”*, Moscow, 1998.
- Dmitriev L. A., *Zhitiiyne povesti russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv. Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*, Leningrad, 1973.
- Dmitriev L. A., “Irodion,” in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1988, 440–442.
- Dmitrieva R. P., “Agiograficheskaia shkola mitropolita Makarii (na materiale nekotorykh zhitii),” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 48, St. Petersburg, 1993, 208–213.
- Droblenkova N. F., “Velikie Minei Chetii,” in: D. S. Likhachev, ed., *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1988, 126–133.
- Gavryushina L. K., “Iz istorii serbsko-russkikh literaturnykh svyazei,” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1, 1985, 5, 76–79.
- Kamchatnov A. M., “O simvolicheskom upotreblenii form dvoistvennogo chisla,” *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)*, 4 (30), 2007, 21–25.
- Karbasova T. B., *Kirill Novoezerskii: istoriia pochitanii*, Moscow, 2011.
- Kloss B. M., *Ocherki po istorii russkoi agiografii XIV–XVI vv. Izbrannye trudy*, 2, Moscow, 2001.
- Kostyukhina L. M., *Voprosy slaviano-russkoi paleografii, kodikologii, epigrafiki*, Moscow, 1987.
- Kukushkina M. V., *Monastyrskie biblioteki Russkogo Severa: Ocherki po istorii knizhnoi kul'tury 16–17 vv.*, Leningrad, 1977.
- Macarius Veretennikov, hegumen, “Prepodobnyi Aleksandr Svirskii, 'novyi chiudotvorets' – russkii podvizhnik XVI veka,” *Bogoslovskie trudy*, 23, 1982, 321–336.
- Mareș AL., *Filigranele hirtiei întrebuintate în țările române în secolul al XVI-lea*, București, 1987.
- Okhotina-Lind N. A., “Rukopisnoe nasledie Valaamskogo monastyria XV – nachala XVII vv.,” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 49, St. Petersburg, 1996, 440–470.
- Okhotnikova V. I., “Zhitie Aleksandra Svirskogo v spiskakh XVI veka,” in: A. S. Gerd, ed., *Zhitie Aleksandra Svirskogo. Tekst i Slovoukazatel'*, St. Petersburg, 2002, 10–18.
- Okhotnikova V. I., *Pskovskaia agiografiia XIV–XVII vv. Issledovaniia i teksty*, St. Petersburg, 2007.
- Pak N. V., “K probleme istochnikov Zhitii Aleksandra Svirskogo: perevodnye zhitiiia,” in: *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi. Severnorusskie monastyri*, St. Petersburg, 2001, 145–151.
- Pak N. V., “About the Sources for the Life of St. Alexander Svirsky: The Chapter About the Person Who Wrote the Life of the Saint,” *Slověne*, 3, 2016 (forthcoming).
- Piccard G., *Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg. Sonderreihe: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart*, 1–17, Stuttgart, 1961–1997.
- Pigin A. V., Zapol'skaya N. N., “K voprosu ob istochnikakh Zhitii Aleksandra Svirskogo (Zhitie Pakhomii Velikogo i Chudo arkhistratiga Mikhaila 'izhe v Khonekh'),” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 55, St. Petersburg, 2004, 281–288.
- Sergeev A. G., “Prolozhnye redaktsii zhitiiia Korniliiia Komel'skogo,” in: A. A. Romanova, ed., *Rukopisnaia kniga Drevnei Rusi i slavianskikh stran: ot kodikologii k tekstologii*, St. Petersburg, 2004, 104–111.
- Shul'gina E. V., “Bumaga i bumazhnye vodi- anye znaki,” in: E. Weiher, S. O. Šmidt, A. I. Škurko, Hrsg., *Die großen Lesemenäen des Metropoliten Makarij: Uspenskij spisok. 1.–8. Mai* (= Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris, 51), Freiburg i. Br., 2007, 79–88.
- Silin L., *Otazhenie grafiko-orfograficheskikh norm tserkovnoslavianskogo iazyka v zhitii noi litera-*

ture vtoroi poloviny XVI v. Na Materiale Zhitia Aleksandra Svirskogo, Joensuu, 2001.

Siilin L., “Ne skorbite ubo, bratīia moia. . .: ot kuda slova na svitkakh ikon prepodobnogo Aleksandra Svirskogo?,” in: V. M. Pivoev, ed., *Pravoslavie v Karelii*, Petrozavodsk, 2003, 264–273.

Smirnova E. S., “Ob odnom literaturnom siuzhete v zhivopisi kontsa XVI v.,” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 16, Moscow, Leningrad, 1960, 365–373.

Soboleva A. E., “On the Textology of ‘The Life of Alexander Svirsky’: The Riddle of the Russian National Library Copy (Title No. 302),” *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2/4, 2010, 730–732.

Soboleva A. E., “O dvukh variantakh prolozhnogo Zhitia Aleksandra Svirskogo,” *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)*, 3 (45), 2011, 104–105.

Soboleva A. E., “The Short Version of the Life of Alexander of Svir,” *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)*, 1 (51), 2013, 89–97.

Soboleva A. E., “O rukopisnykh istochnikakh Zhitia Aleksandra Svirskogo,” *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)*, 3 (61), 2015, 108–109.

Solovyeva I. D., “Zhitiinye ikony prepodobnogo Aleksandra Svirskogo: agiograficheskie istochniki i analiz ikonografii,” *Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki (Old Russia. The Questions of Middle Ages)*, 1 (7), 2002, 74–82.

Tvorogov O. V., Krushel'nitskaya E. V., eds., *Rukopisnye knigi sobraniia M. P. Pogodina. Katalog*, 4, St. Petersburg, 2010.

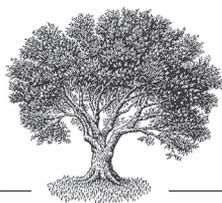
Zaliznyak A. A., *Trudy po aktsentologii*, 2: *Drevnerusskii i starovelikorusskii aktsentologicheskii slovar'-ukazatel' (XIV–XVII vv.)*, Moscow, 2011.

Acknowledgements

Russian Foundation for Humanities. Project No. 15-34-01277.

Александра Евгеньевна Соболева, канд. филол. наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
научный сотрудник Отдела исторической лексикографии
119019 Москва, Волхонка, д. 18/2
Россия/Russia

aleksandra_soboleva@list.ru

Идейное поле
“национального”
интеллектуала
имперского
периода: взгляды
Г. А. Полетики
(1725–1784)
на “украинскую
государственность”*

The Ideological
Basis of the
“National”
Intellectuals of
the Imperial Period:
The Views
of G. A. Poletika
(1725–1784)
on “Ukrainian
Statehood”

**Яков Анатольевич
Лазарев**

Уральский федеральный универси-
тет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург,
Россия

Yakov A. Lazarev

Ural Federal University named
after the First President of Russia
B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Резюме

В статье затрагиваются дискуссионные вопросы формирования современной украинской нации и влияния на этот процесс политической деятельности и сочинений Г. А. Полетики (1725–1784). Автор реконструирует контексты формирования взглядов Г. А. Полетики на историю “Малой

- * Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.A03.21.0006.
Выражаю благодарность сотрудникам ИИиА УРО РАН канд. ист. наук, с. н. с. М. А. Киселеву и канд. ист. наук, н. с. К. Д. Бугрову за помощь, ценные советы и критические замечания, которые помогли мне в работе над текстом.

России” и Войска Запорожского. Показывается, что дискуссии о правах и обязанностях дворянства, в которых активно участвовал Г. А. Полетика, не могли породить радикально нового политического языка, который потенциально мог бы поставить под сомнение целостность Российской империи. Сделанные автором наблюдения позволяют утверждать наличие заметных разрывов в процессе строительства современной украинской нации.

Ключевые слова

Гетманская Украина, Российская империя, Г. А. Полетика, украинская казачья элита, история Украины, малороссийские права, Войско Запорожское

Abstract

The paper deals with questions regarding the formation of the modern Ukrainian nation and, particularly, the impact of the political activities and writings of G. A. Poletika (1725–1784). The author reconstructs the context of the genesis of Poletika’s views of the history of “Malorossiya” and the Zaporozhian Host. The paper shows that the debates about the rights and duties of the nobility, in which Poletika was deeply involved, could not produce radically new political language capable of questioning the integrity of the Russian Empire. This, in turn, derives from the fact that preservation of “Malorossiyan rights” was an important element of political bargaining for the Ukrainian Cossack elite. The purpose of this bargain was to consolidate the privileged position of the Cossack elite. In Poletika’s writings, the ideal of the “Hetmanate” or independent “Ukrainian Cossack state,” as well as feelings about the loss of the “Ukrainian state,” was absent, even though this concept was common to all Malorossiyan social groups. The Cossack past was considered by Poletika as an “age of misfortune,” in contrast to the Polish times. The author concludes that there were significant ruptures in the process of building the modern Ukrainian nation.

Keywords

Hetmanate, Russian Empire, G. A. Poletika, Ukrainian Cossack elite, history of Ukraine, Little Russian rights, Zaporozhian Host

Одной из наиболее актуальных тем в новейшей историографии является анализ процессов *н а ц и е с т р о и т е л ь с т в а*, которые привели к появлению современных наций. С теоретической точки зрения, это подразумевает изучение интеллектуальных и культурных процессов, которые способствовали конструированию интеллектуальных проектов, вырабатывавших солидарность в понимании особого исторического прошлого (национальная мифология, “места памяти”, “исторические травмы”), развития государственности и уникального культурного развития. С практической точки зрения, при изучении процессов *н а ц и е с т р о и т е л ь с т в а* исследователь должен разрешить целый комплекс проблем, касающихся предпосылок и времени появления национальных проектов, степени их зрелости

и завершенности, а также причин “победы” одного национального проекта над другим (другими).

В современной историографии наиболее известной социологической моделью, позволяющей осмыслить процесс нациестроительства в сравнительно-исторической перспективе, является подход чешского историка М. Хроха (Гроха).¹ Данный подход появился во второй половине 1960-х гг. и касался возникновения национальных движений, итогом которых могло стать появление автономных национальных государственных образований [Хрох 2002: 125–127]. Особый акцент историк делал на ситуациях, когда «чужеземный» правящий класс доминировал над этническими группами, которые занимали компактную территорию, но не имели «собственных» знати, политического единства или продолжительной литературной традиции” (имеются в виду территории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. — Я. Л.) [Ibid.: 123]. По мнению М. Хроха, исторически в подобную ситуацию попадали и современные украинцы. Предложенный М. Хрохом подход (в оригинальном или модернизированном варианте) получил положительный отклик на Западе (в т. ч. в украинской диаспорной историографии), а также на постсоветском пространстве [Екельчик 2010: 120–124].

В рамках статьи мы не будем останавливаться на анализе проектов строительства украинской нации (федералистский и самостийный проекты), поскольку в западной и украинской историографиях дискуссии на эту тему все еще открыты [Екельчик 2010: 105–129]. Для нас будет важно то, что М. Хрох обозначил как прелюдию к процессу нациестроительства, когда закладывались предпосылки для появления нации [Хрох 2002: 128]. Именно в отношении этого периода, часто обозначаемого в украинской историографии как период национального Возрождения, существует определенный консенсус. Данный консенсус заключается в том, что “национальные” интеллектуалы, политические деятели данного периода сохраняли идеалы “украинской государственности”, особой национальной памяти, обращаясь к истории казацкого прошлого. Подобная интеллектуальная работа являлась реакцией на ликвидацию автономии Гетманской Украины (1764). Однако политика “кнута и пряника”, проводившаяся российским правительством, привела к расколу в украинской элите на традиционалистов (сторонники автономии) и ассимиляторов (сторонники ассимиляции и русификации региона). По своему политическому поведению традиционалисты не

¹ Хотя сам М. Хрох рассматривал свою модель в качестве “эффективных методов, позволяющих классифицировать и оценивать опыт создания нации как процесса, происходящего в рамках более глобальной социальной и культурной истории” [Хрох 2002: 121].

ставили под сомнение лояльность российскому престолу, но в ответ на притеснения и репрессии малочисленные сторонники автономии в последние десятилетия XVIII в. стали собирать исторические документы и создавать исторические сочинения, подготавливая украинское национальное Возрождение и, соответственно, интеллектуальную базу для формирования современной украинской нации [Когут 1996: 261–263; Плохий 2013]. Такая интеллектуальная работа, связанная с экзистенциальным переживанием по поводу утраченной государственности, нашла свое отражение в популярном анонимном сочинении “История русов” (не ранее 1818 г.), повлиявшем уже в XIX в. на взгляды идеологов украинского национального движения из разночинной интеллигенции (Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, Т. Г. Шевченко). Следовательно, в рамках данной историко-социологической схемы снимается проблема разрывов в формировании современной нации и выстраивается непрерывная линия становления украинского национального самосознания, изначально отличного от российского.²

Среди тех, кто подготавливал будущее украинское национальное Возрождение и способствовал формированию современной украинской нации, зачастую выделяют видного общественного деятеля и “национального интеллектуала” второй половины XVIII в. Григория Андреевича Полетику (1725–1784), происходившего из среды казацкой элиты (старшины) Гетманской Украины.³ Согласно историографической традиции, политические взгляды Г. А. Полетики, отразившиеся в его историко-политических сочинениях, интерпретируются как воплощение идей “малороссийской автономии”, “независимой/автономной Гетманщины/Украины”, “Украинской казацкой державы”, а сам он

² Несмотря на популярность этой социологической модели, в современной украинской историографии появляются работы, в которых подвергается критике ее функциональность. В качестве уникального примера сошлемся на работы днепропетровского исследователя О. И. Журбы [2009].

³ По своему социальному статусу Г. А. Полетика был выходцем из среды правящей (казацкой) элиты Гетманской Украины. Его отец — Андрей Павлович — дослужился до чина бунчукового товарища. Сам Г. А. Полетика достиг должности “главного над классами инспектора” в Морском шляхетском кадетском корпусе (1764–1773). Среди талантов Г. А. Полетики современники отмечали его знание древних языков и истории. Эти качества были по достоинству оценены В. К. Тредиаковским и Г. Ф. Миллером в тот период, когда Г. А. Полетика работал в качестве переводчика при Академии наук и Синоде (1746–1764). За этот период им были подготовлены несколько переводов античных авторов и греческих богословских сочинений. В 1766 г. Полетику даже рекомендовали в качестве знатока славянской церковной истории известному исследователю древних русских летописей А. Л. Шлецеру, которому был нужен самый древний славянский перевод Библии. Однако подлинную известность Г. А. Полетике принесла работа в Уложенной комиссии Екатерины II (1767–1768), где он представлял шляхту Лубенского полка, а впоследствии стал лидером всей украинской (малороссийской) делегации [Каганов 1966: 140; Плохий 2013: 103–104; Руднев 2015: 363–371; Литвинова 2015].

предстает как борец за "казацкие права", "отважный лидер и искусный полемист" среди "украинских автономистов" [Когут 1996: 22, 160–169, 208–209; Мельник 2003: 132, 134; Плохий 2013: 61, 104]. В связи с этим возникает ряд вопросов: как и насколько сильно рефлексировал Г. А. Полетика по поводу утраты "украинской государственности" / "казацкой автономии", насколько политический дискурс, воспроизводимый данным политическим деятелем, отличался от российского, оппонировали ли его взгляды "российскому централизму"? Для ответа на эти вопросы нам придется обратиться к реконструкции идейного поля Г. А. Полетики, в рамках которого создавались его историко-политические произведения.

|

Как мы уже отмечали, Г. А. Полетика был выходцем из казацкой элиты Гетманской Украины. В связи с этим необходимо сделать небольшое пояснение. Территория, обозначаемая этим понятием, в российский политический лексикон вошла под общим названием *Малой России*. В это понятие входили территории и институты самоуправления Войска Запорожского, местных православной церкви и шляхты, а также городских корпораций, обладавших жалованными грамотами на Магдебургское право. Такое разделение было закреплено в марте 1654 г. четырьмя жалованными грамотами. Согласно текстам этих соглашений, царю отводилась роль суверена над этими сословными группами. Для российского царя Войско Запорожское и население Малой России выступало в качестве подданных, а с неказацкого населения (мещан и крестьян) предполагалось собирать налоги в царскую казну. Однако в силу ряда причин управление и налоговый контроль практически над всей территорией Малой России было присвоено верхушкой Войска Запорожского. К 1710 г. за казацкими гетманами на официальном уровне и вовсе было признано главенство над регионом и "народом малороссийским", а казацкие права легитимизируются в качестве прав всей Малой России ("малороссийских прав") [Грамота 1956; Лазарев 2013а: 206–218].

Официальное признание гетманов и казацкой старшины в качестве господствующей привилегированной группы дополнительно ускорило процессы расслоения среди малороссийского казачества. Последнее приводило, по сути дела, к превращению рядового казачества в крепостных местной элиты, что также отразилось на боеспособности казацкого войска. На этом фоне в казацкой элите, стремительно превращавшейся в землевладельцев, начинают проявляться тенденции к

закреплению своего привилегированного статуса, особенно во взаимоотношениях с “великороссийским” дворянством, с которым устанавливаются стабильные и плодотворные неформальные связи, позволявшие лоббировать личные интересы (решение имущественных и материальных вопросов, продвижение по карьерной лестнице) [ЛАЗАРЕВ 2013б]. Эти тенденции начинают проступать уже с середины 1730-х гг. Например, в 1733 г. престарелый гетман Д. П. Апостол сделал предложение в Кабинет министров Анны Иоанновны об уравниении казацких чинов с “великороссийскими” [ЭКСТРАКТ 1902: 265–266].

Однако наиболее ярко они стали проявляться с гетманства К. Г. Разумовского (1750–1765). Только теперь они начинают воплощаться в новой сословно-групповой риторике. Со второй половины 1750-х гг. гетман и представители украинской казацкой элиты начинают себя позиционировать уже в качестве не казацкой старшины, апеллирующей к войсковым правам и вольностям, а малороссийской шляхты (дворянства). Этот переход в социальной риторике украинской казацкой элиты на концептуальном уровне отразил в своих историко-политических произведениях и текстах публичных выступлений видный украинский общественный деятель второй половины XVIII в. Григорий Андреевич Полетика (1725–1784).

II

Первым крупным историко-политическим сочинением, принадлежавшим руке Г. А. Полетики, стало “Возражение депутата Григория Полетики на наставление Малороссийской коллегии господину же депутату Дмитрию Натальину”. Перед тем как перейти к анализу этого документа, кратко приведем доводы его оппонентов.

“Наставление” было подписано президентом и членами Малороссийской коллегии: графом П. А. Румянцевым, генеральным обозным С. Кочубеем, князем П. Мещерским, генеральным писарем В. Туманским, полковником О. Хвостовым, генеральным есаулом И. Жоравкой, генеральным хорунжим Д. Апостолом [НАСТАВЛЕНИЕ 1858: 70]. Таким образом, к составлению документа приложили руку и представители казацкой элиты.

В “Наставлении” “выборному от Малороссийской коллегии” давались разъяснения по различным аспектам социально-политического развития “Малой России”, в т. ч.: 1) о “главном правлении в Малой России по временам”; 2) о судах и правах; 3) “о государственных доходах”; 4) “о шляхетстве, их преимуществах и имениях”; 5) “о казаках, их свободах и имениях”; 6) “о чиновниках Малороссийских”; 7) о ду-

ховенстве и "простом народе". Как отмечалось в тексте документа, все разъяснения составлялись на основании архивных выписок [НАСТАВЛЕНИЕ 1858: 51]. Исключительно важное место в тексте "Наставления" занимали пункты, касавшиеся украинской казацкой элиты ("малороссийской шляхты").

В пункте "о правительстве и судах" оговаривалось, что "при вступлении Малой России под державу Всероссийских Государей жалованной грамотою" было поставлено подтвердить права Войску Запорожскому и шляхте, которой оставались "Суды Земские и Городские". Однако эти суды "со временем вошли в Правления Войсковые" [НАСТАВЛЕНИЕ 1858: 52–53]. Далее, в отношении местного "дворянства" указывалось, что, согласно Литовскому статуту и "Гетманским Статьям", жаловать в дворянское достоинство было "предоставлено единственно власти Государевой". Однако местные казаки, "не выключая и тех, кои из мужиков", пользуются в судах дворянскими правами и преимуществами, а также нередко именуют себя "шляхтою". По мнению составителей "Наставления", дворянами могли быть признаны имеющие специальные грамоты и сохранившие дворянское достоинство, заслужившие "Государские милости, пожалования деревнями и чинами Генеральных Старшин и Полковников", а также те, чьи предки на протяжении трех поколений были в "степенях Старшинских" [Ibid.: 62].

В разделах о местных "чиновниках" и "розданных имениях коронных" также рисовалась довольно неприглядная картина. В них отмечалось, что "войсковые чиновники" по "Статьям Гетмана Хмельницкого и других Гетманов" должны были получать на содержание "уравнительно жалованье денежное", иногда мельницы. Однако с тех пор, как на "уряды сих чинов повелено определить деревни", в местном обществе началось сильное расслоение. Так, одни "получили великие маетности" и, пользуясь своим положением, "беспредельно обогащаются"; другие — "без нужды" могут себя содержать; третьи — "не имея никакого на содержание себя определения, впадают в лихоимство, насилия над подчиненными" [НАСТАВЛЕНИЕ 1858: 63–64]. Но самое главное обвинение заключалось в том, что "в Малой России все почти села и деревни, Короне принадлежащие, состоят в партикулярных владениях, под именем свободных" [Ibid.: 68].

В связи с этим "Возражение" Г. А. Полетики должно было дать разъяснения по самым серьезным вопросам. Свое "Возражение" Г. А. Полетика начинает с пояснений относительно "договоров", на которых "Малая Россия" вошла в "добровольное подданство" российских царей в 1654 г. К ним он относил жалованные грамоты, которые подтверждали права Войска Запорожского, местной шляхты, духовенства и ме-

щан. Эти “договоры” “подтверждаемы были от всех владеющих Государей при случае вступления их на престол и избрании каждого Гетмана как новыми договорами, так и жалованными грамотами”, в том числе и Екатериной II [Возражение 1858: 72]. Следовательно, “малороссийские права” представляли собой права четырех сословных групп, подтверждаемые российскими государями после 1654 г.

В возражении на пункт о судах Г. А. Полетика разъяснял, что практика избрания шляхтой старшин “на земские и гражданские суды” существовала до гетмана Юрия Хмельницкого (1659–1660). Однако в дальнейшем гетманы, “будучи подкреплены своею воинскою властью, которую они больше, нежели права, дозволяют”, присвоили себе не только “общенародные подати”, но и “преимущества Малороссийского шляхетства”. В результате представители шляхты, “оставив Земские чины, все стали писаться войсковым, и зависеть от единой Гетманов власти, и от сих беспредельных начальников ожидали или своего благополучия и возвышения, или, в случае их немилости, своего нещастия”. К этому Г. А. Полетика добавлял, что “разнообразность правлений и сие смещение дел [в судопроизводстве. — Я. Л.] не от чего другого произошли, как от насилия и присвоенной себе, в противность прав, власти Гетманов” [Возражение 1858: 74, 76]. Таким образом автор сочинения прозрачно давал понять своим оппонентам, что права, подтвержденные российскими царями, в течение долгого времени нарушались гетманами Войска Запорожского, претендовавшими на полномочия шире тех, что были за ними закреплены. Затем “антигетманские” тезисы Г. А. Полетики развивал по поводу предложений по управлению “Малой России”.

По мнению Г. А. Полетики, препоручение власти над регионом “в единственное ведомство и главное правление Генералу-Губернатору” принесет негативные последствия. Свою позицию он аргументировал следующим образом: “Вредные для всего государства, печальные для Малой России опыты доказали, сколько много она претерпела от такового всех дел и расположений соединения и правления бывшими Малороссийскими гетманами”. Последние, присвоив “противу прав, привилегий и прежних Малороссийских вольностей все воинские, гражданские и камеральные дела, поступали, как хотели, и были единственною причиною нещастливого и разорительного состояния Малой России”. Исходя из этого утверждения, Г. А. Полетика резюмировал, что при поручении генерал-губернатору правления над краем “имя только одно Гетманское отменится, а сила и действие оног останется” [Возражение 1858: 81–82]. Конечно, в данном замечании можно заподозрить какие-то “автономистские” взгляды, если бы не одно “но”. Представитель лубенской шляхты добавлял, что, согласно “малороссийским пра-

вам”, вся власть в регионе “единственно принадлежит Государям”. Следовательно, Г. А. Полетика прямо указывал, что гетманское правление нарушало не только права четырех “сословий”, но и права суверена.

Наиболее детально нарушения прав суверена Г. А. Полетика приводил в рассуждениях о “государственных доходах” и “чиновниках малороссийских”, где также выделял негативные стороны института гетманства. Во время присоединения “Малой России” гетман Б. Хмельницкий просил, чтобы “государственные доходы точно положены и собираемы были”. Однако “бывшие Малороссийские Гетманы”, вместо организации соборов согласно привилегии 1569 г. “княжению Киевскому”, собирали налоги “с других нововведенных статей”, употребляли их “на свои собственные расходы и обогащение, а войску никакого жалованья производимо не было, кроме охотных полков, заведенных единственно для утверждения своей власти”. Несмотря на то, что со времени правления гетмана Д. П. Апостола (1727–1734) эти сборы употреблялись на местные нужды, их положительный эффект для региона был сведен к минимуму положенными на регион сборами (постои российских войск, сборы П. А. Румянцева) и злоупотреблениями К. Г. Разумовского [Возражение 1858: 83]. Относительно “чиновников Малороссийских” Г. А. Полетика давал следующие пояснения. В польское время они имели “воинские права”, как и “Польские воинские чины”. Однако автор затруднялся ответить, “поступали ли они по тем правам” после вхождения региона в состав Российского государства. Автор сочинения объяснял это тем, что “Гетманы присвоили себе не токмо воинские, но и гражданские дела”. По этой причине “старшины употребляемы были как к тем, так и к другим должностям”. Последнее не могло не сказаться на привилегированном статусе местного шляхетства.

Затем Г. А. Полетика признавал, вслед за “Наставлением” Малороссийской коллегии, положительный эффект от выборности в “старшинские чины”. Однако данная практика была прекращена из-за “беспредельной власти” гетманов, которые “в старшинские чины начали производить по исканиям и своим прихотям, и по большей части людей неспособных”. Также “бывшие Малороссийские главные правители” землевладениями поощряли одних, обделяя других “воинских чиновников”. Если первое делалось согласно “правам, по которым Государь имеет власть раздавать коронные имения на чины”, то последнее — по своеволию гетманов [Возражение 1858: 94–95].

В отношении пожалования в “дворянское достоинство” Г. А. Полетика также признавал позицию Малороссийской коллегии: “по Малороссийским правам и статьям Гетманским, жаловать предоставлено одной высочайшей Государевой власти”. Однако автор не соглашался

с тем, что в дворянском достоинстве “почитались Козаки”. Для разрешения этого вопроса, по мнению автора, следовало вникнуть “в общее право и форму правления республики Польской”. Из приведенных экскурсов следовало, что казачество, “как чин войсковой”, только судилось по нормам Литовского статута, в т. ч. и после Зборовского соглашения 1649 г., отчего казаки могли в судах “по неосторожности” именоваться и шляхтичами. В случае если “простонародные люди” “присвоивают себя к знатным и благородным фамилиям”, то таковых следовало, при наличии доказательств, “подвергать непростительному наказанию”, делая заметную оговорку относительно необходимости расширения критериев принадлежности к “шляхетству” [Возражение 1858: 90–91]. К предложенным в “Наставлении” категориям населения, могущим претендовать на шляхетство, он добавлял: 1) выходцев не из “Малой России”, которые могут подтвердить свое происхождение; 2) “всю старшину Козацкую”, так как данная группа имела принадлежность к шляхетству, начиная со Зборовского договора 1649 г.; 3) “шляхтичей”, которые не имели польских гербов, но могут доказать свои претензии через “представление” двух “сродственных себе шляхтичей” по отцовской и материнским линиям, либо, в случае прекращения рода, “посторонних шляхтичей” [ibid.: 91–92]. Несмотря на кажущееся расширение социальных границ “благородности”, в предложениях Г. А. Полетики, скорее всего, можно видеть дополнительные гарантии для казацкой элиты в подтверждении своего “шляхетства” и, соответственно, имущественного положения. Как показал Д. П. Миллер на материалах 1770–1780-х гг., попытки представителей рядового казачества достичь дворянского достоинства были обречены на провал из-за финансовых препятствий (покупка чина) и сопротивления самой элиты [Миллер 1897: 64–86].

Следовательно, Г. А. Полетика выступал проводником идей создания четких сословных границ, ограждавших “новую шляхту” от “примесей” из других социальных групп Гетманской Украины (прежде всего, несостоятельного казачества). Кроме того, Г. А. Полетика защищал права “новой шляхты” от посягательств со стороны местной православной церкви. По этой причине он поддержал позицию Малороссийской коллегии в вопросе запрета монастырям и лицам духовного звания (не из дворян) “приобретать каким бы то ни было образом вновь имения”, что подтверждалось, по его мнению, польскими “конституциями” 1631–1635 гг. [Возражение 1858: 93]. В анализе этого вопроса мы не видим апелляции к казацкому прошлому, к опыту казацкого самоуправления.

Времена до восстания гетмана Б. Хмельницкого вызывали у Г. А. Полетики наибольшую симпатию. Это наиболее ярко отраз-

илось в его взглядах на устройство Гетманской Украины / “Малой России”.

В своем “Возражении” автор часто ссылался на те порядки, что существовали в “Малой России” в составе Речи Посполитой. Особенно ярко обращение к этому времени проявилось в рекомендации Г. А. Полетики относительно желаемого административно-территориального устройства региона. По мнению автора, “Малую Россию” следовало оставить “при старом ее и с правами сходном разделении на поветы”. Эти поветы должны были составлять два воеводства — Киевское и Черниговское [Возражение 1858: 82]. Далее автор сочинения в мельчайших деталях расписывает историко-юридическую картину развития “Малой России”. Согласно ей цари, как и польские короли, являлись суверенами над регионом, обладая правом пожалования дворянского достоинства, чинов и землевладений. “Малороссийские права” представляли собой привилегии четырех “сословий” (казачества, шляхетства, духовенства и мещанства), которые подтверждались и гарантировались российскими царями. Однако из-за особой внутривосточной ситуации в регионе права не только суверена, но и “сословий” нарушались гетманской властью. Отмеченный факт не позволяет согласиться с мнением украинского диаспорного историка З. Когута, что Г. А. Полетика в своем “Возражении” всего лишь “критиковал наказ Малороссийской коллегии за нарушение местных прав, но и стремился доказать, что изложенные в нем предложения не нужны” [Когут 1996: 161].

Данное сочинение было не единственным в творческом багаже автора, где анализировался статус “Малой России” и “малороссийских сословий”.

Практически идентичные мысли Г. А. Полетика излагал в другом политическом сочинении — “Историческое известие, на каком основании Малая Россия была под республикою Польскою, и на каких договорах отдалась Российским Государям, и патриотическое рассуждение, каким образом можно бы оную ныне учредить, чтоб она полезна могла быть Российскому Государству без нарушения прав ее и вольностей” [Василенко 1926: 55]. В этом историко-политическом произведении Г. А. Полетика повторял в более концентрированном виде те мысли, что были изложены в тексте “Возражения” и в выступлениях на заседаниях Уложенной комиссии Екатерины II. На основании польских “конституций” он утверждал, что после Люблинской унии 1569 г. местное шляхетство обладало такими же правами, что и польская шляхта. К их числу он относил в т. ч. право законода-

тельной инициативы на региональных сеймиках⁴ (принятые законы они должны были представлять на конфирмации на Сейм), а также возможность “судиться прежним их правом, Литовским статутом”. Следовательно, данная социальная группа имела сословные суды, разбиравшие дела на основе Литовского статута. Более того, после 1578 г. специально для шляхты Киевского, Волынского и Браสลавского воеводств был учрежден свой трибунал в Луцке. Однако по просьбе местной шляхты (прежде всего, Киевского воеводства) апелляции стали рассматриваться “с прочими малопольскими воеводствами” в Люблинском трибунале. В данный трибунал направлялись избранные из местной шляхты на сеймиках “депутаты”. На уровне поветов местная шляхта имела “суды земские и градские” [Ibid.: 150–151].

Кроме того, Г. А. Полетика подробно описал статус Войска Запорожского, который оно имело в составе Речи Посполитой. По мнению Г. А. Полетики, казачество было освобождено от “общенародных тягостей и податей”, а также имело право “старшину и главного полководца [гетмана. — Я. Л.] выбирать промеж себя”. Далее автор отмечал, что казачьи гетманы отличались от польских, так как “состояли всегда под их или других, от короля назначенных, командиров повелениями”. Особо отмечалось, что во время мирных переговоров с польской стороной лидер восстания — гетман Б. Хмельницкий — предлагал среди прочего “состоять под повелениями одного только короля”, а преимущества шляхты, за исключением служивших в Войске, гетманы, старшина и казаки не имели права нарушать. После данного пассажа Г. А. Полетика отмечал, что первым, кто был назначен в старшины из шляхетства (согласно польской “конституции” 1638 г.), стал И. Выговский. Последний, “отторгнувшись от России, выговорил для себя, чтобы быть всегда воеводою Киевским, а потому сенатором республики Польской” [Василенко 1926: 153–154]. Таким образом, Г. А. Полетика показывал, что до присоединения к Российскому государству “Малая Россия” представляла собой территорию нескольких польских воеводств, где главную роль играла местное шляхетство и его институты самоуправления. Помимо шляхетства, особую роль играли независимые от королевской власти городские корпорации, обладавшие магдебургским правом. Институты самоуправления Войска Запорожского не имели какой-либо

⁴ Сеймики — органы шляхетского самоуправления в Речи Посполитой. Как правило, их было четыре вида: предсеймовый, реляционный, депутатский и элекционный. На предсеймовом сеймике выбирались послы на общепольский Сейм; на реляционном — выслушивались отчеты послов; на депутатском — выбирались депутаты на коронный Трибунал, а также могли обсуждаться претензии, связанные с сомнительным шляхетством какого-либо шляхтича; на элекционном — выбирались или выдвигались кандидатуры для занятия/отбора на ряд земских должностей.

власти в отношении шляхты и городов с “магдебургиями”. Более того, во время восстания Б. Хмельницкого (1648–1653) в права местных “чинов” войсковые институты власти также не имели права вмешиваться.

В отношении гетманской власти автор сочинения сохранил прежнюю критичность. Он отмечал, что “Гетман с войском [Богдан Хмельницкий. — Я. Л.], как имевшие в Малой России большую силу, договаривался о том, что им полезным быть казалось”. Однако “в договорах и одним словом упомянуть не смел”, так как знал, “на каких основаниях был под Польшею”. По мнению Г. А. Полетики, этому способствовало пожалование царских жалованных грамот местному шляхетству, духовенству и мещанам, в которые войску было запрещено вмешиваться.⁵ Как полагал автор, с гетманства Юрия Хмельницкого начинается “несчастливая Малой России эпоха”, так как в “договорных статьях” об особых правах шляхетства перестают упоминать. Таким образом, “гетманам открылось пространное поле к исполнению своих высокомерных и предприимчивых намерений и прихотей”, присвоив “себе шляхетству принадлежащие суды, поручили они в ведомство земские и гражданские, так, как и воинские дела, войсковою старшине, то есть сотникам и полковникам”. Следовательно, “подчинивши себе всю Малую Россию, недозволенным и незаконным образом управляли оною по своей воле и прихотям, и не имели власти своей никакого предела”, и никто “уже не мог защищать себя своими правами и волностями”. Далее Г. А. Полетика резюмировал, что “с такою беспредельною и нагло похищенною властью похитили они [гетманы — Я. Л.] и те преимущества и пользы, которые принадлежали и принадлежат государям”. Под этими правами автор подразумевал “общую Малороссийскую казну и раздачу недвижимых имений, то есть городов, сел, земель и всяких угодий” [Василенко 1926: 157–161]. Таким образом, московский царь, будучи сувереном, постепенно лишался своих суверенных прав в отношении “Малой России” вплоть до конца гетманства И. С. Мазепы. Следовательно, на протяжении второй половины XVII – начала XVIII в. шляхетские “права и вольности” были присвоены “правом сабли” украинским казачеством и старшиной, от которых их потомок, как и многие другие, дистанцировался, выдавая себя за природного шляхтича.

Однако Г. А. Полетика был не только автором историко-политических произведений, в которых обосновывал “малороссийскую” особость, обращаясь к политическому опыту польской шляхты до восстания Б. Хмельницкого. В ходе работы над проектом нового Уложения Екатерины II Г. А. Полетика также придерживался взглядов, изложенных в собственных историко-политических сочинени-

⁵ Здесь Г. А. Полетика практически дословно воспроизводил положения из царской жалованной грамоты Войску Запорожскому от 27 марта 1654 г.

ях. В период работы Уложенной комиссии он проявил себя как один из наиболее активных участников. Практически все свое внимание Г. А. Полетика сосредоточил на обсуждении критериев дворянского благородства, особенно в дискуссиях вокруг известной 43-й статьи проекта Уложения “О благородных”. Как и в “Возражении”, Г. А. Полетика был озабочен проблемой расширения критериев благородства, возможностей для пожалования дворянства, а также определением преимуществ, присущих только благородному сословию. По мнению Г. А. Полетики, правом представления государю к пожалованию во дворянство следовало наделить Сенат, Военную и Адмиралтейскую коллегии, “главных над войском полководцев” и Коллегию Иностранных дел. Более того, депутат предлагал, чтобы лица полковничьего чина “без всякого представительства” могли просить о дворянстве. Следовательно, Г. А. Полетика был заинтересован в защите сословных интересов казацкой элиты, а также отстаивал проект наиболее безболезненной интеграции казацкой элиты в состав общероссийского дворянства. Далее, Г. А. Полетика высказывал мнения, которые были типичными для представителей “великороссийского” дворянства. По его мысли, следовало указать, что от податей освобождались как “благородные”, так и их дворовые; обосновать перед императрицей необходимость введения беспошлинной торговли крепостными и свободными деревнями, свободы выезда за границу; лишать имущества (“лицеимство”) поместных “благородных” только в случаях “оскорбления Величества”.

Только после этих замечаний Г. А. Полетика переходил к обсуждению статьи “О благородных” проекта нового Уложения. Здесь депутат от “малороссийского шляхетства” задал риторический вопрос: обсуждаемые статьи будущего Уложения “одному ли великороссийскому дворянству принадлежат, или других российскому скипетру присоединенных областей, в том числе и согражданам его, малороссийскому шляхетству?” На этот вопрос Г. А. Полетика давал два ответа.

В первом случае ответ был отрицательным. Причины Г. А. Полетика видел в наличии “великих несходств и недостатков” в “новосочиненных правах для благородных”. Таких несоответствий публицист насчитал пятнадцать. Остановимся на основных. По мнению малороссийского депутата, “правление дел в Малороссии, после Высочайшей государственной власти, должно зависеть от шляхетства”; шляхетство должно было иметь право принятия и отмены законов в крае, но таких, которые бы вступали в силу после утверждения государем; иметь право накладывать и отменять подати; право свободы выезда и распоряжения всем имуществом; право обладать налоговым иммунитетом;

свободно рубить лес, заниматься рыбной ловлей и охотой и т. д. Перечисленные преимущества составляли те права, которые подтвердили российские цари шляхетству и остальным "чинам" в момент присоединения "Малой России". В противном случае Г. А. Полетика просил прибавить к 43-й статье пояснение, что "малороссийское шляхетство должно остаться при всех своих прежних правах, привилегиях, преимуществах, вольностях и свободах" [Мнение 1882]. Однако позиция "малороссийского шляхетства" не вызвала какой-либо реакции с "великороссийской" стороны.

Несмотря на это, отстаиваемая Г. А. Полетикой политическая позиция наводит на ряд размышлений. Эти взгляды действительно касались защиты "малороссийской" особы. Однако эта "малороссийская" особость стала результатом польского идейного трансфера, вероятно, более близкого казацкой элите. Этот идейный трансфер, воплощавший в себе исключительно польский дворянский опыт, мог быть перенесен в "великороссийскую" среду, так как Г. А. Полетика прямо высказывал данную мысль: сделать "малороссийские" / польско-шляхетские права общероссийскими. Последнее отражало готовность променять свою особость на гарантию более широкого комплекса привилегий. Следовательно, малороссийские права в представлениях и политической деятельности Г. А. Полетики становились предметом политического торга, а не воплощением некой автономистской программы. Дополнительным аргументом в пользу нашего мнения может служить письмо А. И. Чепы к сыну Г. А. Полетики — Василию (1809 г.). В нем отправитель, склоняя своего адресата к идее создания сочинения по истории "Малороссии", высказывал интересные мысли по истории "малороссийского шляхетства". По словам А. И. Чепы, указ Петра III "о вольности дворян" (1762 г.) и "Высочайшая грамота о дворянстве" (1785 г.) "поровняли русских дворян в преимуществах с малороссийским шляхетством, тогда малороссыяне начали смело вступать в российскую службу, скинули татарские и польские платья, начали говорить, петь и плясать по-русски. . ." [Из истории 1893: 54].

Следовательно, с принятием основополагающих законов в процессе консолидации общероссийского дворянского сословия необходимость в политическом торге, касавшемся отстаивания малороссийских прав, отпала за ненадобностью. Ценой вопроса стало повышение прав российского дворянства и закрепление его исключительного положения. Заимствованный украинской казацкой элитой польский идейный трансфер под влиянием европейских идейных инноваций стал совпадать с развитием общероссийских представлений о роли дворянства

в Российской империи. Последнее наглядно демонстрирует, что мыслимые границы допустимого в представлениях украинской казацкой элиты находились исключительно в рамках монархического дискурса (ср.: [Киселев 2013: 18–53; Бугров 2013: 94–102]). На этом основании можно заключить, что лоялизм Империи со стороны казацкой элиты (малороссийской шляхты) являлся не стратегией компромисса, выработанного в условиях невозможности отстаивать некую автономию, а вполне сознательной стратегией поддержания элитарного статуса.

Таким образом, дискуссии о правах, привилегиях, свободах и обязанностях дворянства, в которых активно участвовал Г. А. Полетика, не могли породить радикально нового политического языка, который потенциально поставил бы под сомнение целостность Российской империи. В них отсутствовал общий для всех малороссийских сословных групп идеал некой “Гетманской Украины” или независимости “Украинской казацкой державы”, а также отсутствовали переживания по поводу утраты “украинской государственности”. Не присутствовали в текстах Г. А. Полетики и апелляции к казацкому (войсковому) прошлому, которое признается по большей части “несчастливой эпохой”, в отличие от польского времени.

Реконструированное нами идейное поле “национального” интеллектуала вряд ли позволило бы деятелям уже в XIX в. запустить проекты строительства современной украинской нации. В связи с этим следует говорить о наличии определенных разрывов в процессе нациестроительства, когда не элита творила национальный миф, а далекая от нее интеллигенция. Причина этого, на наш взгляд, коренилась в том, что украинская элита второй половины XVIII – начала XIX в. была заинтересована в поддержании своего элитарного статуса. Последнее, с частыми оговорками, признается и в современной украинской историографии [Плохий 2013: 20, 399].

Библиография

Печатные источники

Василенко 1926

Василенко Н. П., “Збірка матеріалів до історії Лівобережної України та українського права XVII–XVIII вв.”, в: *Український археографічний збірник*, 1, Київ, 1926, 50–164.

Возражение 1858

“Возражение депутата Григория Полетики на наставление Малороссийской коллегии господину же депутату Дмитрию Натальину”, в: *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 3, 1858, 1–102.

Грамота 1956

ПЕТР I, “Грамота гетману И. И. Скоропадскому (5 января 1710 г.)”, в: Б. Б. Кафенгауз, ред., *Письма и бумаги императора Петра Великого*, 10: январь–декабрь 1710 г., Москва, 1956, 9–12.

Из истории 1893

"Из истории южно-русского общества начала XIX века (письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и заметки к ним)", *Киевская старина*, 1, 1893, 41–76.

Мнение 1882

"Мнение Гр. Полетики на проект правам благородных", в: *Сборник Императорского Русского исторического общества*, 36, С.-Петербург, 1882, 346–354.

Наставление 1858

"Наставление выборному от Малороссийской коллегии в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения, г. коллежскому советнику и члену той коллегии Наталину", *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 3, 1858, 44–74.

Экстракт 1902

"Экстракт из указов, инструкций и учреждений, с разделением по материям, на двенадцать частей: собрано в Правительствующем Сенате по малороссийской экспедиции, 1786 г.", в: *Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии*, 2, Чернигов, 1902, 1–296.

Литература

Бугров 2013

Бугров К. Д., "«Палладиум России»? Монархизм как дискурс российской модерности", *Былые годы*, 30 (4), 2013, 94–102 (электронный ресурс; режим доступа: http://bg.sutr.ru/journals_n/1387426755.pdf; последнее обращение: 15.07.2016).

Екельчик 2010

Екельчик С., *Українофіли: світ українських патріотів другої половини XIX століття*, Київ, 2010.

Журба 2009

Журба О. І., "«Представте вы себе, какой зверь был Гетман! Это были пренечестивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку XIX століття)", в: О. І. Журба, ред., *Дніпропетровський історико-археографічний збірник*, 3: *На пошану проф. А. Г. Болєбуха*, Дніпропетровськ, 2009, 161–220.

Каганов 1966

Каганов И. Я., "Г. А. Полетика и его книжные интересы (Из истории книжной культуры XVIII в.)", в: Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, И. З. Серман, ред., *XVIII век, 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова*, Москва; Ленинград, 1966, 138–144.

Киселев 2013

Киселев М. А., "Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века", *Исторический вестник*, 6 (153), 2013, 18–53.

Когут 1996

Когут З. Е., *Російський централізм і українська автономія: ліквідація Гетьманщини (1760–1830)*, Київ, 1996.

Лазарев 2013А

Лазарев Я. А., "«Ласковый телок двух маток сосет»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. (в порядке дискуссии с Т. Чухлибом)", *Исторический вестник*, 4 (151), 2013, 206–218.

—2013b

ЛАЗАРЕВ Я. А., «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в.», в: А. В. Доронин, Н. Н. ПЕТРУХИНЦЕВ, Л. ЭРРЕН, ред., *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*, Москва, 2013, 408–432.

ЛИТВИНОВА 2015

Литвинова Т. Ф., «Григорий Андреевич Полетика «публичный интеллектуал» второй половины XVIII в.», *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, 2 (6), 2015, 79–86.

МЕЛЬНИК 2003

Мельник Л. Г., «Гетьманщина в історико-публицистичних творах Григорія Політики», *Український історичний журнал*, 6 (453), 2003, 132–143.

МИЛЛЕР 1897

Миллер Д. П., *Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: превращение козацкой старшины в дворянство*, Киев, 1897.

ПЛОХИЙ 2013

Плохий С. М., *Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій*, М. Климчук, авториз. пер. з англ., Київ, 2013.

РУДНЕВ 2015

Руднев Д. В., «Григорий Андреевич Полетика и его педагогическая деятельность», в: И. И. Федюкин, М. Б. Лавринович, ред., *Регулярная академия учреждена будет. ... Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века*, Москва, 2015, 363–399.

ХРОХ 2002

Хрох М., «От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе», в: Б. Андерсон et al., *Нации и национализм*, Л. Е. Переяславцева, М. Б. Гнедовской, пер. с англ., М. С. Панин, пер. с нем., Москва, 2002, 121–144.

References

Bugrov K. D., “‘The Palladium of Russia?’ Monarchism as a Discourse of Russian Modernity,” *Bylye Gody*, 30 (4), 2013, 94–102.

Ekel'chuk S., *Ukraïnofily: svit ukraïns kikh patriotiv druhoi polovyny XIX stolittia*, Kiev, 2010.

Hroch M., “From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe,” in: B. Anderson et al., *Mapping the Nations*, Russian translation by L. E. Pereyaslavtseva, M. B. Gnedovskoy, M. S. Panin, Moscow, 2002, 121–144.

Kaganov I. Ya., “G. A. Poletika i ego knizhnye interesy (Iz istorii knizhnoi kul'tury XVIII v.),” in: D. S. Likhachev, G. P. Makogonenko, I. Z. Serman, eds., *XVIII vek, 7: Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoi kul'tury*, Moscow, Leningrad, 1966, 138–144.

Kiselev M. A., “Forms of Government and Social Hierarchy in Russian Politics of the XVII and the

First Quarter of the XVIII Centuries,” *Historical Reporter*, 6 (153), 2013, 18–53.

Kohut Z. E., *Rosiis'kyi tsentralizm i ukraïns'ka avtonomiia: likvidatsiia Het'manshchyny (1760–1830)*, Kiev, 1996.

Lazarev Ya. A., “‘Laskovyi telok dvukh matok soset’: k voprosu o prirode ukraïnskoi gosudarstvennosti vo vtoroi polovine XVII – pervoi treti XVIII vv. (v poriadke diskussii s T. Chukhlibom),” *Historical Reporter*, 4 (151), 2013, 206–219.

Lazarev Ya. A., “‘K vashei iasnevemozhnosti okhochii sluga’: k voprosu o funktsionirovaniï neformal'nykh svyazei v rossiisko-ukraïnskikh otnosheniïakh v 20-e – pervoi polovine 30-kh gg. XVIII v.,” in: A. V. Doronin, L. Ėrren, N. N. Petrukhintsev, eds., *Ruling Elites and the Nobility in Russia during and after the Reforms of Peter the Great (1682–1750)*, Moscow, 2013, 408–432.

Litvinova T. F., "G. A. Poletika: 'Public Intellectual' of the Second Half of the XVIII Century," *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2 (6), 2015, 79–86.

Mel'nik L. H., "Het'manshchyna v istoryko-publytsystychnykh tvorakh Hryhoriia Polytyky," *Ukrainian Historical Journal (= Ukrainsky Istorychny Zhurnal)*, 6 (453), 2003, 132–143.

Plokhly S., *The Cossack Myth: History and Nationhood in the Age of Empires*, Ukrainian translation by M. Klymchuk, Kiev, 2013.

Rudnev D. V., "Gregory A. Poletika as a Pedagogue", in I. I. Fedyukin, M. B. Lavrinovich, eds., *"Reguliarnaia Akademiia Uchrezhdena Budet...": Educational Projects in Russia in the First Half of the XVIII Century*, Moscow, 2015, 363–399.

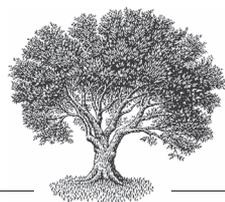
Zhurba O. I., "Predstavte vy sebe, kakoi zver byl Getman! Eto byli prenechestivye despoty! (z lysta svidomoho ukrains'koho patriota, avtonomista ta tradytsionalista pochatku XIX stolittia)," in: O. I. Zhurba, ed., *Dnipropetrovs'kyi istoryko-arkheografichnyi zbirnyk, 3: Na poshanu prof. A. G. Bolebrukha*, Dnepropetrovsk, 2009, 161–220.

Acknowledgements

Supported by Act 211 Government of the Russian Federation, agreement No. 02.A03.21.0006.

Яков Анатольевич Лазарев, канд. истор. наук
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии
Института гуманитарных наук и искусств
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 4
Россия/Russia
9lazarev@gmail.com

Received February 10, 2016

О судьбе самого раннего русского перевода Ветхого Завета

History of the Earliest Russian Old Testament Translation

**Кристина Юрьевна
Андерс**

Сибирский институт управления —
филиал РАНХиГС, Новосибирск,
Россия

Kristina Ju. Anders

Siberian Institute of Management
(Branch of RANEPА), Novosibirsk,
Russia

Резюме

В статье в историко-филологический научный обиход вводится неизвестный ранее рукописный памятник “Опыт перевода ветхозаветных книг [. . .] Михаилом Фотинским” (1806), рассматриваются история рукописи, обстоятельства создания перевода и его назначение, а также некоторые сведения о личности переводчика, обозначается место исследуемого перевода в широком историческом контексте.

Исследуемый перевод следует считать самой ранней попыткой русского перевода Ветхого Завета, более чем на 15 лет опережающей переводы Российского Библейского общества. Подготовленный перевод пяти ветхозаветных книг был направлен в 1806 году в Московскую духовную цензуру, с последующим прошением иерея Михаила Фотинского об официальном повелении ему перевести весь Ветхий Завет. Однако цензорами было принято решение оставить перевод в архиве, и дальнейшего развития инициатива не имела. В качестве причин невнимания современников к переводу указываются неупорядоченность языка (яркие украинские черты идиолекта переводчика) и слабая литературная обработанность текста (перевод-подстрочник). Перевод Михаила Фо-

тинского сопровождается обширным комментарием, причем большое внимание уделяется древнееврейскому тексту и иудейской экзегезе, демонстрируется возможность возникновения разных трактовок в силу текстовой многозначности оригинала.

Ключевые слова

библейские переводы, Библия, перевод, подстрочник, украинизмы, Московская духовная цензура, Российское Библейское общество

Abstract

This paper introduces a previously unstudied manuscript, "Opyt perevoda vetkhozavetnykh knig [. . .] Mikhailom Fotinskim" (1806). In this article, we analyze the history of this manuscript, the circumstances surrounding the translation, and its purpose; some personal facts about the translator are also reviewed. This source represents the earliest Russian translation of the Old Testament, antedating by more than fifteen years the Russian Bible Society translations. Rev. Mikhail Fotinsky's translation of five Old Testament books (only two ones in the Genesis) was sent to the Moscow Religious Censorship Committee (Moskovskaia Dukhovnaia tsenzura) in 1806, and the next year, Fotinsky asked the Censorship Committee to allow him to make a translation of the entire Old Testament. However, the censors left the manuscript in their repository, and there was no further development on this project. Contemporaries ignored this translation for several reasons. The first reason might be related to language: Fotinsky's translation includes many Ukrainian elements. The second reason relates to its literary quality (or lack thereof), as the translation was interlinear and thus not stylistically developed. The manuscript contains many commentaries by Fotinsky, who concentrated on the Hebrew original and Judaic exegesis, trying to show different interpretations that may have occurred as a result of the polysemy of the original text.

Keywords

Bible translation, interlinear translation, 19th century, religious censorship, Russian Bible Society

Введение

В начале XIX века вопрос о необходимости появления русского перевода Священного Писания стоял очень остро и был требованием времени. Как пишет известный отечественный библеист А. А. Алексеев, "идея перевода Библии на русский язык носилась в либеральной атмосфере Александровского царствования" [АЛЕКСЕЕВ 2002: 7].

Полуофициальная попытка обсуждения вопроса о русском переводе Библии на самом высоком государственном и церковном уровнях впервые была предпринята еще в 1803 году обер-прокурором А. А. Яковлевым, который "докладывал о том Государю, и он изволил отозваться, что если Синод не найдет со своей стороны в том противного, то и он не изволит воспрепятствовать", однако митрополит Амвросий (Подо-

бедов) не дал своего согласия и пресек эту идею [Тихомиров 2005: 43].

Возникшее в 1812 году по образцу Британского императорского библейского общества, Российское библейское общество (РБО) выполнило несколько переводов Библии на языки народов Российской империи и подчеркнуло “странное отсутствие” русского ее перевода. Председателем РБО являлся обер-прокурор Св. Синода князь А. Н. Голицын, который сумел реализовать масштабный проект по переводу Священного Писания на русский язык,¹ сообщив в феврале 1816 года Св. Синоду “искреннее и точное желание Его Величества доставить и россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке” [Чистович 1899: 25]. В результате деятельности Переводного комитета РБО был подготовлен перевод Нового Завета, а также Псалтири и Восьмикнижия. Перевод Псалтири с 1820 г., выполнял гебраист прот. Герасим Павский; опубликован он был в 1822 г. К 1825 году им были переведены книги Восьмикнижия: пять книг Моисеевых, книги Иисуса Навина, Судей и Руфь [Астафьев 1889: 144]. Параллельно с этим в 1814 году арх. Филарет (Дроздов) издает “Опыт изъяснения псалма LXVII”, где представлен русский перевод псалма с еврейского оригинала, а в 1819 году был опубликован его перевод с древнееврейского оригинала кн. Бытия, дополненный по Септуагинте [Алексеев 2003: 153]. Именно эти переводы исследователи — от классической книги И. А. Чистовича [1899: 323] и до современных работ [Алексеев 2003: 153, Тихомиров 2005: 46, Балута 2012: 56 и др.] — называют первыми переводами Ветхого Завета на русский язык.

За переводом РБО закрепилось парафрастическое именование “первый русский перевод”, сложившееся в силу историографической традиции: оно отражает первый масштабный опыт перевода Библии на государственном уровне, однако этот перевод не может считаться самой ранней попыткой перевода Библии на русский язык.

Как наиболее ранний в Московской Руси опыт перевода текста Священного Писания на язык, отличный от канонического церковнославянского, известен перевод Псалтири Авраамия Фирсова, выполненный в 1683 г. с польского оригинала Брестской Библии, на “простой обыклои словенской” язык [Целунова 2006:7]. История также располагает некоторыми данными о переводе Библии конца XVII в. протестантским пастором Эрнстом Глюком с церковнославянского языка на русский, однако этот перевод не сохранился [Алексеев 2003:153].

В архивах Научно-исследовательского отдела рукописей Россий-

¹ Как заключает Тихомиров в своем исследовании, сама идея выполнения русского перевода Библии, вероятно, исходила от архимандрита Филарета (Дроздова), который был на тот момент ректором С.-Петербургской духовной академии.

ской государственной библиотеки хранится рукописная книга “Опыт перевода точного ветхосвященных книг из подлинного еврейского на российский по еврейскому переводу, как они сами переводят, с приложением некоторых их изъяснений. Учinen наместником иереем Михаилом Фотинским 1806 года” [МДА-II.12]. Эта рукопись, ныне общедоступная в электронной фотоконии на сайте Троице-Сергиевой лавры, мало известна научному сообществу и потому не упоминается в исследованиях по истории библейских переводов на русский язык.

В данной статье представлена попытка реконструкции истории этого неизвестного памятника, а также предлагаются некоторые предварительные замечания о судьбе самого раннего русского перевода ветхозаветных книг.

1. Краткая характеристика рукописи

Рукопись имеет объем 142 листа, формат 4° (10,5×17,5 см), в коричневом кожаном переплете, написана одним почерком — отдельной скорописью второй половины XVIII века.

Рукопись состоит из двух отделов: переводческие предуведомления, в которых иерей Михаил Фотинский формулирует некоторые принципы перевода, а также собственно перевод пяти библейских книг: Бытия (главы 1, 2), Ионы, Малахии, Псалтири и Песни Песней.

С точки зрения структуры текст перевода состоит из двух частей: основной текст перевода и комментарии к каждой главе переведенного текста. Для этого автор использует систему сносок, обозначающих места, которые нуждаются в комментировании. Знаки сносок представляют собой буквы церковнославянского алфавита (включая такие графемы, как *ω*, *s*, *ω̄*, *θ*, *ν*, *ξ* и *ψ*), записанные определенным образом: в круглых скобках между двоеточиями, например (:a:). Эти примечания помещаются после каждой главы текста под горизонтальной чертой. Счёт сносок начинается заново с (:a:) для каждой последующей главы.

Переводческие комментарии, которые, судя по Предуведомлениям, были запланированы как толкования библейского текста, представляют собой массив сопутствующей переводу разнородной информации, в связи с чем они не поддаются классификации. В них представлены различные текстологические, экзегетические, лингвистические данные, сведения по библейской истории и пр.²

² Примеры некоторых переводческих комментариев будут подробно рассмотрены ниже.

2. История рукописи

Исследуемый памятник входит в состав фонда 173.II — дополнительно-го собрания Библиотеки Московской духовной академии, но упоминание о рукописи “Опыт перевода ветхосвященных книг [. . .] Михаилом Фотинским” присутствует среди документов архива Московской духовной академии — в материалах Московской духовной цензуры [*Материалы цензуры*].

Фактографические сведения о рукописи получены нами из делопроизводительского документа — “Описи ценсурских архивных бумаг, 1799–1812 дек. 31-го” [*Материалы цензуры*], а также почерпнуты из самих архивных дел цензуры [*Архив цензуры*].

В разделе “Описи ценсурских бумаг за 1806 год” под порядковым номером 158 значится:

Дѣло о книгѣ: Опытъ перевода точнаго ветхосвященныхъ книгъ изъ подлиннаго Еврейскаго на Россійскій по Еврейскому переводу, какъ они сами переводятъ съ приложеніемъ нѣкоторыхъ ихъ изъясненій, присланной при прошеніи Кіевской Губерніи повѣтаго города Радомышля Троицкой Соборной церкви отъ намѣстника іерея Фотинскаго. Протоколь о принятіи вышеозначенной книги о внесеніи ея в настольный Реестръ и объ увѣдомленіи переводчика о полученіи ея цензурою, учиненъ сентября 17го дня. Книга сія оставлена в цензурскомъ архивѣ [*Материалы цензуры*: л. 75 об.].

Рукопись в 1806 году прислана в Московскую духовную цензуру в Донской монастырь, где была рассмотрена и оставлена в цензурском архиве, а в 1828 году вместе с архивом МДЦ передана в Московский комитет по цензуре и, таким образом, оказалась в Троице-Сергиевой лавре.

На рукописи имеется номерной экслибрис “№ 12 *дополнительное собрание Библиотеки МДА” (более ранние книжные знаки отсутствуют), следовательно, формально в состав библиотеки она вошла в 1853 г. (или чуть позже), после создания по указу Синода (от 31 мая 1853 г.) дополнительного собрания библиотеки МДА, которое включало в себя большую часть вновь поступающих рукописей и в которое также перешли некоторые рукописи библиотеки из первой трети XIX века [*Указатель ГБЛ*: 110].

Точно неизвестно, в какое время и при каких условиях рукопись была извлечена из архивных документов Московской духовной цензуры и включена в состав библиотеки МДА, но в “Каталоге русских книг и рукописей библиотеки Московской духовной академии” [*Каталог МДА*], составленном в 1830-е гг., исследуемый манускрипт отсутствует, а порядковый номер 12 экслибриса указывает на раннее включение рукописи в состав дополнительного собрания. Сам перенос рукописи из цензурского архива в библиотеку стал возможен, вероятно, из-за ее внешнего вида: рукопись выглядит как

“книжица”, объемна и хорошо сшита, в кожаном переплете. Вопрос о времени и месте ее нахождения представляется значимым, так как ответ на него позволяет оценить вероятную степень знакомства с нею современников: если до 1853 года перевод хранился среди архивных бумаг Московской духовной цензуры (а не в составе библиотеки), то он был практически недоступен для современников.

3. Переводчик иерей Михаил Фотинский

В “Описи ценсурских архивных бумаг, 1799–1812 дек. 31-го” находится информация о переводчике — иерее Михаиле Фотинском, наместнике Троицкой Соборной церкви города Радомышля Киевской губернии.

Радомышль — небольшой город на северо-западе Украины, который с 1746 года являлся резиденцией униатских киевских митрополитов [Селиванов, Тутковский 1899: 96]. В 1795 году была ликвидирована Киевская униатская митрополия, и город стал частью Волынской, а в 1797 г. — Киевской губернии. Собор Святой Троицы в Радомышле, который являлся кафедральным у греко-униатских священников, был превращен в православную Троицкую Соборную церковь, настоятелем которой и являлся иерей Фотинский [Доклады 1914: 92].

В настоящее время мы не располагаем точными персональными данными об иерее Михаиле Фотинском, поэтому можем только предполагать, что он был православным священником, выходцем из южнорусских или малоросских губерний Российской империи, возможно, присланным в Радомышль из Киева. В пользу невеликорусского происхождения переводчика свидетельствует лингвистический анализ его перевода ветхозаветных книг.

Одной из самых ярких особенностей идиолекта М. Фотинского являются украинские элементы, они системны и стилистически нейтральны. Так как в цели статьи не входит описание языка исследуемого памятника, мы лишь кратко назовем основные лингвистические явления: неразличение гласных *и/ы*: *синъ*, *перельываемый* и *переливается*, *пригаеть*; билабиальное произношение согласного *в* в позиции перед согласным: *върую у тебе*; переход *ъ* в *і*: *благодіяніе*; лексические украинизмы: *сволки* ‘балки’, *ланцугами* ‘цепями’, *пупяшки* ‘почки’, *мармурные* ‘мраморные’, *муръ* ‘стена’, *ластовица* ‘ласточка’.

Для выяснения уровня компетенции в древнееврейском языке священника-переводчика необходимо обратиться к состоянию православной гebraистики в России в XVIII в. Так, Е. И. Кислова заключает, что знание древнееврейского языка распространяется среди российского

духовенства в XVIII в., что связано с развитием системы духовного образования, в том числе и активного переноса украинской традиции духовного образования на великорусские земли, ведь Киевская академия до конца XVIII в. служила образцом для всех учебных заведений. Кроме того, не исключается и протестантское влияние:

Развитие преподавания древнееврейского, вероятно, стимулировалось более тесным контактом с территориями Прибалтики, в которых изучение этого языка уже было укоренено как элемент подготовки богословов протестантского вероисповедания . . . [Кислова 2013: 38]

В библиотеке Киевской духовной академии с XVII в. хранились Библии на древнееврейском языке (об этом см. ниже), а также вспомогательная лингвистическая литература: “. . . халдейский, талмудический и раввинистический лексикон Й. Буксдорфа (Базель, 1639); еврейско-халдейско-греко-немецкий словарь (без титула) [. . .] учебник еврейского и халдейского языков Буксдорфа (Базель, 1631); еврейская грамматика Михаэлиса (Братислава, 1748); многочисленные грамматики древних семитских языков: еврейские, халдейские, сирийские; [. . .] других авторов” [Головащенко 2011б]. Такое обилие специальной лингвистической литературы свидетельствует об определенном интересе читателей библиотеки к древнееврейскому тексту Священного Писания, что, возможно, способствовало работе над библейским оригиналом и древними переводами.

Среди украинских, прежде всего киевских, интеллектуалов — Иннокентия Гизеля, Андрея Мужилковского, Петра Могилы, Афанасия Миславского, Феофана Прокоповича и других — уже с кон. XVII — нач. XVIII в. было распространено знание древнееврейского языка: “. . . они нередко пользовались еврейскими текстами библейских книг, а также раввинистическими комментариями на еврейском языке; в их библиотеках были соответствующие издания, равно как и пособия для изучения древнееврейского языка” [Головащенко 2011б].

Ко времени появления перевода М. Фотинского знание древнееврейского языка воспринималось как обязательный компонент полного богословского образования. Известно, что преподавание древнееврейского языка велось на протяжении всего XVIII в. уже не только в Киевской академии, но и в Московской и в семинарии Троице-Сергиевой лавры [Кислова 2013: 41]. Таким образом, переводчик Фотинский имел возможность изучить библейский язык в одном из духовных учебных заведений и, вероятнее всего, в Киеве.³

³ Несмотря на достаточный уровень владения переводчиком древнееврейским языком, иногда в его переводе наблюдаются “ошибки”, связанные с неверным чтением и установлением корня, что влечет за собой семантические несоответствия. Рассмотрим, например, следующий стих из перевода: Песн 6:10

Кроме того, следует упомянуть еще один косвенный аргумент, который позволяет предполагать, что переводчик мог иметь отношение к Киеву. В комментарии к переводу “сложного” пророческого места в Пс 22:17 “*ибо окружили мене пси, собрание коварных обступили мене, прокололи руки мои и ноги мои*” Михаил Фотинский предлагает подробный текстологический комментарий:

вмѣсто сего слова: прокололи: еврее перевели: какъ левъ, т. е. какъ левъ устами, такъ они сокрушили руки мои и ноги мои; потому что в подлинникѣ написано: каарѣ, что значить: какъ левъ, и въ бібліях ихъ печатей по масорету, т.е. ихъ преданію, керѣ или исправка чтенія къ смыслу и содержанію (:что много въ ветхом Свящ: пис: на полахъ страницъ находится:) тутъ не имѣется; въ бібліях же хрїстіанскихъ печатей, **какъ въ липсіи 1725 года въ 8ху рейнекціа**, здесь справка указуетъ читать, не каарѣ, но кару, что значить: прокололи, и означаетъ ранъ хрїстовых. . . [МДА-II.12: л. 36].

Под упоминаемой М. Фотинским Библией “въ липсіи 1725 года въ 8ху рейнекціа” следует понимать латинское издание древнееврейского библейского текста “*Biblia hebraica ad optimorum codicum et editionum fidem recensita et expressa*”, напечатанное в Лейпциге в 1725 г. Кристианом Рейнеком (лат. Christianus Reineccius) — христианским протестантским исследователем-библеистом [Maas 1909; Siegfried 1889]. Вероятно, переводчик имел возможность лично работать с этим изданием: он приводит полное описание книги, упоминая даже формат издания. По данным латинского каталога книг библиотеки Киевской духовной академии (КДА), составленного около 1792 г., в ней насчитывалось 13 (!) экземпляров древнееврейской Библии Рейнекциа [Головащенко 2011а]. Конечно, возможно, что М. Фотинский работал с другим экземпляром “липсіи 1725 года”, не имеющим отношения к библиотеке КДА, однако количественные сведения из каталога демонстрируют доступность и определенное распространение древнееврейских Библий на территории Украины.

Интересен этнический состав жителей городка Радомышля, находившегося в пределах черты постоянной еврейской оседлости. После второго раздела Польши в 1793 г. к России отошли Подолия и Волынь с многочисленным еврейским населением. В июне 1794 г. черта оседлости была расширена, и евреям стало разрешено селиться в Киевской, Черниговской и Полтавской губерниях. К 1797 г. на

красная какъ ливанъ. Употребленное в оригинале древнееврейское לַיָּרֵךְ /ləḇānā/ значит ‘луна’, но Фотинский прочитывает здесь другую, близкую по форме, лексему לִיבָנוֹן /ləḇānōn/ ‘Ливан’. Эта “ошибка” свидетельствует о том, что переводчик полностью сконцентрирован на древнееврейском тексте, причем на его формальной стороне, т. к. смысловой параллелизм этого стиха явно демонстрирует несоответствие такого перевода: *кто сія низглядая какъ утренная заря, красная какъ ливанъ, чистая какъ солнце.*

территории Украины проживало около 200 тыс. евреев [КЕЭ 1996]. Известно, что в Радомышле, который в 1795 г. становится уездным городом Волынской губернии, а с 1797 г. — Киевской, в 1803 г. работали две еврейские школы [ЦГИАК-68: л. 70 об.], следовательно, в городке была достаточно велика еврейская община. Таким образом, у иерея Фотинского была возможность находиться в непосредственном контакте с иудеями-“соседями”: он мог обращаться к ним за помощью в истолковании и прочтении определенных мест, что и способствовало выполнению перевода “какъ они самы [евреи. — К. А.] переводятъ”.

Продолжая разговор о личности переводчика, отметим, что иерей Михаил Фотинский был автором не только исследуемого перевода. В “Описи ценсурских архивных бумаг, 1799–1812 дек. 31-го” представлена информация о других его книгах:

отъ того же намѣстника іерея Михайла Фотинскаго присланы при прошеніи двѣ книжицы подѣ названіемъ: 1я правила о сродствѣ отъ прочіихъ къ супружеству препятствъ часто въ обществѣ случающемся, 2я календарь или мѣсяцесловъ церковной Греко-Россійскій. Протоколь о принятіи по внесеніи помянутыхъ книгъ въ Настольный Резстръ, учиненъ декабря 24го дня. Книги сіи, 1я правила о сродствѣ и проч. и 2я Календарь и проч. яко въ своемъ родѣ излишнія, возвращены къ сочинителю при сообщеніи [*Материалы цензуры*: 76].

По причине того, что эти книги были возвращены автору, их нет в архивном доступе (по крайней мере, в архивах г. Москвы), и потому не представляется возможным составить представление о них.

4. Назначение перевода

Несмотря на взаимодействие переводчика с иудеями и намерение продемонстрировать читателю иудейскую интерпретацию, перевод, конечно, не может восприниматься как просемитский.

В главе Предупреждения сам иерей Михаил Фотинский так характеризует основные цели своего перевода и еврейских толкований:

много что показалось хрїстіанству противное, и до переводу и смыслу ненужное, или за обыкновенные имѣ [евреям. — К. А.] басни и забобоны, или и непристойное, хотя любопытное, и къ обличенію ихъ, а защищенію и лучшему изъясненію хрїстіанской истины служащее, но опасаясь нѣкоторымъ претиканія и соблазны, оставилъ я, а выбиралъ я съ возможною осторожностію, что показалось полезное, нужное и вѣроятія или примѣчанія достойное, ибо и изъ гною золота выбирается, и пчела изъ разнаго сорту беретъ, и составляетъ медь [*МДА-II.12*: л. 5].

Присутствующие в переводе Михаила Фотинского иудейские интерпретации имеют ознакомительный характер. Автор готовит перевод, в котором

старается максимально показать читателю оригинал священного текста (как формально, так и содержательно). В то же время иудейские толкования используются переводчиком в качестве обличительного средства против иудаизма. При расхождении христианского понимания с иудейским прочтением последнее однозначно определяется автором как ересь, “смешные ихъ басни” и “забобоны”. Лексема *забобоны*, первоначально выступавшая как синоним слова *суеверия* и относящаяся к характеристике нехристианских религиозных традиций, со второй половины XVIII в. употребляется преимущественно в пейоративном значении ‘вздор, враки, нелепые рассказы’ [Живов 2012: 144]. Таким образом, Михаил Фотинский демонстрирует неодобрение, порицание и несостоятельность иноверных трактовок и подчеркивает истину христианской догматики.

В “Описи ценсурских архивных бумаг, 1799–1812 дек. 31-го” под порядковым номером 159 приведена следующая информация:

Отъ того же іерея Михаила Фотинскаго отъ 19го июня 1807го года прошеніе, въ которомъ прописываетъ, что онъ намерень перевести всѣ вѣтхосвященныя книги съ Еврейскаго на Россійскій, и чтобы Д. цензура представила о повѣленіи переводить ему Св. Писаніе [*Материалы цензуры*: л. 76 об.].

Выполнив перевод пяти ветхозаветных книг, переводчик представил их в цензуру для рассмотрения, но сверхзадачей иерея Михаила Фотинского был перевод всего Ветхого Завета целиком. Для этого он просит Духовную цензуру официально “повелеть” ему переводить Священное Писание. Официальное поручение от Духовной цензуры, которая находилась в непосредственном ведении Синода, могло предоставить переводчику дополнительные возможности. Во-первых, разрешение и поддержку его инициативы в выполнении перевода, во-вторых, высокую вероятность издания, в-третьих, возможное материальное вознаграждение переводчику. Однако сам факт такого прошения был воспринят цензорами как дерзновение. Такая резолюция значится на листе прошения:

Увѣдомить просителя, что Цензура не находитъ нужды представлять о повелѣніи переводить ему Св. Писаніе съ еврейскаго языка; а когда есть его усердіе къ пользѣ Церкви Божіей, то онъ и безъ повелѣнія въ полезныхъ для нее трудахъ упражняться можетъ [*Архив цензуры*: л. 5].

Переводчик подразумевал, что он подготовит русский перевод Ветхого Завета для широкого читателя, который пожелает разобраться в оригинальном тексте, получив при этом сопроводительную информацию из обширного комментария. Замысел перевода сформулирован переводчиком в Приношении в Московскую духовную цензуру:

Усмотрѣль я, что изъ ветхаго Священнаго Писанія переводы, какъ славенно-россійскій, такъ и другихъ языковъ, на многихъ мѣстахъ, несумнительнаго въ невредимости подлинника, т.е. еврейскаго, противъ перевода еврейскаго и точности, или весьма далеко отстоятъ, или и совсѣмъ на другое значеніе перемѣнены [. . .] по чему ревностно дерзнулъ я здѣлать сей опытъ въ 1выхъ быт: 2хъ главахъ, въ книгахъ: Јоны, малъахіа, псалтири и пѣснь пѣсней, желая за повелѣніемъ и помощію, всѣхъ оныхъ ветхо-священныхъ книгъ съ ряду симъ образомъ изъ еврейскаго на россійскій перевесть, съ намѣреніемъ въ пользу общую [*Архив цензуры*: л. 1].

Таким образом, перевод был задуман как перевод-толкование, перевод-комментарий к тексту оригинала. Он должен был восприниматься как в с п о м о г а т е л ь н а я версия Священного Писания для лучшего понимания, “уразумения” христианской истины. Выбранный переводчиком в качестве метода “точный”, то есть дословный перевод, из-за естественной разницы в лексическом объеме исходного и переводящего языков часто превращает перевод Михаила Фотинского в подстрочник. Автор выполнял с п е ц и а л ь н ы й (прикладной) перевод, поэтому литературная и тем более художественная обработанность текста перевода не входила в его задачи, однако переводчик последовательно сохраняет выбранную стилистическую концепцию. Такой перевод, возможно, мог также предназначаться для обучения студентов в семинарии, которые могли использовать его вместе с комментарием на занятиях по изучению Ветхого Завета и древнееврейскому языку.

5. Судьба перевода

Обстоятельства сложились таким образом, что исследуемый перевод не привлек к себе должного внимания современников.

Несмотря на то что необходимость в русском переводе Священного Писания в начале XIX века была ощутимой и возникновение перевода Ветхого Завета было естественным и гармоничным, парадоксальным образом оказалось, что иерей Михаил Фотинский предпринял свою инициативу слишком рано, опережая время. Цензоры Московской духовной цензуры, получив перевод Фотинского, приняли решение оставить его в цензурском архиве, как будто ожидая наступления подходящего времени и случая для его рассмотрения. Но когда подходящее время пришло (спустя шесть лет было образовано РБО), активной деятельностью занялись другие яркие личности, а перевод Фотинского так и остался в архиве Московской духовной цензуры.

К сожалению, мы не располагаем точными данными о степени знакомства современников с переводом Фотинского, но, вероятней всего, оно было незначительным, если не отсутствовало совершенно.

Известно, что “повеления переводить ему Св. Писание” от Духовной цензуры он не получил и в более поздней переводческой деятельности замечен не был.

Выше мы уже отмечаем слабую литературную обработанность текста перевода, что не могло положительно влиять на восприятие его цензорами. Безусловно, перевод М. Фотинского не выдерживает никакого сравнения с переводом ветхозаветных книг Российского библейского общества (1822–1826 гг.) и тем более с Синодальным переводом не только в силу своей художественной недостаточности, но и по причине различия между переводами в их назначении и переводческих установках. Перевод РБО был запланирован как параллельный церковнославянскому перевод на русский “для постижения христианского учения в частной, домашней обстановке” [АЛЕКСЕЕВ 2002: 33]. В недавнем исследовании А. Г. Кравецкого представлены данные, которые убедительно демонстрируют, что перевод РБО был адресован узкой читательской аудитории, а именно представителям “социальной элиты”, плохо владеющим церковнославянским языком и вынужденным прибегать к помощи европейских переводов. [КРАВЕЦКИЙ 2015: 190–197]. Синодальный перевод “с самого начала функционировал как самостоятельная, а не подсобная версия Св. Писания и притом заведомо единственная на русском языке” [АЛЕКСЕЕВ 2002: 34]. А перевод-подстрочник М. Фотинского выполнен с целью познакомить широкого читателя с древнееврейским оригиналом Ветхого Завета и продемонстрировать возможность возникновения нескольких трактовок в силу текстовой многозначности оригинала. Однако перевод для такого назначения, вероятно, не был востребован у современников Михаила Фотинского.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что “Опыт перевода ветхозаветных книг. . .” Михаила Фотинского следует считать самой ранней попыткой перевода части Ветхого Завета на русский язык с древнееврейского оригинала, но перевода специального, не претендующего на роль самостоятельного и самодостаточного. В данной статье затронуты лишь некоторые аспекты, связанные с историческим контекстом и судьбой перевода Михаила Фотинского. В перспективе исследование направлено на составление более полного представления о памятнике, с необходимым дальнейшим привлечением архивного материала и данных о лицах, которым мог быть известен этот перевод (цензоры Московской духовной цензуры), а также расширение сведений о личности переводчика.

Библиография

Сокращённые названия библиотек и архивов

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва

ЦГИАК — Центральный государственный исторический архив Украины, Киев

ЦГАМ — Центральный государственный архив г. Москвы

Рукописные источники

Архив цензуры

ЦГАМ, ф. 2393, оп. 1, т. 603, Архивные дела цензуры.

Каталог МДА

НИОР РГБ, ф. 173.I (Фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии), ед. хр. № 616, *Каталог русских книг и рукописей библиотеки Московской духовной академии.*

Материалы цензуры

НИОР РГБ, ф. 172, т. 1, к. 83, ед. хр. № 16, *Материалы Московской духовной цензуры.*

МДА-II.12

НИОР РГБ, ф. 173.II (дополнительное собрание Московской духовной академии), № 12, скоропись, второй половины XVIII в. *Опыт перевода точнаго ветхо-священныхъ книгъ изъ подлиннаго еврейскаго на російскій, по еврейскому переводу, какъ они самы переводятъ, съ приложениемъ нѣкоторыхъ ихъ изъясненій учиненъ Намѣстникомъ Иереємъ Михайломъ Фотинскимъ 1806 года* (цит. по интернет-изданию электронной фотоконии на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>; последнее обращение: 05.12.2015).

ЦГИАК-68

ЦГИАК, ф. 442, оп. 660, дело 68.

Литература

АЛЕКСЕЕВ 2002

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Первый русский перевод Нового Завета в издании 1823 года”, в: *Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков*, Москва, 2002, 7–38.

——— 2003

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Переводы Священного Писания на русский язык”, в: *Православная энциклопедия*, 5, Москва, 2003, 153–161.

АСТАФЬЕВ 1889

АСТАФЬЕВ Н. А., *Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами*, С.-Петербург, 1889.

Балута 2012

Балута А. А., “История перевода Библии на русский язык”, в: А. А. Балута, Н. Г. Епифанцева, А. Д. Кузьмина, О. В. Ряховская, *Библейский текст и особенности его перевода*, Москва, 2012, 33–60.

Головащенко 2011а

Головащенко С. И., “Библия и библиологическая литература в Киево-Могилянской Академии конца XVIII – начала XIX ст.: тексты, жанры, традиции (Из опытов реконструкции духовно-интеллектуального наследия КДА)”, *Труди Київської Духовної Академії*, 15, 2011, 23–40.

— 2011б

Головащенко С. И., “Древнееврейский язык в КДА как язык Библии: культурно-конфессиональные и идеологические обстоятельства изучения и преподавания”, в: *Иудейско-христианские отношения. Христианско-иудейский диалог: проблемы и мнения*, 01.09.2011 (удаленный ресурс; режим доступа: <http://www.jcrelations.net/>; последнее обращение: 28.03.2016).

Доклады 1914

Доклады Радомысльской уездной земской управы, 1, Радомысль, 1914.

Живов 2012

Живов В. М., “Суеверия и забобоны”, в: В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий, ред., *Эволюция понятий в свете истории русской культуры*, Москва, 2012, 130–150.

КЕЭ 1996

“Украина. Евреи в населенных украинцами регионах Российской и Австрийской империй (конец 18 в. – 1914 г.)”, в: *Краткая еврейская энциклопедия*, 8, Иерусалим, 1996, 1187–1211 (цит. по интернет-изданию *Электронная еврейская энциклопедия*, режим доступа: <http://www.eleven.co.il/>; последнее обращение: 05.12.2015).

Кислова 2013

Кислова Е. И., “Древнееврейский язык в православных учебных заведениях в России XVIII в. (К истории лингвистической компетенции церковной среды)”, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 1, 2013, 35–50.

Кравецкий 2015

Кравецкий А. Г., “Социолингвистические аспекты первых переводов Библии на русский язык”, *Slověne = Словѣне*, 4/1, 2015, 191–203.

Селиванов, Тутковский 1899

<Селиванов А. Ф., Тутковский П. А.>, “Радомысль”, в: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, изд., *Энциклопедический словарь*, 26, С.-Петербург, 1899, 96–98.

Тихомиров 2005

Тихомиров Б. А., “Первый русский перевод Библии: позиция светской и церковной власти”, в: *Материалы XV Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ*, Москва, 2005, 42–54.

УКАЗАТЕЛЬ ГБЛ

Рукописные собрания государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: указатель, 1/2: 1917–1947 гг., Москва, 1986.

Целунова 2006

Целунова Е. А., предисл., исслед. и т. п., *Псалтирь 1683 года в переводе Авраамия Фирсова: Текст, словоуказатель, исследование*, Москва, 2006.

Чистович 1899

Чистович И. А., *История перевода Библии на русский язык*, 2-е изд., С.-Петербург, 1899 (репринт: Москва, 1997).

MAAS 1909

MAAS A. J., "Editions of the Bible," in: *The Catholic Encyclopedia*, 5, 1909 (цит. по интернет-изданию *The Original Catholic Encyclopedia*, режим доступа: <http://oce.catholic.com/>; последнее обращение: 05.12.2015).

SIEGFRIED 1889

SIEGFRIED C., "Reineccius. Christian," in: *Allgemeine Deutsche Biographie*, 28, Leipzig, 1889, 15–17 (цит. по интернет-изданию *Deutsche Biographie*, режим доступа: <http://www.deutsche-biographie.de/>; последнее обращение: 05.12.2015).

References

Alekseev A. A., "Pervyi russkii perevod Novogo Zaveta v izdani 1823 goda," in: *Rol' perevodov Biblii v stanovlenii i razvitii slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 2002, 7–38.

Alekseev A. A., "Perevody Sviashchennogo Pisanii na russkii iazyk," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 5, Moscow, 2003, 153–161.

Baluta A. A., "Istoriia perevoda Biblii na russkii iazyk," in: A. A. Baluta, N. G. Epifantseva, A. D. Kuz'mina, O. V. Ryakhovskaya, *Bibleiskii tekst i osobennosti ego perevoda*, Moscow, 2012, 33–60.

Golovashchenko S. I., "Bibliia i bibliologicheskaia literatura v Kievo-Mogilianskoi Akademii kontsa XVIII – nachala XIX st.: teksty, zhanry, traditsii (Iz opytov rekonstruktsii dukhovno-intellektual'nogo nasledii KDA)," *Trudy Kyivs'koi Dukhovnoi Akademii*, 15, 2011, 23–40.

Golovashchenko S. I., "Drevneevreiskii iazyk v KDA kak iazyk Biblii: kul'turno-konfessional'nye i ideologicheskie obstoiatel'stva izucheniia i prepodavaniia," in: *Jewish-Christian Relations: Insights and Issues in the ongoing Jewish-Christian*

Dialogue, 2011.09.01 (online access: <http://www.jcrelations.net>; access: 05.01.2016).

Kislova E. I., "Classical Hebrew in the 18th Century Russia's Orthodox Educational Establishments (towards the history of linguistic competence in ecclesiastical circles)," in: *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 1, 2013, 35–50.

Kravetsky A. G., "Sociolinguistic Aspects of the First Translations of the Bible into the Russian Language," *Slověne*, 4/1, 2015, 191–203.

Tikhomirov B. A., "Pervyi russkii perevod Biblii: pozitsiia svetskoi i tserkovnoi vlasti," in: *Materialy XV Ezhegodnoi Bogoslovskoi konferentsii PSTGU*, Moscow, 2005, 42–54.

Tselunova E. A., ed., *Psaltir' 1683 goda v perevode Avraamiia Firsova: Tekst, slovoukazatel', issledovanie*, Moscow, 2006.

Zhivov V. M., "Sueverii i zabobony," in: V. M. Zhivov, Yu. V. Kagarlitskiy, eds., *Evolutsiia poniatii v svete istorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2012, 130–150.

Кристина Юрьевна Андерс

преподаватель кафедры гуманитарных основ гражданской службы

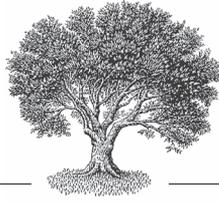
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

630102 Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6

Россия/Russia

christinaanders@yandex.ru

Received January 11, 2016

Ein russischer Schatten auf dem Attentat von Sarajevo

Русская тень над Сараевским убийством

Werner Lehfeldt

Georg-August-Universität Göttingen,
Deutschland

Вернер Лефельдт

Гёттингенский университет
им. Георга-Августа,
Гёттинген, Германия

Zusammenfassung

In dem Artikel wird die Aufmerksamkeit auf ein Dokument gelenkt, in dem Hinweise auf einen möglichen russischen Hintergrund der Ermordung des österreichischen Thronfolgers Erzherzog Franz Ferdinand und dessen Ehefrau am 28. Juni 1914 in Sarajevo enthalten sind. Das fragliche Dokument stammt aus der Feder des Hauptorganisators dieses verhängnisvollen Mordanschlags, des Chefs des serbischen militärischen Geheimdiensts, Oberst Dragutin Dimitrijević-Apis. Geschrieben wurde es im Frühjahr 1917, als Dimitrijević-Apis angeklagt war, einen weiteren Mordanschlag organisiert zu haben, diesmal auf den serbischen Regenten Aleksandar. Dimitrijević-Apis legt dar, er habe die endgültige Entscheidung zur Ermordung von Erzherzog Franz Ferdinand erst gefasst, als ihm der russische Militärattaché in Belgrad, Oberst Viktor Artamanov (in anderen Quellen Artamonov), versichert hatte, Russland werde Serbien im Falle eines österreichischen Angriffs nicht im Stich, d.h. nicht ohne militärische Unterstützung lassen.

Schlüsselwörter

Beginn des 1. Weltkriegs, Ermordung von Erzherzog Franz Ferdinand in Sa-

rajevo 1914, Dragutin Dimitrijević-Apis als Hauptorganisator der Attentatsverschwörung, mögliche russische Komplizenschaft an der Verschwörung

Резюме

Основная цель настоящей заметки — обратить внимание исследователей на документ, в котором содержится намёк на возможное тайное участие России в убийстве наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги 28 июня 1914 г. в Сараеве. Этот документ был написан в 1917 г. основным организатором фатального убийства — главой сербской военной тайной разведывательной службы полковником Драгутином Димитриевичем (Аписом) в то время, когда он был обвинен в организации очередного подобного покушения на сербского принца-регента Александра. Димитриевич-Апис пишет, что он принял окончательное решение об убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда только после того, как был заверен российским военным атташе в Белграде полковником Виктором Артамановым (известным также как Артамонов) в том, что Россия не оставит Сербии без военной поддержки в случае австрийского нападения.

Ключевые слова

начало Первой Мировой войны, убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве в 1914 г., Драгутин Димитриевич (Апис) как основной организатор покушения, возможное участие России в покушении

Das Attentat von Sarajevo, dem am späten Vormittag des 28. Juni 1914 der österreichisch-ungarische Thronfolger Erzherzog Franz Ferdinand von Österreich-Este und dessen Gemahlin Herzogin Sophie von Hohenberg zum Opfer fielen, gilt in der historiographischen Literatur zur Vorgeschichte des 1. Weltkriegs unbestritten als dasjenige Ereignis, durch das eine Kette von politischen, diplomatischen und schließlich auch militärischen Aktionen in Gang gesetzt wurde, die schließlich Ende Juli/Anfang August in den Ausbruch des Krieges münden sollten.

Selbstverständlich nahmen die österreichischen Behörden sogleich nach der Verhaftung des erfolglosen Bombenwerfers Nedeljko Čabrinović, des Todesschützen Gavrilo Princip und deren vier Mitverschwörer, die entlang der geplanten Fahrstrecke des erzherzoglichen Autokonvois postiert gewesen waren, Ermittlungen auf, um Aufschluss über mögliche Hintermänner und (Mit)Organisatoren des Attentats zu gewinnen. Die Ergebnisse, zu denen sie in den nicht ganz vier Wochen zwischen dem Anschlag und der Übergabe der auf 48 Stunden befristeten diplomatischen Begehrnote des Wiener Außenministeriums an die serbische Regierung am 23. Juli gelangt waren, fanden ihren Niederschlag in den in dem „Ultimatum“ vorgebrachten Forderungen. Insbesondere wurde dort unter Punkt 7 verlangt, „mit aller Be-

schleunigung die Verhaftung des Majors Voija Tankosić und eines gewissen Milan Ciganović, serbischen Staatsbeamten, vorzunehmen, welche durch die Ergebnisse der Untersuchung kompromittiert sind“ [Gooß 1930: 230 f.]. Milan Ciganović war ein Kontaktmann zwischen Nedeljko Čabrinović und Gavrilo Princip einerseits und dem Major Vojislav Tankosić gewesen, der dafür gesorgt hatte, dass Čabrinović und Princip in Belgrad im Bombenwerfen und Pistolenschießen geübt worden waren. Durch die Hände von Tankosić waren auch die Waffen – vier Pistolen belgischer Provenienz und sechs Bomben aus dem serbischen Armeearsenal in Kragujevac [ALBERTINI 1952: 58] – gegangen, die mit Hilfe serbischer Grenzbeamter nach Bosnien geschmuggelt worden waren.

Bis zur Formulierung und Übergabe des „Ultimatums“ an die Belgrader Regierung war es den österreichischen Ermittlungsbeamten allerdings nicht gelungen, die zentrale serbische Figur namhaft zu machen, in deren Auftrag Tankosić und Ciganović gehandelt hatten, den Oberst (пуковник) Dragutin Dimitrijević, genannt Apis, den Chef des militärischen Geheimdienstes (обавештајно одељење) des serbischen Generalstabs, dessen „right hand man“ Tankosić gewesen war [ALBERTINI 1952: 55]. Dimitrijević-Apis war Mitgründer und Mitglied der Obersten Zentraleitung der Geheimorganisation „Уједињење или смрт“ („Vereinigung oder Tod“), der berüchtigten „Црна рука“ („Schwarze Hand“). Er war schon 1903 führend an der Vorbereitung und Durchführung der Ermordung des serbischen Königs Aleksandar Obrenović und dessen Gemahlin beteiligt gewesen, bereits damals zusammen mit Tankosić [IBID.]. Wäre die Rolle, die Dimitrijević-Apis bei der Vorbereitung des Attentats von Sarajevo gespielt hatte, den österreichischen Ermittlern im Juli 1914 bekannt geworden, so hätte dieser Umstand mit Sicherheit in dem „Ultimatum“ seinen Niederschlag gefunden, wären dessen Forderungen noch entschiedener und umfassender ausgefallen. Zumindest wäre die Verhaftung und Aburteilung des Obersten gefordert worden.

Noch wichtiger aber erscheint folgende Überlegung: Wäre das Wiener Außenministerium im Juli 1914 in der Lage gewesen, die europäischen Regierungen, insbesondere die der Großmächte, und die europäische Öffentlichkeit glaubhaft wissen zu lassen, dass eine zentrale Figur des serbischen Militärapparats führend an der Vorbereitung der Ermordung des Thronfolgers einer benachbarten Großmacht beteiligt gewesen war, dann erscheint es zumindest als zweifelhaft, ob es v.a. der russischen, aber auch der französischen Regierung in der Julikrise möglich gewesen wäre, die Auffassung zu vertreten, das offizielle Serbien habe mit dem Attentat nichts zu tun gehabt, und der serbischen Regierung bei ihrer Ablehnung der zentralen Forderungen des „Ultimatums“ den Rücken zu stärken. „Tatsächlich hätte eine objektive Untersuchung die Zusammenhänge zwischen den Attentätern und königlich-serbischen Of-

fizieren ans Licht gebracht und den internationalen Kredit der Serben vollends zerstört“ [ROSE 2011: 109]. „Hinter dem Beharren auf der eigenen Souveränität stand vor allem die Befürchtung, dass die Hintergründe des Attentats in Serbien und das Ausmaß der Verwicklung staatlicher Akteure und Institutionen international bekannt werden könnten“ [LEONHARD 2014: 100].

Dass ein Bekanntwerden der Rolle Dimitrijević-Apis' auch nach dem 1. Weltkrieg die Position Serbiens in der Diskussion um die Ursachen dieses weltumspannenden militärischen Konflikts außerordentlich geschwächt hätte, zeigt allein schon die Tatsache, dass die amtlichen Stellen Jugoslawiens nach Kräften bemüht waren, alle Hinweise auf diese Rolle nach Möglichkeit geheimzuhalten und zu unterdrücken. Insbesondere wurde das entscheidende Dokument, das diese Rolle in aller Deutlichkeit erkennen lässt, unter Verschluss gehalten.

Um was für ein Dokument handelt es sich hierbei? – Nach dem Rückzug der serbischen Armee nach Griechenland im Jahr 1915 wurde Dimitrijević-Apis Ende 1916 zusammen mit einer Anzahl weiterer Offiziere und mit Rade Malobabić, einem seiner Mitarbeiter seit 1913, verhaftet und 1917 in Saloniki vor ein Militärgericht gestellt, wo gegen sie vom 20. März bis zum 23. Mai a.St. verhandelt wurde. Angeblich hatte er sich im Rahmen der Geheimorganisation „Уједињење или смрт“ an „umstürzlerischen Tätigkeiten“ beteiligt sowie Rade Malobabić und Muhamed Mehmedbašić, den einzigen der sechs Verschwörer von Sarajevo, dem die Flucht gelungen war, gedeckt, die beide beschuldigt wurden, im August 1916 ein Attentat auf den Prinzregenten Aleksandar versucht zu haben. Dimitrijević-Apis, acht weitere angeklagte Offiziere und Rade Malobabić wurden am 23. Mai 1917 a.St. wegen Hochverrats zum Tode verurteilt. Die meisten Verurteilten wurden allerdings begnadigt und nach Verbüßung kurzer Haftstrafen in Freiheit gesetzt. Nicht begnadigt wurden Dimitrijević-Apis, der Major Velimir Vuletić und Rade Malobabić. Am 12. Juni 1917 a.St. wurden diese drei Verurteilten auf einem Feld in der Nähe von Saloniki durch Erschießen hingerichtet.

1953 wurde in Belgrad in einer Monographie zur „Wahrheit über den Prozess von Saloniki“ („Истина о Солунском процесу“) von Borivoje Nešković ein vier Seiten langer Text veröffentlicht, den Dimitrijević-Apis am 28. März 1917 a.St. dem gegen ihn und andere Angeklagte verhandelnden Offiziersgericht vorgelegt hatte und in dem er sich ohne Umschweife dazu bekennt, das Attentat gegen Erzherzog Franz-Ferdinand geplant zu haben (vgl. ein vollständiges Facsimile dieses Textes samt Transliteration bei NEŠKOVIĆ [1953: 276–281]). Bereits während des 2. Weltkriegs war nach der Besetzung Belgrads durch deutsche Truppen im serbischen Außenministerium ein Konzept dieses Bekenntnisses gefunden und in Deutschland veröffentlicht worden [UEBERSBERGER 1943; NEŠKOVIĆ 1953: 276].¹

1 Zur Rolle von Dimitrijević-Apis bei der Planung und Organisation des Attentats

In seinem Bekenntnis schreibt Dimitrijević-Apis:

... ja sam osećajući da se Austrija sprema za rat sa nama mislio, da će nestankom prestolonaslednika austrijskog vojničkog stranka i struja, kojoj je on na čelu bio, izgubiti svoju jačinu i da će na taj način ratna opasnost od Srbije biti otkloњena ili će bar za nešto biti odložena, te sam zbog toga angažovao Malobabića, da prilikom заказаног доласка Фердинандовог у Сарајево организује атентат на њега. [...] Малобабич је извршио мој налог, организовао је и извршио атентат [NEŠKOVIĆ 1953: 277 f.].

In deutscher Übersetzung:

... habe ich, weil ich spürte, dass sich Österreich auf einen Krieg mit uns vorbereitete, geglaubt, dass durch das Verschwinden des österreichischen Thronfolgers die Kriegspartei und die Strömung, an deren Spitze er stand, ihre Stärke einbüßen und dass auf diese Weise die Kriegsgefahr von Serbien abgewendet oder wenigstens etwas hinausgeschoben würde, Malobabić damit beauftragt, bei der Gelegenheit des angekündigten Besuchs Ferdinands in Sarajevo ein Attentat auf ihn zu organisieren. [...] Malobabić führte meinen Auftrag aus, organisierte das Attentat und führte es aus.

Wichtig ist nun noch folgendes Détail aus dem Apisschen Bekenntnistext. An der im vorangehenden Zitat durch Punkte markierten Stelle heißt es unmittelbar weiter:

На ово сам се решио дефинитивно, тек онда кад ми је Артаманов дао уверење, да нас Русија неће оставити без заштите ако нас Аустрија нападне [NEŠKOVIĆ 1953: 277].

In deutscher Übersetzung:

Dazu habe ich mich definitiv erst dann entschlossen, als mir Artamanov versicherte, Russland würde uns nicht im Stich [wörtlich: ohne Verteidigung] lassen, sollte uns Österreich angreifen.

Von seinen Attentatsabsichten, so Dimitrijević-Apis weiter, habe er allerdings seinem Gesprächspartner bei dieser Gelegenheit nichts mitgeteilt.

Oberst Viktor Artamanov (in anderen Quellen Artamonov), der russische Militärattaché in Belgrad, hatte schon vorher die Propagandatätigkeit der „Schwarzen Hand“ aktiv unterstützt [ALBERTINI 1952: 83 f.]. Nach dem 1. Weltkrieg hat Artamanov offen seine einstigen engen Beziehungen zu Dimitrijević-Apis zugegeben. Ebenfalls nach dem Krieg hat Hauptmann Aleksandr Večkovskij, 1914 ein Mitarbeiter Artamanovs, seinem ehemaligen Chef und dessen serbischem Partner widersprechend, ausgesagt, Dimitrijević-Apis

von Sarajevo vgl. in dem grundlegenden Werk von ALBERTINI [1952: 68–82]. Albertini konnte allerdings noch nicht das ja erst 1953 veröffentlichte Bekenntnis des Geheimdienstmajors kennen, wusste nur etwas von Gerüchten über die Existenz dieses Dokuments.

habe Artamanov durchaus von dem geplanten Anschlag unterrichtet und dieser habe in St. Petersburg bei ungenannten offiziellen Stellen Erkundigungen nach den möglichen Folgen einer solchen Tat eingeholt [IBID.: 86, Fußnote 1; KING, WOOLMANS 2013: 181 f.].²

Von Artamanov stammten nach dem Geständnis von Dimitrijević-Apis auch die finanziellen Mittel für ein „мали хонопар“, das die „главни учесници његови“, d.h. die Hauptbeteiligten des Attentats, durch Vermittlung von Rade Malobabić erhalten hätten [NEŠKOVIĆ 1953: 278].

Es ist bemerkenswert, dass die Veröffentlichung von Dimitrijević-Apis' Geständnis durch Borivoje Nešković aus dem Jahre 1953 zwar nicht vollständig unbemerkt geblieben ist (vgl. etwa [GAVRILOVIĆ 1955]), bis heute aber nicht die ihr gebührende Beachtung gefunden hat. In zahllosen Darstellungen der Vorgeschichte des 1. Weltkriegs aus jüngerer Zeit fehlt jeglicher Hinweis auf diesen Text. Als besonders bemerkenswertes Beispiel für diese Lücke sei das vieldiskutierte Buch „The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914“ von Christopher Clark genannt, in dem es sogar ausdrücklich heißt, dass Dimitrijević-Apis „left no straightforward account of his motives“ [CLARK 2012: 48] – eine Aussage, die eindeutig nicht zutrifft. Der vorliegende Beitrag dient daher in erster Linie der Absicht, darauf hinzuwirken, dass das von dem Hauptorganisator des verhängnisvollen Anschlags vom 28. Juni 1914 im Jahre 1917 aufgesetzte Bekenntnisschreiben bei Untersuchungen und Darstellungen des Weges, der in die Urkatastrophe des 20. Jahrhunderts führen sollte, gebührend beachtet und berücksichtigt wird.

Bibliographie

ALBERTINI 1952

ALBERTINI L., *The Origins of the War of 1914, 2: The Crisis of July 1914. From the Sarajevo Outrage to the Austro-Hungarian General Mobilization*, London, 1952.

BÜHLER 1960

BÜHLER J., *Vom Bismarck-Reich zum geteilten Deutschland*, Berlin, 1960.

CAFFERKY 2013

CAFFERKY J. P., *Lord Milner's Second War. The Rhodes-Milner Secret Society; the Origin of World War I; And the Start of The New World Order*, S.l., 2013.

² Zur Frage nach der Mitwisserschaft Artamanovs hinsichtlich der Planung des Attentats vgl. bei ALBERTINI [1952: 82–86] – den Abschnitt „The Artamanov Question“ und: [SOSNOSKY 1929: 188; UEBERSBERGER 1943: 432 f.; KISZLING 1953: 286; UEBERSBERGER 1958: 289 f., 297–300; BÜHLER 1960: 370; DEDJER 1978: 211–233; LIEVEN 1983: 139 f.; MACKENZIE 1989: 129–131; WILLIAMSON 1991: 196 f.; WILLIAMSON, May 2007: 351; McMEEKIN 2011: 47]; besonders ausführlich: [CAFFERKY 2013: 181–211; DOCHERTY, MACGREGOR 2013: 242 ff.; FRIEDRICH 2014: 27, 450 f.].

CLARK 2012

CLARK Chr., *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*, London, 2012.

DEDIJER 1978

DEDIJER V., *Sarajevo 1914*, 2, Izd. 2. dop., Beograd, 1978.

DOCHERTY , MACGREGOR 2013

DOCHERTY G., MACGREGOR J., *Hidden History. The Secret Origins of the First World War*, Edinburgh, London, 2013.

FRIEDRICH 2014

FRIEDRICH J., *14/18. Der Weg nach Versailles*, Berlin, 2014.

GAVRILOVIĆ 1955

GAVRILOVIĆ St., "New Evidence on the Sarajevo Assassination," *The Journal of Modern History*, 27, 1955, 410–414.

GOOß 1930

GOOß R., "Gutachten des Sachverständigen Vortragenden Legationsrats Dr. Roderich Gooß. Das österreichisch-serbische Problem bis zur Kriegserklärung Österreich-Ungarns an Serbien, 28. Juli 1914," in: E. FISCHER, C. BOHM-SCHUCH, Hrsg., *Die Vorgeschichte des Weltkrieges. Im Auftrage des Ersten Unterausschusses . . .*, 10, Berlin, 1930, 1–302.

KING, WOOLMANS 2013

KING G., WOOLMANS S., *The Assassination of the Archduke. Sarajevo 1914 and the Murder that Changed the World*, London, 2013.

KISZLING 1953

KISZLING R., *Erzherzog Franz Ferdinand von Österreich-Este. Leben, Pläne und Wirken am Schicksalsweg der Donaumonarchie*, Graz, Köln, 1953.

LEONHARD 2014

LEONHARD J., *Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkrieges*, München, 2014.

LIEVEN 1983

LIEVEN D. C. B., *Russia and the Origins of the First World War*, London, Basingstoke, 1983.

MACKENZIE 1989

MACKENZIE D., *Apis: The Congenial Conspirator. The Life of Colonel Dragutin T. Dimitrijević*, New York, 1989.

MCMEEKIN 2011

MCMEEKIN S., *The Russian Origins of the First World War*, Cambridge (MA), London, 2011.

NEŠKOVIĆ 1953

NEŠKOVIĆ B., *Istina o Solunskom procesu*, Beograd, 1953.

ROSE 2011

ROSE A., *Zwischen Empire und Kontinent. Britische Außenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg*, München, 2011.

UEBERSBERGER 1943

UEBERSBERGER H., "Das entscheidende Aktenstück zur Kriegsschuldfrage 1914," *Auswärtige Politik. Monatshefte des Deutschen Instituts für Außenpolitische Forschung*, 10/7, 1943, 429–438.

—1958

UEBERSBERGER H., *Österreich zwischen Russland und Serbien. Zur Südslawischen Frage und der Entstehung des Ersten Weltkrieges*, Köln, Graz, 1958.

SOSNOSKY 1929

SOSNOSKY TH., VON, *Franz Ferdinand. Der Erzherzog=Thronfolger. Ein Lebensbild*, München, Berlin, 1929.

WILLIAMSON 1991

WILLIAMSON S. R., JR., *Austria-Hungary and the Origins of the First World War*, Houndmills, Basingstoke, Hampshire, London, 1991.

WILLIAMSON, MAY 2007

WILLIAMSON S. R., JR., MAY E. R., "An Identity of Opinions: Historians and July 1914," *The Journal of Modern History*, 79, 2007, 335–387.

Werner Lehfeldt

Georg-August University of Göttingen

A Russian Shadow over the Assassination in Sarajevo

Abstract

The main purpose of the present note is to draw attention to a document that contains hints of a possible Russian background to the assassination of the successor to the Austrian throne, Archduke Franz Ferdinand, and his wife on 28 June 1914 in Sarajevo. This document was written by the main organizer of this disastrous murder, the chief of the Serbian military secret service, Colonel Dragutin Dimitrijević-Apis, in 1917, when Dimitrijević-Apis was accused of having organized another such attempt on the Serbian regent Aleksandar. Dimitrijević-Apis writes that he made the final decision to organize the murder of Archduke Franz Ferdinand only after he had been assured by the Russian military attaché in Belgrade, Colonel Viktor Artamanov, that Russia would not leave Serbia without military support in case of an Austrian attack.

Keywords

beginning of World War I, assassination of Archduke Franz Ferdinand in Sarajevo 1914, Dragutin Dimitrijević-Apis as the main organizer of the assassination plot, possible Russian complicity in the plot

Prof. em. Dr. Dr. h.c. Dr. h.c. **Werner Lehfeldt**

Seminar für Slavische Philologie

Georg-August-Universität Göttingen

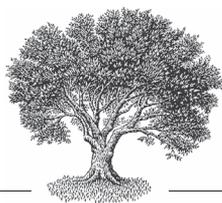
Humboldtallee 19

37073 Göttingen

Deutschland/Germany

wlehfel@uni-goettingen.de

Received March 27, 2016

The Foregrounding
Function of Praesens
Historicum
in Russian
Translated
Adventure
Narratives
(20th Century)

Выдвижение
как функция
настоящего
исторического
в русских
переводах
приключенческой
литературы
(XX век)

Anastasia V. Urzha

Moscow State University, Moscow,
Russia

**Анастасия Викторовна
Уржа**

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Abstract

This research focuses on the functioning of praesens historicum forms which Russian translators use to substitute for English narrative forms referring to past events. The study applies the Theory of Grounding and Russian Communicative Functional Grammar to the comparative discourse analysis of English-language adventure stories and novels created in the 19th and 20th centuries and their Russian translations. The Theory of Grounding is still not widely used in Russian translation studies, nor have its concepts and fruitful ideas been related to the achievements of Russian Narratology and Func-

tional Grammar. This article presents an attempt to find a common basis in these academic traditions as they relate to discourse analysis and to describe the role of *praesens historicum* forms in Russian translated adventure narratives. The corpus includes 22 original texts and 72 Russian translations, and the case study involves six Russian translations of *The Adventures of Tom Sawyer*, focusing on the translation made by Korney Chukovsky, who employed historic present more often than in other translations of the novel. It is shown that the translation strategy of substituting the original English-language past forms with Russian present forms is realized in foregrounded and focalized segments of the text, giving them additional saliency. This strategy relates the use of historic present to the functions of deictic words and words denoting visual or aural perception, locating the deictic center of the narrative in the spacetime of the events and allowing the reader to join the focalizing WHO (a narrator or a hero). Translations that regularly mark the foreground through the use of the historic present and accompanying lexical-grammatical means are often addressed to young readers.

Keywords

historic present, foregrounding, adventure narrative, translation, deictic center, focalization

Резюме

В исследовании рассматривается функционирование форм настоящего исторического, которые русские переводчики английской приключенческой литературы используют при интерпретации оригинальных форм прошедшего времени. Сопоставительный композиционно-лингвистический анализ переводных вариантов приключенческих повестей и романов основывается на идеях и понятиях теории первого плана и фона (Theory of Grounding) и русской коммуникативно-функциональной грамматики. Теория первого плана и фона, активно развивающаяся за рубежом, до сих пор практически не применяется в отечественном переводоведении, а её открытия не соотнесены с достижениями русских нарратологических и функциональных грамматических исследований. Данная статья представляет попытку сопоставить эти научные традиции применительно к функциональным текстovým характеристикам настоящего исторического, с опорой на материал русских переводов. Корпус исследования составили 22 англоязычных произведения приключенческого жанра и 72 их русских перевода, выполненных в XX веке, материалом для анализа в статье стали переводы романа "Приключения Тома Сойера" М. Твена. В центре внимания — вариант К. И. Чуковского, в котором настоящее историческое используется значительно чаще, чем в других переводах. Сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов показывает, что настоящее историческое появляется в переводе фокализированных фрагментов, принадлежащих первому плану текста, и сообщает им дополнительное выдвижение. Презенсные формы взаимодействуют с дейктическими словами и перцептивной лексикой, поддерживая локализацию дейктического центра нарратива в хронотопе событий и позволяя читателю присоединиться к точке зрения наблюдающего героя или повествователя. Переводы, допол-

нительно выделяющие первый план при помощи форм настоящего исторического и сопутствующих лексико-грамматических средств, часто адресованы детской аудитории.

Ключевые слова

настоящее историческое, выдвижение, первый план, перевод, приключенческая литература, дейктический центр, фокализация

Introduction

In studying 20th-century Russian translations of English-language adventure novels, one can encounter praesens historicum used to render original past tense narrative forms, and the frequency of the employment of this device varies from one translation of the text to another. Some Russian translators use historic narrative often, others stick to past forms, and in many texts both of these methods of presenting past events appear. Focusing on the functioning of praesens historicum in translated adventure narratives, comparative research requires thorough study of the contexts in which the form appears. Attention should be drawn to the semantic and compositional characteristics of original texts that make the employment of historic present in Russian translation more probable, and to the linguistic means that appear in translated texts together with praesens historicum, supporting its use. The idea of clustering grammatical and semantic properties in a text according to its cognitive structure, offered by the Theory of Grounding, can be applied in this analysis together with similar findings of Narratology and Communicative Functional Grammar.

The Theory of Grounding and the ‘Salience’ of Historic Present

The distinction between figure and ground, offered in Gestalt psychology, was used in textual analysis already in the middle of the 20th century [LABOV, WALETZKY 1967], but the linguistic underpinnings for the Theory of Grounding were thoroughly described only later, in the famous work by P. Hopper and S. Thomson [HOPPER, THOMSON 1980]. As the authors state in the article, “the distinction between foregrounded and backgrounded parts of a text [. . .] is perhaps the most basic one that can be drawn” [IBID.: 280]. Studying the characteristics of foregrounded clauses and describing the “cluster of properties” that help to highlight core information and constitute the “skeleton” of a narrative, Hopper and Thomson draw attention to the correspondence of

these properties to the means, rendering higher transitivity to a clause. The described cluster includes semantic (kinesis, punctuality, volitionality, affirmation) and formal (aspect, mode) characteristics of a predicate and the requirements for participants: subject (preferably agentive) and object (individuated and affected by the action expressed in the predicate). This set of markers reflects the idea that the ‘typical’ foreground in a narrative denotes dynamic, telic, controlled actions made by active, mostly animate, participants.

Illustrating the interrelations between transitivity and grounding, Hopper and Thomson use the material of many languages, including English and Russian (and also Malay, Chinese, French, Hindi, Samoan, and others). They suggest that “the foregrounded / backgrounded distinction is a universal—having its origins in central communicative and perhaps psychological functions” [IBID.: 283]. Describing the aspect of a verb as a grounding factor, the authors mention that “the discourse imposes a perfective interpretation on foregrounded events.” According to their data, 88% of the foregrounded clauses (compared to 27% of the backgrounded clauses) in the analyzed texts include a perfective predicate. Perfectiveness in different languages is semantically associated with telicity, and the boundaries for each action “provided by the progression of the discourse” are supported by the morphological category of aspect, if a language possesses one. Hopper and Thomson do not comment on the tense-aspect relations in different languages, and in their texts the foregrounded forms stand only in the past tense. Praesens historicum forms are not analyzed. There are two important comments to be made here. First, the authors stress the idea that “there is no single marker of foregrounding,” so any morphological feature can be interpreted as a grounding factor only within its specific context. Second, the corpus of the texts analyzed by Hopper and Thomson includes simple narratives (biographies, historical texts, travel stories), and not, as they say, “highly-polished” belletristic writing, which is why some stylistic devices employed in fiction are not discussed in their analysis. Nevertheless, the cluster of grounding properties described in their work seems highly convincing and applicable in the analysis of different types of discourse.

Many scholars have employed the Theory of Grounding in discourse and translation studies, although few works have included substantial Russian material in this research. C. V. CHVANY in several articles [1985A; 1985B; 1990] presented the idea of ‘Salience Hierarchy’ of linguistic means used in English, Russian, and Bulgarian texts, and described the phenomenon of grounding not as a dichotomy, but as a scale. Each clause in the text acquires points for having salient features, semantic or formal. These features correspond to Hopper and Thomson’s list of properties, but they are presented as scales also. For example, telicity and punctuality of a predicate are interpreted in the context of the situation type: State (0 points)—Habit (1 point)—Activity

(2 points)—Event / Achievement (3 points)—Accomplishment / Culmination (4 points).¹ Taking into account the special features of Slavic grammar, the author assigns more points to Transitive sentences than to Impersonal sentences. The elaborated scale of syntactic subordination attributes salience to the main clause, whereas different kinds of subordinates and embeddings (participles, predicate nominal, etc.) are assigned a lesser point value.

Chvany adds a new ‘axis’ in the list of grounding properties, dialogue vs. narrative, which reflects the foregrounding effect of direct speech. She also offers to add a point for present tense in narration. For our current study this innovation is highly relevant. It explicates the salience of deictic means (*ego-hic-nunc*) employed in the text and highlights the special foregrounding function of praesens historicum forms (which are imperfective in aspect but denote telic actions). Of course, not all present forms in the narration are equally prominent. In the article “Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called ‘Perfect of Result’ in Modern Russian,” Chvany makes the exact distinction between ‘neutral’ historic present, used to retell the plot of the story or a person’s biography, and foregrounding ‘dramatic present,’ used in contrast with the context in the past narrative as a cinematic ‘close-up’: *Vyshel starik na bereg i govorit . . . ; Devochka voshla v domik i vidit . . .* [CHVANY 1990: 224]. Chvany tests her scheme in the comparative analysis of a prose text by Marina Tsvetaeva (which is partly narrative and partly non-sequential) and its English and Bulgarian translations, explicating differences in salience of the linguistic means used. This is the first implementation of Saliency Hierarchy to a comparative study based on Russian material.

The idea of markedness of present verb forms in a narration becomes central in the studies of S. Fleischman, who considers grounding as a textual function used for “signaling levels of salience or information relevance—for creating texture within text” [FLEISCHMAN 1990: 6]. Remodeling the scheme offered by Hopper and Thomson, Fleischman introduces new properties of grounding in the text. These are: temporal sequence, human importance, causality (significance in developing the plot), and unpredictability/unexpectedness. As we can see, the psychological salience of events moves into the focus of the present research. Analyzing French medieval narratives, Fleischman points out the interrelation of these semantic properties in the foregrounded clauses, which include present tense forms: “He gives him his word; and Aucassin puts him on a horse, and himself mounts another, then led him away until he reached safety.” The author draws us to the conclusion:

The function of tense forms in narrative is frequently not the basic tense function of temporal reference, which in most narrative forms is established a priori as past.

¹ Chvany refers to the adaptations of Z. Vendler’s classes “in light of Slavic grammatical systems” discussed by R. BRECHT [1985].

Rather, tense contrasts may be pressed into pragmatic service in the organization of narrative discourse [IDEM 1985: 851].

Fleischman is sure that within the narrative text, present becomes a marked tense, in contrast to everyday communication, where this form is usually perceived as unmarked, neutral. According to the author's observations, the present form is employed in many languages to do the 'textual' work of foregrounding, because it helps to create a special effect:

... by abandoning the distanced, dispassionate posture of the historian and representing material in the fashion of an eyewitness observer, a narrator communicates to an audience that the information reported in the present tense clauses (events or description) is deserving of attention [IDEM 1990: 356].

Developing the study of cognitive and pragmatic aspects of grounding, N. KOYAMA [2004] relates Fleischman's criteria to the basic notions of Deictic Shift Theory [DUCHAN ET AL. 1995]. The deictic center ("the moving spacetime location from which the sentences are interpreted" [SEGAL 1995: 15]) includes four components in this research: WHO—WHEN—WHERE—WHAT, the last one described as "an object of intention by a WHO." This change of the traditional triad (*ego-hic-nunc*) into the four-element scheme correlates with the Theory of Grounding, where the strong relation between the subject and the object of an action is a salient feature. The Deictic Shift Theory incorporates some narratological ideas, for example, it postulates an opposition of the focalizing WHO (a perceiving subject, through whose eyes the events are seen) and the focalized WHO (the subject being the focus of the reader's attention). This opposition is spread onto the temporal deictic elements: "the focalizing WHEN is linguistically realized in the unmarked past tense sequentially connecting one event to another [. . .] A new time frame is introduced as the focalized WHEN, which is projected from the *story-now* time frame established by the focalizing WHEN" [KOYAMA 2004: 8]. Analyzing modern Japanese narrative, Koyama makes the observation that grounding and deixis are "in fact two sides of the same coin." The shifts of deictic center (according to any of the three main deictic axes) are crucial elements of the narration which attract the reader's attention and stimulate his or her cognitive activity in interpreting the text. Among the number of foregrounding linguistic means that are found in such segments of the analyzed texts, *praesens historicum* is one of the most widespread. "But why use 'historic present' if only it tags temporally sequenced narrative segments in the same way as past forms? The use of present in temporal order highlights a sense of *ongoingness* in addition to foregrounding the skeleton of the story. [. . .] It projects a strong sense of being there—for readers to be vicariously at the very time and place of event" [IBID.: 23]. The author describes historic present as one of the "fundamental (but not universal) features of Japanese foregrounded segments."

These observations can be compared to the idea expressed in the article “The historical present in Charlotte Brontë’s novels: Some discourse functions” by L. J. Brinton. Praesens historicum realizes its function in a text “not by making an event present, but by marking segments of a narrative, foregrounding events (that is, signalling that one event is particularly important, relevant to others) and marking a shift to evaluation” [BRINTON 1992].

In summary, we can highlight several important aspects that the Theory of Grounding (in its various modern versions) adds to the traditional view of praesens historicum in a text. First of all, considering the form and its usage in terms of textual salience, the potential to draw the reader’s attention, the Theory of Grounding focuses on key pragmatic functions of historic present. Second, it stresses the essential relation of this form to the range of deictic means that serve as devices of focalization in a narrative. And third, it gives an opportunity to look at the grammar and lexical context of historic present from a new angle, observing the different linguistic means that work in tandem with this verb form in foregrounding certain segments of a text.

Pragmatics of Praesens Historicum: Russian Narratology and Functional Grammar

Present narrative forms have traditionally attracted a great deal of attention in Russian poetic, stylistic, and linguistic studies. The variety of terms, or ‘labels,’ suggested to denote this phenomenon (among them “vivid, pictorial present” [ПЕШКОВСКИЙ 1927: 208], “narrative present” [ГРАММАТИКА 1954: 484], “descriptive present” [РОЗЕНТАЛЬ, ТЕЛЕНКОВА 1976: 194], and “imaginary present” [КРУГОСВЕТ 1997–2016]) can give an idea of the different approaches to interpretation of the form and its usage. It has been noted that the forming and functioning of praesens historicum is connected to the aspectual characteristics of Russian verbs [МАСЛОВ 1984; БУЛЫГИНА, ШМЕЛЕВ 1997; ЗАЛИЗНЯК, ШМЕЛЕВ 2000; ПЕТРУХИНА 2009]. Correlating members of aspectual pairs have been described according to their semantic and grammatical potential (e.g., *печь* (process)—*испечь* (accomplishment); *ударять* (process, consisting of multiple events)—*ударить* (one event); *понимать* (state)—*понять* (event), and so forth): if the member of the pair in the perfect aspect denotes an event, the verb in the imperfect aspect can acquire the same meaning in present narrative context.

Some of the approaches to the study of praesens historicum can be described as being ‘based on grammar,’ that is, focusing on the linguistic transposition of present form used to denote a past event in various contexts; other approaches can be described as being ‘based on text,’ focusing on the general compositional (poetic, stylistic) and pragmatic effects of the use of historic pres-

ent. The first group of studies highlights the contrast of the present tense form to the surrounding context, which semantically and grammatically refers to the past [БОНДАРКО 1971; МАСЛОВ 1984; ИВАНОВ 2001]. Language elements that are in contrast, or in ‘conflict,’ with present tense are pointed out and thoroughly characterized. The second group relates the use of praesens historicum to a specific point of reference within a special perspective chosen by the author. B. A. Uspenskij writes in his *Poetics of Composition* that “each time a present tense form is used, there is a synchronic authorial position, that is, the author is located, so to say, in the same time as the described character” [УСПЕНСКИЙ 1970: 97]. E. V. Paducheva adds a very important observation: “The difference between the use of present and past tense forms has to do not with the narrator’s view of the events, but with the relationship between the narrator and the reader: present tense, so to say, includes the reader in a dialogue, locates him or her in the described space and time where the narrator² is also present, whereas past form moves the narrator—and the described situation—away from the reader” [ПАДУЧЕВА 1996: 289]. Using the terms of Deictic Shift Theory, we can say that in a case in which historic present is used, the reader is allowed to enter into the deictic center of the narration, into the spacetime of the events.

This view leads to a study of language means that verbalize the deictic center and its shifts in the text. Contemporary Russian linguistic theories, developing the ideas of A. Potebnya, K. Bühler, B. Russell, C. Bally, E. Benveniste, and V. Vinogradov, suggest a range of concepts to study these means. They offer taxonomies of “shifter categories” [ЯКОБСОН 1972: 100], “egocentric elements” [ПАДУЧЕВА 1996: 258], and “actualizing categories” [ШМЕЛЕВА 1984: 82]. Russian Functional Communicative Grammar describes the use of deictic words in different text types, opposing perception to interpretation and generalization [ЗОЛОТОВА ET AL. 1998: 29–30]. Historic present appears in text segments describing perception, it co-acts with Russian deictic pronouns, prepositions, and particles, words denoting visual, audial, tactile, and other impressions from the real or imagined events. It is employed in syntactic models that present actions happening at an exact (that is, a specific) place and time. Russian Functional Communicative Grammar offers a description of morphological, syntactical, and lexical elements used in narratives that present perception of events, and this is very helpful for studying the contexts where praesens historicum appears.

The other important taxonomy, offered by V. V. Vinogradov and elaborated by Functional Communicative Grammar, concerns textual functions of Russian tense-aspect forms. Past forms in perfective aspect realize ‘aoristic’ (denoting singular telic actions) and ‘perfective’ (denoting changes of states) functions that design the figure (foreground) of the story and move the plot forward,

² By the “narrator” here, Paducheva means a focalizing WHO that is attributed to the speaker, through whose eyes we can see the described events in the narrative.

whereas past forms in imperfective aspect denote processes or habitual actions and “outline the wide contours of the past” [ВИНОГРАДОВ 1936: 138], and see also [ЗОЛОТОВА ET AL. 1998: 27–28]. The use of praesens historicum forms creates a special case: the imperfective aspect here can denote telic, punctual actions: “Я **сажаю** ее, бледную, дрожащую, в санки, **обхватываю** рукой и вместе с нею **низвергаюсь** в бездну . . .” (From “A Joke” by Anton Chekhov: ‘I seat her, pale and trembling, in the sledge, put my arm around her and together with her plunge into the abyss’³). The verb forms in bold are building the ‘skeleton’ of the story, moving it forward. Although usually attributed to the past tense forms in perfective aspect, this foregrounding, plot-building role can be realized by historic present, which makes the events even more salient by the “subjective shift of temporal perspective” [ВИНОГРАДОВ 1947: 573].

We can see that these ideas about the textual role of historic present and characteristics of its context are comparable to the findings of the Theory of Grounding and Deictic Shift Theory. The description of textual functions of Russian tense-aspect forms together with special grammar and lexical means locating the deictic center and marking the shifts of the ‘point of view’ in the narration, which is offered by Russian Functional Communicative Grammar studies, enables the researcher to carry out an analysis of focalized and foregrounded segments of Russian narratives.

The Theory of Grounding has not been widely applied to Russian material (and the works by P. Hopper and S. Thomson, S. Fleishman, C. Chvany, and N. Koyama have not been translated into Russian), so the detailed ‘testing’ of this theory in Russian discourse analysis is a matter for future investigations. But some observations concerning the salience of praesens historicum have already been made, and they are very interesting. E. V. Paducheva points out that present forms can be used instead of past forms in a narrative only if they describe events that are followed by some other events. For example, if we take the final phrase of the story “In a Tram” by M. Zoshchenko: “Через две остановки злополучный пассажир сошел с трамвая” (= ‘On the third stop the irritating passenger got out of the tram’) and change it into historic present: “Через две остановки злополучный пассажир сходит с трамвая” (= ‘On the third stop the irritating passenger gets out of the tram’), we will not be able to use this sentence as the final one, for the reader will remain in suspense, waiting for some further development of the situation. Paducheva supposes that this feature reflects the invariant backgrounding function of imperfective aspect [ПАДУЧЕВА 1996: 289–290]. But another interpretation is also possible here: the narration cannot be finished with the historic present form because of the maximum focalization

³ Compare this back-translation to the variant offered by M. Fell: ‘I **seated** her, all pale and trembling, in the little sled, **put** my arm around her, and together we **plunged** into the abyss’ [Chekhov-Fell 1915].

created in the passage. The reader is located in the spacetime of the events, the character has entered the focus of our attention—and we expect that something should happen to him now. After that we need some device that either takes the reader out of the deictic center of the narration (and this is done in the story by Zoshchenko) or removes this character from the focus of the reader's attention, for example, “Пассажир сходит с трамвая и исчезает за углом” (= ‘The passenger gets out of the tram and disappears around the corner’).

O. K. Iriskhanova, presenting the Theory of Grounding to Russian readers in the monograph *Semantics, Syntax, and the Pragmatics of De-focalization*, points out that the events verbalized in narrative present “acquire the highest saliency” at the level of the text as a whole [ИРИСХАНОВА 2014: 191], and that various linguistic means “support each other” in directing attention to such segments of the narrative. The research in this sphere is continuing, and studying the means and devices of foregrounding in Russian texts [УРЖА 2012], as compared to those in English, can provide more information about the functional potential of Russian grammar.

Russian Historic Present in Comparative Contexts

Praesens historicum is considered as a universal stylistic device “conventionally used (in English and a very wide range of languages) to make the narrative appear more vivid” [HUDDLESTON, PULLUM 2002: 130]; comparative grammar studies, however, do not focus on this form, leaving the description of subtleties differentiating the use of historic present in various languages to stylistics. Turning to investigations in the realm of style, one can easily discover that Russian and English traditions of using historic present are rather different. Sporadic implementation of praesens historicum in Old Church Slavonic translations from Greek before the 14th century (most praesens historicum forms in the Greek originals were translated by forms of the aorist in Old Church Slavonic at that time) shifted to regular use of such forms in later translations [ПЕНТКОВСКАЯ 2008] and in original texts (for example, in chronicles) from the 14th and 15th centuries, and then gradually shifted to a stylistic device [ВИНОГРАДОВ 1947: 572] based on the functional opposition to the past narrative. This method became so widespread that large portions of a literary text could be written entirely in historic present (as in “A Joke” by Anton Chekhov). In English literary narration this device has been more limited, with style and composition guides recommending writers to be cautious with it: “The historical present is one of the boldest of figures and, as is the case with all figures, its overuse makes a style cheap and ridiculous” [ROYSTER, THOMPSON 1919: 179].

In translation, Russian historic present was regularly changed into English past tense forms in the 19th and in the first part of the 20th century (this was the

case, for example, with two English translations of “A Joke” made by M. Fell, in 1915, and C. Garnett, in 1922). Susan Bassnett pointed out a similar trend, citing the monograph *On Translation* by H. Belloc (1931), that recommended “French historic present to be translated into the English narrative tense, which is past” [BASSNETT 2002: 120]. It is interesting that the situation has been changing over the last several decades: narration in present has become more and more popular in various literatures, including English and American [BJORLING 2004], and Russian novels by V. Makanin, L. Petrushevskaya, and others that employ present forms denoting past events are rendered in English by present forms (unlike the translations of Chekhov made a century ago) [УРЖА 2014А].

In comparison, if we turn to 19th- and 20th-century Russian translations of English literature, we observe a typical situation: an English-language narrative employing past tense forms is presented by means of several Russian translated versions, using either past narrative or historic present. But why did some translators prefer present forms while other stuck to narration in the past? What effect does each choice produce? Comparative discourse analysis of Russian translations using or avoiding praesens historicum can give us evidence to describe the pragmatics of this form and its functional context. The role of historic present in foregrounding segments of the narrative and focalizing some information in it can be assessed in different literary genres. We will focus on adventure literature, which addresses both children and adults. Interpreting the original differently, translators change the effect made on the target audience, and the role of historic present in designing the pragmatics of translated discourse can be revealed in the analysis of such material.

Praesens Historicum in Russian Translations of Adventure Literature

For tales and adventure stories the distinction of figure (main events) and ground (details and descriptions) is quite natural, and it is even more significant if the text is addressed to children. A number of scholars of the Theory of Grounding use the image of a pop-up picture book as a metaphor illustrating the structure of narrative discourse, and, as we know, such books are made for young readers, for they visually present adventurous plots. In the adventure genre the readers’ attention is bound to the main line of the story, while the details of the background can be left aside, sometimes being noticed only during a re-reading of the text.⁴

⁴ Interestingly, many translators of adventure literature also pay more attention to the foreground. A special study showed that incorrectness in translating small details of background, such as the character’s hair color or some gestures or states, if they do not mean much for the whole narrative and are not specially marked, occurs much more often than similar mistakes in translating foregrounded elements of adventure texts [УРЖА 2009: 211–216].

The Adventures of Tom Sawyer by Mark Twain can be regarded as a representative case here. Describing their impressions of the book on internet forums, some readers confess that they skipped from one key episode to another when they were reading this book in childhood, while others say that they also liked the descriptions and comments of the author. In the preface to the book, Mark Twain noted that the text was addressed to two types of readers:

Although my book is intended mainly for the entertainment of boys and girls, I hope it will not be shunned by men and women on that account, for part of my plan has been to try to pleasantly remind adults of what they once were themselves, and of how they felt and thought and talked, and what queer enterprises they sometimes engaged in [TWIN 1982: 3].

The novel contains narrative sections and lively dialogues; the foreground is formed by the dynamic actions of the characters and their remarks, while the descriptions of the settings and the customs of the epoch [HILL 1961: 379, POWERS 1973: 311], as well as the ironic comments of the narrator, form the vast zone of background that supports the plot, but requires some additional attention and, so to say, the reader's own experience in life as reference.

In Russia *The Adventures of Tom Sawyer* has always been very popular, and there have been several translations of the text made in the 20th century (M. Nikolayeva [ТВЕН-НИКОЛАЕВА 1901], Z. N. Zhuravskaya [ТВЕН-ЖУРАВСКАЯ 1909], E. A. Kudasheva [ТВЕН-КУДАШЕВА 1911], M. A. Engelgardt [ТВЕН-ЭНГЕЛЬГАРТ 1911], N. L. Daruzes [ТВЕН-ДАРУЗЕС 1949], and K. I. Chukovsky [ТВЕН-ЧУКОВСКИЙ 1950]),⁵ the last two versions being the best known and republished many times. Comparative analysis of these translations shows that in the variant offered by K. I. Chukovsky, the English past indefinite forms and constructions with complex object are translated by Russian historic present much more often than in any other version (54 forms altogether compared to 10 forms used by N. L. Daruzes, 6 forms used by E. A. Kudasheva and Z. N. Zhuravskaya, and 4 forms used by M. A. Engelgardt and M. Nikolayeva), although the original English text lacks present narrative forms.⁶ We find a typical example in the scene at the church, where the Sunday-school superintendent could not find a pupil deserving the reward in the presence of important guests:

⁵ The first version of the translation was published in 1935, although later it was amended and published again in 1950. According to K. Chukovsky's notes, he worked on this text over several decades, starting around 1920.

⁶ There is only one present narrative form in the entire novel. It is used in the phrase by Tom Sawyer telling about the unexpected adventure in the tavern, and this form (with the inversion) marks the spontaneous speech of the hero: "I tried two of the keys, just as soft as I could; but they seemed to make such a power of racket that I couldn't hardly get my breath I was so scared. They wouldn't turn in the lock, either. Well, without noticing what I was doing, I took hold of the knob, and **open comes the door!** It warn't locked!" [TWIN 1982:169].

Mark Twain	And now at this moment, when hope was dead, Tom Sawyer came forward with nine yellow tickets, nine red tickets, and ten blue ones, and demanded a Bible. This was a thunderbolt out of a clear sky.
M. A. Engelgardt	И вот в эту минуту, когда всякая надежда была потеряна, Том Сойер выступил вперед с девятью желтыми, девятью красными и десятью голубыми билетиками и потребовал Библию! Это был удар грома при ясном небе. (And now at this moment, when all hope was lost, Tom Sawyer came forward with nine yellow, nine red and ten blue tickets, and demanded a Bible. This was a thunderbolt out of a clear sky.)
N. L. Daruzes	И в ту самую минуту, когда всякая надежда покинула его, вперед выступил Том Сойер с девятью желтыми билетиками, девятью красными и десятью синими и потребовал себе Библию. Это был гром среди ясного неба. (And at that very moment, when hope left him, forward came Tom Sawyer with nine yellow tickets, nine red and ten blue and demanded a Bible. This was a thunderbolt out of a clear sky.)
K.I.Chukovsky	И вот в ту минуту, когда его надежда угасла, выступает вперед Том Сойер и предъявляет целую кучу билетиков: девять желтых, девять красных и десять синих, и требует себе в награду библию! Это был удар грома среди ясного неба. (And now at that moment, when his hope faded, comes forward Tom Sawyer and produces a whole lot of tickets: nine yellow, nine red and ten blue and demands a Bible in reward. This was a thunderbolt out of a clear sky).

Praesens historicum appears in Chukovsky's translation in the culminations of the narrative, when the plot of the story twists unexpectedly. We can see in the chosen extract that the actions of the main character, denoted by these forms, are dynamic, telic, and controlled, and that they are also influential—involving some objects and other characters. Tom realizes his energetic nature; he changes the world around him and the plot moves forward, keeping the reader in suspense. Semantically and psychologically, the actions of the main hero are foregrounded in all the translations (and in the original as well), but by using historic present Chukovsky makes them more salient. Let us now look at the verbalization of the deictic categories in the segment. The original text contains the words “and now at this moment” that locate the deictic center in the exact time of the event, letting the reader look at the situation through the eyes of Mr. Walters, a Sunday-school superintendent. So, getting to the focalized ‘now’ of the events is realized in the original text lexically, whereas Chukovsky uses a Russian means of verbalizing this device also grammatically.

We find the same change in the translation of scenes surrounded by dialogues, e.g.:

Mark Twain	K. I. Chukovsky	Back translation
<p>Neither boy spoke. [. . .] Then Tom said: “What’s your name?” “‘Tisn’t any of your business, maybe.” [. . .] Presently they were shoulder to shoulder. Tom said: “Get away from here!” “Go away yourself!” “I won’t.” “I won’t either.” [. . .] The new boy took two broad coppers out of his pocket and held them out with derision. Tom struck them to the ground. In an instant both boys were rolling and tumbling in the dirt, gripped together like cats. [. . .] Presently the confusion took form, and through the fog of battle Tom appeared, seated astride the new boy, and pounding him with his fists. “Holler ‘nuff!” said he. [. . .] At last the stranger got out a smothered “‘Nuff!” and Tom let him up and said: “Now that’ll learn you. Better look out who you’re fooling with next time.” The new boy went off brushing the dust from his clothes, sobbing. . .</p>	<p>Оба мальчика <i>встретились</i> в полном молчании. [. . .] Наконец Том говорит: — Как тебя зовут? — А тебе какое дело? [. . .] Наконец они стоят плечом к плечу. Том говорит: — Убирайся отсюда! — Сам убирайся! — Не желаю. — И я не желаю. [. . .] Чужой мальчик вынимает из кармана два больших медяка и с усмешкой протягивает Тому. Том ударяет его по руке, и медяки летят на землю. Через минуту оба мальчика катаются в пыли, сцепившись, как два кота. [. . .] Наконец неопределенная масса принимает отчетливые очертания, и в дыму сражения становится видно, что Том сидит верхом на враге и молотит его кулаками. — Проси пощады! — требует он. [. . .] Наконец чужой мальчик невянятно бормочет: “Довольно!” — и Том, отпуская его, говорит: — Это тебе наука. В другой раз гляди, с кем связываешься. Чужой мальчик <i>побрел прочь, стяхивая с костюмчика пыль, всхлипывая</i>. . .</p>	<p>Both boys <i>met</i> in complete silence. [. . .] At last Tom says: “What’s your name?” “‘Tisn’t any of your business.” [. . .] At last they are standing shoulder to shoulder. Tom says: “Get away from here!” “Go away yourself!” “I won’t.” “I won’t either.” [. . .] The strange boy takes out of the pocket two broad coppers and with derision holds them out to Tom. Tom strikes him by the hand, and the coppers fall to the ground. In an instant both boys are rolling in the dirt, gripped together like two cats. [. . .] At last the confusion takes distinct form, and through the fog of battle it gets seen clearly that Tom is sitting on the enemy, and pounding him with his fists. “Holler ‘nuff!” demands he. [. . .] At last the strange boy gets out a smothered “‘Nuff!” and Tom, letting him up, says: “Now that’ll learn you. Better look out who you’re fooling with next time.” The strange boy <i>went off</i> brushing the dust from his suit, sobbing. . .</p>

In this long passage (it takes three pages in the book, so we present it with some breaks here) Chukovsky makes verbs in present tense perform many textual functions. The highlighted forms translate the original foreground, denoting punctual, telic, sequential actions. (In other Russian translations these actions are verbalized by past forms in perfective aspect, for example, in the version by N. L. Daruzes: *Новый мальчик достал из кармана два больших медяка и насмешливо протянул Тому. Том ударил его по руке, и медяки полетели на землю.* = *The new boy took out of his pocket two broad coppers and with derision held them to Tom. Tom struck him by the hand, and the coppers fell to the ground.*) Other present tense forms in Chukovsky's version denote processes and locations; they design the background and in Russian they can stand only in imperfective aspect. (That is why other translators, who did not change the tense, used past imperfective forms here: *В следующее мгновение оба мальчика катались и барахтались в пыли.* (M. A. Engelgardt) = *In an instant both boys were rolling and tumbling in the dirt.*)

The entire passage in Chukovsky's translation looks like a running commentary, although it borders on narration in the past (see the forms *встретились* 'met' and *побрёл прочь* 'went off' at the beginning and at the end of the passage). What characteristics of the segment inclined the translator to change the past tense forms to present ones? The whole scene of the quarrel is focalized in the original. The word *presently* is repeated to locate the deictic center of the narration in the spacetime of the events. The author uses expressions describing visual and audial perception: *the confusion took form, and through the fog of battle Tom appeared, got out a smothered "Nuff!", both were hot and flushed*, etc. The reader watches the fight through the eyes of the narrator who is imagined to be present at the scene.

Although no present forms are used in the original, there are some 'commenting' phrases without verbs between the characters' statements; they dramatize the passage and look like stage directions: "An uncomfortable pause. Then Tom said . . ." or "Another pause, and more eying and sidling around each other." Twain uses this device four times in the novel. In addition to the description of the fight, these are: the scene where the teacher asks the pupils about the torn book and Tom saves Becky from punishment; the impressions of Huck and Tom watching Injun Joe discovering the buried treasure; and the reaction of Becky's mother, who realizes that her daughter had got lost in the cave. All these are the emotional 'peaks' of the plot, when the reader forgets his own concerns and sympathizes with the characters with all his heart. These segments are focalized and dramatized to the maximum extent.

It can be supposed that the semantic and pragmatic characteristics of the original text, as it draws the reader into the highly focalized and emotive narration, are reflected in the use of historic present in Chukovsky's transla-

tion. We can be sure that, in this case, we observe a specially chosen device, a translator's strategy implemented on purpose (we will not assess it as good or bad, but as a real fact that can be studied). Children are the target audience of this translation, it is really "intended mainly for the entertainment of boys and girls," and there are several other devices that realize Chukovsky's strategy and support the use of historic present in the text.

1. Growing subjectivity. In the focalized original text, the point of view of the narrator often gets close to the views of Tom, Becky, aunt Polly, and so on. There are cases of free indirect discourse in the novel that help readers to see the situation through the characters' eyes. In Chukovsky's translation, such subjectivity becomes even greater, and Tom becomes the 'focalizing WHO' much more often. The use of nominations can illustrate this. Aunt Polly is sometimes called an 'old lady' in the original (although she is not really very old, having a little son, but she is so from Tom's point of view). Nevertheless the nomination 'aunt Polly' is more widespread. In Chukovsky's translation the common nominations are *старуха* 'old woman' (rude), *старушка* 'old woman' (familiar), and *тётка* 'aunt' (rude), while other Russian translations stick to the variants *старая леди* 'old lady' and *тётя* 'aunt.' So in Chukovsky's variant, not only the relative or temporal but the evaluative meaning is expressed in these nominations, clearly presenting Tom's point of view.⁷ This subjectivity is transferred to young readers of the translation, who sympathize with Tom in his troubles at home.

2. Adding deictic words. Deictic words, such as *тут* 'here,' *там* 'there,' or *теперь* 'now', are translated and sometimes even added in focalized segments of the text, making the readers feel present in the scene:

Mark Twain	K. I. Chukovsky	N. L. Daruzes
Tom did play hookey, and he had a very good time.	Том и в самом деле не ходил нынче в школу и очень весело провёл время. (Tom did play hookey today , and he had a very good time.)	Том не пошел в школу и отлично провел время. (Tom did play hookey, and he had a very good time.)
He had shoes on—and it was only Friday.	На ногах у него были башмаки, даром, что сегодня ещё только пятница (He had shoes on—though today was only Friday.)	Он был в башмаках — это в пятницу-то! (He had shoes on—on Friday!)

⁷ Similarly, Chukovsky prefers the nomination *чужой мальчик* 'strange boy' to *новый мальчик* 'new boy,' in translating the passage analyzed above. The chosen variant expresses Tom's unfriendliness and hostility.

3. Inserting captions in present tense. Chukovsky supplied all chapters of the novel with short, intriguing titles (the original novel was sometimes printed with several little subheadings for each chapter,⁸ but not with titles). These captions mostly have the form of sentences in present tense (“present of nomination” [БОНДАРКО 1971: 74], “present tense in captions” [HUDDLESTON, PULLUM 2002: 129–130]), for example: “Том знакомится с Бекки” (‘Tom meets Becky’), “Том украдкой посещает родной дом” (‘Tom secretly visits his house’), “Тек спасает вдову Дуглас” (‘Huck saves Widow Douglas’), altogether 14 titles in present tense from 35 chapters.

We can see that historic present appears in Chukovsky’s translation as an element of overall strategy. This strategy employs grammatical, lexical, and compositional devices to make the adventure text even more impressive in the eyes of young readers. The original subjectivity and focalization are rendered and sometimes enhanced, and the foreground becomes more salient through Russian grammatical means. Nowadays this strategy can be called adaptive or domesticating [VENUTI 1995], but at any rate, it is very interesting for comparative discourse analysis. It clearly shows the foregrounding potential of Russian historic present and its functional cooperation with deictic words and other means of focalization in the adventure narrative.

Other Data for Historic Present in Russian Translations of Adventure Literature

The corpus examined for this study included Russian translations of prose by E. A. Poe (4 tales; 25 translations), A. Conan Doyle (3 novels; 9 translations), H. G. Wells (5 stories; 9 translations), O. Henry (3 stories; 6 translations), Mark Twain (1 novel; 6 translations), J. K. Jerome (1 novel; 3 translations), P. Travers (1 novel; 2 translations), R. Bradbury (3 stories; 10 translations), and C. S. Lewis (1 tale; 2 translations).

In many cases Russian translators did not stick to a definite strategy for employing historic present in their versions, but the segments in which this form was actually used were semantically foregrounded, denoting sequential, dynamic, telic, controlled actions made by active participants. Original texts provided perceptive contexts with focalizing WHO (a narrator or a hero), so that the use of historic present in Russian translations could allow the reader to join this point of view and get closer to the scene. Making events more salient, historic present did not change them semantically but rather highlighted their role in the plot.

⁸ These subheadings were translated in the version by M. A. Engelgardt.

More consistent use of *praesens historicum* appeared in the translation of *Mary Poppins* (P. Travers) made by B. Zakhoder [ТРЭВЕРС-ЗАХОДЕР 1968] (it was compared to the version offered by M. Litvinova [ТРЭВЕРС-ЛИТВИНОВА 1996]) and in the translation of “The Magician’s Nephew” from *The Chronicles of Narnia* (C. S. Lewis) made by N. Trauberg [ЛЬЮИС-ТРАУБЕРГ 1991] (it was compared to the variant by D. Afinogenov [ЛЬЮИС-АФИНОГЕНОВ 2000]). Both translations preferring historic present (by B. Zakhoder and N. Trauberg) are the first and the most popular Russian versions of these English books. Addressing a children’s audience, translators interpreted the original foregrounded segments, reconstituting focalization by means of deictic words and words denoting visual, audial, and tactile perception [УРЖА 2014Б], and occasionally they employed Russian *praesens historicum* to mark these segments. This device correlates in their translations with insertions of words like *вдруг* ‘suddenly’ or *наконец* ‘at last,’ expressing to children the character’s point of view and marking the unexpectedness or importance of some events; there are also sporadic additions of deictic words like *теперь* ‘now’ and *тут* ‘here,’ indicating growing subjectivity. Both translations interpret captions and proper names more freely than in later translations, making them sound more natural in Russian. All these means, accumulated by translators, are used to attract young readers’ attention throughout the story.

Concluding Remarks

The foregrounding function of *praesens historicum* that is shown so clearly in Russian translations of English-language adventure literature is closely related to the functional and compositional surroundings of the form and the overall strategy employed by the translator in addressing the target audience. Serving as a focalizing tool, historic present cooperates with deictic words in the given context, supports the means that locate the deictic center in the spacetime of the events, and lets the reader join the focalizing character’s view.

Translations that additionally mark the foreground by using historic present are often addressed to young readers. The insertion of historic present forms in these texts is accompanied by the addition of deictic words, expressions signifying suddenness, and perceptive words (denoting visual and audial impressions), which proves the idea of the functional interrelation of these linguistic means in attracting their readers’ attention to the ‘peaks’ of adventure narrative.

Bibliography

Sources

СНЕКНОВ-FELL 1915

ТСНЕКОFF А., *Russian Silhouettes: More Stories of Russian Life*, M. Fell, transl., New York, 1915.

ТWAIN 1982

ТWAIN М., "The Adventures of Tom Sawyer," in: *Mississippi Writings*, New York, 1982.

ЛЬЮИС-ТРАУБЕРГ 1991

ЛЬЮИС К. С., "Племянник чародея", в: ИДЕМ, Н. ТРАУБЕРГ, пер., *Хроники Нарнии*, Москва, 1991, 21–94.

ЛЬЮИС-АФИНОГЕНОВ 2000

Льюис К. С., "Племянник чародея", в: ИДЕМ, Д. АФИНОГЕНОВ, пер., *Хроники Нарнии*, 1, Москва, 5–128.

ТВЕН-НИКОЛАЕВА 1901

ТВЕН М., *Приключения Тома Сойера: Повесть для юношества всех возрастов*, М. НИКОЛАЕВА, пер., Москва, С.-Петербург, 1901.

ТВЕН-ЖУРАВСКАЯ 1909

ТВЭН М., *Приключения Тома*, З. ЖУРАВСКАЯ, пер., С.-Петербург, 1909.

ТВЕН-КУДАШЕВА 1911

ТВЭН М., *Приключения Тома Сойера*, Е. КУДАШЕВА, пер. (= Универсальная библиотека, 466–468), Москва, 1911.

ТВЕН-ЭНГЕЛЬГАРТ 1911

ТВЕН М., М. А. ЭНГЕЛЬГАРТ, пер., "Похождения Тома Сойера. Том Сойер за границей", в: М. ТВЕН, *Полное собрание сочинений*, И. И. ЯСИНСКИЙ, ред., 2–3, С.-Петербург, 1911.

ТВЕН-ДАРУЗЕС 1949

ТВЕН М., ДАРУЗЕС Н., пер., "Приключения Тома Сойера", в: М. ТВЕН, *Избранное*, Москва, 1949, 13–241.

ТВЕН-ЧУКОВСКИЙ 1950

ТВЕН М., ЧУКОВСКИЙ К., пер., *Приключения Тома Сойера*, Рига, 1950.

ТРЭВЕРС-ЗАХОДЕР 1968

ТРЭВЕРС П. Л., "Дом № 17", в: ЕАДЕМ, Б. ЗАХОДЕР, пер., *Мэри Поппинс*, Москва, 1968, 5–105.

ТРЭВЕРС-ЛИТВИНОВА 1996

ТРЭВЕРС П. Л., ЛИТВИНОВА М., пер., *Мэри Поппинс с Вишнёвой улицы*, Москва, 1996.

Literature

BASSNETT 2002

BASSNETT S., *Translation Studies*, New York, London, 2002.

BJÖRLING 2004

BJÖRLING F., "As Time Goes by. . . Tentative Notes on Present Tense Narration in Contemporary Fiction," in: K. GRELZ, S. WITT, eds., *Telling Forms. Essays in Honour of Peter Alberg Jensen*, Stockholm, 2004.

BRECHT 1985

BRECHT R., "The Aspectual Properties of Achievements in Russian," in: M. FLIER, R. BRECHT, eds., *Issues in Russian Morphosyntax* (= UCLA Slavic Studies, 11), Columbus, 1985, 9–34.

BRINTON 1992

BRINTON L., "The Historical Present in Charlotte Brontë's Novels: Some Discourse Functions," *Style*, 26/2, 1992, 221–244.

CHVANY 1985A

CHVANY C., "Background Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text," in: M. FLIER, A. TIMBERLAKE, eds., *The Scope of Slavic Aspect* (= UCLA Slavic Studies, 12), Columbus, 1985, 247–273.

— 1985B

CHVANY C., "Foregrounding, 'Transitivity,' Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose)," *Essays in Poetics*, 10/2, 1985, 1–27.

— 1990

CHVANY C., "Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian," in: N. THELIN, ed., *Verbal Aspect in Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 1990, 213–235.

DUCHAN ET AL. 1995

DUCHAN J., BRUDER G., HEWITT L., eds., *Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective*, Hillsdale, NJ, 1995.

FLEISCHMAN 1985

FLEISCHMAN S., "Discourse Functions of Tense-Aspect Oppositions in Narrative: Toward a Theory of Grounding," *Linguistics*, 23, 1985, 851–882.

— 1990

FLEISCHMAN S., *Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin, 1990.

HILL 1961

HILL H., "The Composition and the Structure of Tom Sawyer," *American Literature*, 32/4, 1961, 379–392.

HOPPER, THOMSON 1980

HOPPER P., THOMSON S. A., "Transitivity in Grammar and Discourse," *Language*, 56/2, 1980, 251–299.

HUDDLESTON, PULLUM 2002

HUDDLESTON R., PULLUM G. K., *The Cambridge Grammar of the English Language*, Cambridge, 2002.

KOYAMA 2004

KOYAMA N., "Grounding and Deixis: A Comprehensive Approach to the Grounding Phenomenon in Japanese Narrative," *Taiwan Journal of Linguistics*, 2/1, 2004, 1–44.

LABOV, WALETZKY 1967

LABOV W., WALETZKY J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience," in: J. HELM, ed., *Essays on the Verbal and Visual Arts*, Seattle, 1967, 12–44.

POWERS 1973

POWERS L., "The Sweet Success of Twain's Tom," *The Dalhousie Review*, 53/2, 1973, 310–324.

ROYSTER, THOMPSON 1919

ROYSTER J. F., THOMPSON S., *Guide to Composition*, Chicago, 1919.

SEGAL 1995

SEGAL E., "Narrative Comprehension and the Role of Deictic Shift Theory," in: J. DUCHAN, G. BRUDER, L. HEWITT, eds., *Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective*, Hillsdale, NJ, 1995, 3–18.

VENUTI 1995

VENUTI L., *The Translator's Invisibility: A History of Translation*, London, New York, 1995.

БОНДАРКО 1971

БОНДАРКО А. В., *Вид и время русского глагола (значение и употребление)*, Москва, 1971.

Булыгина, Шмелев 1997

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д., “К построению типологии предикатов в русском языке”, в: ЕИДЕМ, *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*, Москва, 1997, 45–112.

Виноградов 1936

Виноградов В. В. “Стиль «Пиковой дамы»”, в: Ю. Г. Оксман, ред., *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, 2, Москва, Ленинград, 1936, 74–147.

— 1947

Виноградов В. В., *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва, Ленинград, 1947.

Грамматика 1954

Виноградов В. В., Истрина Е. С., ред., *Грамматика русского языка*, 2, Москва, 1954.

Зализняк, Шмелев 2000

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д., *Введение в русскую аспектологию*, Москва, 2000.

Золотова et al. 1998

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю., *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва, 1998.

Иванов 2001

Иванов С. В., “Настоящее историческое в современном русском литературном языке: грамматика, прагматика, стилистика” (Диссертация [. . .] канд. филол. наук, Москва, МПГУ, 2001).

Ирисханова 2014

Ирисханова О. К., *Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования*, Москва, 2014.

Кругосвет 1997–2016

“Презенс”, в: *Энциклопедия “Кругосвет”. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия*, 1997–2016 (электронный ресурс; режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/>; последнее обращение: 15.07.2016).

Маслов 1984

Маслов Ю. С., *Очерки по аспектологии*, Ленинград, 1984.

Падучева 1996

Падучева Е. В., *Семантические исследования*, Москва, 1996.

Пентковская 2008

Пентковская Т. В., “Настоящее историческое в Чудовской редакции Нового Завета”, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 4, 2008, 9–29.

Петрухина 2009

Петрухина Е. В., *Русский глагол: категории вида и времени в контексте современных лингвистических исследований*, Москва, 2009.

Пешковский 1927

Пешковский А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, 3-е изд., Москва, 1927.

Розенталь, Геленкова 1976

Розенталь Д. Э., Геленкова М. А., *Словарь-справочник лингвистических терминов*, Москва, 1976.

Уржа 2009

Уржа А. В., *Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики*, Москва, 2009.

—2012

Уржа А. В., “Применение ‘Theory of Grounding’ в изучении синтаксиса и стиля русских переводов прозаического текста”, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 6, 2012, 197–212.

—2014А

Уржа А. В., “К вопросу о функциях форм настоящего времени в современном русском нарративе”, в: *Русский язык и культура в современном образовательном пространстве*, Москва, 2014, 71–73.

—2014Б

Уржа А. В., “Перцептивизация как элемент переводческой тактики”, *Гуманитарный вестник. Серия: Филология, востоковедение*, 4 (40), 2014, 57–62.

УСПЕНСКИЙ 1970

УСПЕНСКИЙ Б. А., *Поэтика композиции (структура художественного текста и типология композиционной формы)*, Москва, 1970.

ШМЕЛЕВА 1984

ШМЕЛЕВА Т. В., “Смысловая организация предложения и проблема модальности”, в: К. В. Горшкова, Е. В. Клобуков, ред., *Актуальные проблемы русского синтаксиса*, Москва, 1984, 78–100.

ЯКОВСОН 1972

ЯКОВСОН Р. О., “Шифтеры, глагольные категории и русский глагол”, в: Б. А. Успенский, ред., *Принципы типологического анализа языков различного строя*, Москва, 1972, 95–113.

References

Bassnett S., *Translation Studies*, New York, London, 2002.

Bjorling F., “As Time Goes by... Tentative Notes on Present Tense Narration in Contemporary Fiction,” in: K. Grell, S. Witt, eds., *Telling Forms. Essays in Honour of Peter Alberg Jensen*, Stockholm, 2004.

Bondarko A. V., *Vid i vremia russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)*, Moscow, 1971.

Brecht R., “The Aspectual Properties of Achievements in Russian,” in: M. Flier, R. Brecht, eds., *Issues in Russian Morphosyntax* (= UCLA Slavic Studies, 11), Columbus, 1985, 9–34.

Brinton L., “The Historical Present in Charlotte Brontë’s Novels: Some Discourse Functions,” *Style*, 26/2, 1992, 221–244.

Bulygina T. V., Shmelev A. D., *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)*, Moscow, 1997.

Chvany C., “Background Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text,” in: M. Flier, A. Timberlake, eds., *The Scope of Slavic Aspect* (= UCLA Slavic Studies, 12), Columbus, 1985, 247–273.

Chvany C., “Foregrounding, ‘Transitivity,’ Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose),” *Essays in Poetics*, 10/2, 1985, 1–27.

Chvany C., “Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called ‘Perfect of Result’ in Modern Russian,” in: N. Thelin, ed., *Verbal Aspect in Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 1990, 213–235.

Duchan J., Bruder G., Hewitt L., eds., *Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective*, Hillsdale, NJ, 1995.

Fleischman S., “Discourse Functions of Tense-Aspect Oppositions in Narrative: Toward a Theory of Grounding,” *Linguistics*, 23, 1985, 851–882.

Fleischman S., *Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin, 1990.

Hill H., “The Composition and the Structure of Tom Sawyer,” *American Literature*, 32/4, 1961, 379–392.

Hopper P., Thomson S. A., “Transitivity in Grammar and Discourse,” *Language*, 56/2, 1980, 251–299.

Huddleston R., Pullum G. K., *The Cambridge Grammar of the English Language*, Cambridge, 2002.

Iriskhanova O. K., *Igry fokusa v iazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia*, Moscow, 2014.

Jakobson R. O., “Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb,” in: B. A. Uspenskij, ed., *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov razlichnogo stroia*, Moscow, 1972, 95–113.

- Koyama N., "Grounding and Deixis: A Comprehensive Approach to the Grounding Phenomenon in Japanese Narrative," *Taiwan Journal of Linguistics*, 2/1, 2004, 1–44.
- Labov W., Waletzky J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience," in: J. Helm, ed., *Essays on the Verbal and Visual Arts*, Seattle, 1967, 12–44.
- Maslov Yu. S., *Ocherki po aspektologii*, Leningrad, 1984.
- Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniia*, Moscow, 1996.
- Pentkovskaya T. V., "The Present Historical in the Chud Redaction of the New Testament," *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 4, 2008, 9–29.
- Peshkovskiy A. M., *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii*, 3rd ed., Moscow, 1927.
- Petrukhina E. V., *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy*, Moscow, 2009.
- Powers L., "The Sweet Success of Twain's Tom," *The Dalhousie Review*, 53/2, 1973, 310–324.
- Royster J. F., Thompson S., *Guide to Composition*, Chicago, 1919.
- Rosenthal D. E., Telenkova M. A., *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov*, Moscow, 1976.
- Segal E., "Narrative Comprehension and the Role of Deictic Shift Theory," in: J. Duchan, G. Bruder, L. Hewitt, eds., *Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective*, Hillsdale, NJ, 1995, 3–18.
- Shmeleva T. V., "Smyslovaia organizatsiia predlozheniia i problema modal'nosti," in: K. V. Gorshkova, E. V. Klobukov, eds., *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa*, Moscow, 1984, 78–100.
- Urzha A. V., *Russkii perevodnoi khudozhestvennyi tekst s pozitsii kommunikativnoi grammatiki*, Moscow, 2009.
- Urzha A. V., "Application of the Theory of Grounding in the Study of Syntax and Style of Russian Translations of Prose Texts," *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 6, 2012, 197–212.
- Urzha A. V., "K voprosu o funktsiakh form nastoiashchego vremeni v sovremennom russkom narrative," in: *Russkii iazyk i kultura v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve*, Moscow, 2014, 71–73.
- Urzha A. V., "Perceptivisation as an Element of the Interpreter's Tactics," *Humanitarian Vector. Series History, Political Sciences*, 4 (40), 2014, 57–62.
- Uspenskij B. A., *Poetika kompozitsii (struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiia kompozitsionnoi formy)*, Moscow, 1970.
- Venuti L., *The Translator's Invisibility: A History of Translation*, London, New York, 1995.
- Vinogradov V. V. "Stil' 'Pikovoi damy'," in: Yu. G. Oksman, ed., *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii*, 2, Moscow, Leningrad, 1936, 74–147.
- Vinogradov V. V., *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*, Moscow, Leningrad, 1947.
- Vinogradov V. V., Istrina E. S., eds., *Grammatika russkogo iazyka*, 2, Moscow, 1954.
- Zalizniak Anna A., Shmelev A. D., *Vvedenie v russkuiu aspektologiu*, Moscow, 2000.
- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu., *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1998.

Анастасия Викторовна Уржа, канд. филол. наук

доцент кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

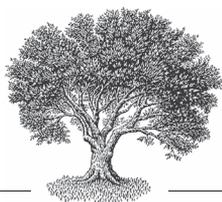
119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ,

1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет

Россия/Russia

aourja@gmail.com

Received January 21, 2016

Аналитическое
будущее время
в языке русских
цыган как калька
с восточно-
славянских языков*

Analytic
Future Tense
in Russian Romani
as a Calque from
Eastern Slavic

**Кирилл Александрович
Кожанов**

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Kirill A. Kozhanov

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье обсуждается развитие аналитического будущего времени в языке русских цыган. В этом диалекте цыганского языка существует особый способ для выражения будущего времени с помощью вспомогательных глаголов *авэ́ла* 'приходить' и *лэ́ла* 'брать, взять'. Развитие этих аналитических конструкций связывается с влиянием восточнославянских языков. В цыганском языке глагол *авэ́ла* также используется как будущее время глагола-связки 'быть', поэто-

* Автор выражает искреннюю благодарность М. В. Ослону за обсуждение предварительной версии статьи, а также за существенные замечания анонимному рецензенту и участникам обсуждения доклада по настоящей теме, представленного на конференции "Системные изменения в языках России" (ИЛИ РАН, С.-Петербург, октябрь 2014 г.) и заседании отдела типологии и сравнительного языкознания ИСЛ РАН (апрель 2015 г.). Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-06-31038 "Создание корпуса языка русских цыган" (руководитель – К. А. Кожанов).

му его употребление в качестве вспомогательного глагола для образования будущего можно трактовать как кальку со славянских конструкций с глаголом *буду*. В статье доказывается, что использование вспомогательного глагола *лэла* является “окаменевшей” калькой со старорусского, в котором глагол *яти* вплоть до XVI в. оставался одним из главных способов для образования будущего времени. Также показывается, что нет чёткого семантического различия между этими двумя конструкциями, предпочтение отдаётся одной из них в зависимости от говора или диалекта. Наконец, советская литература на цыганском языке содержит интересные примеры, иллюстрирующие то, как глагол *лэла* начинает функционировать как будущее время глагола-связки.

Ключевые слова

будущее время, цыганский язык, диалект русских цыган, восточнославянские языки, языковые контакты, заимствование модели

Abstract

This paper discusses the development of the analytic future in Russian Romani. In this Romani dialect, an analytic future tense can be expressed by means of the two auxiliary verbs *avéla* ‘to come’ and *léla* ‘to take.’ This article argues that the development of this analytic future was induced by contact with Eastern Slavic languages. In Romani, the verb *avéla* also functions as the future form of the copula, thus its use as an auxiliary to derive future tense is a calque from the Slavic construction with the verb *budu* ‘I will.’ In the article it is argued that the use of the verb *léla* as an auxiliary is a “fossilized” calque from Old Russian, in which the verb *jati* ‘to take’ was, up to the 16th century, one of the main ways to derive the future tense. It is also shown that there is no clear semantic distinction between the two constructions, and that preference is given to one or the other depending on the areal variety or even idiolect. Finally, Soviet Romani literature offers interesting cases that demonstrate when the verb *léla* begins to function as a future tense copula.

Keywords

future tense, Romani, Russian Romani, Eastern Slavic languages, language contact, PAT(tern)-borrowings

1. Введение

В современных диалектах цыганского языка наблюдается значительная вариативность в том, как выражается будущее время, поэтому некоторые исследователи считают, что в протоцыганском языке будущее время специально не маркировалось, ср., например, [MATRAS 2002: 157].

В языке русских цыган¹ будущее время может быть выражено несколькими способами: во-первых, синтетические “долгие” формы,

¹ В литературе также распространён термин *севернорусский диалект цыганского языка*; на этом диалекте говорят цыгане этнической группы *русска рома*, предки которых переселились в Россию в начале XVIII в.

образуемые с помощью постфикса *-a*, присоединяемого к личным окончаниям,² могут интерпретироваться как в настоящем, так и в будущем времени, ср. *мэ лáva* ‘я беру’ и ‘я возьму’; во-вторых, будущее время могут обозначать аналитические конструкции, которые образуются при помощи вспомогательных глаголов *лэла* ‘брать’ или *авэла* (встречается также вариант с протетическим *й-* — *явэла*) ‘приходить’, союза *тэ* и обычно согласуемого по лицу и числу с субъектом глагола в “краткой” форме настоящего времени,³ ср.:

- (1) а. *мэ л-áva тэ баг-áv*
 я.dir брать-PRS.1SG COMP петь-PRS.1SG
 ‘я буду петь’ досл. ‘я беру/возьму петь’
- б. *мэ ав-áva тэ баг-áv*
 я.dir приходить-PRS.1SG COMP петь-PRS.1SG
 ‘я буду петь’ досл. ‘я приду/буду петь’

Разница между синтетическими и аналитическими формами будущего времени состоит прежде всего в видовой интерпретации: синтетические формы могут использоваться только в перфективном значении (поэтому такие формы иногда называют будущим совершенным, см., например, [Истомин 1900: 58]), тогда как аналитические конструкции обычно описывают прогрессивные и хабитуальные ситуации (поэтому такие формы часто называют будущим несовершенным [ИВІД.: 60–61; СЕРГИЕВСКИЙ 1931: 57–58, 60; ВЕНТЦЕЛЬ 1964: 76]). Не вдаваясь подробнее в семантику глагольных форм, мы можем сказать, что распределение будущего I (т. е. синтетического) и будущего II (т. е. аналитического) в русскоцыганском диалекте сильно напоминает употребление простого и сложного будущего в русском языке. Принципиальное отличие русскоцыганских глаголов от русских состоит в том, что глагольные формы не имеют закреплённой видовой характеристики. Так, двоякую временную интерпретацию имеют в том числе префиксальные глагольные формы: они могут интерпретироваться в будущем времени, ср. *забагáва*⁴ ‘я запою’, *добагáва* ‘я допою’ и т. д., копируя соответствующие русские формы, или в настоящем времени, ср. те же примеры со

² Подавляющее большинство финитных форм настоящего/будущего времени имеют постфикс *-a*. “Краткие” формы без этого постфикса в независимой позиции встречаются крайне редко и обычно обозначают только настоящее время.

³ Отметим, что в целом в цыганском языке инфинитива нет, так что второй глагол, присоединяемый к первому с помощью особого союза и обычно согласуемый с субъектом по лицу и числу, является неким аналогом инфинитивной конструкции, подобно тому, как это устроено в других языках балканского союза, см. [FRIEDMAN 1986].

⁴ Здесь и далее жирным выделяются заимствованные приставки.

значением ‘я запеваю’ и ‘я допеваю’ соответственно, копируя формы славянского вторичного имперфектива.

В общем виде способы выражения настоящего и будущего времени в русском диалекте цыганского языка, а также семантика этих форм отражены в *Таблице 1*.

Таблица 1. Система настоящего и будущего времён
в языке русских цыган

Время	Маркирование	Пример	Видовое значение
Настоящее	основа наст. вр. + личные окончания + <i>-(а)</i>	<i>мэ кэр-áv-а</i> ‘я делаю’ <i>мэ сыкав-áv-а</i> ‘я показываю’	продолжительное, повторяющееся
Будущее I (синтетическое, простое)	основа наст. вр. + личные окончания + <i>-а</i>	<i>мэ скэр-áv-а</i> ‘я сделаю’ <i>мэ сыкав-áv-а</i> ‘я покажу’	перфективное
Будущее II (аналитическое, сложное)	вспомогательный глагол <i>лэла</i> ‘брат’ / <i>авэла</i> ‘приходить’ (“долгая” форма) + союз <i>тэ</i> + настоящее время (краткая форма)	<i>л-áv-а / ав-áv-а тэ кэр-áv</i> ‘я буду делать’	продолжительное, повторяющееся

Далее речь пойдёт только об аналитическом способе выражения будущего времени, и обсуждение будет построено следующим образом: сначала мы рассмотрим происхождение аналитического будущего, в частности, ответим на вопрос, почему в качестве вспомогательных используются именно глаголы *авэла* ‘приходить’ и *лэла* ‘брат’. Затем мы обсудим, существует ли конкуренция между этими двумя глаголами и какие факторы могут быть в ней задействованы. Наконец, образование будущего времени в языке русских цыган будет рассмотрено в более широкой ареальной перспективе.

2. Происхождение сложного будущего со вспомогательным глаголом *авэла* ‘приходить’

Конструкция со вспомогательным глаголом *авэла* ‘приходить’ не упоминается в имеющихся описаниях диалекта русских цыган, ср. [Истомин 1900: 60–61; Сергиевский 1931: 57, 60; Вентцель 1964:

76], но встречается в диалектных текстах, опубликованных В. Н. Добровольским [1908], ср. (3), а также описывается в неопубликованной грамматике цыганского языка того же автора [*IDEM* 1893: лл. 148–149].

- (3) *Мэ ты'-ке пхэн-áva, со ише' фэдьр тут*
 я.НОМ ты-ДАТ сказать-1SG.PRS что ещё лучше ты.АСС
ав-эла тэ жали'н-э.
 приходить-3SG.PRS COMP жалеть-3SG.PRS
 'Я тебе скажу, что ещё лучше тебя [он] будет жалеть' [*idem* 1908: 11].

Данная конструкция не раз фиксировалась нами в речи русских цыган из Смоленской и Новгородской областей, так что нет сомнения в том, что она существует до сих пор.

Кроме основного значения 'приходить', ср. (4), глагол *авэла* также используется как будущее время глагола-связки 'быть', ср. (5).

- (4) *Авь-я вари-сав-ó чав-ó и*
 приходить-3SG.PST INDEF-какой-dir.sg.m парень-dir.sg и
от-лы-я мán-ге ромн-я. . .
 PRF-брат-3SG.PST я-ДАТ жена-obl.sg
 'Пришёл некий парень и отнял у меня жену. . .' [*ibid.*: 23].

- (5) *Колí д-эла о дывэл, сарó 'в-эла шукáр. . .*
 если давать-3SG.PRS ART БОГ.НОМ.SG всё приходить-3SG.PRS хорошо
 'Если даст бог, всё будет хорошо. . .' [*ibid.*: 33]

Таким образом, основываясь на употреблении типа (5), можно заключить, что использование глагола *авэла* в качестве вспомогательного для образования будущего времени, скорее всего, калькирует славянские конструкции с глаголом *буду*.

3. Происхождение сложного будущего со вспомогательным глаголом *лэла* 'брать'

Конструкция с глаголом *лэла* для образования будущего времени впервые⁵ фиксируется в неопубликованной грамматике *М. Григорьева* [1851], ср. (6), а затем описывается во всех последующих грамматиках диалекта русских цыган как основной способ для образования т. н. "несовершенного" будущего времени.

⁵ В имеющихся записях русскоцыганского диалекта более раннего времени контексты с будущим временем не встречаются.

- (6) *ёв л-эла тэ- мар-эс⁶*
 он.dir брать-PRS.3SG COMP бить-PRS.2SG
 ‘он будет бить’ [ГРИГОРЬЕВ 1851: л. 12об.]

Грамматикализация глагола ‘брать’ для выражения будущего времени типологически необычна, ср. [НЕЙНЕ, КУТЕВА 2002: 288; 2005: 105], отчасти поэтому возникновение данной конструкции некоторыми исследователями, см., например, [РУСАКОВ 2004: 31], связывается с употреблением глагола *лэла* ‘брать’ в качестве фазового (начинательного) глагола, ср.:

- (7) *И лы-я тэ бiян-эл и бiянд-я ракл-ор-эс.*
 и брать-3SG.PST COMP рожать-3SG.PRS и рожать-3SG.PST мальчик-
 DIM-OBL.SG

‘И начала [она] рожать, и родила [она] мальчика’ [ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1908: 12].

Иными словами, предполагается, что сложное будущее время в языке русских цыган появилось в результате грамматикализации ингрессивной конструкции, таким образом, оно оказывается в группе перифрастических будущих времён с начинательным значением, ср., например, грамматикализацию глаголов со значениями ‘становиться; начинать’ для выражения будущего времени [НЕЙНЕ, КУТЕВА 2002: 64–65].

В то же время “внутриязыковое” развитие конструкции без какого-либо влияния со стороны других языков кажется маловероятным: диалект русских цыган является сильно интерферируемым и характеризуется всесторонним влиянием русского языка, ср. [РУСАКОВ 2004: 20; RUSAKOV 2001: 313]. Кажется логичным считать, что восточнославянское сложное будущее должно было повлиять на развитие аналогичной по семантике и структуре конструкции в языке русских цыган. Поэтому нам видится абсолютно правильным искать объяснение этой конструкции в контактном влиянии. Так, согласно А. Ю. РУСАКОВУ [2004: 30], на развитие аналитической конструкции в русскоцыганском могла повлиять русская конструкция с глаголом *стану*, а в диссертации А. Тенсера [TENSER 2008: 141, 226] выбор вспомогательного глагола объясняется русской конструкцией типа *возьму сделаю*. В то же время странно ожидать, что при копировании грамматического явления за модель была взята сравнительно редкая для языка-источника конструкция. Так, согласно анализу, приведённому в статье [МОЛДОВАН 2010], конструкция *стати* + инфинитив, хотя, по всей видимости, является общеславян-

⁶ В примере М. Григорьева второй глагол не согласуется с первым (и, соответственно, с субъектом). Такие случаи изредка встречаются в русскоцыганском диалекте (при этом в качестве основной формы по умолчанию обычно выбирается 2 л. ед. ч.) и могут рассматриваться как пример “нового инфинитива”; о новых “инфинитивных” образованиях в цыганских диалектах см. [ВОРЕТЗКУ 1996].

ской, была распространена в разговорном древнерусском языке и несколько активизировалась начиная с XVI в., всё равно была довольно маргинальной. Ожидается, что калькируется широко распространённая конструкция. Также маловероятно, что для калькирования этих русских конструкций был взят другой вспомогательный глагол. Видимо, поэтому высказывалась также точка зрения, согласно которой на развитие сложного будущего со вспомогательным глаголом *лэла* 'братъ' оказал украинский язык, в котором существуют глагольные формы типа *читатиму* 'буду читать', где *-му* — реликт старого глагола *яти* 'взять' [ВОРЕТЗКУ 1999: 174], ср. также [РУСАКОВ 2004: 30].

Хотя гипотеза о калькировании форм с *яти* 'взять' кажется правдоподобной, сложно поверить в то, что на язык русских цыган мог так существенно повлиять украинский язык.⁷ Ответ на вопрос о происхождении цыганских форм с *лэла* нуждается в уточнении.

Прежде всего следует уточнить, когда предки русских цыган оказались в контакте с восточнославянскими языками. Первое свидетельство о цыганах на русскоязычной территории относится к началу XVIII в.: шотландский путешественник Джон Белл, возвращаясь из Китая в 1721 г., остановился в Тобольске и записал местные рассказы о недавно прибывших в город цыганах, кочующих между Польшей и Сибирью [BELL 1788: 205–206]. За 1722 г. упоминается челобитье цыгана Масальского, просящего Сенат отдать ему в ведение всех цыган Смоленской губернии [СОЛОВЬЕВ 1896: 774]. Таким образом, кажется неудивительной часто цитируемая запись из азбуковника XVII в., что цыгане "ест люди вполши а поидоша от нѣмецъ" и следующий из неё вывод о том, что цыгане в то время "не заходили еще въ Россію" [ВОСТОКОВ 1842: 5].⁸ Однако все эти свидетельства предшествуют разделам Польши, так что вполне возможно, что цыгане в восточных частях Речи Посполитой могли оказаться значительно раньше, например, согласно рассуждениям польского историка Л. Мруза, уже в XV в. [MRÓZ 2001: 51]. Логика Л. Мруза следующая: хотя первые документы о цыганах в

⁷ Заметим, что, с одной стороны, в сэрвицком диалекте цыганского языка, испытывавшем наибольшее влияние со стороны украинского языка, сложное будущее также существует, но образуется только при помощи глагола *авэла*, но не *лэла*. С другой стороны, предки русских цыган едва ли когда-либо находились в контакте с украинскими говорами, хотя есть некоторые лексемы, свидетельствующие о возможном пребывании в полесском (?) регионе, ср. заимствования *бѣда* 'беда; тюрьма', *винѣка* 'веник' с рефлексом *ъ>и*, а также вариант глагольной приставки *ви-*.

⁸ Ср., впрочем, недавнюю критику азбуковников как источника для датировки прибытия цыган в Россию, например, [СМИРНОВА-СЕСЛАВИНСКАЯ 2016]. Азбуковники чаще всего были не оригинальными произведениями справочного характера и содержали данные, переведённые из разных других источников (в том числе польских).

восточных частях Речи Посполитой относятся лишь ко второй половине XVI в.,⁹ в них идёт речь уже об оседлых цыганах, что очевидно предполагает более раннее прибытие на эту территорию. По всей видимости, этим же временем стоит датировать первые контакты цыган с восточнославянскими языками.

Диалект русских цыган принадлежит к северо-восточной группе диалектов цыганского языка, которую некоторые исследователи предлагают называть “макродиалектом с крупными локальными разновидностями” [Черенков 2013: 7]: в эту группу также входят диалекты польских, белорусских, литовских и латышских цыган. Чрезвычайно важно, что аналитическое будущее развилось только в диалектах русских и белорусских цыган.

Таким образом, необходимо посмотреть на то, как выражалось будущее время в восточнославянском ареале в XV–XVI вв.

У всех предков современных восточнославянских языков в XIV–XVI вв. одним из основных вспомогательных глаголов для выражения будущего времени был глагол *яти* ‘взять’, см. свидетельства о русском [Борковский, Кузнецов 2006: 285–288], украинском [Бевзенко 1960: 323–327; Нимчук 1978: 293–296; Жовтобрюх et al. 1980: 213–215] и белорусском [Жураўскі 1988: 185–187] языках. Например, по подсчётам М. Юрковского на основе словаря староукраинского языка XIV–XV вв., вспомогательный глагол *имати* (*яти*) используется в более 50% всех форм сложного будущего времени (из них с глаголом *яти* – 48%) [Юрковский 1991: 102].

Важно подчеркнуть, что в литературе традиционно, но ошибочно смешивают глаголы *имѣти*, *имати* и *яти* в качестве вспомогательных для образования будущего времени. Хотя эти глаголы и являются однокоренными (производными от корня **jьm-*), их значение и происхождение различались [Danylenko 2011: 153–155; Юрьева 2009; 2011]. Сложное будущее со вспомогательным глаголом *имѣти* характеризовалось модальным значением необходимости, неопределённости, в то время как конструкции с *яти* не несли дополнительных модальных коннотаций и были связаны с начинательностью [Andersen 2006]. Кроме того, будущее время могло выражаться и другими ингрессивными конструкциями, например, с глаголами *начьну*, *почьну*. Согласно наблюдениям И.С. Юрьевой [2011], глагол *имѣти* для обозначения будущего времени встречается только в книжном стиле, в то время как *яти* в большей степени

⁹ Часто цитируемая виленская доверительная грамота 1501 г., опубликованная Т. Нарбутом [Narbutt 1830: 170–172], как убедительно доказал Л. Мруз, является фальсификацией [Mróz 2001: 47–50].

характерен для делового письма и, по всей видимости, был широко распространён в разговорной речи. При этом в определённый период в инфинитивных конструкциях формы глагола *имати* (при этом не исконные *емлю, емлещи*, и т.д., а новые — *имаю, имаеши* и т. д.) так же, как и формы глагола *яти*, начали соотноситься с глаголом *имъти* (т. е. произошло смешение парадигм), в результате чего у глагола *имъти* “сосуществовали” три разные парадигмы — i) *имамъ, имаши*; ii) *имаю, имаеши* и iii) *имоу, имеши* [ЮРЬЕВА 2011: 80].

Таким образом, сложное будущее с глаголом *лэла*, которое мы встречаем в языке русских цыган, можно трактовать как “окаменевшую” кальку с восточнославянской конструкции с глаголом *яти*: предки русских цыган, оказавшиеся в контакте с восточнославянскими языками в XV–XVI вв., копировали широко распространённую на тот момент конструкцию, а затем эта конструкция закрепились.

4. Конкуренция глаголов *авэла* и *лэла*

Согласно обобщению, приводимому в неопубликованной грамматике В. Н. Добровольского [1893: лл. 150–150об.], вспомогательный глагол *лава* используется с непереходными глаголами, а *авáva* — с переходными и глаголами движения. Однако простой анализ примеров из текстов [ИДЕМ 1908] не подтверждает такого распределения, хотя заметим, что глагол *авэла* в качестве вспомогательного используется чаще.¹⁰

Тем не менее некоторые отличия в семантике двух глаголов можно установить: у конструкций с *авэла* нет никаких дополнительных лексических или модальных контекстов, в то время как у аналитического будущего с *лэла* часто наблюдается дополнительное значение ‘начало действия; вхождение в состояние’, ср.:

- (8) *Придык* *одби* *мирэ* *ромн-я,*
 присмотреть-IMP.2SG там мой жена-OBL.SG.F
 сыр *л-эла* *тэ* *бян-эл!*
 как братъ-PRS.3SG COMP рожать-PRS.3SG
 ‘Присмотри там за моей женой, когда начнёт /будет рожать!’
 [Добровольский 1908: 12].

Хотя вариативность в рамках диалектов русских цыган описана плохо, в целом нет сомнений в том, что используются оба вспомогательных

¹⁰ Запись морфосинтаксической анкеты в г. Смоленске (т. е. из того же региона, что и записи В. Н. Добровольского) в 2013 г. от М. Беловой (1987 г. р., русска рома): сложное будущее представлено лишь формами с глаголом *авáva*, а предложенные примеры с *лава* были оценены отрицательно.

глагола, но в некоторых регионах (или идиолектах) существует тенденция к более частому использованию только одного из них.

В письменном цыганском языке, создававшемся в Советском Союзе в 1920–30-х гг., сложное будущее время выражалось только при помощи глагола *лэла*. В то же время встречаются отчасти курьёзные примеры, когда в результате отождествления цыганского сложного будущего со сложным будущим в русском цыганский глагол *лэла* ‘братъ’ начинает использоваться в качестве будущего времени глагола-связки ‘быть’, ср.:

- (9) . . . *сар-эн-гэ* *л-эла* *дыкх-н-о* *сыр дывэс* —
 весь-OBL.PL-DAT братъ-PRS.3SG видеть-PP-M.DIR.SG как день.DIR.SG
сав-и *бар-и* *бут-ы* *кэр-д-я*
 какой-F.DIR.SG большой-F.DIR.SG работа-DIR.SG делать-PST-3SG
и *кэр-эла* *О-советск-о* *власть*
 и *делать-PRS.3SG* ART-советский-DIR.SG *власть.DIR.SG*
 ‘. . . всем будет видно (= ясно) как день — какую большую работу делала и делает Советская власть’ (Романы зоря, № 1, 1927).

5. Заключение

Сложное будущее время в языке русских цыган развилось под влиянием восточнославянских языков и является ярким примером грамматического заимствования модели (англ. PAT(tern)-borrowing): конструкция с вспомогательным глаголом *авэла* копирует славянские конструкции с глаголом *буду*, а конструкция с вспомогательным глаголом *лэла* копирует широко распространённую в регионе на момент первых контактов цыган с восточными славянами (предположительно в XV–XVI вв.) конструкцию со вспомогательным глаголом ‘возьму’.¹¹ При этом, вероятно, наличие в цыганском языке ингрессивной конструкции с глаголом ‘братъ’ повлияло на употребление сложного будущего с *лэла* в диалекте русских цыган: дополнительное ингрессивное значение у конструкций со вспомогательным глаголом *лэла* отличает их от конструкций с глаголом *авэла*, у которых никакой дополнительной семантики не наблюдается. Стоит также отметить, что калькирование этой восточнославянской конструк-

¹¹ Заметим, что схожее использование глагола *fogni* ‘взять, братъ’ для образования будущего времени в венгерском языке иногда объясняют славянским влиянием [ANDERSEN 2006: 33], хотя такое объяснение вызывает сомнения [DANYLENKO 2011: 154; 2013: 152–153]. В качестве комментария добавим, что венгерская конструкция, в отличие от славянской и русскоцыганской, может также иметь перфективную интерпретацию [PALFFY-MUNORAY 2013].

ции означает, что предки русских цыган должны были оказаться в контакте с восточнославянскими языками не позднее XVI в.

На данный момент в речи русских цыган для образования аналитических форм будущего времени могут использоваться оба вспомогательных глагола, хотя в некоторых вариантах русскоцыганского диалекта, особенно в речи молодых носителей, есть тенденция к употреблению сложного будущего времени только с глаголом 'буду' (очевидно, в результате усиливающегося влияния русского языка). В то же время парадоксальным образом влияние русского языка приводит к дополнительным отличиям в употреблении анализируемых глаголов: так, в письменном цыганском языке 1920–30-х гг. в результате соотнесения цыганского и русского вспомогательного глагола в аналитических формах будущего времени произошла грамматикализация глагола *лэла* как формы будущего времени глагола-связки 'быть'.

В целом аналитическое будущее время, развившееся в языке русских (и белорусских) цыган, представляет собой яркий пример грамматического заимствования, сохранившего конструкцию, утраченную в языке-источнике, и получившего возможность дальнейшего развития в языке-реципиенте.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лица; ART – артикль; COMР – подчинительный союз; DAT – дательный падеж; DIR – прямая основа; F – женский род; FUT – будущее время; M – мужской род; NEG – отрицание; OVL – косвенная основа; PL – множественное число; PP – пассивное причастие; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; SG – единственное число.

Библиография

Рукописи

Григорьев 1851

Григорьев М., *Формы и словарь цыганского языка*, 1851. Хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (С.-Петербург), Р. I. Оп. 9. № 33 (1–2).

Добровольский 1893

Добровольский В. Н., *Киселевские цыганы. Грамматика*, 1893. Хранится в С.-Петербургском филиале Архива РАН, Ф. 87, оп. 2, № 12.

Литература и опубликованные источники

Бевзенко 1960

Бевзенко С. П., *Исторична морфологія української мови*, Ужгород, 1960.

Борковский, Кузнецов 1963/2006

Борковский В. И., Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1963 (репринт: 2006).

ВЕНТЦЕЛЬ 1964

ВЕНТЦЕЛЬ Т. В., *Цыганский язык (севернорусский диалект)*, Москва, 1964.

Востоков 1842

Востоков А., *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума*, С.-Петербург, 1842.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ 1908

ДОБРОВОЛЬСКИЙ В. Н., *Киселевские цыгане*, 1: *Цыганские тексты*, С.-Петербург, 1908.

ЖОВТОВРЮХ ET AL. 1980

ЖОВТОВРЮХ М. А., ВОЛОХ О. Т., САМІЙЛЕНКО С. П., СЛИНЬКО І. І., *Історична граматика української мови*, Київ, 1980.

ЖУРАЎСКИ 1988

ЖУРАЎСКИ А. І., ред., *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, Мінск, 1988.

ИСТОМИН 1900

ИСТОМИН П., *Цыганский язык*, Москва, 1900.

МОЛДОВАН 2010

МОЛДОВАН А. М., “К истории фазового глагола *стать* в русском языке”, *Русский язык в научном освещении*, 1 (19), 2010, 5–17.

НІМЧУК 1978

НІМЧУК В. В., ред., *Історія української мови: Морфологія*, Київ, 1978.

РУСАКОВ 2004

РУСАКОВ А. Ю., “Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе)” (Диссертация на соискание ученой степени д. филол. наук, Институт лингвистических исследований РАН, С.-Петербург, 2004).

СЕРГИЕВСКИЙ 1931

СЕРГИЕВСКИЙ М. В., *Цыганский язык. Краткое руководство по грамматике и правописанию*, Москва, 1931.

СМИРНОВА-СЕСЛАВИНСКАЯ 2016

СМИРНОВА-СЕСЛАВИНСКАЯ М. В., “Формирование «старожильческого» цыганского населения и его интеграция в сословную систему России в XVII–XVIII вв.”, in: Н. КУСНИКОВ, Е. МАРУШИАКОВА, В. РОРОВ, eds., *Roma: Past, Present, Future*, Munich, 2016 (в печати).

СОЛОВЬЕВ 1896

СОЛОВЬЕВ С. М., *История России с древнейших времен*, 4/16–20, С.-Петербург, 1896.

ЧЕРЕНКОВ 2013

ЧЕРЕНКОВ Л. Н., “Цыганская диалектология в России: современное состояние и задачи”, в: К. А. КОЖАНОВ, С. А. ОСКОЛЬСКАЯ, А. Ю. РУСАКОВ, ред., *Цыганский язык в России. Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России: С.-Петербург, 5 октября 2012 г.*, С.-Петербург, 2013, 6–24.

ЮРКОВСКИЙ 1991

ЮРКОВСКИЙ М., “Сложное будущее время в украинском языке XIV–XV вв.”, в: Г. А. ХАБУРГАЕВ, А. БАРТОШЕВИЧ, ред., *Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола*, Москва, 1991, 101–113.

ЮРЬЕВА 2009

ЮРЬЕВА И. С., “Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти* и *начати* (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.” (Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 2009).

- 2011
ЮРЬЕВА И. С., “Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах”, *Русский язык в научном освещении*, 2 (22), 2011, 68–88.
- ANDERSEN 2006
ANDERSEN H., “Slavic Periphrastic Futures. Divergence and Convergence,” in: K. EKSELL, T. VINTHER, eds., *Change in Verbal Systems. Issues in Explanation*, Bern, 2006, 9–45.
- BELL 1788
BELL J., *Travels from St. Petersburg in Russia, to Various Parts of Asia*, 2, Edinburgh, 1788.
- BORETZKY 1996
BORETZKY N., “The ‘New’ Infinitive in Romani,” *Journal of the Gypsy Lore Society. 5th Series*, 6, 1996, 1–51.
- 1999
BORETZKY N., “Grammatical Interference in Romani: Loan Formations for Foreign Categories,” *Acta Linguistica Hungarica*, 46 (3-4), 1999, 169–200.
- DANYLENKO 2011
DANYLENKO A., “Is There Any Inflectional Future in East Slavic? A Case of Ukrainian against Romance Reopened,” in: N. МОТОКИ, ed., *Grammaticalization in Slavic Languages: From Areal and Typological Perspectives*, Sapporo, 2011, 147–177.
- 2013
DANYLENKO A., “Ukrainian in the Language Map of Central Europe: Questions of Areal-typological Profiling,” *Journal of Language Contact*, 6, 2013, 134–159.
- FRIEDMAN 1986
FRIEDMAN V. A., “Romani *Te* in a Balkan Context,” *Językowe studia bałkanistyczne*, 1, 1986, 39–48.
- HEINE, KUTEVA 2002
HEINE B., KUTEVA T., *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge, 2002.
- 2005
HEINE B., KUTEVA T., *Language Contact and Grammatical Change*, Cambridge, 2005.
- MATRAS 2002
MATRAS Y., *Romani: A Linguistic Introduction*, Cambridge, 2002.
- MRÓZ 2001
MRÓZ L., *Dzieje Cyganów-Romów w Rzeczypospolitej XV–XVIII w.*, Warszawa, 2001.
- NARBUTT 1830
NARBUTT T., *Rys historyczny ludu cygańskiego*, Wilno, 1830.
- PALFFY-MUHORAY 2013
PALFFY-MUHORAY N., “Future Reference in Hungarian with and without Future Marking,” *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 19: 1, 2013, Article 17 (available online at: <http://repository.upenn.edu/pwpl/vol19/iss1/17>; last accessed: 15.07.2016).
- RUSAKOV 2001
RUSAKOV A. YU., “The North Russian Romani Dialect: Interference and Code Switching,” in: Ö. DAHL, M. КОПТJEVСКАЈА-ТАММ, eds., *Circum-Baltic languages*, 1, Amsterdam, Philadelphia, 2001, 313–337.
- TENSER 2008
TENSER A., “Northeastern Group of Romani Dialects” (Ph. D. thesis, University of Manchester, 2008).

References

- Andersen H., "Slavic Periphrastic Futures. Divergence and Convergence," in: K. Eksell, T. Vinther, eds., *Change in Verbal Systems. Issues in Explanation*, Bern, 2006, 9–45.
- Bevzenko S. P., *Istorychna morfolohiia ukrains'koï movy*, Uzhhorod, 1960.
- Boretzky N., "The 'New' Infinitive in Romani," *Journal of the Gypsy Lore Society. 5th Series*, 6, 1996, 1–51.
- Boretzky N., "Grammatical Interference in Romani: Loan Formations for Foreign Categories," *Acta Linguistica Hungarica*, 46 (3-4), 1999, 169-200.
- Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1963.
- Cherenkov L. N., "Tsynganskaia dialektologija v Rossii: sovremennoe sostoianie i zadachi," in: K. A. Kozhanov, S. A. Oskolskaya, A. Yu. Rusakov, eds., *Tsynganskii iazyk v Rossii. Sbornik materialov Rabocheho soveshchaniia po tsynganskomu iazyku v Rossii: S.-Peterburg, 5 oktiabria 2012 g.*, St. Petersburg, 2013, 6–24.
- Danylenko A., "Is There Any Inflectional Future in East Slavic? A Case of Ukrainian against Romance Reopened," in: N. МОГОК, ed., *Grammaticalization in Slavic Languages: From Areal and Typological Perspectives*, Sapporo, 2011, 147–177.
- Danylenko A., "Ukrainian in the Language Map of Central Europe: Questions of Areal-typological Profiling," *Journal of Language Contact*, 6, 2013, 134–159.
- Friedman V. A., "Romani *Te* in a Balkan Context," *Językowe studia balkanistyczne*, 1, 1986, 39-48.
- Heine B., Kuteva T., *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge, 2002.
- Heine B., Kuteva T., *Language Contact and Grammatical Change*, Cambridge, 2005.
- Matras Y., *Romani: A Linguistic Introduction*, Cambridge, 2002.
- Moldovan A. M., "K istorii fazovogo glagola *stat'* v russkom iazyke," *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 1 (19), 2010, 5–17.
- Mróz L., *Dzieje Cyganów-Romów w Rzeczypospolitej XV–XVIII w.*, Warszawa, 2001.
- Nimchuk V. V., ed., *Istoriia ukrains'koï movy: Morfolohiia*, Kiev, 1978.
- Palfy-Muhoray N., "Future Reference in Hungarian with and without Future Marking," *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 19: 1, 2013, Article 17 (available online at: <http://repository.upenn.edu/pwpl/vol19/iss1/17>; last accessed: 15.07.2016).
- Rusakov A. Yu., "The North Russian Romani Dialect: Interference and Code Switching," in: Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm, eds., *Circum-Baltic languages*, 1, Amsterdam, Philadelphia, 2001, 313–337.
- Sergievsy M. V., *Tsynganskii iazyk. Kratkoe rukovodstvo po grammatike i pravopisaniiu*, Moscow, 1931.
- Smirnova-Seslavinskaya M. V., "Formirovanie 'starozhil' cheskogo' tsynganskogo naseleniia i ego integratsiia v soslovnuiu sistemu Rossii v XVII–XVIII vv.," in: H. Kyuchukov, E. Marushiakova, V. Popov, eds., *Roma: Past, Present, Future*, Munich, 2016 (in print).
- Tenser A., "Northeastern Group of Romani Dialects" (Ph. D. thesis, University of Manchester, 2008).
- Ventsel' T. V., *Tsynganskii iazyk (severnoruskii dialekt)*, Moscow, 1964.
- Yurkovskiy M., "Slozhnoe budushchee vremia v ukrainskom iazyke XIV–XV vv.," in: G. A. Khaburgaev, A. Bartoshevich, eds., *Issledovaniia po glagolu v slavianskikh iazykakh: Istoriia slavianskogo glagola*, Moscow, 1991, 101–113.
- Yuryeva I. S., "The Infinitive Constructions with the Verbs *Iman'* and *Imou* in Old Russian Texts," *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2 (22), 2011, 68–88.
- Zhovtobriukh M. A., Volokh O. T., Samiylenko S. P., Slyn'ko I. I., *Istorychna hramatyka ukrains'koï movy*, Kiev, 1980.
- Zhuraŭski A. I., ed., *Mova belaruskai pis'mennasti XIV–XVIII stst.*, Minsk, 1988.

Acknowledgements

Russian Foundation for Basic Research. Project No. 14-06-31038.

Кирилл Александрович Кожанов,

канд. филол. наук

Институт славяноведения РАН, Отдел типологии и сравнительного

языкознания, младший научный сотрудник

119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А

Россия/Russia

kozhanov.kirill@gmail.com

Received April 11, 2016

Акрибия
и амелейя, или
Где *быть* доброй
земле?
(грамматика
В. Е. Адодурова
в контексте и без)

Acribia
and Ameleia:
The Context
(or Lack Thereof)
for Vasily
Adodurov's
Grammar

**Андрей Александрович
Костин**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

Andrei A. Kostin

Institute of Russian Literature (Pushkin
House) of the Russian Academy of
Sciences, St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье, помимо необходимых уточнений к новейшей публикации "Anfangs-Gründe der Russischen Sprache" (1731) В. Е. Адодурова (СПб., 2014; под ред. С. С. Волкова и К. А. Филиппова), в том числе в отношении датировки и атрибуции, комментария, полноты указателей и точности в передаче текста, приводятся соображения о принципах издания и изучения памятников петербургской грамматической традиции 1730–1750-х гг. В приложениях публикуется текст записки В. Е. Адодурова о Ъ и Ь (1737), а также предлагаются основные уточнения к публикации рукописной грамматики русского языка Академической гимназии 1738–1740 гг. в издании Б. А. Успенского (Первая грамматика русского языка на родном языке. М., 1975).

Ключевые слова

В. Е. Адодуров, доломоновские грамматики русского языка, 1730-е гг., текстология, комментарий, орфография

Abstract

The article offers some corrections to Vassily Adodurov's *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* (1731), as edited by S. S. Volkov and K. A. Filippov in 2014. There is one thing to note regarding the quality of this edition. On page 7, the editors list the typographical errors they corrected when working with the original text. The list they present has four items and contains a total of six errors, which are actually misreadings by the editors themselves as well as typos they appear to have introduced during the production of the book (including that they cite pages 49 and 51 of the 48-page original). The work, produced by a team of ten, consists of different sections: four prefatory essays; a facsimile reprint of the 1731 original; a rendition into modern typeset with a Russian translation; two indexes; and three supplements. These multiple parts are poorly coordinated and, overall, can be evaluated as ranging from being somewhat acceptable to being defective. The editors knowingly and without any explicit polemics ignore the original conception of the history of Petersburg Academy's Russian grammar in the 1720s and 1730s that was offered by Helmut Keipert (2002) and has been accepted by most scholars. Whereas Keipert's fundamental work presents multiple Russian grammars created in St. Petersburg in this period as the product of collective work, conducted mostly by and for German speakers, the editors of the volume under review tend to see the *Anfangs-Gründe* as an individual work, an "original grammar produced by V. E. Adodurov." Any extensive comparison of the *Anfangs-Gründe* with other early Petersburg grammars would demonstrate the dependence of this short essay on the more profound work of its predecessors. The present edition has almost no commentary; of the five commentaries included in the volume, two are erratic, one is obvious, one shows that the editors are new to the typographical term *custos*, and only one—dealing with Lomonosov's use of examples from the *Anfangs-Gründe* for his *Russian Grammar* (1755)—makes any sense. The German text in modern typeset is extremely poorly prepared: in the first 23 (of 46) pages there are 34 significant typos and omissions that take the place of the 5 typos corrected from the original. This only underscores the observation that the 18th-century German Gothic typeface is obscure for the editors. The two indexes are partly unusable; not only are both full of omissions (the index of Russian examples omits almost 10% of the forms in the original, including more than half of the words starting with the letter Z as well as most of the examples for superlative and even the verb form *byt'*), but furthermore, the 'Index of Grammar Terms' is not what it says it is. The correct title would be 'Index of Latin Grammar Terms,' for it does not include German terms, with the result that there are no listings for terms relating to phonetics, normative style, etc. The text of the 1738–1740 grammar of the St. Petersburg Academy Gymnasium in the final supplement, although carefully retyped from B. A. Uspensky's book (1975), omits all of its commentaries—both explanatory and textological—which leads to presenting without comment letter sequences such as *renniakh*, *imennno*, *navodishish'*, etc. The article also discusses principles for the study and publication of the entire body of works that present

the St. Petersburg grammatical tradition of the period from the 1730s to the 1750s. Appendices to this article include publication of Adodurov's note on *er* and *er'* (1737) and the major corrections to the text of Russian grammar (1738–1740) from the St. Petersburg Academy Gymnasium as published by Uspensky in 1975.

Keywords

Vassily Adodurov, pre-Lomonosov Russian grammars, 1730s, textology, commentary, orthography

Снабди комментарием классика и цифры проставь на полях.
 Так будет читателю внятней, но, чтобы остаться в веках,
 И чтоб прояснить все, что можно, в каждой строке и меж них,
 И чтоб на тебя все ссылались, толкуя классиков стих,
 Добавь приложенья, введение, указатели (штуки три)
 И -слова: после-, преди-, между-, под-, над- и при-.

Из Христиана Моргентерна

В 2004 г. в отзыве на издание “Compendium Grammaticae Russicae” (1730) [КЕЙПЕРТ, НУТЕРЕР 2002] – ключевого памятника ранней академической традиции – Е. Э. Бабаева заметила: “[...] можно сказать, что в последние десятилетия изучение доломоносовских грамматик русского языка стало едва ли не самой бурно развивающейся областью диахронной русистики” [БАБАЕВА 2004: 286]. Действительно, традиция, заложенная Б. А. Лариным и Б. О. Унбегауном, получила взрывное развитие после публикации Б. А. Успенским найденной им в Библиотеке Академии наук рукописной грамматики 1738–40 гг., предположительно атрибутируемой В. Е. Адодурову [УСПЕНСКИЙ 1975]. За прошедшие сорок лет в русских и зарубежных архивах исследователями (в их числе Б. А. Успенский, В. М. Живов, Г. Кайперт и др.) было найдено более десяти “доломоносовских” русских грамматик и материалов к ним, что позволило Б. А. Успенскому уже в 1992 г. говорить, что долгое время представлявшая пустыней область “доломоносовской” русской грамматики была на самом деле зоной активных трудов множества людей.¹ В. Е. Адодуров, главный герой книги Б. А. Успенского 1975 г., приобрел статус одного из ключевых лиц в этом процессе, и не только как автор

¹ “Кажется, описание русского языка было достаточно обычным занятием в первой пол. XVIII в. (особенно для иностранцев). Грамматик этих так много, что в них нетрудно потерять ориентацию” [УСПЕНСКИЙ 1992: 65] (см. перепечатку этой работы: [ИДЕМ 1997: 437–572]).

“первой русской грамматики на русском языке” (той самой рукописи, найденной Б. А. Успенским), но и как автор “первого печатного опыта Петербургской Академии наук в коллективном описании грамматики русского языка” (прелесть грамматических текстов этого периода в том, что почти каждый может в том или ином отношении претендовать на звание “первого”). “Anfangs-Gründe der russischen Sprache”,² изданные Петербургской Академией наук в 1731 г. как приложение к “Немецко-латинскому и русскому лексикону” (т. н. “Вейсманову”), за последние 50 лет очевидно перестали считаться “кратким пересказом на немецком языке” церковнославянской грамматики Мелетия Смотрицкого³ и заслуженно заняли место образца грамматической мысли России в послепетровское время.

Учитывая сказанное, научное издание этого памятника не может не вызывать интереса. Помещенный с помощью скрупулезного комментария в контекст предшествующих и последующих грамматик и параграмматических сочинений (таких, как записка Адодурова о Ъ и Ь 1737 г.; записка Х. Н. Винсгейма о транскрипции 1741 г.⁴ или полемико-грамматические сочинения Тредиаковского, Сумарокова и Ломоносова конца 1740 – 1750-х гг.), тщательно подготовленный текст “Первых начал”, снабженный качественным переводом и указателями, мог бы стать заметным вкладом в изучение “доломоносовских” грамматик. На первый взгляд, новейшее издание “Anfangs-Gründe” [Волков, Филиппов 2014] производит впечатление именно такого – добротного и фундированного – труда: читатель найдет здесь и репринт оригинала, и передачу его современным шрифтом, и перевод, и два специальных указателя, и четыре предваряющих статьи, и список литературы на 156 пунктов, и три приложения. К сожалению, внимательное ознакомление с книгой обнаруживает, что добротность эта лишь кажущаяся, а немногие положительные стороны издания почти полностью заслоняются многочисленными мелкими огрехами, досадными ошибками и неудачными решениями.

а) Датировка и атрибуция

При всей неловкости от необходимости проговаривать прописные истины приходится начать разбор именно с них. Атрибуция и датировка публикуемого текста – обязательный элемент научного издания.

² Здесь и далее текст источников цитируется по современным орфографическим и пунктуационным нормам. Помимо специально оговоренных случаев, исключения делаются для текстов в цитатах из новейших исследований и грамматических примеров.

³ Так (ошибочно) это сочинение охарактеризовано в [Ломоносов 1952: 859].

⁴ Атрибуцию см. в *Приложении 1* (прим. IX) к настоящей работе.

Мы можем с детства знать, что “Во глубине сибирских руд. . .” написано Пушкиным при отъезде в Сибирь жен осужденных участников декабрьского восстания 1825 года, но исследователь, готовящий это стихотворение для академического издания, обязан указать, на основании каких свидетельств (в отсутствие автографов и прижизненных публикаций) текст считается бесспорно пушкинским, а также уточнить его датировку по нескольким противоречивым источникам (от этого зависит, например, оценка свидетельства Е. П. Ростопчиной об экспромтном характере стихотворения) [Рогова 1991; Зубков 2009]. Подобные указания тем более необходимы, когда речь идет о тексте, опубликованном анонимно, свидетельства и исследовательские мнения об авторстве и времени создания которого неоднозначны.

Новейшие издатели русской печатной грамматики 1731 года ограничиваются в отношении ее атрибуции и датировки единственной фразой: “Трактат «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» был написан студентом⁵ Академического университета Василием Евдокимовичем Адодуровым между 1729 и 1731 гг. и опубликован в Санкт-Петербурге в 1731 г.” (с. 7);⁶ никаких свидетельств или отсылок к исследованиям, подтверждающим эти сведения, в книге не приводится. Между тем, они не только не вполне точны, но и очень отчетливо показывают один из основных изъянов книги – игнорирование находок, сделанных исследователями доломоновских русских грамматик после книги Б. А. Успенского 1975 г., в результате чего авторами создается образ В. Е. Адодурова как выдающегося научного гения, закладывающего в том числе основы русской грамматической мысли.

Следует отметить, что служебных документов петербургской Академии наук, относящихся ко времени подготовки и издания “Вейсманова лексикона” и указывающих на причастность Адодурова к созданию “Anfangs-Gründe”, не известно. Долгое время атрибуция эта считалась основанной на предании; лишь в 1975 г. Б. А. Успенский предположил, что достаточным и “вполне достоверным” является позднейшее указание Г. Ф. Миллера в “Истории Петербургской Академии наук”, сообщающего: “[В приложении к номеру Санкт-петербургских ведомостей от

⁵ Именован Адодуров студентом для 1731 г., когда были созданы “Anfangs-Gründe”, связано с терминологической проблемой: после 1729 г. в штатных и платежных ведомостях он, как и другие сотрудники Академии наук, ранее фигурировавшие как “студенты”, не упоминается в этой должности ни разу; в любом случае, объем этого понятия никак не связан с современным – в 1731 г. Адодуров, как и другие “студенты”-сотрудники, не слушал лекций [Костина 2016]. Более корректным было бы выражение “сотрудник, исполняющий переводческие обязанности”.

⁶ Здесь и далее (кроме *Приложения 2* и прим. 25) номер страницы в скобках отсылает к рецензируемому изданию.

21 декабря 1728 г.] было также указано, что еще находятся в печати: [. . .] немецкая и русская грамматика, которая уже почти готова. Начато также печатание немецкого, латинского и русского лексикона [. . .] Автором (Verfasser) указанной грамматики был г-н Адодуров. Она состояла всего в нескольких листах, и хотя содержала лишь начальные основания русского языка (Anfangsgründe der russischen Sprache), но не была лишена своих достоинств. Ее напечатали в 4^о, чтобы приплести к словарю” [Миллер 1890: 170].⁷ Полная достоверность этого свидетельства (особенно – его датирующей части)⁸ может быть оспорена, и в первую очередь – ввиду находок и исследований Г. Кайперта конца 1980 – начала 2000-х гг., увенчавшихся изданием в 2002 г. рукописной грамматики “Compendium Grammaticae Russicae” 1731 года [Кейперт, Нутерер 2002]. Этот текст, представляющий собой первые разделы обширной русской грамматики, сохранившийся в записи на немецком языке и выправленный несколькими почерками сотрудников Академии наук (основная часть предположительно принадлежит М. Шванвицу; многочисленные исправления и дополнения сделаны неидентифицированным “красным глоссатором” – И.-Д. Шумахером или другим представителем руководства Академии, а также Адодуровым), интересен тем, что он показывает, а) насколько коллективной и важной в том числе для руководства Академии наук была работа по созданию русской грамматики в первые годы существования этого учреждения; б) что ключевую роль в этой работе играли не “природные” русские, а выходцы из немецкоязычных земель; в) что опубликованные в составе “Вейсманова лекси-

⁷ Оригинал на нем. яз.; перевод мой; ср. пер. Б. А. Старостина: [Миллер 2006: 588]. Б. А. Успенский лишь ссылается на этот отрывок, не цитируя его [Успенский 1975: 8, прим. 2]. Стоит привести оригинальный текст газетного объявления (немецкий – в оригинальной орфографии): “Sonst sind noch würrklich unter der Preße[. . .] eine Teutsche und Rußische Grammatic, welche beynahe völlig fertig ist. Auch hat man angefangen an einem Teutschen, Lateinischen und Rußischen Lexico” [SPZ 1728: 440]. “В прочем, печатается еще [. . .] немецкая и российская грамматика, которые почти совсем готовы. Такжеде начат немецкий, латинский и российский лексикон” [СПьВ 1728: <3>].

⁸ Свидетельство Миллера предполагает как существенную часть атрибуции тождество между напечатанными в 1731 г. “Anfangs-Gründe” и грамматикой, о которой в газетном объявлении конца 1728 г. сообщалось, что она уже почти готова (немецкая фраза “welche beynahe völlig fertig ist” относится бесспорно к единственному сочинению – грамматике русского языка на немецком языке (“Teutsche und Rußische Grammatic”; ср. образованное по той же конструкции название изданной по-французски первой петербургской печатной грамматики русского языка – “Grammaire Française et Russe en Langue moderne” (1730)). Исследования Г. Кайперта показали, что подобное отождествление невозможно: “Anfangs-Gründe” были написаны не ранее 1731 г., поскольку не только в значительной степени основаны на коллективном “Compendium Grammaticae Russicae”, в работе над которым Адодуров выступал консультантом, а не автором, но и учитывают внесенную в “Compendium” в начале 1731 года редакторскую правку неизвестного “красного глоссатора”.

кона “Anfangs-Gründe” были в своей основе сокращенным изложением обширной коллективной грамматики, причем подготовленным в очень сжатые сроки (хронологическая последовательность двух грамматик бесспорна: сперва, не ранее начала 1731 г., был создан “Compendium”, и лишь затем — с учетом предложенных в нем уточнений, не позже 1 июня того же года⁹ — “Anfangs-Gründe”).

Как показывает Г. Кайперт, сам факт того, что Адодуров был лицом, отвечавшим за текст “Anfangs-Gründe”, не вызывает сомнения; между тем, работа его ни в коем случае не может оцениваться как самостоятельный труд: “Когда Адодуров в своем отчете в Академию 1737 г. ясно говорит, что он “verfertiget” (в русском параллельном тексте “сочинил”) “Anfangs-Gründe”, ему не могло не быть очевидным, что он стоит на плечах Пауса и Шванвица, которые, в свою очередь, не пускаясь в детали, также более или менее заимствовали “из различных авторов”. “Compendium”, являясь источником удивительно большого числа фрагментов “Anfangs-Gründe”, убеждает нас, что называть их принятым выражением “адодуровская грамматика” в смысле безусловного, распространяющегося на весь текст авторства, недопустимо” [КЕЙПЕРТ, НУТЕРЕР 2002, 122]. Говоря об отчете 1737 г., Г. Кайперт имеет в виду рапорт, поданный Адодуровым И. А. Корфу в 1737 г. В немецком тексте этого отчета, написанном собственной рукой Адодурова, труд над грамматическим приложением к “Вейсманову лексикону” описан так: “zum Beschluß desselben [Lexico] eine kurtze Rußische Grammatic unter dem Titel: Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache, verfertiget” [КЕЙПЕРТ, НУТЕРЕР 2002, 29].¹⁰ Передача слова “verfertiget” (подготовил) в русском варианте отчета словом “сочинил” (“сочинил я напечатанную при оном лексиконе сокращенную русскую грамматику на немецком языке, которая имеет следующий титул: Anfangs-Gründe der Russischen Sprache” [СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 1, № 860, л. 35 об.–36]¹¹) не должна вводить в заблуждение. В XVIII веке сочетаемость и значение глагола “сочинить” были намного шире, чем в современном языке; значение творческого

⁹ Этим числом датировано предисловие к Вейсманову лексикону, где “Anfangs-Gründe” упоминаются как готовая часть словаря.

¹⁰ Ориг.: СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 1, № 860, л. 24 об.–25. Г. Кайперту, как и новейшим публикаторам “Anfangs-Gründe”, осталась неизвестна его публикация Ю. Х. Копелевич [КОПЕЛЕВИЧ 1990], содержащая указания и на ряд других материалов, важных для биографии Адодурова. Поскольку текст цитат подготовлен мною по рукописи до знакомства с этой статьей, приводящей лишь русский текст отчета, при цитировании использована двойная отсылка. Впервые отчет упомянут и использован П. П. Пекарским [1870: 507].

¹¹ Русский текст отчета записан писарским почерком; утверждать однозначно, что он составлен самим Адодуровым, а не переведен канцелярским переводчиком с немецкого, нельзя.

акта вовсе не было для него дефинитивным, что демонстрируют и употребление в рассматриваемом документе.¹²

Доводы Г. Кайперта о коллективном, а не индивидуальном, авторстве “Anfangs-Gründe” были приняты исследователями доломоновских грамматик; во всяком случае, печатные споры с ним по этому вопросу мне не известны; все авторы рецензий на издание “Compendium’a”, упоминающие “Anfangs-Gründe”, используют формулировки, тщательно обходящие вопрос авторства.¹³ Положение о непосредственной зависимости печатной грамматики 1731 г. от “Compendium’a” (но, по видимому, не о коллективном авторстве) было принято ранее и одним из авторов новейшего издания “Anfangs-Gründe”, его ответственным секретарем Н. В. Каревой, в работах которой 2011 г. можно встретить утверждение: “«Compendium Grammaticae Russicae» послужил основой для краткого грамматического очерка В. Е. Адодурова «Anfangs-Gründe

¹² “Сочиненные на немецком языке счеты” (in Teutscher Sprache **geführte** Rehnungen); “Кроме означенных трудов перевел я [. . .] при втором издании немецкия грамматики **сочинил** новый **перевод** оных” (Nächst diesem sind noch folgende Piesen von mir ins Russische **übersezet worden**: [. . .] Die zum Gebrauch des hiesigen Gymnasii ververtigte Teutsche Grammatic, wie dieselbe zum zweyten mal aufzugelet wurde); “описание **сочиненных от Исаака Брукнера** универсальных солнечных часов” (**Isaac Bruckners** Beschreibung einer Universal-Sonnen-Uhr); “изъяснение физических экспериментов, **сочиненное** господином **Крафтом**” (Das Hn. Professor **Kraffts** Erklärung der Physicalischen Experimente); “Механику, **сочиненную от** Гна Профессора **Крафта**” (Das Hn. Professor **Kraffts** Mechanic); “Ныне перевожу я **сочиняемую от** Гна профессора **Эйлера** Арифметику” (Jetzo übersetze ich die Arithmetic des Hn. Professor **Eulers**); “в том [Российском] собрании находящихся персон **сочиненные переводы** слушаю и по возможности в чем надлежит исправляю” (mein Möglichstes zur Verbesserung der **Übersetzungen**, die daselbst vorgelesen werden, beytrage) (СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 1, № 860, л. 35 об.–37; 24 об.–26 [Копелевич 1990: 91–92]; немецкий текст в орфографии подлинника).

¹³ “Грамматический очерк, приложенный к так называемому Вейсманову лексикону”: “первая печатная грамматика русского языка для немецкоязычной аудитории, приложенная к Вейсманову лексикону (1731): к этому лингвистическому проекту В. Адодуров имел самое прямое отношение”; “грамматика, приложенная к Вейсманову лексикону” [Бабаева 2004: 287, 288, 290]; “краткое описание русского языка, изданное в 1731 г. в приложении к Вейсманову лексикону”; “краткий грамматический очерк, напечатанный в приложении к Вейсманову лексикону” [Живов 2004в: 145]; “грамматическая работа, [. . .] которая [. . .] представляет собой сокращенный вариант «Compendium’a», “первая русская грамматика, напечатанная в России и вышедшая в качестве приложения к Лексикону Вейсмана” [Ралева 2005: 87, 89]. Показательно, что вопрос об авторстве “Anfangs-Gründe” в связи с публикацией “Compendium. . .” обходится молчанием в подготовленном Е. Э. Бабаевой под ред. В. М. Живова новейшем комментарии к “Российской грамматике” Ломоносова (“Академия наук издает Вейсманов лексикон (1731) с приложенным к нему кратким очерком русской грамматики; готовит «Compendium Grammaticae Russicae» [Ломоносов 2011: 737]). Относящуюся ко времени до издания “Compendium Grammaticae Russicae” полемику Б. А. Успенского с отказом Г. Кайперта называть прямо автора “Anfangs-Gründe” см. в [Успенский 1992: 147].

der Russischen Sprache» (1731)» [КАРЕВА 2011б: 11].¹⁴ Однако в очерке того же автора “В. Е. Адодуров и формирование грамматической традиции в России первой половины XVIII века”, помещенном в рецензируемом издании (с. 30–36), эта информация исчезает вовсе: “Compendium Grammaticae Russicae” описывается здесь кратко лишь как один из опытов грамматической работы в Академии наук, никак не связанный с очерком в “Вейсмановом лексиконе”; более того, “Anfangs-Gründe” прямо охарактеризованы как “оригинальное грамматическое сочинение В. Е. Адодурова” (с. 31–32). Никаких следов эксплицитной полемики с позицией Г. Кайперта в книге обнаружить не удастся.

Таким образом, приводимая в издании информация о времени создания и авторстве публикуемого текста не только не верна (он должен атрибутироваться не как оригинальный труд Адодурова 1729–1731 гг., а как подготовленный им в первой половине 1731 г. на основании коллективного “Compendium Grammaticae Russicae” краткий очерк),¹⁵ но сознательно вводит читателя в заблуждение умолчанием результатов известных авторам исследований в пользу их собственной концепции, в которой равновеликий Ломоносову “выдающийся русский ученый, просветитель, государственный и общественный деятель, математик, филолог, переводчик, журналист, педагог, почетный академик Императорской Академии наук” (с. 5) выступает как “культурный герой XVIII столетия, творец и новатор, который одним из первых русских людей понял, что добиться всеобщего уважения и известности, высокого положения в обществе можно не только знатным происхождением, успешной придворной или военной службой, личной преданностью сильным мира сего, но и интеллектуальной, научной деятельностью” (с. 29).

б) Подготовка текста

Фундаментом любой научной публикации памятника служит его текст, главное требование к подготовке которого (идет ли речь о дипломатической передаче каждой описки, пунктуационного знака, выносной буквы, или об

¹⁴ Передача того же тезиса в полном тексте диссертации и статье “Становление традиции грамматического описания русского языка (1730–1750-е гг.)” позволяет предположить сомнение: “В монографии, предваряющей издание «Compendium Grammaticae Russicae», Г. Кайперт указывает, что публикуемый им текст послужил основой для написанного по-немецки грамматического очерка В. Е. Адодурова (1709–1780) «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache»» [КАРЕВА 2011а: 25–26; 2011в: 102].

¹⁵ В настоящей рецензии, с учетом коллективного авторства “Anfangs-Gründe”, Адодурову атрибутируются только те фрагменты грамматического приложения к Вейсманову лексикону, которые не находят себе соответствий в “Compendium Grammaticae Russicae”.

адаптации старого текста к новому алфавиту и орфографической/пунктуационной системе) заключается в тщательности и неуклонном следовании выработанным публикатором принципам. К сожалению, в отношении и того, и другого новейшее издание “Anfangs-Gründe” не выдерживает критики.

Прежде всего, кажется странным эксплицированный издателями подход к подготовке текста. Уже в первых строках книги сказано, что он “впервые публикуется [. . .] в современной латинской графике” (с. 5), затем предлагается считать недостатком репринтных публикаций 1969 и 1983 гг. [DREI GRAMMATIKEN 1969; WEISMANN'S LEXIKON 1983]¹⁶ то, что в них “текст набран готическим шрифтом, малопонятным современному читателю” (с. 6). И наконец, работа по подготовке текста охарактеризована следующими словами: “Читателю предлагается не один, а три «варианта» [. . .] текста [. . .] Второй¹⁷ – текст на немецком языке в современной графике, представляющий собой результат внутриязыкового перевода [Якобсон 1978: 17],¹⁸т. е. «перекодировки» устаревших и малопонятных современным читателям готических символов (фрактур) с помощью латинских графем. Подобная работа была выполнена «вручную» участниками проекта” (с. 6).

Столь пышная формулировка позволяет сделать нехитрый и удручающий вывод: участниками издания компьютерный набор¹⁹ текста,

¹⁶ В случае с последним изданием и в основном тексте, и в списке литературы публикаторы “Anfangs-Gründe” ошибочно указывают датой выхода 1982 г., в котором был выпущен только первый том публикации из трех выпусков.

¹⁷ Первый и третий – это, соответственно, репринтное воспроизведение и русский перевод. – А. К.

¹⁸ Приведенная ссылка на статью Р. О. Якобсона “О лингвистических аспектах перевода” в данном случае неуместна, поскольку в ней под “внутриязыковым переводом” понимается “интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка”, когда для передачи семантики “используется либо другое слово, более или менее синонимичное первому, либо парафраза” [Якобсон 1978: 17]; о применении различных графических (даже не орфографических) систем речи здесь не идет. – А. К.

¹⁹ По-видимому, “вручную” означает “не вычитанный по автоматически распознанному сканированному варианту”. Стоит заметить, что сличение списка лиц, ответственность которых за подготовку различных разделов издания указана в редакционном предисловии, и лиц, перечисленных в поле ответственности на обороте титульного листа, показывает, что участвовавших в подготовке текстов О. В. Лебедеву и М. Г. Маматову редакторы не считают ответственными участниками издания. При этом подготовленное при участии М. Г. Маматовой в качестве приложения (с. 233–254) воспроизведение текста т. н. “грамматики Адодурова” 1738–1740 гг. по [Успенский 1975] – вызывающий наименьшее число нареканий раздел книги. Возражение вызывает лишь выбранное редакторами решение приводить текст по незначительно отступающей от оригинала публикации (см. Приложение 2), а не рукописному подлиннику, при этом без текстологических примечаний Б. А. Успенского, в отсутствие которых текст во многих местах теряет смысл; как бы то ни было, искажения, внесенные в текст выбранного источника при подготовке рецензируемого издания, минимальны.

напечатанного кажущимся им малопонятным²⁰ немецким шрифтом XVIII века, представляется самостоятельной заслугой. Уделив столь много места рефлексии над проблемами соотношения печатных график разных эпох, собственно принципам публикации издатели отводят лишь несколько строк: “Все особенности авторской орфографии и пунктуации, в том числе удвоение согласных (ср. нем. *Neßßim* — русск. Герасимъ), были сохранены. Сохранена характерная для «Anfangs-Gründe» контаминация немецкой и латинской филологической традиции — «непоследовательное» написание названий падежей и некоторых грамматических терминов то с прописной, то со строчной буквы” (с. 6–7).

Принципы эти в издании неоднократно нарушаются, причем в том числе, как кажется, и потому, что у издателей нет достаточного навыка чтения текста в старой немецкой печатной графике. Так, в первом же предложении “Anfangs-Gründe”, предваряющем русскую азбуку словами “*deren [Buchstaben. — A. K.] Bildung und Nennung folgende ist*”, прописная *N* в слове *Nennung*, по-видимому, в силу непривычности для публикаторов ее готического варианта, передана как “К” (с. 94; ориг., с. 3²¹). Во фразе “*Aus angeführten Exempeln läßt sich schon ersehen*” слово *ersehen* из-за нечетко пропечатанных в нем двух первых букв²² и, по-видимому, непривычки к наличию у “готической” *z* нижнего выноса передано как *zu sehen* (с. 108; ориг., с. 10). Можно полагать, что именно непривычкой к чтению готического шрифта следует объяснять набор *b* вместо *d* в слове *oder*; *v* вместо *d* в слове *dergleichen*, или *nun* вместо *nur*²³ и др. В ряде случаев эти ошибки отражаются на сопровождающем публикацию переводе.²⁴

²⁰ Употребление применительно к печатной fracture выражения “малопонятный шрифт” представляется очень неудачным, поскольку, с одной стороны, характеризует освоение ее как что-то сложное, а с другой — отказывает современным читателям в способности получить этот навык. Кажется, в подобных случаях стоило бы говорить не о “внутриязыковом переводе”, а об “облегчении обозрения тем, которые не привыкли” к нечасто используемому в обиходе шрифту (формулировка заимствована из: [Срезневский 1866: 18]).

²¹ Здесь и далее сокращение “ориг., с.” отсылает к странице в оригинальном издании “Anfangs-Gründe” 1731 г.

²² В печатном подлиннике (использован экземпляр БАН 1731/4) вторая буква (*r*) бледная, но хорошо читается; в монохромной копии она перестала читаться.

²³ “**пре** *oder* **все** hinzusetzet”: ориг., с. 12, ср. с. 112; “*dergleichen* sind nun **домъ** das Hauß”: ориг., с. 20, ср. с. 128; “*welche Wörter allein in Singulari und welche wiederum nur blosserdings in Plurali decliniret werden*” (ориг., с. 22, ср. с. 132; курсив мой. — А. К.).

²⁴ Так, фраза “*deren Bildung und Nennung folgende ist*” переведена как “образование и обозначение которых выглядит следующим образом” (с. 95; ср. в современном наборе “*Kennung*”; правильно было бы “изображение и название которых. . .”); “*Aus angeführten Exempeln läßt sich schon ersehen*” — как “Приведенные приме-

Самым ярким примером невнимания издателей к графике и содержанию оригинала может служить передача на первой же странице в составе предлагаемого “Anfangs-Gründe” алфавита названия русской буквы *Г*. В то время как в оригинале под ней отчетливо читается “Hlagol”, в современном наборе это слово передано как “Glagol” (с. 94; ориг., с. 3). Между тем, фонетическая характеристика русской буквы *Г*, передающей как фрикативный (*h*), так и взрывной (*g*) звуки, — один из самых интересных фрагментов “Anfangs-Gründe”, неизменно привлекающий внимание исследователей, в том числе и новейших издателей этой грамматики (ср. с. 6, 33, 40, 42). В качестве нормативного чтения “Anfangs-Gründe” предписывают фрикативный вариант (ср. первый пример: “Герасимъ, ließ Herašim”), а для взрывного предлагают ввести особую букву *Г̇*. Поэтому и в алфавитной таблице в названии буквы *Г* закономерно используется литера *H*, передающая фрикативность. Эта неоправданная (и идущая наперекор заявленным публикационным принципам) замена литеры в таком ответственном фрагменте, как алфавит, свидетельствует, как кажется, не только о плохом знакомстве публикаторов с готической печатной графикой, но и о крайне небрежном редактировании издания.

Заявленный в предисловии дипломатический принцип подготовки текста (“все особенности авторской орфографии и пунктуации [. . .] были сохранены”), требующий от издателя максимальной тщательности, реализован в книге так, что заставляет считать это публикаторское решение крайне неудачным. Прежде всего, сличение оригинала и современного набора показывает, что в немецком тексте исправлены явные опечатки, при том что в предисловии эти конъектуры оговорены только для русского перевода: “Авторы стремились [. . .] перевести текст памятника [. . .] максимально близко к оригиналу [. . .] При работе над текстом были поправлены некоторые явные опечатки, а именно: *свѣтъиашая* вместо *свѣтъишая* (с. 11), *гребень* вместо *гребнь* (с. 49), *Socrates* вместо *Socrate* (с. 51), ошибочное употребление *ь* вместо *ъ* в таблицах и некоторые другие”²⁵ (с. 7). О том, насколько (не)тщательной была работа с текстом, можно судить хотя бы по тому, что приведенный здесь список опечаток неверен в каждом из четырех случаев. На с. 11 оригинала лишняя буква набрана в слове *святѣиашая*, а не *свѣтъиашая*

ры позволяют увидеть” (с. 109; ср. в современном наборе “zu sehen”; правильно было бы “. . . позволяют заключить”); “dergleichen sind nun **домъ** das Hauß” — “можно сравнить, например, **домъ** (das Hauß)” (с. 129; ср. в современном наборе “vergleichen”; правильно было бы “подобного рода, например. . .”).

²⁵ Сведения об остальных исправленных опечатках издания можно получить лишь при сличении оригинала и современного набора: за двумя исключениями (см. прим. 27 и с. 278) текстологический комментарий в издании отсутствует.

(и, соответственно, верным будет чтение *святѣишая*); написание *гребнь* встречается на с. 26, а не 49; слово ‘Socrates’ на с. 27 (а не 51²⁶), в соответствии с латинской нормой, напечатано с отчетливой ‘s’ на конце. Наконец, упомянутое “ошибочное употребление ь вместо ъ в таблицах”²⁷ на самом деле свидетельствует о невнимании издателей к шрифту оригинала. Дело в том, что русский шрифт “Anfangs-Gründe” использует для ъ литеру с верхним выносом (Ъ), а литеру ь полностью помещает в высоту строчных (ь); таким образом, в нескольких случаях в таблицах (см. ориг., с. 14, 18, 24) при проложенных табличных линейках, действительно, верхний элемент оказался приподнят и не пропечатался, отчего буквы имеют вид (Ъ). Между тем, поскольку основной дифференциальный признак двух литер — высота мачты — сохраняется, говорить об опечатке в этих случаях неуместно.

Небрежность, проявившаяся в редакторской статье, описывающей принципы издания, в полной мере отразилась и на самом тесте. Отступления от принципа точного следования авторской орфографии и пунктуации на сверенных мною 23 страницах (с. 94–138; ориг., с. 3–25) встречаются в общей сложности 461 раз, в пределах от 4 до 81 на странице. В это число входят не только относительно безобидные случаи пропуска или замены знаков препинания, непоследовательность применения курсива или сохранения написания строчных/прописных букв, в целом отчасти проясняющие текст и приближающие его к современному читателю. Значительно важнее, что всего лишь на 23 страницах (в тексте, немногим превышающем условный авторский лист) допущено 34 грубых ошибки (опечатки, неверные чтения и пропуски).²⁸

²⁶ В оригинале всего 48 страниц. Поскольку для 26-й и 27-й страниц оригинала указаны отсутствующие в нем номера 49 и 51, можно предположить, что в данном случае отсылка сделана к рабочему компьютерному файлу, содержащему немецкий текст (начинающийся в оригинале со с. 3) на четных и русский — на нечетных страницах (при этом в счет страниц идут отдельный титульный лист и его пустой оборот; таким образом, соответствия страниц оригинала и этого билингвального файла будут составлять прогрессию: 3=3, 4=5, 5=7, 6=9 [. .] 26=49, 27=51). Возможно, список опечаток составлялся в два этапа: сбою пагинации в нем соответствует разнობой в подаче ошибочных и исправленных вариантов: в первом и четвертом случаях ошибочный вариант указан впереди; во втором и третьем — в конце.

²⁷ Это же чтение отмечено в одном из текстологических примечаний, к набору страницы 18 оригинала: “В оригинале ошибочно Ъ” (с. 124).

²⁸ Приведу основные из них, помимо уже указанных: на с. 94 (ориг., с. 3) в списке гласных: “а, е, и, ѓ, о, в одег у” пропущена буква “о”; на с. 104 (ориг., с. 8) в списке подтитловых сокращений раскрытие сокращения “Очкъ” набрано как “Отеческій” вместо “Отеческъ” оригинала; сокращение “Прркъ” оригинала передано как “Прркъ”; на с. 116 (ориг., с. 14) в толкующей передаче грамматической омонимии “**прилѣжныхъ учениковъ** derer fleißigen Schüler und die fleißigen Schüler” пропущено значение винительного падежа (“und die fleißigen Schüler”); на с. 132 (ориг., с. 22) в описании третьего склонения, к которому “Anfangs-Gründe” относят

Для текста с единственным (печатным!) вариантом подобное качество подготовки лежит далеко за гранью любых стандартов, применяемых не только в научной, но и газетной редакции.²⁹

в) Комментарий

Еще одним обязательным или, во всяком случае, ожидаемым элементом научной публикации памятника, помимо атрибуции, датировки и тщательно подготовленного текста, считается комментарий. Признают его важность и новейшие издатели “Anfangs-Gründe”. Указывая на недостатки предыдущих (репринтных) публикаций этого сочинения [DREI GRAMMATIKEN 1969; WEISMANN'S LEXIKON 1983], мотивирующие их труд, они замечают: “В переизданиях «Anfangs-Gründe» 1969 и 1982 гг. отсутствует справочно-информационный аппарат, необходимый для эффективной исследовательской работы с текстом (индексы, комментарии)” (с. 6). Об индексах придется сказать отдельно ниже; что касается комментария, то он не только не выделен в самостоятельный раздел издания, но и постраничные сноски приведены новейшими издателями лишь пять раз.

Из этих пяти примечаний относительно удачным можно признать лишь одно — сделанное на с. 107 к предложенному “Anfangs-Gründe”

существительные, заканчивающиеся на -ь в номинативе и на -и в генетиве, во фразе “Alle Wörter so folglich hiernächst zu selbiger gehören sind *Generis Feminini*” пропущено слово *gehören*, а в таблице этого склонения в д. п. мн. ч. вместо верного *ямъ* оригинала набрано *мъ* (т. е. верной признается форма *лошадмъ*). Из многочисленных опечаток приведу наиболее курьезную: на с. 118 (ориг., с. 15) вместо “*дядька* der Hofemeister (sic! — А. К.)” оригинала набрано “*дядька* der Hozemeister” (причиной могло стать неразличение написаний *fi* с оригинальным шрифтом). Все эти ошибки набора и подготовки текста сохранены русским переводом.

²⁹ Для сравнения можно указать, что в превышающем сверенный мною фрагмент в восемь раз основном тексте “Краткого руководства к красноречию” из “Полного собрания сочинений” М. В. Ломоносова [1952: 89–378] подобных ошибок допущено немногим больше (40). Для текста относительно небольшого объема сопоставимое число ошибок принимается (на грани фола), если он публикуется впервые и его источником служит рукопись, и то лишь в том случае, если публикатор работал по фотокопиям без физической возможности обращения к подлиннику [Живов 1991]. Между тем, даже в подготовленном Б. А. Успенским по фотокопиям (с рукописи, изобилующей описками и исправлениями) тексте грамматики 1738–1740 гг., несколько превышающем сверенный мною фрагмент новейшего издания “Anfangs-Gründe”, неточностей (грамматически значимых опечаток; пропусков слов; неверных чтений) и количественно, и качественно несравнимо меньше, чем у публикаторов печатного “Anfangs-Gründe” (см. Приложение 2). На сверенных мною десяти первых страницах выполненной Г. Кайпертом публикации “Compendium Grammaticae Russicae” (БАН F 250, с. 1–18) [КЕРПЕРТ, НУТЕРЕР 2002: 137–146], отражающей текст с многочисленными вариантами нескольких почерков, подобных неверных чтений можно найти только два (с. 142, строка 3: *šmotrjet* — верно *šmotrjetf*; с. 145, стр. 2–3: “*g vor a, o v. u*” — верно “*g vor a, o und u*”; верный вариант приведен в текстологическом примечании).

списку слов женского рода, образованных с помощью суффиксов из слов мужского рода (*королева, госпожа, хозяйка, львица, повариха, богиня, хвастунья*; см. ориг., с. 9). Комментаторы замечают: “эти имена практически без изменения порядка переписаны М. В. Ломоносовым в «Материалах к ‘Российской грамматике’»”. При всей важности этого сопоставления, не отмеченного В. Н. МАКЕЕВОЙ [1961: 107], остается непонятым, удалось ли новейшим издателям “Anfangs-Gründe” сделать другие дополнения к истории использования Ломоносовым грамматического очерка из “Вейсманова лексикона”; почему только одно попало в комментарий; а также почему в нем не оказался представлен вовсе сопоставительный материал петербургской грамматической традиции первой половины XVIII века.³⁰ Не решает последней проблемы и включенная в том специальная статья Н. В. Каревой “В. Е. Адодуров и формирование грамматической традиции в России первой половины XVIII века” (с. 30–36), большая часть которой посвящена имманентному описанию грамматических взглядов Адодурова, а не сопоставительному анализу.³¹

Примечание на с. 99 к тексту “**Ъ** Wird nicht pronunciret, jedoch gleichsam als ein Custos zu Ende eines Worts [. . .] beibehalten” (ориг., с. 5), толкуя тривиальный случай использования издательской лексики обширной цитатой статьи “Custos” из словаря Аделунга 1811 г. и замечанием: “По-видимому, В. Е. Адодуров хотел показать, что буква **Ъ** могла означать конец графического слова”, существенно обедняет содержание комментируемого отрывка.³²

³⁰ Так, для списка слов “королева, госпожа. . .” Г. Кайпертом восстанавливается его генетическая связь с грамматикой И.-В. Пауса, “Teutsche Grammatica” (1730) М. Шванвица, рукописью “Compendium Grammaticae Russicae” и т. н. грамматикой Гренинга [КЕРПЕРТ 1995; КЕРПЕРТ, НУТЕРЕК 2002: 88–89, 176].

³¹ Если не считать уместающегося на двух первых страницах краткого обзора ранних петербургских академических грамматик, сопоставительный материал представлен здесь пятью случаями, причем лишь в одном дается точная отсылка к соответствующему материалу (о характере произношения *Г* в “Российской грамматике” Ломоносова).

³² Помимо сомнительной ориентации издателей на нормативный словарь начала XIX века для характеристики немецкого языка конца 1720 – начала 1730-х (ср. убийственную характеристику диалектно окрашенного языка издателей “Вейсманова лексикона” у Г. Ф. Миллера [1890: 170; 2006: 588]), отмечу, что выбранная в комментарии модальность неверна. Адодуров не “по-видимому, хотел показать, что *Ъ* может означать конец слова”, а прямо утверждает, что использование этой буквы в финальной позиции подобно издательскому обычаю повторять первые буквы одной страницы на нижнем поле предыдущей (так оформлено и оригинальное издание “Anfangs-Gründe”; новейшие издатели кустод не сохраняют). Этот конвенциональный обычай Адодуров отличает от оправданного (вводится словами “bisweilen auch. . .”) случая использования *Ъ* в середине слова перед гласной (*подъемлю*). Конвенциональный характер употребления *Ъ* в конце слова подчеркнут Адодуровым в записке 1737 г.: “ко всем словам, на согласную

Наконец, комментарий “В оригинале буква **Ъ** отсутствует” (с. 98), сделанный к тексту “**Ъ** Wird wie ein halb verschlungenes **J** ausgesprochen” (ориг., с. 5), не соответствует действительности: *Ъ* отчетливо читается и в печатном оригинале, и в приложенной к изданию копии (с. 48), и в большинстве других воспроизведений оригинала “Anfangs-Gründe”,³³ по технической особенности репринта буква пропущена лишь в составе тома, изданного в Б. О. Унбегауном [DREI GRAMMATIKEN 1969]. Это обстоятельство заставляет задуматься, на каком этапе работы и в каком объеме использовался печатный оригинал.

г) Справочный аппарат

Как уже сказано, одним из достоинств своего труда новейшие издатели “Anfangs-Gründe” считают присутствие в нем “справочно-информационного аппарата, необходимого для эффективной исследовательской работы с текстом (индексов)”. Действительно, А. А. Ветушко-Калевичем, М. В. Корышевым и К. В. Манёровой для книги составлен “Индекс грамматических терминов «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» В. Е. Адодурова” (с. 186–188), а Н. В. Каревой — “Индекс русских примеров «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» В. Е. Адодурова” (с. 189–200).

К сожалению, ни для одного из указателей не приведены принципы составления или правила использования. Если о том, что номера в указателях на с. 186–200 отсылают к страницам оригинального издания, можно догадаться по одному из примечаний на с. 8, а в качестве основания для включения в издание указателя русских примеров можно принять тот тезис, что “объективное исследование корпуса примеров в грамматиках русского языка, написанных не на русском языке, всегда представляет новые и содержательные сведения для исторической лексикологии и лексикографии” (с. 11), то необходимость появления в издании “индекса грамматических терминов” не обоснована

кончащимся, по всеобщему обыкновению на конце поставляется”; курсив мой; см. Приложение 1), а в грамматике 1738–1740 гг. с апелляцией к нему же будет предложено “почитать сей знак в нашей азбуке за излишний [...] ежели бы он из числа наших литер *общим согласием* был выключен, то бы [...] не произошло от того в изображении наших речей литерами никакой неспособности” [Успенский 1975: 96] (курсив мой; см. также: [ивд.: 35–36, 177–178]). Можно было бы добавить, что в “Суде российских писмен” Ломоносов сравнивает *Ъ* на конце слова с “пятым колесом” [Ломоносов 1952: 388].

³³ 1) [WEISMANN'S LEXIKON 1983: <61>]; использована цифровая копия издания в собрании Баварской государственной библиотеки: http://daten.digital-sammlungen.de/~db/0004/bsb00047114/image_61; 2) Цифровая копия фотокопии экземпляра из собрания Британской библиотеки: <https://books.google.ru/books?id=COYzAQAAMAJ>.

вовсе.³⁴ Стоит сказать, что название это неточное: приложенный к изданию указатель следовало бы озаглавить “Индекс грамматических терминов на латинском языке”, поскольку в него не включен ни один из активно используемых в “Anfangs-Gründe” немецких грамматических терминов. Фронтальная сверка текста оригинала с указателем показывает, что его составители использовали исключительно формальный принцип отбора: в индекс вошли лишь слова, набранные в оригинале латинским (легко визуально вычленимым в основном немецком тексте) шрифтом. Между тем, краткое описание русской грамматики 1731 г., как верно замечают издатели, было создано в “уникальной ситуации полиязычности и поликультурности, сложившейся в Академии наук” (с. 220; см. также с. 12) в первые годы ее существования, и одним из существенных следствий этой ситуации, отразившейся в первых академических изданиях, стало взаимное влияние латинской и немецкой терминологии (в случае с грамматическим текстом усложнявшееся живой традицией церковнославянской грамматики³⁵). В “Anfangs-Gründe” можно встретить и прямые указания на дублетность (“mit denen *Numeralibus* oder *Zahlen*”, ориг., с. 21), и изменение латинских терминов в немецкой огласовке и по немецким парадигматическим моделям (*compariren* (о прил.), *Conjugation*, *Contrahirung*, *decliniren*, *Flection*, *Termination*; “bey der *irregulairen Comparation*”³⁶ (ориг., с. 12), “3 Personen” (ориг., с. 39), и т. д.; только в немецкой графике встречается в “Anfangs-Gründe” слово *Grammatic*, не попавшее в указатель), и активное использование немецких аналогов латинской лексики (*Endigung* наряду с *flexio*; *Folmul* наряду с *paradigma*, и др.). Показательно, что специфичные для русской грамматики явления, не находящие прямых аналогов в латинской грамматической традиции, передаются в “Anfangs-Gründe” немецкими терминами (ср., например, дифференциацию одушевленности / неодушевленности: *von lebendigen Sachen*; *von leblosen Sachen*). Создание двуязычного индекса не только более полно отразило бы корпус грамматической лексики памятника, но и позволило бы зримо увидеть ту вариативность лингвистического метаязыка, с учетом которой в XVIII веке вырабатывалась русская грам-

³⁴ Вряд ли в качестве подобного обоснования можно признать прим. 10 на с. 11, тавтологично сообщающее о наличии указателя в книге.

³⁵ Единственное упоминание грамматического индекса в редакторских статьях издателей “Anfangs-Gründe” (с. 11) связано со случаем передачи представленного в грамматике Мелетия Смотрицкого термина “припряжногласные” (описывающего литеры Ъ и Ь) — латинской калькой “*vocales adjunctae*”.

³⁶ При цитировании возможных немецких вхождений предлагаемого мною расширенного индекса лингвистической лексики “Anfangs-Gründe” сохраняется орфография оригинала.

матическая терминология. С учетом этого обстоятельства, возможно, более выигрышным было бы описание в форме индекса не только более узкой грамматической, но и в целом лингвистической лексики. В такой указатель вошли бы слова, отражающие в “Anfangs-Gründe” различные явления семантики (*Benennung, Bedeutung, Bildung, exprimiren, Kraft, Nachdruck, Nennung, zeigen*), этимологии и словообразования (*formiren, Formirung, fremdes (Wort), nachachmen, Ursprung*); но прежде всего — очень богатый пласт фонетической терминологии (в “Индексе” отражены только единичные латинские термины: *consonans, diphtongus, positio, vocalis*), — слова со значениями звонкости / глухости / мягкости / твердости (*geline, hart, sanft, schlecht, stark*), редуцированности (*bald verlieren, halb verschlungene, zusammen gießen*), слоговой организации (*Silbe, in der Mitte, zu Ende, von Anfang*) и ударности (*Accent, beruhen, hafften, ruhen*³⁷), а также терминология нормативной грамматики, проводящей дифференциацию между явлениями церковнославянского и русского языков (на то, что основной интерес “Anfangs-Gründe” связан именно с этой дифференциацией, новейшие издатели памятника неоднократно указывают). Минимально представленная в латинском слое “Anfangs-Gründe” (см., например: *Genius (der Rußischen Sprache; ориг., с. 15)*,³⁸ *Libri Ecclesiastici* (ориг., с. 5), *Slavonismus* (ориг., с. 26); ни одно из этих выражений не вошло в указатель), соответствующая лексика обильно используется в немецком тексте на всем его протяжении. Это и общие термины употребительности (в т. ч. включения и выхода из употребления: *adhibiren, bedienen, exulieren, Gebrauch, Gewohnheit, gewöhnlich, nicht recipiren, oft pflegen, übergehen*), и стилистические характеристики (*Accurateße, greßlich, natürlich, schön, zierlich*³⁹), и терминология, указывающая на славянский/русский характер языковых явлений (*neu Druck, neu Schreibart, pur Slavonisch, Slavonisch*). Несмотря на это замечание и некоторую неточность (в 32 случаях на 798 вхождений пропущены страницы или даны неверные отсылки), приложенный к новейшему изданию “Anfangs-Gründe” указатель латинских грамматических терминов может быть использован как рабочий инструмент.

Этого нельзя, к сожалению, сказать об указателе, составленном Н. В. Карева. При том, что русские примеры представлены в “Anfangs-

³⁷ В частности, лексика, описывающая ударность, сосредоточена во фрагменте, где, как отмечает Н. В. Карева, “В. Е. Адодуров первым из русских грамматистов отметил подвижность ударения как отличительную особенность склонения существительных женского рода, оканчивающихся на ударный гласный” (с. 34).

³⁸ См., например, предметный указатель к: [Живов 1996] на статью “Дух языка”.

³⁹ Значение для “Anfangs-Gründe” стилистической оппозиции *greßlich-zierlich* вслед за Б. А. Успенским специально рассмотрено в новейшем издании памятника (с. 9).

Gründe” 1 689 словоформами, в указателе отсутствуют 66 (4 %) из них. В том числе — почти вся парадигма прилагательного *добрый*; примеры образования будущего времени без глагола *быть* (*имею писать, стану писать*), треть примеров образования сложного императива (*пускай они имеют, пускай они побудут*). Технический характер носит, по-видимому, пропуск всех (15) словоформ, расположенных по алфавиту от *здесь* до *золото* (в том числе вся парадигма слова *земля*). Особенно не повезло формам превосходной степени прилагательного. Из 41 приводимого в “Anfangs-Gründe” примера образования суперлатива в указателе можно найти только 27. И если отсутствие форм типа *самый чистый* можно понять как реализацию принципа,⁴⁰ то более чем странный отбор составителем примеров с приставкой *все-*,⁴¹ непопадание в указатель всех примеров с двойной приставкой *всепре-* (*всепречестный, всепречестнейший*), а также отсутствие одного из трех примеров с приставкой *наи-* (*наилучший*) оставляет чувство недоумения, которое усиливается тем более, что в числе других многочисленных пропусков в указателе не удается найти, например, неопределенную форму глагола *быть*.

Помимо этого, указатель Н. В. Каревой грешит неоднократными ошибками в отсылках к страницам, а также неверными написаниями отсылочных слов (в том числе грамматически значимыми).⁴² В общей

⁴⁰ Все восемь примеров расписаны в указателе через составные части суперлатива (отдельно *самый* и *чистый*). По отсутствию в указателе также составных форм *имею писать* и *стану писать* можно предполагать, что здесь мы имеем дело именно с принципом, хотя и не последовательно выдержанным: словоформы (а не примеры) описаны с учетом грамматического статуса образуемых ими единиц. Соответственно, в качестве самостоятельных цельных форм записаны сложные формы будущего времени и императива (*будем верить, пускай они имеют*) и даже числительное *семь миллионов*. Однако, этот нигде не описанный принцип выдержан непоследовательно (два из шести примеров сложного императива в указателе пропущены), а из-за его реализации, помимо “миллиона” (из примера *семь миллионов*), искать в индексе на букву *С* приходится также слово *пятнадцать* (*сто пятнадцать*).

⁴¹ Адоуров предлагает в качестве допустимых две формы — *всечестный* и *всечестнейший*, а о четырех — *всебогатый, всевысокий, всемногий, всеострый* — сообщает, что так “не говорят” (*sagt man nicht*; предпочтение отдается формам с приставкой *пре-*). В указателе попали только три “неправильных” формы; обе “правильные”, а также *всемногий* здесь отсутствуют.

⁴² Так, вслед за неверным набором текста (см. прим. 28) в указателе сделана отсылка к словам *отеческий* (верно — *отеческъ*) и *четырьмя* (верно — *четырьмя*). Прежде всего это замечание относится к явной непоследовательности в передаче написаний *и/й*. При том, что указатель в целом следует здесь за текстом оригинала, многочисленные, но непоследовательные отступления от него показывают, что для составителя осталось несущественным то обстоятельство, что “Anfangs-Gründe” стали изданием, закрепившим использование самостоятельной литеры *Й* в русской печати; само ее появление в наборе типографии Академии наук было связано с работой над этим трудом (знак краткости отсутствует в первых двух печатных листах; появляется как диакритический элемент набора в третьем, и лишь

сложности число различных ошибок (пропусков отсылочных слов, указание неверных страниц и пропуск верных, ошибочное написание или дублирование отсылочного слова) в указателе русских примеров, который должен был бы включать 1948 вхождений, составляет 158 (8 %), что не позволяет говорить о нем как о сколько-нибудь надежном исследовательском инструменте.

* * *

Несколько затянувшийся разбор неудач новейшего издания “Anfangs-Gründe der russischen Sprache” вряд ли стоит продолжать. Можно было бы сказать и о том, что подход к подготовке текста, проявившийся в основном тексте памятника, сказался и на текстах, опубликованных в приложениях;⁴³ и о том, что недобросовестная подготовка текста и нежелание его комментировать отразились на страдающем излиш-

с четвертого присутствует в составе самостоятельной литеры Й; см. подробнее: [КЕИРЕТ 1999]).

⁴³ Не останавливаясь специально на перепечатанном в 1-м Приложении биографическом очерке П. П. Пекарского об Адодурове (в том именно месте (с. 212), где Пекарский сообщает об “Anfangs-Gründe”, новейшие публикаторы допускают опечатку в сообщении о годе выпуска Вейсманова Лексикона (1737 в. верного 1731 в оригинале), однако считают нужным отметить в качестве неточности польскую передачу Пекарским фамилии А. С. Буд(з)иловича, подтверждаемую официальными документами конца 1860-х гг. и связанную с биографией ученого [Григорьев 1870: схх; Фомичева 2014: 38]), замечу, что составляющий Приложение № 2, рекомендованный издателями как “редкий документ” (с. 5), “неизвестные ранее черновые варианты” (с. 13) и “уникальный документ” (с. 219) план обучения прибывших в Петербург из Славяно-греко-латинской академии семинаристов, предложенный Адодуровым И. А. Корфу в сентябре 1736 г., не только достаточно известен по исследовательской литературе, но и опубликован как в немецком, так и в русском вариантах [Материалы 1886: 169–170; Морозов 1962: 196, 445–446]. Единственным дополнением, которое можно было бы сделать к не упомянутому в книге предшествующим публикациям, могло бы быть точное указание местонахождения документов и описание вариантов по не упоминавшемуся ранее беловому списку немецкой редакции записки (публикация в [Материалы 1886], воспроизводящая тот же немецкий автограф Адодурова, что и новейшее издание, отсылает только к тому архивного дела; А. А. Морозов указывает лишь листы документа на русском языке; все три документа сохранились в составе дела: СПФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 18, лл. 101–101 об. (русский текст); 420–21 (немецкий автограф Адодурова); 422–423 (беловой список немецкого текста)). Это, между тем, не только не сделано, но публикация: а) выполнена с многочисленными искажениями текста (опечатки; неверные чтения; пропуски слов; передача существительных в немецком тексте со строчных букв, и пр.); б) сопровождается противоречивыми и в обоих случаях неверными указаниями на листы оригинала, легко различимые в приложенном факсимильном воспроизведении (“Л. 101–102, 420–421” (с. 13), “л. 100–101 и 101–102” (с. 221) вместо верного “101–101 об., 420–423”); в) ничего не сообщает о двух списках немецкого текста записки (разночтения белового списка, помимо орфографических, включают два ошибочных употребления пассивных форм *gesetzt werden* вместо *gesetzt worden* автографа). О приложении 3 см. прим. 19, 48.

ней модернизированной переводом;⁴⁴ и о странных интерпретациях исторических фактов;⁴⁵ и о многом другом, — все это мало прибавило бы к основной оценке труда. Если один из рецензентов неоднократно уже упомянутого издания 2002 г. “Compendium Grammaticae Russicae” замечает, что оно “подготовлено в лучших немецких традициях скрупулезной тщательности (ἀκριβεια, по-немецки Akribie)” [WORTH 2004: 402], то в случае с книгой под редакцией С. С. Волкова и К. А. Филиппова можно говорить об образцовой небрежности, амелии (ἀμελεια), дух которой отразился на всех составных частях этого издания. С учетом

⁴⁴ Помимо случаев, отмеченных в прим. 24 и 28, приведу пример не вполне удачного перевода текста с первой же страницы оригинала. Сообщая в начале своего очерка алфавит из 41 буквы, Адодуров говорит о них: “Es sind von denen Russen in ihrer Sprache bis daher 41 Buchstaben als gebräuchlich angenommen worden [. . .] Dieses sind also die Russischen Buchstaben, doch sind selbige nicht alle in gleichem Gebrauch”, после чего делает предположение о ненужности шести букв. Очевидно, что в этом контексте выражение “bis daher [. . .] als gebräuchlich angenommen worden” указывает на алфавит старого типа, которому противопоставляется новый узус (верный перевод фрагмента был бы: “Русскими в их языке до сих пор были приняты как употребительные 41 буква [. . .] Итак, вот русские буквы, но они не все схожи употреблением”: ориг., с. 3). Это диахронное понимание языка, чувство переломности своей эпохи и ориентация на узус, характеризующие “Anfangs-Gründe” с первых же предложений, нивелированы в переводе Л. Н. Григорьевой: “К настоящему времени русские приняли в качестве употребительных для своего языка 41 букву [. . .] Таковы русские буквы, но не все они одинаково используются” (с. 95). Следует также отметить, что русский перевод названия грамматического очерка, предложенный на титульном листе Вейсманова лексикона (“Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка”), едва ли не предложенный самим Адодуровым, не сохранен издателями (ср. титульный лист новейшего издания: “«Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» или «Первые основания российского языка») и не упоминается в их статьях, хотя выражению *Anfangs-Gründe* в книге посвящена отдельная глава (с. 14–15).

⁴⁵ Издателями (лицо, общее для всех приведенных случаев — С. С. Волков) несколько раз подчеркивается, что Адодуров “скорописной готикой не владел: его рукописи на немецком написаны антиквой” (с. 6; ср. также с. 221). Перенесение на рукописную практику начала XVIII века терминов общественного спора о немецком печатном шрифте второй половины XIX века вряд ли оправдано, тем более что немецкие рукописи Адодурова написаны традиционным готическим курсивом начала XVIII века [Таценко 1982]; на латинский почерк он переходит лишь для латинских и французских слов. Сделанное С. С. Волковым на с. 28–29 предположение о том, что по социальному происхождению Адодуров был не дворянином, а однодворцем, анахронично, поскольку применяет имущественный (лишь к 1710 г. оформившийся в качестве фискального; однодворцы будут составлять разряд государственных крестьян в 1724–1731 гг., а затем самостоятельную податную группу) термин в качестве социальной характеристики [Лазарев 2014: 218–223]. Более того, из полного текста цитируемого С. С. Волковым документа (тех именно фрагментов, что отмечены в его статье пропусками: см. прим. 46) очевидно, что на момент подворной переписи 1710 г. в клад были положены два двоюродных деда Адодурова, Игнатий и Андрей, отец же его, о котором сказано недвусмысленно: “Ижерской канцелярии [. . .] в армии. Поместья за ним 230 чети”, уже к 1710 г. никак не мог быть отнесен к однодворцам даже как фискальной категории. За консультацию по этому вопросу благодарю А. М. Феофанова и Я. А. Лазарева.

этой особенности вряд ли стоит задаваться вопросами, почему авторы считают возможным сослаться на архивные документы, с которыми они не ознакомились *de visu*,⁴⁶ почему в списке литературы есть досадные лакуны, а отдельные его пункты составлены явно ошибочно, и пр.⁴⁷

Каким вопросом стоит задаваться, — это насколько типично для российской науки подобное отношение к филологической работе, значительно ли выделяется разбираемый труд на общем фоне и заслуживает ли он действительно серьезной критики. Знакомство с работами об Адодурове-лингвисте, опубликованными в России за последние десять лет, заставляет признать, что в некотором роде издание ИЛИ РАН и

⁴⁶ В листах использования т. н. грамматики Адодурова 1738–1740 гг. (БАН 16.7.3) и “Compendium Grammaticae Russicae” (БАН F 250), упомянутых в книге под своими шифрами (с. 31, 35), нет записей ни одного из участников издания. Исползованные в биографическом очерке С. С. Волкова об Адодурове (с. 28) материалы переписи 1710 г., судя по некорректному оформлению пропусков в тексте, совпадению его в остальном с материалами интернет-сайта, посвященного этому источнику, и неверному указанию пагинации, процитированы не по оригиналу или его микрофильму (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, № 1040, л. 71 об.–72), а по одному из воспроизведений в Интернете, восходящему к странице: http://census1710.narod.ru/perepis/1209_1_1040.htm. Для подтверждения этого тезиса достаточно привести полный текст записи, выделив пропуски в тексте, совпадающие у С. С. Волкова с тиражированной онлайн-публикацией (полужирное выделение); указанные в онлайн-публикации, но отсутствующие в его статье (полужирный курсив); и собственные сокращения, также не оговоренные (курсив): “Деревни Букреевой недоросль [слово *недоросль* вписано между строк. — А. К.] полковой сотенной службы Игнатей Потапов сын Ададуров 35 лет. Жена Агафья 30 лет. **Нового окладу на нем два рубли**. У него дети: Михайла 7 лет, **нового окладу на нем восемь алтын**, Андреян 2 лет. А он Игнатей, увечен: правая рука переломлена. За ним во оной деревне вочпе с племянником Ижерской концелярии Евдокимом Ададуровым один [у С. С. Волкова и в онлайн-публикации — “1”. — А. К.] двор крестьянский **да дворовых людей мужеска полу 2 человека, женска 2 человека**. Он Евдоким в армии; поместья за ним 230 чети. Да у него ж Игнатья брат родной Андрей 16 лет, **жена Афросинья 20 лет. Нового окладу на нем рубль.**” — при передаче текста не оговаривается раскрытие подтитловых сокращений и перевод чисел из буквенной записи в цифровую. Наконец, на записку Адодурова о буквах Ъ и Ь дана неверная отсылка: “СПбФ АРАН, разряд I, опись А-10, л. 10–11”. На самом деле шифр — разряд V, оп. А, № 10/1, л. 1 (возможна также отсылка вида Разр. V, оп. А-10, № 1, л. 1); в деле всего один лист, он представляет собой копию конца XIX – начала XX века со списка XVIII века, опубликованного Б. А. Успенским — СПбФ АРАН, разр. I, оп. 76, № 7, л. 1–1 об. (см. Приложение 1). В листе использования на деле из разряда V есть расписка С. С. Волкова, для него была также снята копия; дело из разряда I участниками издания использовано не было. См. также прим. 45

⁴⁷ Упомянутая С. С. Волковым как одно из изданий, где можно искать биографические сведения об Адодурове, “коллективная монография «Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert» [Норвасн, Фрейдноф, Коста, Шнютрумф 1983]” (с. 18; ср. также с. 207, где тот же труд описан как статья четырех авторов) представляет собой на самом деле статью Г. Кайперта в фешт-рифте О. Горбачу: [Кейрерт 1983]. В числе пропущенных издателями трудов, анализирующих грамматическую терминологию “Anfangs-Gründe” в широком контексте ранней русской грамматической традиции, следует назвать книги В. М. Живова [Живов 2004А] и Т. Дайбера: [Дайвер 1992]. См. также прим. 10.

СПбГУ — большой шаг вперед в освоении новейших достижений в области изучения доломоновской грамматики. В странном мире русской провинциальной ("туземной" в терминологии [Соколов, Титаев 2013]) вузовской науки, где могут появиться работы, посвященные разбору словообразовательных взглядов Адодурова [Арискина 2011], в которых список использованной литературы представлен только одной, изданной почти за сорок лет до этого, книгой; где бурная история исследований ранней русской грамматики почти полностью игнорируется, а из всех грамматических текстов Адодурова анализируется только один (опубликованный Б. А. Успенским) [Никитин 2009; Саввина, Телкова 2009; Даниленко 2009: 9–11; Хроленко 2013: 35–36], — в мире этом появление книги, вводящей в широкий научный оборот (пусть и не в идеальном переводе) памятник академической доломоновской грамматики (охватывающий к тому же все ее области, а не только фонетику и общие начала морфологии); книги, в которой, к тому же, кратко реферируются основные работы, опубликованные по этой теме после 1975 года, — может, пожалуй, приветствоваться при всех ее многочисленных недостатках. Очень хочется, чтобы студенты,⁴⁸ которым сегодня придется заниматься ранним этапом русской грамматической традиции, оказались бы завтра не в мире науки одного языка и на одном языке, провинциально изолированном и застывшем в прошлом, но в большом мире волнующих поисков и невероятных свежих находок, в котором направления исследований не ограничены языковыми барьерами и навыками чтения старого шрифта и рукописей. Приветствуя и призывая это светлое будущее, не могу между тем не высказать сомнения в том, что затерявшееся между двумя мирами новейшее издание "Anfangs-Gründe der russischen Sprache" сможет существенно поспособствовать его приходу.⁴⁹

⁴⁸ Относительно приведенного в приложении 3 по книге Б. А. Успенского (см. прим. 19), неудобочитаемого из-за исключенных издатели текстологических примечаний (их остаточные следы можно найти на с. 239, 240, 243, 250), текста т. н. грамматики Адодурова 1738–1740 гг. издатели замечают: "главная задача переиздания — познакомить современных филологов, особенно молодых, с этим замечательным памятником русской письменной культуры XVIII в." (с. 231). Хочется надеяться, что для знакомства с ним молодые филологи все же выберут книгу Б. А. Успенского, разыщут ее электронную копию в Интернете или же — бывают ведь и чудеса — откроют саму рукопись.

⁴⁹ Значительным вкладом в изучение "доломоновской" русистики является новая транскрипция основополагающего для этой области памятника — рукописи "Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache" (1729) И. Пауса, — подготовленная в предварительном виде Г. Кайпертом и А. Хутерер и переданная ими в 2016 г. в виде распечатки в ОР БАН и ИРЯ РАН. Надеемся, что высказанные исследователями в сопроводительном письме опасения о том, что "издатели путем произвольного «усовершенствования» неясных мест могут приписать беззащитному автору даже мысли, которые ему чужды", не остановят ученого, который в будущем пожелал бы опубликовать этот текст. Для такой публикации необходимы, однако, дополнительные поиски, и прежде всего — беловой рукописи труда Пауса (Прим. редакции).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В. Е. Адодуров. [Записка о Ъ и Ь]

Единственным известным грамматическим текстом В. Е. Адодурова с явным указанием авторства можно считать записку о Ъ и Ь, написанную им 11 марта 1737 г. Сохранился не только ее текст, но и достаточно хорошо известны обстоятельства ее появления.

4 марта 1737 г. в петербургской Академии наук был получен отправленный накануне пакет от настоятеля городской церкви в Мемеле и члена Берлинской академии наук Иоганна Арнольда Паули (Pauli, 1682–1741).ⁱ В пакете, помимо формального обращения к президенту Академии И.-А. Корфу с просьбой получить во временное пользование словарь хорватского языка (“Lexicon Illyricum”) из собрания покойного И.-В. Пауса, было помещено письмо к Г.-З. Байеру, продолжавшее давнюю переписку двух ученыхⁱⁱ и изъяснявшее дело более подробно. В приписке к этому письму Паули просил, “чтобы кто-нибудь из тамошних русских ученых определил подлинную природу и употребление Ъ и Ь в славянской азбуке”, мотивируя эту просьбу тем, что он хочет в своем обозрении сарматских языков “иметь в основании сарматский алфавит в применении к польскому диалекту”.ⁱⁱⁱ При том, что многочисленные запросы Паули Байер начал исполнять уже в день получения письма, особый запрос о двух славянских буквах (по-видимому, вместе с оригинальным письмом) был направлен Канцелярией Академии в Конференцию (собрание профессоров) только 7 марта. Однако 11 марта по приказу президента Канцелярия запросила оригинал письма назад для передачи адъютанту Адодурову. Его ответ был передан в архив Конференции 14 марта. Ко 2 мая Г. З. Байером и И. А. Корфом были подготовлены ответы Паули, причем пересылаемое ему “мнение” по его запросу рекомендовалось как подготовленное Российским собранием.^{iv} Наконец, 8 июля в архив Конференции Байером было переда-

ⁱ В 1710-х Паули был инспектором лютеранских проповедников при русском генералитете (генерал-штабс-пастор русской армии); впоследствии был известен лингвистическими штудиями [ARNOLDT 1746: 174–175; НАРТКОРФ 1992: 272; БЕСПЯТЫХ 1991: 63, 85; WINTER 1954]; уточнение о месте рождения Паули (не в Йоханнисбурге, как повторяется в справочниках, а в Каршау под Кенигсбергом) по его собственной записке см.: [SEMVRITZKI 1903: 206].

ⁱⁱ Два письма Паули к Байеру, от 17 мая 173 и от 6 января 1737 гг., предшествовавшие запросу о Ъ и Ь, см.: СПФ АРАН. Ф. 784. Оп. 2. № 5, лл. 46–46 об, 120–120 об. См. также [Протоколы 1897: указатель].

ⁱⁱⁱ “P. S. Noch eine bitte: Ew. Hoch. besorgen doch, daß jemand der dortigen Rußischen Gelehrten *vim genuinam et omnimodam* des Jer ind Jerj in der Slavonischen Az, *Buki* aussetzte. Ich will bei der *Collatione Lingu. Sarmatarum ein Alphabetum Sarmaticum, juxta dialectum Polonom* zum Grunde nehmen, dazu mir obige Observation sehr dienlich wäre” (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 25, л. 18; ср. снятую в канцелярии Академии наук копию: л. 21 об.).

^{iv} СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 22, л. 176–177. Российское собрание названо в письме Корфа “Rußische Gesellschaft”, а у Байера — “die Gesellschaft zur Verbeförderung der

но другое письмо Паули, где содержалось его собственное рассуждение о Ъ и Ь (“Anmerkung über Jer und Jeri, 1 ½ Seiten in 8vo”),^v которое предлагалось представить суждению Российского Собрания, что, по-видимому, сделано не было: [Протоколы 1897: 366, 368, 369, 371, 386, 407]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что записка была написана Адодуровым ad hoc как ответ на срочный запрос Президента Академии наук; неизвестно лишь, на каком языке она была представлена в Конференцию и переводилась ли. Несмотря на то, что большинство документов, связанных с этим эпизодом ученой корреспонденции Академии наук, сохранилось в ее архиве, подлинник заметки Адодурова неизвестен — в частности, его нет в протокольных бумагах Конференции Академии наук февраля-июля 1737 г. и в делах Канцелярии за январь-июнь того же года (СПФ АРАН. Ф. 1, оп. 2 (1737), №№ 2, 3, 4; Ф. 3, оп. 1, №№ 28, 29, 438).

Текст записки известен по единственному, позднему списку (СПФ АРАН. Разр. I, оп. 76, № 7, л. 1–1 об.). Судя по бумаге (IAS Pro Patria / [Pro Patria — дева и лев ориентированы направо] | GR [под короной]), список выполнен в первой половине 1750-х гг.^{vi} Записка сохранилась в составе

Rußischen Sprache”. Судя по этим указаниям, между 11 и 14 марта записка Адодурова обсуждалась в этом органе Академии наук.

^v “Daß ich mir die Freyheit genommen [habe] nach dem Unterscheid und Gebrauch der Buchstaben zu fragen, Ъ und Ь, *Jer et Jeri*, war die Hofnung etwas mehrers davon zu erfahren, als theils in den *allegirten* Gründen der Rußischen Sprache, theils in *Ludolfs Grammatica Russica* davon gefunden, indem ich nur erfahren wolte, ob dieselben bey einem algemeinen *alphabeth* vor alle *Sarmatische Dialectos* entweder müsten beybehalten, oder könnten wegen gelaßen werden. / Die Nothwendigkeit das *Jer* beyzubehalten, rathet der augenscheinliche Nutzen bey dem Buchstabieren, deutliche Aussprechen, und leichten Zergliederung derer Zusamengesetzten Wörter, daher zu wünschen wäre, daß es auch bey den deutschen möchte können eingeführt werden, um denen Ausländern in diesem Stücke die Erlernung der Sprache zu erleichtern. / Das *Jeri* scheint fast in allen Sprachen der *Sarmater* unentbehrlich zu sein, weil sie ihre meiste *Consonantes* in gewissen Wörtern weich zu machen sich genöthiget sehen, die Ungern thun solches durch ein *ÿ*, die Polen, theils durch ein kurz *i*, theils durch einen *acutum* bey *b', m', n', s'*. Vielleicht könnte demselben, nach Arth derer // Griechen, durch ein *Jota Subscriptum*, oder *literae inscriptionum*, abgeholfen werden. / Künftig werde mich darüber weiltäufiger erklären, und mir das Gutachten und hochgeneigten Rath von der Hochlöblichen Gesellschaft der Rußischen Sprache aus bitten” (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 25, л. 73–73 об.; ср. копию на л. 90–91 и краткую отсылку к этой заметке в письме к Байеру: л. 69 об., 87). Текст публикуется в орфографии подлинника; знак “/” означает конец абзаца; “//” — конец страницы. Курсивом выделены фрагменты, записанные в подлиннике латинским шрифтом. Русский перевод см. в прим. xv.

^{vi} Наиболее ранняя датировка этой бумаги — 1751 г. (см. водяной знак № 660 в: [Клепиков, Кукушкина 1971]); ср. документ: СПФ АРАН. Ф. 3, оп. 1, № 461, л. 458–459: определение Канцелярии Академии наук о печатании “сделанного профессорами старых лет третьего надесять тому Комментариев” от 9 ноября 1751 г.). Помимо упоминаемых ниже документов ср. также сборник со списками на этой бумаге стихов и газетных сообщений в связи с рождением вел. кн. Павла Петровича в 1754 г. (БАН 16.8.4, л. 1–8, 18, 27, 72–101, 104; ср. [Мартынов 1980: 109]) и рабочие записи Ломоносова, сделанные, по-видимому, ок. 1752 г.: а) “Материал заготовить: 1. Белой фритты. . .”; б) “Бобыль. / Вепрь. . .”; “ай, ей, ой, уй, йй, лей, лйй” (СПФ АРАН. Ф. 20, оп. 1, № 5, л. 55–56; ср.: [Меншуткин 1940: 12, 17; Ломоносов 1952: 660–661]).

связки (№ 76) бумаг Конференции Академии наук рядом с документами, относящимися к различным конфликтам В. К. ТрEDIAKовского 1755 г. [ПЕКАРСКИЙ 1873: 174–198; ГРИНБЕРГ, УСПЕНСКИЙ 2001; УСПЕНСКИЙ 1984]. В этом комплексе на той же бумаге записан “Ответ [Сумарокову] на письмо о сафической и гораианской строфах” [СПФ АРАН. Р. I, оп. 76, № 9]. Известно также, что та же бумага была использована в 1753 г. в списке “Псалтири” ТрEDIAKовского, отправленном им в 1754 г. для получения разрешения на издание в Синод [Погорелов 1901: 165].^{vii} Можно предполагать, что записка о Ъ и Ь входила в комплекс конфликтных материалов ТрEDIAKовского как оправдывающий его документ. В этом убеждает прежде всего то, что составляющая вместе с ней тетрадь записка Х. Н. Винсгейма о польской транскрипции русского алфавита (СПФ АРАН. Разр. I, оп. 76, № 7, л. 2–3; список выполнен тем же почерком на родственной бумаге: (GR [под короной] | Pro Patria IAS / [Pro Patria — дева и лев ориентированы налево]^{viii}), текст которой относится к 1741 г.,^{ix} находит общее с предварающим ее текстом лишь в одном: в обоих утверждается, что произношение литеры Ь представляет собой укороченную \dot{I} (в записке о Ъ и Ь: “Литера Ь [. . .] имеет половинный звон гласной \dot{I} ”; в записке о транскрипции: “Ь [. . .] где сия литера случается, там над предыдущею согласною ставится акцент (’), и потому произносится она мягко; так, будто бы за тою согласною \dot{I} стояло”^x).

^{vii} Рукопись хранится в РГАДА (ф. 381, № 1037). Бумага с филигранями “IAS” и “Pro Patria” обоих типов (с ориентацией фигур направо и налево) использована здесь для страниц (в рукописи отсутствует полистная нумерация) 3–10, 63–112, 191–366, 415–446, то есть составляет большую часть листов рукописи (135 из 236).

^{viii} Бумага с этой филигранью датируется 1752–1756 гг. (см. водяной знак № 614 в: [Клепиков, Кукушкина 1971] — письмо Н. Головкина из Гааги от 30 окт. 1752 г. и список новгородского летописного свода, выполненный в Академии наук к 1756 г.). На бумаге с этой филигранью написаны также письма Ломоносова к И. И. Шувалову от 3 марта 1752 г. и к П. И. Шувалову 10 мая 1753 г. (СПФ АРАН. Ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 1–4).

^{ix} Винсгейму документ этот можно надежно атрибутировать на основании записей в протоколах Конференции Академии наук от 27 и 29 мая 1741 г.: “27 мая из Канцелярии получено предложение г. проф. Винсгейма о том, каким образом при подготовке Генеральной карты порядочно установить, как русские буквы должны употребляться в других языках [. . .] 29 мая, согласно мнению г. Юстиц-советника Гольдбаха и многих других профессоров о том, что подготовленное г. проф. Винсгеймом предложение об использовании русских букв в иностранных языках, собственно, надлежит до Российского собрания, а также должно быть оценено опытными переводчиками Св. Синода, г. советник Шумахер взял это сочинение для передачи в Канцелярию” [Протоколы 1897: 682–683]. Ср. запись о поступлении в Канцелярию Академии наук на подлинном немецком документе: “Praes. d. 6. Jun. 1741” (СПФ АРАН. Разр. I, оп. 23, № 19, л. 1).

^x СПФ АРАН. Разр. I, оп. 76, № 7, л. 3. Ср. немецкий текст: “Wo dieser Buchstabe vorkommt, da wird auf den vorhergehenden *consonantem* ein *accent* (’) gesetzt und derselbe als dann gelinde und als wenn noch ein j hinten an wäre, ausgesprochen” (СПФ АРАН, Разр. I, оп. 29, № 13, л. 2; варианты на снятых, по видимому, в 1741 г. при подаче записки в Канцелярию копий (на бумаге с филигранями “КОМЕРЦЬ | КОЛЕГИИ” [Клепиков 1959: № 309]): там же, л. 4, 5 об., 7 об). На одном из приложенных к записке Винсгейма дополнительных вариантов транс-

Эта мысль отражена в статье ТрEDIAKовского о правописании окончаний прилагательных, где направлена против критики в эпиграмме “Искусные певцы всегда в напевах тшатся. . .”:^{xi} “Да видят теперь эпиграмками играющие, коль праведно и основательно они оглашают небесную, по их же, красоту нашего языка, что будто он ищет всегда себе увольнения от (и), и приводят в пример [. . .] только некоторые народные и стихотворческие вольности, каковы суть сии: иль вместо или, спать вместо спати. Да знают, наконец, что знак сей (ь) есть не что иное, как то ж самое (и), но токмо ослабленное звоном”.^{xii} Если две записки действительно составляют часть апелляционных документов ТрEDIAKовского, можно предполагать, что он использовал их в качестве официальных нормативных документов, прошедших через Канцелярию и Конференцию Академии наук, для подтверждения своей правоты.^{xiii}

По большей части материал, представленный в записке, находит себе соответствия в рукописном “Compendium Grammaticae Russicae” [КЕРПЕРТ, НУТЕКЕР 2002: 59–61, 149–151] и упоминаемых в начале ее текста “Anfangs-Gründe der russischen Sprache” (ориг., с. 5), при этом весь иллюстративный материал заимствован из последних. Поскольку запрос Паули не содержал никаких ясных вопросов к “русским ученым” о Ъ и Ь, Адодуров был вполне волен в выборе материи. Судя по тому, что за несколько часов составитель “Anfangs-Gründe” сумел не только повторить тезисы своего давнего труда и положения “Compendium Grammaticae Russicae”, но и добавить к ним два достаточно нетривиальных тезиса,^{xiv} которые можно найти также в русской грамматике академической гимназии 1738–1740 гг. [УСПЕНСКИЙ 1975: 32–37], соответствующий фрагмент мог быть в распоряжении Адодурова уже в марте 1737 г.

Показательно для нормативного характера “Anfangs-Gründe”, что, несмотря на отсутствие в этом пособии явных предложений отказаться от использования Ь в финальной позиции, Паули воспринял соответствующий

литерации (см. там же, л. 9–10) литера Ь, в соответствии с указаниями записки (“сїя литера не ставится потому, что она никакого звону не имѣеть”; ср. нем.: “wird weggelassen, weil es gar keinen Laut hat”: СПФ АРАН, Разр. I, оп. 76, № 7, л. 3; там же, оп. 23, № 19, л. 2), в таблице отсутствует, а Ь предлагается записывать с помощью *i* (СПФ АРАН. Разр. I, оп. 29, № 13, л. 9).

^{xi} Ср.: “ищет наш язык всегда от И свободы: // Или уж стало иль [. . .] // спать мы говорим за спати [. . .] // Языка нашего небесна красота // Небудет никогда по-пранна от скота” [Ломоносов 1959: 542]. ТрEDIAKовский, по-видимому, считал автором эпиграммы Сумарокова [Успенский 1984].

^{xii} СПФ АРАН. Разр. I, оп. 76, № 6, л. 3 об. Приведен начальный текст статьи. Публикацию с правкой см.: [ПЕКАРСКИЙ 1866: 105–106].

^{xiii} Более подробно вопрос о документах, связанных с конфликтами ТрEDIAKовского в 1755 г., рассматривается мною в статье “Материалы о конфликтах В. К. ТрEDIAKовского 1755 г. как документальный комплекс”, предназначенной в 29-й сборник “XVIII век”.

^{xiv} 1) О характере составных слов, в середине которых пишется Ъ (“которые состоят из предлога, кончающегося на согласную, и из слова, начинающегося с гласной”), с соответствующими разъяснениями, и 2) о строгой количественно-временной характеристике произношения Ь (“оную выговаривать должно в половину времени против того, в какое гласная *l* произносится”).

фрагмент Адодурова именно в этом ключе, чем и был вызван исходный запрос, сколько можно судить по ответной заметке Паули.^{xv} Не вполне понятно, уловил ли Адодуров этот скрытый вопрос, — во всяком случае, объяснение природы финального Ъ дано в записке более отчетливо, чем в пособии 1731 г. (сравнение с кустом заменено на слова о «всеобщем обыкновении» — см. прим. 32). Можно предполагать, что именно заостренный ответной запиской Паули вопрос о подлинной пользе двух букв стал поводом к появлению в грамматике 1738–1740 гг. явного предложения не употреблять Ъ на конце слова.

О записке впервые упомянул П. П. ПЕКАРСКИЙ [1870: 506]; публикация, предполагавшаяся исследователем, списавшим ее в конце XIX – начале XX вв. [СПФ АРАН. Разр. V, оп. А, № 10/1, л. 1], не состоялась; факсимильное воспроизведение оригинала с частичной транскрипцией опубликовано Б. А. Успенским [1975: 32–37]. В настоящей публикации при передаче текста сохранена орфография оригинала, за исключением следующих случаев: а) правописание прописных и строчных букв приведено в соответствие с современными нормами; для передачи однолитерных буквенных символов использованы прописные буквы; б) слитные/раздельные написания предлогов приведены в соответствие с современными нормами; для слитных в оригинале написаний предлогов, оканчивающихся на согласную, Ъ при раздельном написании не восстанавливается; в) выносные буквы внесены в строку; Ъ и Ь после выносных согласных восстанавливаются; г) не различаются символы У и Ъ. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами; случаи замены знаков препинания оригинала оговорены в постраничных примечаниях. Подчеркнутые слова и символы оригинала переданы курсивом. Внесенные публикатором в текст символы (пунктуационные знаки; Ъ и Ь после выносных согласных; раскрытие аббревиатуры) набраны полужирным шрифтом.

^{xv} “Что я принял смелость задать вопрос о разнице и употреблении букв Ъ и Ь (ер и ерь), было то в надежде узнать нечто большее, чем то что сообщается, с одной стороны, в упомянутых основаниях русского языка [т. е. “Anfangs-Gründe” 1731 г.; имеется в виду, по-видимому, упоминание в записке Адодурова. — А. К.], а с другой — в *Grammatica Russica* Лудольфа [ср. [LUDOLF 1696: 7–8; Лудольф 1937: 117–118; Ларин 2002: 550]. — А. К.], причем я лишь хотел узнать, должны ли они быть оставлены в универсальном алфавите сарматских языков, или от них можно отказаться. / Необходимость сохранить Ъ подсказывается очевидной пользой в письме (Buchstabieren), четком произношении и более легком разборе составных слов; оттого было бы желательно, чтобы то же по возможности было введено и у немцев, чтобы в этом отношении облегчить иностранцам обучение языку. / Ь, кажется, необходим почти во всех сарматских языках, поскольку для большинства их согласных в определенных словах приходится отмечать мягкость: венгры используют для этого Ъ; поляки или краткое *i*, или акуп при *b'*, *m'*, *n'*, *s'*. Возможно, для того же можно было бы использовать, по обычаю греков, иоту подписную или вписанную в букву. / В будущем я объясню это более подробно и буду просить отзыва и обстоятельного совета у высокопочтенного общества русского языка [т. е. Российского собрания. — А. К.].” Нем. текст см. в прим. V. За помощь в подготовке текста и перевода записки Паули сердечно благодарю Р. Марти.

* * *

/1/ О разности и употребленіи литеры Ъ и Ь, сколько потребно, объявлено уже въ первыхъ основаніяхъ російскаго языка, при здѣшнемъ лексиконѣ пріобщенныхъ, однако о литерѣ Ъ примѣчать надлѣжитъ слѣдующее:^A

1) Что она совсѣмъ не выговаривается,

2) Что она въ сложныхъ словахъ, которыя состоятъ изъ предлога, кончающагося на согласную, и изъ слова, начинающагося съ гласной, съ предлогомъ ставится, и такимъ образомъ она не токмо ясно показываетъ, изъ какихъ особенныхъ словъ состоитъ сложное слово, но и различаетъ согласную, которую^B предлогъ кончится, отъ гласной послѣдующаго слова;^C слѣдовательно, весьма много способствуетъ къ правильному произношенію такихъ сложныхъ словъ, напримеръ: въ словѣ *подъемлю*,^D которое слагается изъ предлога^E *подъ* и глагола *емлю*, различаетъ литеру Ъ, между сими двумя словами въ срединѣ поставленная, части, оное сложное слово составляющія; при томъ же показываетъ, что литеру Д при произношеніи принадлѣжитъ къ предыдущей гласной О, а не къ послѣдующей Е, и тако читается *подъ-емлю*,^F а не *по-демлю*.

3) Что ко всѣмъ словамъ, на согласную кончающимся, по всеобщему обыкновенію на концѣ поставляется, токмо в произношеніи предъ идущей согласной не дѣлаетъ ни малѣйшей^G перемѣны.

Литера Ь отъ литеры Ъ какъ начертаніемъ, такъ и употребленіемъ разнствуетъ и имѣетъ /1 об./ половинной звонъ гласной Ъ, ибо оную выговаривать должно в половину времени противъ того, въ какое гласная Ъ произносится; изъ сего слѣдуетъ, что литеру Ь сама собою, равно какъ и литеру Ъ,^H никакого звону не имѣетъ, но токмо предыдущую согласную в произношеніи нѣсколько умягчаетъ, и потому сія литеру въ старинныхъ славенскихъ грамматикахъ съ довольнымъ основаніемъ за совершенную гласную не положена, но токмо за такую литеру почтена, которая нѣкоторымъ образомъ къ гласнымъ

^A в ориг. -;

^B в **которою** последняя **о** записана *поверх* **выскобленного** [у ?]

^C в ориг. - ,

^D **подъ** записано из **выскобленного** [нрзб.]

^E Слово *приходится* на **границу** **строк**: **предъ/лога**

^F Слово *приходится* на **границу** **строк**: **подъ-/емлю**. Из 27 случаев (вкл. случай из прим. е) несовпадения **конца** **строки** и **конца** **слова** **знак** **переноса** в **списках** из **дела** (СПФ АРАН. Разр. 76, № 7) **поставлен** **только** в **десяти** (в **списке** **записки** о Ъ и Ь — **шесть** из **пятнадцати**).

^G **Диакритический** **знак** **над** **первой** **и** в **малѣйшей** ([^]) **отличается** **от** **употребляемых** в **остальной** **рукописи** **знаков** **краткости** ([~]). **Можно** **предположить**, **что** **писецъ** **использует** **краткую** **И** **только** в **финальной** **позиции** и в **суффиксе** **-ѣиш-** (ср. в **записке** о **транскрипции** отчетливо **читаемое** **наиспособнѣйшій** — л. 2), **сомневаясь** в **необходимости** **последней** **нормы** (ср. **записанное** **отчетливо** **без** **диакритик** **слова** **дѣйствительную** — л. 1 об.). **Благодарю** **за** **это** **устное** **замечание** **К. Н. Лемешева**.

^H **Ъ** **записана** **поверх** **выскобленного** **Ъ**

причислена быть можетъ, и для того названа *писмянемъ припряжногласнымъ*;¹ сверхъ показанной разности въ звонѣ, при согласныхъ отъ сея литеры происходящемъ, дѣлаетъ она такъ же дѣйствительную разность и въ самыхъ словахъ, напимѣръ *братъ* и *брать*.

Что здѣсь о звонѣ и свойствѣ помянутыхъ литеръ нами объявлено, оное такъ же показываетъ, что никакое слово и никакой² слогъ съ *Ъ* или *Ь* не начинается.

В: Ададуровъ.

марта 11 дня
1737 году.^к

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Основные исправления к публикации русской грамматики
1738–1740 гг. [Успенский 1975]

Выполненное Б. А. Успенским в 1975 г. издание курса русской грамматики, читавшегося в гимназии Петербургской Академии наук в 1738–1740 гг., составленной, по-видимому, В. Е. Адодуровым, имело революционное значение для исследований по истории русской грамматики и языковой ситуации послепетровской России. Обстоятельное исследование, а также тщательно подготовленный текст, снабженный многочисленными текстологическими примечаниями (из них особенно ценны варианты по “Российской грамматике”, выпущенной в 1750 г. в Стокгольме М. Грёнингом и восходящей к найденному Б. А. Успенским тексту) и историко-лингвистическими комментариями, заслуженно делают эту книгу востребованной и спустя 40 лет после ее появления в свет.

Между тем, следует учитывать одну особенность этого издания: для него текст источника готовился в чрезвычайно сжатые сроки жившим в Москве исследователем по рукописи, хранившейся в ленинградской библиотеке; в основу работы были положены заказанные у Библиотеки академии наук фотокопии, о чем можно судить и из листа использования рукописи, и по ряду допущенных при публикации неточностей. Можно предполагать, что именно работа с фотокопиями заставила издателя отказаться от публикации разночтений рукописи в полном объеме, сделав оговорку, что “мы отмечаем подобные случаи лишь там, где удалось разобрать первоначальный текст” (с. 127). По предварительной оценке (для с. 93–111), в текстологический комментарий не попала большая часть вариантов, различимых в подлиннике (112 из 185), что сделало примечания более удобочитаемыми, поскольку львиная доля пропущенных вариан-

¹ в ориг. - ,

² в **никакой** первая **к** выправлена из другой (нрзб.) буквы

^к Возможно также чтение **г[о]д[а]**

тов приходится на графические замены вроде *Ѣ* на *У* или *Ѧ* на *О*. С учетом использованного источника текста, а также времени, затраченного на подготовку публикации, она выполнена на самом высоком уровне: для всего текста, за исключением незначительных и немногочисленных отступлений от подлинника (пропуск или постановка знака препинания, внесение в строку выносных букв; воспроизведение верного текста, а не описки, и т. п.), можно указать лишь 10 значимых уточнений, выявленных при необходимой технической подготовке рецензии на новейшее издание “Anfangs-Gründe der russischen Sprache”.

Цифра в первом столбце указывает на номер страницы текста по пагинации подлинника (воспроизведенной на полях в издании 1975 г.); во втором — на номер строки в публикации Б. А. Успенского, отсчитывая от первого символа за знаком разделения страниц (//). При воспроизведении текста в четвертом столбце использованы принципы публикации Б. А. Успенского (с. 92).

С.	Строка	Текст в публикации 1975 г.	В подлиннике
1	6–7	и ^з являють	и ^з являеть
7	7–8	сове ^р ше ^н но но токмо	сове ^р ше ^н но гласную ^о но токмо
7	14	азбукѣ	языкѣ ^{**}
10	20	по ^л гласною	по ^л гласною
10	21	назва ^т ся	наз ^н ва ^т ся
14	2	въ словѣ	а въ словѣ
113	4	Сѣнь	Сѣнь ^{***}
116	2	Їйсъ или Їсѣ	Їйсъ vel Їсѣ
117	5	Срце	Срѣце
120–121	15–2	надлежа ^т до нѣко ^т орой час ^т и особливѣ ^х // словѣ и что оныя [. . .] пишу ^т ся	надлежа ^т до нѣко ^т орой час ^т и особливой // слова и что оныя для тово пишу ^т ся

* В текстологическом примечании указано, что после *сове^рше^нно* “в рукописи зачеркнуты слова «гласную литеру»” (с. 131). В подлиннике зачеркнуто только слово *литеру*; на слово *гласную* с оборота листа протекли чернила от зачеркивания слова *начинающагося*; ошибка, бесспорно, вызвана использованием фотокопии.

** В соответствии с текстологическим примечанием, Б. А. Успенский предлагает считать, что в этом месте рукописи (“она въ нѣмъ азбукѣ имѣеть свою совершенную ползу”) “отсутствие согласования с местоименной формой обусловлено тем, что писец, начав писать «въ нѣмъ языкѣ», исправил последнее слово, оставив без исправления форму местоимения” (с. 131–132). Это мнение вызвано, по-видимому, тем, что подготовка текста велась по фотокопии: из подлинника очевидно, что направление правки было, наоборот, от *азбукъ* к *языкъ*. Можно добавить, что в рассматриваемой фразе в слове *сове^ршенную* последние две буквы выправлены из *oe*, а слово *свою* допускает чтение *свое*.

*** *ы* дописано

Библиография

АРИСКИНА 2011

АРИСКИНА О. Л., "Изложение учения о морфемике и словообразовании в «Грамматике» В. Е. Адодурова (1738–1740)", *Вестник Мордовского университета*, 1, 2011, 14–16.

БАБАЕВА 2004

БАБАЕВА Е. Э., "[Рец. на:] *Compendium Grammaticae Russicae*. . .", *Русский язык в научном освещении*, 7 (1), 2004, 286–297.

БЕСПЯТЫХ 1991

БЕСПЯТЫХ Ю. Н., *Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии*, С.-Петербург, 1991.

Волков, Филиппов 2014

Волков С. С., Филиппов К. А., отв. ред., КАРЕВА Н. В., отв. секр., *Василий Евдокимович Адодуров: "Anfangs-Gründe der Russischen Sprache" или "Первые основания русского языка". Формирование русской грамматической традиции*, С.-Петербург, 2014.

ГРИГОРЬЕВ 1870

ГРИГОРЬЕВ В. В., *Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования*, С.-Петербург, 1870.

ГРИНБЕРГ, УСПЕНСКИЙ 2001

ГРИНБЕРГ М. С., УСПЕНСКИЙ Б. А., *Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х гг.*, Москва, 2001.

Даниленко 2009

ДАНИЛЕНКО В. П., *История русского языкознания. Курс лекций*, Москва, 2009.

ЖИВОВ 1991

ЖИВОВ В. М., "[Рец. на:] *Vasilij Kirillovic Trediakovskij, Psalter 1953*. . .", *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 50/6, 1991, 551–555.

— 1996

ЖИВОВ В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.

— 2004а

ЖИВОВ В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*, Москва, 2004.

— 2004б

ЖИВОВ В. М., "[Рец. на:] *Compendium Grammaticae Russicae*. . .", *Вопросы языкознания*, 1, 2004, 145–151.

Зубков 2009

ЗУБКОВ К. Ю., "«Во глубине сибирских руд. . .»", в: *Пушкинская энциклопедия. Произведения*, 1: А–Д, С.-Петербург, 2009, 272–274.

КАРЕВА 2011а

КАРЕВА Н. В., "Наименования глагольных категорий в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова" (дисс. [. . .] канд. филол. наук, ИЛИ РАН, С.-Петербург, 2011).

— 2011б

КАРЕВА Н. В., "Наименования глагольных категорий в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова" (автор. дисс. [. . .] канд. филол. наук, ИЛИ РАН, С.-Петербург, 2011).

— 2011в

КАРЕВА Н. В., "Становление традиции грамматического описания русского языка (1730–1750-е гг.)", в: *Литературная культура России XVIII века*, 4, С.-Петербург, 2011, 90–109.

Клепиков 1959

Клепиков С. А., *Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века*, Москва, 1959.

Клепиков, Кукушкина 1971

Клепиков С. А., Кукушкина М. В., “Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения (Материалы для датировки рукописных и печатных текстов). Продолжение”, в: *Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению*, 3, Ленинград, 1971, 319–382.

Копелевич 1990

Копелевич Ю. Х., “Отчет Адодурова о его работе в Академии наук (1737)”, *Вопросы истории естествознания и техники*, 1, 1990, 90–93.

Костина 2016

Костина Т. В., “К вопросу о численности и статусе первых академических студентов в Петербурге (1725–1732 гг.)”, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви*, 1 (68), 2016, 32–44.

ЛАЗАРЕВ 2014

LAZAREV Ja., “Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. К вопросу о роли некоронных агентов в управлении государством раннего Нового времени”, *Cahiers du monde russe*, 55/3–4, 2014, 215–234.

Ларин 2002

Ларин Б. А., *Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков*, С.-Петербург, 2002.

Ломоносов 1952

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений, 7: Труды по филологии*, Москва, Ленинград, 1952.

— 1959

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений, 8: Поэзия, ораторская проза, надписи*, Москва, Ленинград, 1959.

— 2011

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений, 7: Труды по филологии*, Москва, С.-Петербург, 2011.

Лудольф 1937

Ларин Б. А., пер., вступ. ст. и прим., *Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696*, Ленинград, 1937.

МАКЕЕВА 1961

МАКЕЕВА В. Н., *История создания “Русской грамматики” М. В. Ломоносова*, Москва, Ленинград, 1961.

МАРТЫНОВ 1980

МАРТЫНОВ И. Ф., сост., *Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, 4/2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения, XVII – первая треть XIX в.*, Ленинград, 1980.

МАТЕРИАЛЫ 1886

Материалы для истории Императорской академии наук, 3: 1736–1738, С.-Петербург, 1886.

МЕНШУТКИН 1940

МЕНШУТКИН Б. Н., пред. и пер., Аннинский С. А., ред. текстов и пер., “Лабораторный журнал и лабораторные записи М. В. Ломоносова”, в: *Ломоносов. Сборник статей и материалов, 1*, Москва, Ленинград, 1940, 9–65.

Миллер 1890

Материалы для истории Императорской академии наук, 6: История Академии наук Г. Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера, С.-Петербург, 1890.

— 2006

Миллер Г. Ф., *Избранные труды*, С. С. Илизаров, сост., ст., прим., Москва, 2006.

Морозов 1962

Морозов А. А., М. В. Ломоносов. *Путь к зрелости. 1711–1741*, Москва, Ленинград, 1962.

Никитин 2009

Никитин О. В., “Василий Евдокимович Адодуров (к 300-летию со дня рождения)”, *Русский язык в школе*, 5, 2009, 104–110.

ПЕКАРСКИЙ 1866

ПЕКАРСКИЙ П. П., “Дополнительные известия для биографии Ломоносова”, *Записки Императорской Академии Наук*, 8/2, 1866, Прил. 7.

— 1870

ПЕКАРСКИЙ П. П., *История Императорской Академии Наук в Петербурге*, 1, С.-Петербург, 1870.

— 1873

ПЕКАРСКИЙ П. П., *История Императорской Академии Наук в Петербурге*, 2, С.-Петербург, 1873.

Погорелов 1901

Погорелов В. А., *Библиотека Московской синодальной типографии*, 1/3: *Псалтыри*, Москва, 1901.

Протоколы 1897

Протоколы заседаний Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года, 1, С.-Петербург, 1897.

Ралева 2005

РАЛЕВА Ц., “[Рец. на:] Compendium Grammaticae Russicae. . .”, *Болгарская русистика*, 3–4, 2005, 87–92.

Рогова 1991

Рогова А. И., “Стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд . . .»: (Текстологические проблемы)”, *Русская литература*, 4, 1991, 99–114.

Саввина, Телкова 2009

Саввина О. А., Телкова В. А., “Василий Евдокимович Адодуров – первый русский адъюнкт Академии (к 285-летию создания Петербургской Академии наук и 300-летию со дня рождения В. Е. Адодурова)”, *Philologos*, 1–2 (5), 2009, 280–289.

Соколов, Титаев 2013

Соколов М. М., Титаев К. Д., “Провинциальная и туземная наука”, *Антропологический форум*, 19, 2013, 239–275.

СПбВ 1728

Санкт-петербургские ведомости, 102 (21 дек.), 1728, Супплемент.

СРЕЗНЕВСКИЙ 1866

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы*, С.-Петербург, 1866.

Таценко 1982

Таценко Т. Н., “Палеография немецких документов XVIII в.”, в: *Вспомогательные исторические дисциплины*, 13, Ленинград, 1982, 293–313.

ТРЕДИАКОВСКИЙ 1989

LEVITSKY A., VASILIJ KIRILLOVIC TREDIAKOVSKIJ. *Psalter 1753. Erstaussgabe* (= Biblia Slavica. Serie 3: Ostslavische Bibeln, 4: Russische Psalmenübertragungen, b. Vasilij Kirillovič Trediakovskij), Paderborn et al., 1989.

УСПЕНСКИЙ 1975

УСПЕНСКИЙ Б. А., *Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики*, Москва, 1975.

— 1984

УСПЕНСКИЙ Б. А., “К истории одной эпиграммы Тредиаковского (эпизод языковой полемики середины XVIII в.)”, *Russian Linguistics*, 8/2, 1984, 75–127, DOI: 10.1007/BF02529825.

— 1992

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Доломоносовские грамматики русского языка (итоги и перспективы)”, в: *Доломоносовский период русского литературного языка = The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language* (= Slavica Suecana. Series B. Studies, 1), Stockholm, 1992, 63–169.

— 1997

УСПЕНСКИЙ Б. А., *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997.

ФОМИЧЕВА 2014

ФОМИЧЕВА О. А., А. С. Будилович. *Деятельность в национальных регионах пореформенной Российской империи*, С.-Петербург, 2014.

ХРОЛЕНКО 2013

ХРОЛЕНКО А. Т., *История филологии. Учебное пособие*, Москва, 2013.

ЯКОБСОН 1978

ЯКОБСОН Р. О., “О лингвистических аспектах перевода”, в: *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей*, Москва, 1978, 16–24.

ARNOLDT 1746

ARNOLDT D. H., *Ausführliche und mit Urkunden versehene Historie der Königsbergischen Universität*, 2, Königsberg, 1746.

DAIBER 1992

DAIBER TH., *Die Darstellung des der Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert*, [Freiburg], 1992.

DREI GRAMMATIKEN 1969

UNBEGAUN B. O., *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750*, München, 1969.

HARTKOPF 1992

HARTKOPF W., *Die Berliner Akademie der Wissenschaften. Ihre Mitglieder und Preisträger. 1700–1990*, Berlin, 1992.

КЕИПЕРТ 1983

КЕИПЕРТ Н., “Die Petersburger »Teutsche Grammatica« und die Anfänge der Russistik in Rußland,” in: G. FREIDHOF, P. KOSTA, M. SCHÜTRUPF, Hrg., *Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert* (= Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag, 3), München, 1983.

— 1995

КЕИПЕРТ Н., “Das Problem der Motion in den ältesten Grammatiken des Russischen,” in: *The Language and Verse of Russia. In Honor of D. S. Worth on His 65-th Birthday = Язык и стиль в России. Сб. в честь Дина С. Ворты к его 65-летию* (= UCLA Slavica Studies. New Series, 2), Москва, 1995, 172–180.

— 1999

КЕИПЕРТ Н., “*И contractum redivivum*. Zur Wiedereinführung des и краткое im russischen Buchdruck,” *Zeitschrift für Slawistik*, 44/3, 1999, 251–267.

KEIPERT, HUTERER 2002

KEIPERT H., HUTERER A., Hrsg., *Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache*, München, 2002.

LUDOLF 1696

Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta russicae linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad grammaticam slavonicam, Oxonii, 1696.

SEMBRITZKI 1903

SEMBRITZKI J., "Zu Pisanski's Collectanea zu einer Beschreibung der Stadt Johannisberg," *Mitteilungen der Literarischen Gesellschaft Masovia*, 9, 1903, 205–206.

SPZ 1728

St. Petersburgische Zeitung, 102 (21 Dec.), 1728, Anhang.

WEISMANN'S LEXIKON 1983

SCHOLZ B., FREIDHOF G., KOSTA P., SCHÜTRUMPF M., Hrsg., *Weismann's Petersburger Lexikon von 1731*, 3: *Grammatischer Anhang*, München, 1983.

WINTER 1954

WINTER E., *Die Pflege der west- und südslavischen Sprachen in Halle im 18. Jahrhundert: Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationwerdens der west- und südslavischen Völker*, Berlin, 1954.

WORTH 2004

WORTH D., "[Rev.:] *Compendium Grammaticae Russicae*. . .," *Die Welt der Slaven*, 2, 2004, 401–402.

References

Ariskina O. L., "Izlozhenie ucheniia o morfemike i slovoobrazovanii v 'Grammatike' V. E. Adodurova (1738–1740)," *Mordovia University Bulletin*, 1, 2011, 14–16.

Babaeva E. E., "[Rev.:] *Compendium Grammaticae Russicae*. . ." *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 7 (1), 2004, 286–297.

Bespiatykh Yu. N., *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniakh: Vvedenie. Teksty. Kommentarii*, St. Petersburg, 1991.

Daiber Th., *Die Darstellung des Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfängen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert*, [Freiburg], 1992.

Danilenko V. P., *Istoriia russkogo iazykoznanii. Kurs lektsii*, Moscow, 2009.

Fomicheva O. A., A. S. Budilovich. *Deiatel'nost' v natsional'nykh regionakh poreformennoi Rossiiskoi imperii*, St. Petersburg, 2014.

Grinberg M. S., Uspenskij B. A., *Literaturnaia voina Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh – nachale 1750-kh gg.*, Moscow, 2001.

Hartkopf W., *Die Berliner Akademie der Wissenschaften. Ihre Mitglieder und Preisträger. 1700–1990*, Berlin, 1992.

Jakobson R. O., "On Linguistic Aspects of Translation," in: *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike*, Moscow, 1978, 16–24.

Kareva N. V., "Stanovlenie traditsii grammaticheskogo opisaniia russkogo iazyka (1730–

1750-e gg.)," in: *Literaturnaia kul'tura Rossii XVIII veka*, 4, St. Petersburg, 2011, 90–109.

Keipert H., "Die Petersburger »Teutsche Grammatica« und die Anfänge der Russistik in Rußland," in: G. Freidhof, P. Kosta, M. Schütrumpf, Hrsg., *Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert* (= *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag*, 3), München, 1983.

Keipert H., "Das Problem der Motion in den ältesten Grammatiken des Russischen," in: *The Language and Verse of Russia. In Honor of D. S. Worth on His 65-th Birthday* (= *UCLA Slavica Studies. New Series*, 2), Moscow, 1995, 172–180.

Keipert H., "I contractum redivivum. Zur Wiedereinführung des i kratkoe im Russischen Buchdruck," *Zeitschrift für Slavistik*, 44/3, 1999, 251–267.

Keipert H., Huterer A., Hrsg., *Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der Russischen Sprache*, München, 2002.

Khrolenko A. T., *Istoriia filologii*, Moscow, 2013.

Klepikov S. A., *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX veka*, Moscow, 1959.

Klepikov S. A., Kukushkina M. V., "Filigran' Pro Patria' na bumage russkogo i inostrannogo proiskhozhdeniia (Materialy dlia datirovki rukopisnykh i pechatnykh tekstov). Prodolzhenie," in: *Sbornik statei i materialov Biblioteki AN SSSR po knigovedeniiu*, 3, Leningrad, 1971, 319–382.

Kopelevich Yu. Kh., "Otchet Adodurova o ego rabote v Akademii nauk (1737)," *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1, 1990, 90–93.

Kostina T. V., "Ranks of Students in St. Petersburg Academy of Sciences (1725–1732): Questioning Status and Corpus," *St. Tikhon's University Review. Series II. History. History of the Russian Orthodox Church*, 1 (68), 2016, 32–44.

Larin B. A., ed., transl., *Heinrich Wilhelm Ludolf. Russkaia grammatika*. Oksford, 1696, Leningrad, 1937.

Larin B. A., *Tri inostrannykh istochnika po razgovornoj rechi Moskovskoi Rusi XVI–XVII vekov*, St. Petersburg, 2002.

Lazarev Ja., "Odnodvortsy and Direct Taxation in Eighteenth-century Russia: The Role of Non-state Tax Collectors during the Early Modern Period," *Cahiers du monde russe*, 55/3–4, 2014, 215–234.

Levitsky A., *Vasilij Kirillovic Trediakovskij. Psalter 1753. Erstausgabe*, (= Biblia Slavica. Serie 3: Ostslavische Bibeln, 4: Russische Psalmenübertragungen, b. Vasilij Kirillovič Trediakovskij), Paderborn et al., 1989.

Makeeva V. N., *Istoriia sozdaniia "Rossiiskoi grammatiki" M. V. Lomonosova*, Moscow, Leningrad, 1961.

Martynov I. F., *Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR*, 4/2: *Stikhovoreniia, romansy, poemy i dramaticheskie sochineniia, XVII – pervaiia tret' XIX v.*, Leningrad, 1980.

Menshutkin B. N., Anninskiy S. A., eds., "Laboratornyi zhurnal i laboratornye zapisi M. V. Lomonosova," in: *Lomonosov. Sbornik statei i materialov*, 1, Moscow, Leningrad, 1940, 9–65.

Morozov A. A., *M. V. Lomonosov. Put' k zrelosti*. 1711–1741, Moscow, Leningrad, 1962.

Müller G. F., *Izbrannye trudy*, S. S. Ilizarov, ed., Moscow, 2006.

Nikitin O. V., "Vasilii Evdokimovich Adodurov (k 300-letiiu so dnia rozhdeniia)," *Russkii iazyk v shkole (Russian Language at School)*, 5, 2009, 104–110.

Raleva Ts., "[Rev.:] Compendium Grammaticae Russicae. . .," *Bolgarskaia rusistika (Bulgarian Rusistics)*, 3–4, 2005, 87–92.

Rogova A. I., "Stikhovorenie A. S. Pushkina 'Vo glubine sibirskikh rud. . .': (Tekstologicheskie problemy)," *Russkaia literatura*, 4, 1991, 99–114.

Savina O. A., Telkova V. A., "Vasily Antonovich Adodurov—First Russian Academy Associate," *Filologos*, 1–2 (5), 2009, 280–289.

Scholz B., Freidhof G., Kosta P., Schüttrumpf M., Hrsg., *Weismanns Petersburger Lexikon von 1731*, 3:

Grammatischer Anhang, München, 1983.

Sokolov M. M., Titaev K. D., "'Provincial' and 'Indigenous' Scholarship in the Humanities and Social Sciences," *Antropologicheskyy forum*, 19, 2013, 239–275.

Tatsenko T. N., "Paleografii nemetskikh dokumentov XVIII v.," in: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 13, Leningrad, 1982, 293–313.

Unbegaun B. O., *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750*, München, 1969.

Uspenskij B. A., *Pervaia russkaia grammatika na rodnom iazyke. Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki*, Moscow, 1975.

Uspenskij B. A., "K istorii odnoi epigrammy Trediakovskogo (epizod iazykovoii polemiki serediny XVIII v.)," *Russian Linguistics*, 8/2, 1984, 75–127, DOI: 10.1007/BF02529825.

Uspenskij B. A., "Dolomonosovskie grammatiki russkogo iazyka (itogi i perspektivy)," in: *The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language* (= Slavica Suecana. Series B. Studies, 1), Stockholm, 1992, 63–169.

Uspenskij B. A., *Izbrannye trudy*, 3: *Obshchee i slavianskoe iazykoznanie*, Moscow, 1997.

Volkov S. S., Filippov K. A., Kareva N. V., eds., *Vasilii Evdokimovich Adodurov: "Anfangs-Gründe der Russischen Sprache" ili "Pervye osnovaniia russkogo iazyka."* *Formirovanie russkoi grammaticheskoi traditsii*, St. Petersburg, 2014.

Winter E., *Die Pflege der west- und südslavischen Sprachen in Halle im 18. Jahrhundert: Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationwerdens der west- und südslavischen Völker*, Berlin, 1954.

Worth D., "[Rev.:] Compendium Grammaticae Russicae. . .," *Die Welt der Slaven*, 2, 2004, 401–402.

Zhivov V. M., "[Rev.:] Vasilij Kirillovic Trediakovskij, Psalter 1953. . .," *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 50/6, 1991, 551–555.

Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.

Zhivov V. M., *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov*, Moscow, 2004.

Zhivov V. M., "[Rev.:] Compendium Grammaticae Russicae. . .," *Voprosy jazykoznanija*, 1, 2004, 145–151.

Zubkov K. Yu., "Vo glubine sibirskikh rud. . .," in: *Pushkinskaia entsiklopediia. Proizvedeniia*, 1, St. Petersburg, 2009, 272–274.

Андрей Александрович Костин, кан. филол. наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, заведующий
Отделом библиографии и источниковедения
199034 С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Россия/Russia
a.al.kostin@gmail.com

Received December 21, 2015

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВЪНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 5. № 1

Московский педагогический
государственный университет, 2016

Подписано в печать 28 • VIII • 2016 г. Формат 70 x 100 / 16.
Объём 18,75 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ле-
нинский просп., д. 32-А / Московский педагогический
государственный университет. 119991, Москва, ул. Малая
Пироговская, д. 1, стр. 1. Отпечатано в типографии “Белый
ветер”. Москва, ул. Щипок, д. 28, <http://wwprint.ru/>